

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АРМАВИРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ**

**АДМИНИСТРАЦИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ОХРАНЕ, РЕСТАВРАЦИИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НАСЛЕДИЯ)
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

ООО «КУБАНЬОХРАНКУЛЬТУРА»

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

13

**АРМАВИР–КРАСНОДАР–МОСКВА
2015**

ББК 63.4(2Р37)+63.(2Р37)
И90

**Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Р.М. МУНЧАЕВ (отв. редактор),
С.Б. ВАЛЬЧАК, А.В. ПЬЯНКОВ, (отв. секретари),
А.Н. ГЕЙ, Н.И. ГУЛЬЧЕНКО, Г.Г. ДАВЫДЕНКО,
Р.В. ЗАСУХИН, А.П. ЛОПАТИН, С.Н. МАЛАХОВ,
О.Н. МЕЛЬНИКОВА, С.В. ОЛЬХОВСКИЙ.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

к.и.н. С.В. Демиденко
к.и.н. А.Ю. Скаков

Историко-археологический альманах. Вып. 13 — Армавир, Краснодар, Москва,
2015 — XXX с.

В альманахе публикуются статьи по археологии, истории, этнологии и музееведению, тематика которых связана с разработкой актуальных проблем древней, средневековой, новой и новейшей истории юга России и Восточной Европы.

Для археологов, историков, музейных работников, искусствоведов, преподавателей и студентов вузов, а также всех, кто интересуется историей народов юга Восточной Европы и Кавказа.

ISBN 978-5-902830-43-6 (ИП Н. Н. Вольная)

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии РАН, 2015 г.
© Армавирский краеведческий музей, 2015 г.

ОТ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Представляю вам, дорогие читатели, тринадцатый выпуск «Историко-археологического альманаха», подготовленный в 2014–2015 годах Армавирским краеведческим музеем и Институтом археологии Российской академии наук при поддержке Управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края.

Данный выпуск продолжает традиционную серию, рассматривающую различные проблемы истории и археологии юга России и соседних регионов. С 1995-го по 2012 год было выпущено двенадцать выпусков, которые известны не только в России, но и среди наших коллег из других стран.

Авторский коллектив этих выпусков помимо сотрудников Армавирского краеведческого музея и ИА РАН включал сотрудников центральных научно-исследовательских учреждений (ИА НАН Украины, Российского НИИ культурного и природного наследия), музеев г. Москвы (ГИМ, ГМИИ им. А.С. Пушкина, ГМБ), а также сотрудников различных научных учреждений и музеев, преподавателей и аспирантов вузов (академий, университетов, институтов) практически из всех регионов Северного Кавказа, европейской части России, Украины, Абхазии и других стран. В данном выпуске представлены 19 статей, которые были подготовлены 24 авторами, сотрудниками научных учреждений, музеев, преподавателями вузов и краеведами.

Структура предлагаемого выпуска состоит из двух разделов.

В раздел «Археология» включено 10 статей по различным проблемам археологии широкого хронологического диапазона: от бронзового века до эпохи средних веков. Авторы этих работ вводят в научный оборот новые археологические материалы, сообщают о проведенных в последние и давно прошедшие годы раскопках археологических памятников и предлагают пути решения ряда важных научных проблем. Боль-

шинство статей этого раздела касаются традиционной для «Альманаха» северокавказской тематики и в основном освещают актуальные проблемы археологии Северо-Западного Кавказа. Представленные авторами материалы эпохи бронзы, раннего железного века и периода средневековья в большинстве своём посвящены археологическим памятникам и находкам, которые пополняют и развивают некоторые важные направления в изучении археологии на Северном Кавказе и в сопредельных регионах Восточной Европы. Публикация представленных статей, несомненно, расширит наши представления о древней и средневековой истории, культуре народов Северного Кавказа и России в целом.

Раздел «История и музееведение» включает 9 статей. Эти работы исследователей освещают вопросы реконструкции контактов Кавказа и Степи в раннем средневековье, а также разнообразные сюжеты истории Кавказа в XIX и XX веках.

Предлагаемые в этом выпуске «Альманаха» статьи представляют немалый интерес не только для специалистов — археологов, этнографов, историков, музееведов, но и для широкого круга читателей, интересующихся прошлым юга России.

Перед вами, дорогие читатели и исследователи, — результаты работ по археологии, истории и этнографии, материальной и духовной культуре народов одного из интереснейших регионов России, к которому будут обращаться все те, кто интересуется историей Кавказа и всего юга Восточной Европы.

*Р.М. МУНЧАЕВ,
член-корреспондент РАН*

АРХЕОЛОГИЯ

Л.Н. ВОДОЛАЖСКАЯ, П.А. ЛАРЕНОК, М.Ю. НЕВСКИЙ

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ СРУБНОГО ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ТАВРИЯ-1¹

В 1991–1992 годах Таганрогской археологической экспедицией под руководством П.А. Ларенка проводились археологические исследования курганного могильника Таврия-1 в Неклиновском районе Ростовской области недалеко от хутора Таврического (Ларенок П.А., 1998, с.62). В процессе раскопок в срубном погребении 2 кургана 1 могильника Таврия-1 была обнаружена уникальная плита перекрытия, на которой были выбиты два круга лунок (рис.1). Погребение и плита датируются XV–XIII веками до н.э. Благодаря этим кругам из лунок плита была определена как алтарь или жертвенник. Тогда же Е.И. Беспалым и П.А. Ларенком впервые было высказано предположение об астрономическом назначении кругов из лунок.

Курган 1 могильника Таврия-1 представлял собой округлое в плане, несколько вытянутое в меридиональном направлении, всхолмление диаметром около 20–30 м и высотой около 2,2 м. Курган был сооружен на естественном возвышении над двумя погребениями бронзового века, в перекрытии одного из которых — погребения 2 — и была обнаружена плита с лунками. Глубина погребения 2 была 3,55 м. Могильная яма была перекрыта сложным каменным закладом. Он прослеживался с глубины 2–2,15 м. В плане имел неправильную овальную форму: 2,5 x 1,8 м. Заклад был ориентирован длинной осью по линии СВ — ЮЗ и состоял из центральной плиты, перекрывавшей могильную яму. Ее размеры: 1,45 x 1,0 x 0,15 м. По периметру могильной ямы была сделана кольцевая оградка из небольших плитчатых камней, уложенных в 2–3 ряда по вертикали. Камни оградки частично сползли на центральную плиту. К северу и югу от заклада на уровне

погребенной почвы прослежен глинистый материковый выкид. Глубина — 2,30–2,55 м. Камни оградки частично перекрывали выкид. На центральной плите заклада, на внешней ее стороне, были зафиксированы две окружности, составленные из округлых в плане лунок. Диаметр окружностей был около 0,3–0,4 м. Диаметр лунок — 3–4 см.

Могильную яму кроме плиты перекрывал еще заклад из камыша и дерева, тлен которых был отмечен под верхними камнями оградки. На дне могильной ямы прослеживались остатки камышовой подстилки.

Костяк мужчины около 50 лет лежал скорченно на левом боку, ориентирован черепом на СВ. Кости рук согнуты в локтевых суставах, кисть левой — перед лицевой частью черепа, кисть правой — на грудной клетке перед черепом. Кости ног подогнуты влево. За черепом с СЗ лежал лепной сосуд, обращенный устьем к ЮВ (рис.2а). Поверхность серовато-коричневая, темная, закопченная. Черепок в изломе черный, в тесте мелкий шамот и известковые включения. По ребру сосуда — орнамент в виде горизонтального ряда пальцевых вдавлений. В сосуде прослежен тлен горелой органической массы. У кисти левой руки с юга найден астрагал барана (рис.2с). Еще один астрагал был в заполнении ямы. За костями таза к ССЗ лежал камень — известняк неправильной формы (рис.2b). На дне ямы отмечены пятна охры: под сосудом, под кистью левой руки. Также под костями были отмечены пятна коричневого тлена.

Плита перекрытия из светло-серого песчаника имеет неправильную, слабо выраженную V-образную форму с обби-

Рис. 1. Курганный могильник Таврия-1, курган 1, погребение 2, плита перекрытия с лунками на месте обнаружения (фото Ларенок П.А., 1991 год)

тремя грубо закругленными углами. Наибольшие размеры плиты — 85 x 164 см, толщина около 20 см. Лунки нанесены с одной стороны плиты. Первоначально на поверхности плиты были выбиты два круга из лунок. Однако из-за хранения плиты вне крытого помещения большая часть одного из кругов, к сожалению, была утрачена, а сама плита получила трещину. Плита находилась на охраняемой территории Археологического музея-заповедника «Танаис», поэтому была защищена от мелких повреждений, которые могли бы нанести обычные посетители. Возникновение трещины было связано со случайным наездом на плиту автомобиля, а большой круг поврежден (соскоблен) при неудачном маневрировании трактора поблизости от плиты. Теперь мы можем увидеть большой круг из лунок только на фотографии 1991 года (рис.1). Несмотря на полученные повреждения, многие лунки на плите достаточно хорошо различимы и поддаются анализу (рис.3).

Лунки или чашевидные знаки присутствуют в наскальной живописи на всех континентах со времен палеолита. Однако до сих пор не существует единого мнения по поводу их интерпретации. Иногда небольшие чашевидные знаки обнаруживают на плитах цист, коридорных гробниц, доль-

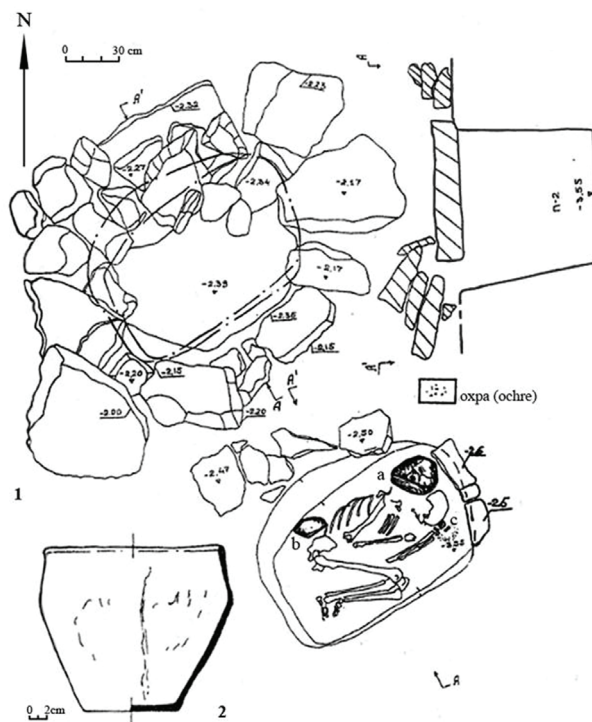

Рис. 2. Курганный могильник Таврия-1, курган 1: 1 — погребение 2, а — сосуд, б — камень, известняк неправильной формы, с — астрагал барана; 2 — погребение 2, сосуд.

Пунктирной линией обозначен приблизительный контур плиты перекрытия с лунками

менов и древних кладбищ. Например, в Азербайджане существует традиция, когда местные жители в весенний праздник Навруз кладут в такие углубления проросшую пшеницу или сладости как дар духам умерших (Farafova M., 2007, p.128).

Отличительной особенностью композиции из лунок на плите из Таврии-1 является явная упорядоченность и симметрия в размещении лунок. Это позволило нам предположить, что композиция из лунок не только связана с солярной символикой, но и является инструментом для измерения времени — солнечными часами. Известно, что в европейских странах долгое время существовала традиция размещать на могилах солнечные часы (Пипуныров В.Н., 1982, с.69). Изображение солнечных часов было также обнаружено и в гробнице Сети I (около 1300 года до н.э.) в Египте (Пипуныров В.Н., 1982, с.21).

Лунки на плите перекрытия из срубного погребения курганного могильника

Рис. 3. Курганный могильник Таврия-1, курган 1, погребение 2, плита перекрытия с лунками (фото Водолажского Д.И., 2014 год)

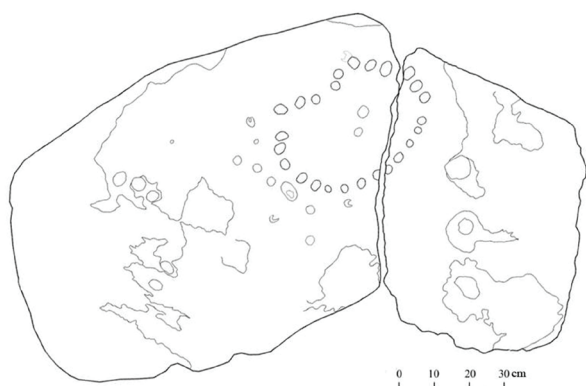

Рис. 4. Курганный могильник Таврия-1, курган 1, погребение 2, плита перекрытия с лунками, чертеж поверхности плиты

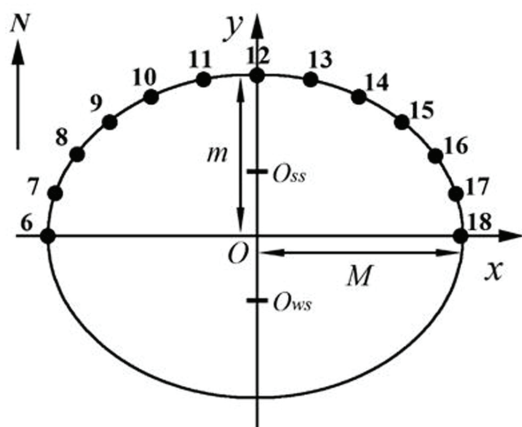

Рис. 5. Координатная плоскость с часовыми метками от 6 до 18 часов. M — большая полуось эллипса, m — малая полуось эллипса, O — центр эллипса, O_{ws} — положение гномона в день зимнего солнцестояния для аналемматических часов, O_{ss} — положение гномона в день летнего солнцестояния для аналемматических часов

Таврия-1 были расположены по кругу, поэтому мы предположили, что они могли являться часовыми метками аналемматических часов аналогично лункам на плите из Попова Яра (Vodolazhskaya L. N., 2013, p.68–88).

Круг из лунок на плите из Таврии-1 имеет два выступа — «кошачьи уши» (рис.4). Мы предположили, что они были сделаны с целью задания оси симметрии.

В соответствии с этим предположением мы провели вертикальную ось Y посередине между двумя выступами. При этом ось прошла через одну из центральных лунок круга. Приняв ее за возможный центр аналемматических часов, в котором устанавливали гномон в дни равноденствия, мы провели через нее горизонтальную ось X . Так как рабочая часть аналемматического «циферблата» должна представлять собой эллипс, мы соотнесли «кошачьи уши» с его южной — нерабочей частью.

Для верхней части получившегося эллипса измеренная большая полуось (восточная) равна $M_1 \approx 19$ см по внутреннему краю лунки и $M_2 \approx 22$ см по внешнему краю лунки. Измерению малой полуоси мешала трещина. Измеренная малая полуось (северная) $m_1 \approx 12,5$ см по внутреннему краю лунки и $m_2 \approx 14,8$ см по внешнему краю лунки. В аналемматических часах эти величины связаны. Зная большую полуось эллипса M по формуле 1, можно рассчитать малую полуось m . Для большой полуоси $M = 19,0$ см рассчитанная малая полуось будет $m = 14,0$ см. Это значение приблизительно равно измеренной величине, что свидетельствует в пользу того, что лунки на плите из Таврии-1 могли являться часовыми метками аналемматических часов.

Координаты часовых меток и координаты гномона для аналемматических часов были рассчитаны нами по следующим формулам (Vodolazhskaya L. N., 2013, p.68–88):

$$m = M \cdot \sin \varphi, \quad (1)$$

$$x = M \cdot \sin H, \quad (2)$$

$$y = M \cdot \sin \varphi \cdot \cos H, \quad (3)$$

$$Z_{ws} = M \cdot \operatorname{tg} \delta_{ws} \cdot \cos \varphi, \quad (4)$$

$$Z_{ss} = M \cdot \operatorname{tg} \delta_{ss} \cdot \cos \varphi, \quad (5)$$

$$H' = \operatorname{arctg} \left(\frac{\operatorname{tg} H}{\sin \varphi} \right), \quad (6)$$

$$H = 15^\circ \cdot (t - 12)$$

где x — координата точки по оси X для аналемматических часов, y — координата точки по оси Y для аналемматических часов, $M \approx 19$ см — измеренная большая полуось эллипса, φ — широта местности, H — часовой угол Солнца, H' — угол между полуденной линией и часовой линией на часах, $\delta_{ws} = -\varepsilon$ — склонение Солнца в день зимнего солнцестояния, $\delta_{ss} = \varepsilon$ — склонение Солнца в день летнего солнцестояния, $y = Z_{ws}$ — в день зимнего солнцестояния, $y = Z_{ss}$ — в день летнего солнцестояния (рис. 5).

Результаты наших расчетов координат x и y часовых меток аналемматических часов для широты Таврии-1 $Lat = 47^\circ 17' N$ по формулам 2 и 3 приведены в Таблице 1. Рассчитанное по формуле 4 положение гномона в день зимнего солнцестояния $Z_{ws} = -5,7$ см. Рассчитанное по формуле 5 положение гномона в день летнего солнцестояния $Z_{ss} = 5,7$ см. В день равноденствия гномон находится в центре координат.

Для сравнения расположения лунок с аналемматическими часами с большой полуосью той же длины $M \approx 19$ см, но для других широт нами были проведены расчеты часовых меток для широт $Lat = 41^\circ 00' N$

(табл. 2) и $Lat = 35^\circ 00' N$ (табл. 3). Расположение всех рассчитанных часовых меток относительно лунок плиты перекрытия отражено на рисунке 6.

Часовые линии аналемматических часов, в соответствии с рассчитанными углами и метками (табл. 1), были нанесены на чертеж фрагмента плиты с лунками (рис.6). Центр часовых линий, являющийся местом крепления гномона в день равноденствия, соответствует центру эллипса — точке O с координатами $(0;0)$. Гномон аналемматических часов представляет собой вертикальный стержень, который перемещается вдоль оси Y на протяжении года между точками O_{ws} и O_{ss} . Такой гномон должен был легко переставляться, поэтому, скорее всего, представлял собой своеобразный аналог шахматной фигуры, например, тонкий деревянный стержень, воткнутый в коническое пряслице. На рисунке 7 часовые линии для дней равноденствия выделены красным цветом. Координаты концов этих линий — точки красного цвета — имеют координаты рассчитанных часовых меток для широты Таврии-1 (табл.1). Пунктирные линии на рисунке 6 являются гипотетическими часовыми линиями в диапазоне от 18 часов вечера до 6 часов утра, т. к. в равноденствие этот временной диапазон не является рабочим. На рисунке 7 оранжевые точки отмечают расположение часовых меток для широты $Lat = 41^\circ 00' N$, а желтые точки — для широты $Lat = 35^\circ 00' N$.

На рисунке 6 видно, что часовые метки, соответствующие широте обнаружения плиты $Lat = 47^\circ 17' N$, неплохо совпадают (в пер-

Таблица 1. Координаты часовых меток аналемматических часов для $Lat = 47^\circ 17' N$.

H — часовой угол Солнца, H' — угол между полуденной линией и часовой линией на часах, t — время, x — координата часовой метки по оси X , y — координата часовой метки по оси Y

	t (час)												
	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
H (°)	-90,0	-75,0	-60,0	-45,0	-30,0	-15,0	0,0	15,0	30,0	45,0	60,0	75,0	90,0
H' (°)	-90,0	-78,9	-67,0	-53,7	-38,2	-20,0	0,0	20,0	38,2	53,7	67,0	78,9	90,0
x (см)	-19,0	-18,4	-16,5	-13,4	-9,5	-4,9	0,0	4,9	9,5	13,4	16,5	18,4	19,0
y (см)	0,0	3,6	7,0	9,9	12,1	13,5	14,0	13,5	12,1	9,9	7,0	3,6	0,0

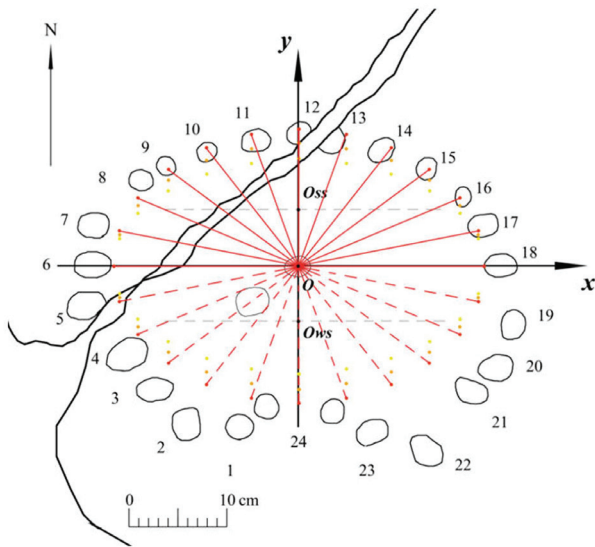

Рис. 6. Курганный могильник Таврия-1, курган 1, погребение 2, плита перекрытия, фрагмент с лунками с нанесенными часовыми линиями аналемматических часов для широты Таврии-1 (красный цвет). Часовые метки для широты $41^{\circ}00'$ N обозначены оранжевым цветом, а для широты $35^{\circ}00'$ N — желтым цветом

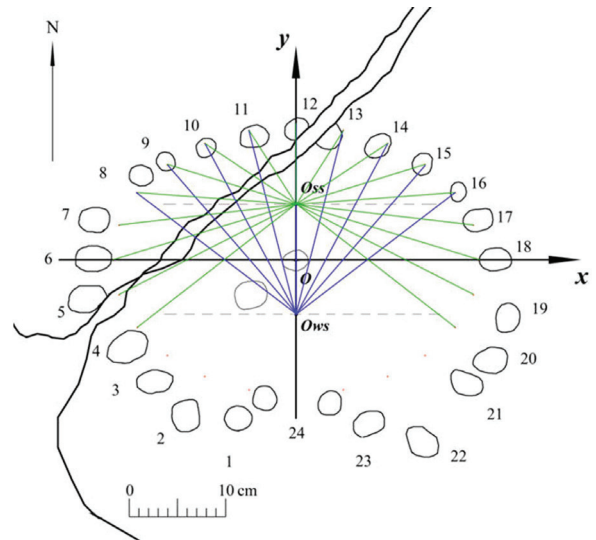

Рис. 7. Курганный могильник Таврия-1, курган 1, погребение-2, плита перекрытия, фрагмент с лунками с нанесенными часовыми линиями аналемматических часов для широты Таврии-1; линии синего цвета — часовые линии в зимнее солнцестояние, линии зеленого цвета — часовые линии в летнее солнцестояние.

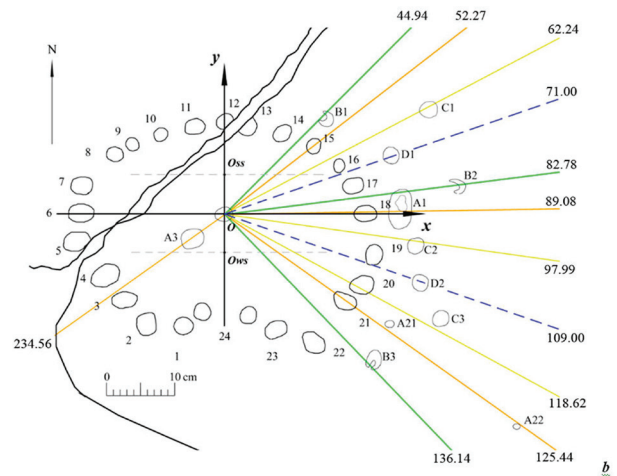

Рис. 8. Курганный могильник Таврия-1, курган 1, погребение 2, плита перекрытия: а — фотография фрагмента плиты с лунками (вид с СВ), б — чертеж фрагмента плиты с нанесенными на него лунками и астрономически значимыми направлениями

вую очередь, в рабочем диапазоне от 6 до 18 часов по истинному солнечному времени) с лунками на плите, совпадают значительно лучше, чем метки, рассчитанные для более южных широт. Такое совпадение также подтверждает предположение о том, что лунки на плите из Таврии-1 являются часовыми

метками аналемматических часов, изготовленных на широте обнаружения плиты.

Исключением среди меток является только метка, соответствующая 24 часам. Она располагается почти точно посередине между двумя лунками и относится к нерабочему диапазону, поэтому такое несовпадение

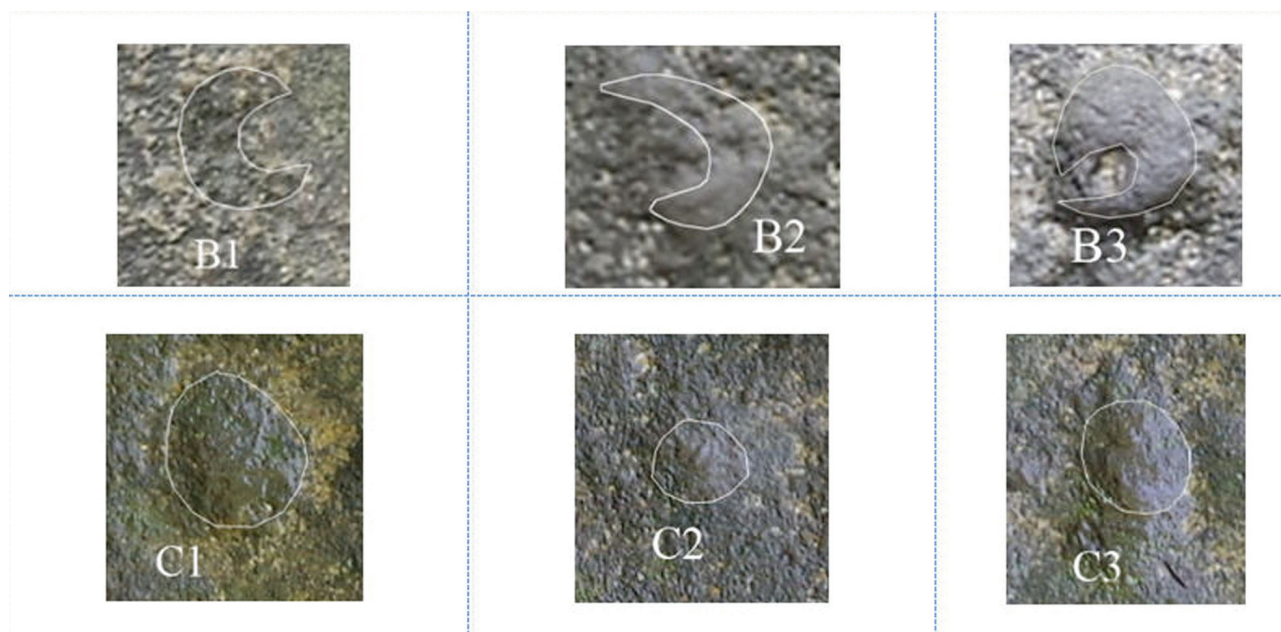

Рис. 9. Курганный могильник Таврия-1, курган 1, погребение 2, плита перекрытия, лунки, связанные с направлениями на восход Высокой (B1, B2, B3) и Низкой (C1, C2, C3) Луны. Белая линия служит приблизительным контуром для лунок

часовой метки с лунками мы рассматриваем как заранее спланированное и, возможно, призванное скрыть технологию определения времени с помощью аналемматических часов от непосвященных людей.

Для правильной работы аналемматических часов для широты $47^{\circ}17' N$ в день летнего солнцестояния гномон аналемматических часов должен устанавливаться на линии SS, проходящей через точку O_{ss} (0; 5,7), а в день зимнего солнцестояния — на линии WS, проходящей через точку O_{ws} (0; -5,7) (рис. 5). Длительность светового дня летом самая большая, поэтому часовые линии охватывают максимальный часовой диапазон — от 4 до 20 часов. Длительность дня зимой короче, поэтому часовые линии будут охватывать меньший часовой диапазон, примерно, от 8 до 16 часов (рис.7).

В случае плиты из Таврии-1 линия, проходящая через точку O_{ws} , почти касается второй круглой лунки, расположенной внутри эллипса. Таким образом, эта лунка (южный край) служит маркером для линии, проходящей через точку O_{ws} , в которой необходимо устанавливать гномон аналемматических солнечных часов в день зимнего солнцестояния. Такое совпадение также свидетельствует в пользу интерпретации

круговых лунок на плите из Таврии-1 как аналемматических солнечных часов.

Восточнее круга из лунок на поверхности плиты можно различить еще несколько разрозненных лунок, выполненных в похожей технике. У большинства из этих лунок глубина несколько меньше, и они отличаются друг от друга по форме (рис. 8). Мы предположили, что эти разрозненные лунки могли быть связаны с астрономически значимыми направлениями.

Для проверки этого предположения нами были вычислены азимуты восходов и заходов Солнца в дни равноденствий и солнцестояний, а также азимуты Высокой и Низкой Луны. Расчеты азимутов восхода и захода проводились по формулам (Kelley D., Milone E., 2005, p.21):

$$\cos A_r = \frac{\sin \delta - \sin \varphi \cdot \sin h}{\cos \varphi \cdot \cos h}, \quad (7)$$

$$A_s = 360^{\circ} - A_r, \quad (8)$$

где A_r — азимут восхода светила, отсчитываемый от севера к востоку (геодезический), A_s — азимут захода светила, δ — склонение светила, h — высота светила над горизонтом, φ — географическая широта.

Таблица 2. Координаты часовых меток аналемматических часов для $Lat = 41^{\circ}00'N$.

H — часовой угол Солнца, H' — угол между полуденной линией и часовой линией на часах, t — время, x — координата часовой метки по оси X , y — координата часовой метки по оси Y .

	t (час)												
	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
H (°)	-90,0	-75,0	-60,0	-45,0	-30,0	-15,0	0,0	15,0	30,0	45,0	60,0	75,0	90,0
H' (°)	-90,0	-80,0	-69,3	-56,7	-41,3	-22,2	0,0	22,2	41,3	56,7	69,3	80,0	90,0
x (см)	-19,0	-18,4	-16,5	-13,4	-9,5	-4,9	0,0	4,9	9,5	13,4	16,5	18,4	19,0
y (см)	0,0	3,2	6,2	8,8	10,8	12,0	12,5	12,0	10,8	8,8	6,2	3,2	0,0

Высота светила в момент восхода (захода) рассчитывалась на верхний край диска:

$$h = -R - \rho + p, \quad (9)$$

где R — угловой радиус светила, ρ — рефракция на горизонте, p — горизонтальный параллакс светила (Потемкина Т. М., Юревич В. А., 1998, с.19). Для Солнца и для Луны принимаем $R=16'$, $\rho=35'$ (Абалакин В.К., 1981, с.44):

$$p = \arcsin \frac{r}{l}, \quad (10)$$

где $r=6,378 \times 10^6$ м — расстояние от центра Земли до наблюдателя на ее поверхности, l — среднее расстояние от центра Земли до центра небесного тела. Для Солнца $l=1,496 \times 10^{11}$ м, $\rho=8,8''$. Для Луны $l=3,844 \times 10^8$ м, $\rho=57'$ (Монтенбрук О., Пфлегер Т., 2002, с.33).

В дни летнего солнцестояния склонение Солнца равно углу наклона эклиптики к небесному экватору ε , который рассчитывается с помощью формул (Монтенбрук О., Пфлегер Т., 2002, с.35):

$$\varepsilon = 23.43929111^{\circ} - 46.8150'' \cdot T - 0.00059'' \cdot T^2 + 0.001813 \cdot T^3, \quad (11)$$

$$T \approx \frac{(y-2000)}{100}, \quad (12)$$

где T — число юлианских столетий, отделяющих эпоху от полудня 1 января 2000 года, y — год нужной эпохи. В дни зимнего солнцестояния склонение Солнца $\delta=-\varepsilon$, а в дни равноденствий — $\delta=0$. Наклон плоскости лунной орбиты к эклиптике принимаем $i \approx 5,145^{\circ}$.

Склонение Высокой Луны в летнее солнцестояние $\delta=\varepsilon+i$, в зимнее солнцестояние — $\delta=-\varepsilon-i$, в равноденствие — $\delta=i$. Склонение Низкой Луны в летнее солнцестоя-

ние $\delta=\varepsilon-i$, в зимнее солнцестояние — $\delta=-\varepsilon+i$, в равноденствие — $\delta=-i$.

Рассчитанный нами по формуле 11 угол наклона эклиптики к небесному экватору для 1200 г. до н.э. — $\varepsilon=23^{\circ}50'20''$. Результаты наших расчетов азимутов восхода и захода Солнца по формуле 7 для астрономически значимых событий представлены в таблице 4.

Результаты расчетов азимутов восхода и захода Высокой и Низкой Луны по формуле 7 представлены в таблице 5.

Для наблюдения светил в заданном направлении всегда необходимы два визира. Мы предположили, что роль одного из визиров мог выполнять гномон аналемматических часов, устанавливаемый в центральной лунке, соответствующей месту размещения гномона в дни равноденствия (точка O). Вторым визиром мог быть аналогичный гномуно предмет, который устанавливали непосредственно в лунки, расположенные восточнее аналемматических часов. Линии, соответствующие рассчитанным астрономически значимым направлениям (табл.4; 5), были изображены исходящими из центральной точки O , соответствующей первому визиру (рис.8).

На рисунке 8 индексом А1 обозначена лунка, соответствующая азимуту восхода Солнца в равноденствие, А21 — восхода Солнца в зимнее солнцестояние, А22 — восхода Солнца в зимнее солнцестояние, А3 — захода Солнца в зимнее солнцестояние (восхода Солнца в летнее солнцестояние), О — месту установки гномона аналемматических часов в день равноденствия (одного из визиров), В1 — самого северного восхода Высокой Луны, В2 — восхода Высокой Луны

Таблица 3. Координаты часовых меток аналемматических часов для $\text{Lat} = 35^{\circ}00' \text{ N}$.

H — часовой угол Солнца, H' — угол между полуденной линией и часовой линией на часах, t — время, x — координата часовой метки по оси X , y — координата часовой метки по оси Y .

	t (час)												
	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
$H(0)$	-90,0	-75,0	-60,0	-45,0	-30,0	-15,0	0,0	15,0	30,0	45,0	60,0	75,0	90,0
$H'(0)$	-90,0	-81,3	-71,7	-60,2	-45,2	-25,0	0,0	25,0	45,2	60,2	71,7	81,3	90,0
x (см)	-19,0	-18,4	-16,5	-13,4	-9,5	-4,9	0,0	4,9	9,5	13,4	16,5	18,4	19,0
y (см)	0,0	2,8	5,4	7,7	9,4	10,5	10,9	10,5	9,4	7,7	5,4	2,8	0,0

в день равноденствия, ВЗ — самого южного восхода Высокой Луны, С1 — самого северного восхода Низкой Луны, С2 — восхода Низкой Луны в день равноденствия, С3 — самого южного восхода Низкой Луны, D1 и D2 — лунки, не имеющие корреляции с восходами/заходами светил. Астрономически значимые направления, связанные с Солнцем, обозначены оранжевым цветом, связанные с Высокой Луной — зеленым цветом, связанные с Низкой Луной — желтым цветом, не имеющие связи с восходом светил — синим цветом.

Все линии, соответствующие рассчитанным нами астрономически значимым направлениям и связанные с восточным сектором неба, проходят через лунки, кроме линии, соответствующей направлению, связанному с восходом Солнца в день летнего солнцестояния. Однако приблизительно на продолжении этой линии, но в западном секторе аналемматических часов расположена лунка АЗ, которую мы сопоставили с направлением на заход Солнца в день зимнего солнцестояния. Эту лунку можно было использовать для установки второго визира и наблюдать объекты с не-

большой погрешностью в обоих направлениях: заход Солнца в день зимнего солнцестояния (ОАЗ) и восход Солнца в день летнего солнцестояния (АЗО) (рис. 8).

Лунки А21 и А22 меньше остальных лунок, и их диаметр не превышает 1 см. Линия, соответствующая восходу Солнца в день зимнего солнцестояния и проходящая через центр аналемматических часов, проходит между этими лунками (рис.8b). За счет теней, отбрасываемых гномонами, при их установке в этих лунках в момент восхода Солнца на плите будет возникать тонкая освещенная полоса, проходящая через центр солнечных часов. Мы считаем, что эта особенность могла быть использована для выбора и разметки центра солнечных часов.

Так как длительность светового дня зимой самая маленькая, а высота Солнца в верхней кульминации минимальна, то маленький размер этих лунок мог символизировать «маленькое» Солнце (Солнце «зернышко»).

В таком случае большая лунка АЗ, которую можно соотнести и с восходом Солнца в летнее солнцестояние, может симво-

Таблица 4. Азимуты Солнца в моменты его восхода (захода) в дни равноденствий и солнцестояний, рассчитанные на верхний край видимого диска Солнца; h — высота Солнца, δ — склонение Солнца, A — азимут Солнца.

Явление	h (°)	δ (°)	A (°)
Летнее солнцестояние, восход Солнца	-0,85	23,84	52,27
Равноденствие, восход Солнца	-0,85	0,00	89,08
Зимнее солнцестояние, восход Солнца	-0,85	-23,84	125,44
Летнее солнцестояние, заход Солнца	-0,85	23,84	307,73
Равноденствие, заход Солнца	-0,85	0,00	270,92
Зимнее солнцестояние, заход Солнца	-0,85	-23,84	234,56

Таблица 5. Азимуты Высокой и Низкой Луны в моменты ее восхода (захода), рассчитанные на центр видимого диска Луны; h — высота Луны, δ — склонение Луны, A — азимут Луны

Явление	h (°)	δ (°)	A (°)
Самый северный восход Высокой Луны	0,35	28,99	44,94
Самый южный восход Высокой Луны	0,35	-28,99	136,14
Самый северный восход Низкой Луны	0,35	18,69	62,24
Самый южный восход Низкой Луны	0,35	-18,69	118,62
Самый северный заход Высокой Луны	0,35	28,99	315,06
Самый южный заход Высокой Луны	0,35	-28,99	223,86
Самый северный заход Низкой Луны	0,35	18,69	297,76
Самый южный заход Низкой Луны	0,35	-18,69	241,38
Восход Высокой Луны в день равноденствия	0,35	5,15	82,78
Восход Низкой Луны в день равноденствия	0,35	-5,15	97,99
Заход Высокой Луны в день равноденствия	0,35	5,15	277,22
Заход Низкой Луны в день равноденствия	0,35	-5,15	262,01

лизировать, за счет своего расположения в западном секторе (связанном с заходом светил), максимальную длительность светового дня, который начинает уменьшаться, т. е. начало «умирания» Солнца.

Лунка A1, связанная с восходом Солнца в равноденствие напоминает короткую канавку. Скорее всего, это связано с быстрым видимым движением Солнца вблизи даты равноденствия и, как следствие, с трудностью определения на практике момента (дня) равноденствия и, соответственно, точного азимута восхода Солнца в день равноденствия.

Лунки, пересекаемые линиями, связанными с Высокой Луной, с нашей точки зрения, напоминают по форме полумесяц. Лунки, связанные с Низкой Луной, имеют круглую форму (рис.9). Неясно, почему форму полумесяца сопоставили именно с Высокой Луной, но такое разделение по

форме лунок можно рассматривать как еще одно свидетельство в пользу существования у срубного населения представлений о Высокой и Низкой Луне.

В процессе исследования мы выяснили, что две лунки D1 и D2 не связаны ни с одним из рассчитанных астрономических направлений. Однако вместе с соседними лунками, соотносимыми с астрономически значимыми направлениями, они выстраиваются в хорошо заметную линию, что, с нашей точки зрения, свидетельствует и об их астрономическом назначении.

Кроме восхода и захода светил наиболее ярким и легко заметным астрономическим явлением является изменение на протяжении года высоты Солнца в верхней кульминации. Для проверки гипотезы о возможной связи лунок с этим явлением мы измерили азимуты лунок D1 и D2: $A_{D1} \approx 710$, $A_{D2} \approx 1090$, и проанализировали

Таблица 6. Высота Солнца в верхней кульминации. A — азимут восхода Солнца, h — высота Солнца в верхней кульминации

	A (°)	h (°)	Астрономическое событие	Дата для 1200 г. до н.э.
1	125,44	18,9	День зимнего солнцестояния	31.12
2	109,00	29,7	—	25.02
3	89,08	42,8	День весеннего равноденствия	01.04
4	71,00	55,0	—	04.05
5	52,27	66,5	День летнего солнцестояния	04.07
6	71,00	55,0	—	02.09
7	89,08	43,0	День осеннего равноденствия	04.10
8	109,00	29,3	—	07.11

высоту Солнца в верхней кульминации в дни, когда азимут восхода Солнца совпадает с азимутами этих лунок (таб. 6). Для дат с заданными азимутами восхода Солнца были проведены расчеты высоты Солнца в верхней кульминации. Расчеты проводились для 1200 г. до н.э. с помощью астрономической программы RedShift-7 Advanced для географических координат Таврии-1.

Анализируя рассчитанную высоту Солнца в верхней кульминации, мы выявили закономерность, связанную с лунками D1 и D2. Высота Солнца в верхней кульминации в дни, когда Солнце восходит в направлении с азимутами лунок D1 и D2, равна среднему значению между высотами в ближайший предшествующий и последующий дни солнцестояния и равноденствия с погрешностью ≈ 10 .

Например, 25.02.1200 г. до н.э. Солнце в верхней кульминации имеет высоту $h_{D2} = 29,7^\circ$, высота Солнца в верхней кульминации в день зимнего солнцестояния $h_{ws} = 18,9^\circ$, а в день весеннего равноденствия $h_{eq} = 42,8^\circ$. Тогда $(h_{ws} + h_{eq})/2 = 30,9^\circ \approx h_{D2}$. А, 04.05.1200 г. до н.э. Солнце в верхней кульминации имеет высоту $h_{D1} = 55^\circ$. Высота Солнца в верхней кульминации в день летнего солнцестояния $h_{ss} = 66,5^\circ$, а в день весеннего равноденствия $h_{eq} = 42,80$. Тогда $(h_{eq} + h_{ss})/2 = 54,7^\circ \approx h_{D1}$.

Размещение в непосредственной близости к аналемматическим солнечным часам связанной с ними группы маркеров восхода светил могло служить для определения направления перемещения гномона аналемматических солнечных часов для их правильного функционирования на протяжении года. Такое расположение лунок может рассматриваться как промежуточный этап разработки аналемматических солнечных часов и, следовательно, как возможное доказательство местного происхождения и самой идеи аналемматических солнечных часов и технологии измерения времени с их помощью.

Второй круг из лунок на плите не был нами интерпретирован, т.к. масштабы повреждения восточного края плиты не по-

зволили сделать достоверный анализ расположения этих лунок. Не удалось нам сопоставить с астрономическими направлениями и три большие чашевидные ямки на западном краю плиты. Несмотря на их хорошую сохранность, линия, на которой они располагаются, не совпадает с достаточной точностью ни с одним из рассчитанных нами астрономических направлений. Приблизительно ее можно сопоставить с направлением на восход Солнца в летнее солнцестояние или заход Солнца в зимнее солнцестояние. Во многих традициях эти дни считались праздниками, поэтому, возможно, три большие лунки были емкостями для праздничных жертвоприношений.

Таким образом, в результате нашего исследования был проведен анализ пространственного расположения лунок на плите перекрытия из срубного погребения курганного могильника Таврия-1. В процессе исследования были выявлены две взаимосвязанные группы лунок. Первая группа лунок была интерпретирована нами как аналемматические солнечные часы, а вторая группа — как маркеры астрономически значимых направлений. Нами был разработан и описан в статье способ, которым в древности могли определять даты солнцестояний и равноденствий с помощью гномона аналемматических солнечных часов и подвижных визиров, устанавливаемых в лунках, относящихся ко второй группе. Плита с лунками из Таврии-1 позволяла следить за движением светил, определять дату на протяжении года относительно солнцестояний и/или равноденствий и измерять время с помощью аналемматических солнечных часов, а также, возможно, проводить другие наблюдения в поисках закономерности видимого движения не только Солнца, но и Луны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Авторы статьи выражают искреннюю благодарность Вере Алексеевне Ларенок и Валерию Федоровичу Чесноку за поддержку исследований, а также благодарят администрацию и сотрудников Археологического музея-заповедника в Таврии-1.

логического музея-заповедника «Танаис» за хранение многие годы на своей территории уникальной плиты из курганного могильника Таврия-1.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалакин В.К., 1981.* Астрономический календарь. Постоянная часть. — М.: Наука.
- Ларенок П.А., 1998.* Курганные могильники Таврия 1–3 // Курганы Северо-Восточного Приазовья: Каталог (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области). Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции, Вып. III. — Ростов н/Д: ТЛИАМЗ. ТАЭ.
- Монтенбрук О., Пфлеггер Т., 2002.* Астрономия на персональном компьютере. — СПб.: Питер.
- Пипуныров В. Н., 1982.* История часов с древнейших времен до наших дней. — М.: Наука.
- Потемкина Т. М., Юревич В. А., 1998.* Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). — М.: изд. ИА РАН.
- Farajova M., 2007.* Cupules of Gobustan. — Baku.
<http://unesdoc.unesco.org/images/0016/001600/160044m.pdf>
- Kelley D., Milone E., 2005.* Exploring Ancient Skies: An Encyclopedic Survey of Archaeoastronomy». — New York: Springer-NY.
- Vodolazhskaya L., 2013.* Analemmatic and horizontal sundials of the Bronze Age (Northern Black Sea Coast) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. — 2013. — Vol. 1, № 1. — P. 68–88.

А.И. ДЖОПУА, В.А. НЮШКОВ

БРОНЗОЛИТЕЙНЫЕ ПЕЧИ НА РУБЕЖЕ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В АБХАЗИИ

Металлургия — один из важнейших видов ремесла, конкурировавший с древнейших времён с керамическим. Само открытие металла определило развитие металлургии, вначале цветной. Быстро и повсеместно распространяется технология изготовления оловянных бронз как ведущего типа сплавов на медной основе и тонкостенного литья орудий труда и оружия. Одновременно и кардинально меняется набор орудий, оружия и украшений, имеющий мало общего с образцами среднего бронзового века. В свою очередь, это должно было отразиться и на изменениях в хозяйственной и социальной жизни общества. Но данное развитие, как известно, невозможно без существования непосредственно самой производственной базы — металлургических печей. Они, наиболее характерные для бронзового века, были обнаружены в Австрии (Миттеберг), в Азербайджане (Мингечаур), в Италии (на Сардинии). Это были четырехугольные или цилиндрические печи, имевшие толстые стенки, высоту до полуметра. Печи были сложены из камня и изнутри обмазаны глиной (или целиком глинобитные), на поду они имели небольшое углубление для сбора металла. Открытие же в древних памятниках Абхазии подобных плавильных печей, мастерских, а также значительного количества металлических изделий эпохи поздней бронзы доказывает широкое развитие тут металлообработки (Габелия А.Н., 2014, с.136, рис.1).

Как показывают археологические данные, в Западном Закавказье, а именно на территории древней Абхазии, располагался очаг древней цветной металлургии. Развитие металлургического производства, что очень важно, базировалось на собственной рудной базе (без неё невозможно формирование местной металлургии и металлообработки), и к эпохе поздней бронзы местное

население уже имело большой опыт по добыче медных руд (там же, с.137). В это же время особенно высокого развития достигает металлообработка с несколькими центрами, которые, по мнению А.Н. Габелия, пока затруднительно привязать к конкретным древним поселениям (там же). Тогда же масштабы производства и количество металлических изделий возросли многократно. Это стимулировало разработку медных рудников, расположенных в высокогорье (Башкапсара), в верховьях реки Бзыбь (2200 м над уровнем моря). Активно осваиваются не только окисленные, но и сульфидные руды. Надо отметить в этой связи, что Абхазия славится богатством природных ресурсов.

Здесь, в районе Башкапсар, под руководством В.В. Бжания во второй половине 80-х гг. XX в. была проведена комплексная археологическая экспедиция Абхазского института. В состав экспедиции входили З.А. Хибба, Р.М. Барциц, А.И. Джопуа. В ходе археологических работ (помимо известной одной шахты) было выявлено ещё 12 медно-рудниковых шахт. Всего в результате было исследовано 13 объектов. Как выяснилось, на этом месторождении существовали выработки открытого типа, вертикальные шахты и горизонтальные штольни, встречаются многоярусные штольни с боковыми камерами. Башкапсарские рудники, равно как и другие древние рудники Западного Кавказа, не имеют себе равных в мире среди рудников одного времени с ними: они поражают сложностью системы выработок, их объёмами, совершенной системой вентиляции (Бжания В.В., 1989, с.58, рис.2, 3). К слову, рудники горизонтальной выработки были длиной 60 м, шириной 40 м при высоте 15 м (Шамба Г.К., 2000, с.9). Башкапсарские медные рудники функционировали на территории Абхазии предположительно, с III тыс. до н. э. до VIII в. до н.э.

Рис. 1. Расположение бронзолитейных мастерских (печей) и главной рудной базы

Рис. 2. Башкапсара. Выработка № 7. Общий вид

Среди немногочисленного вещевого материала во всех выработках на Башкапсарской горе были найдены каменные молоты (около 50). Особую ценность представляют обломки деревянных подпорочных столбов (Бжания В.В., 1989, с.59), вероятно, следы крепления потолка и стен штолен (Габелия А.Н., 1989, с.65). Сами же каменные молоты в Абхазии найдены неоднократно, и их следует рассматривать как орудия для ломки руды. Её же на Башкапсаре добывали огнем способом. Известно, что такой же способ применялся древними рудокопами и на Северном Кавказе. Они сильно нагревали породу и после этого обливали холодной водой, а в образовавшиеся трещины каменными молотами загоняли мощные деревянные клинья (Крупнов Е.И., 1960, с.319). Между тем масштабы производства показывают, что добыча медной руды была полностью отделена от литейного дела и металлообработки. Мы можем говорить, что к этому времени металлургия как ведущая отрасль производства была разделена на добывающую и обрабатывающую ветви (Кушнарёва Х.К., 1997, с.39).

Для изготовления бронзовых вещей требовались литейные формы. Чтобы предметы были объёмнее, формы делали из двух половинок (для фигурного литья). Это были топоры, наконечники стрел и копий, мотыги и другие вещи. Литейные формы топоров и других изделий найдены в различных пун-

ктах Абхазии (Мачара, Тамыш, Кистрик, Тагилон), что говорит о местном происхождении самих вещей (Бгажба О.Х., Аргун Ю.Г., 2012, с.161). В с. Тамыш, в частности, была сделана интересная находка, обнаружена половинка гранитной формы для отливки одновременно двух выемчатых наконечников стрел (Бжания В.В., Бжания Д.С., Когония Л.М., Джопуа А.И., 1987, с.12).

Некоторые украшения изготавливались в Абхазии по восковой модели (т. е. воск плавился, а глина принимала точный отпечаток модели и использовалась в качестве литейной формы). Мастера получили возможность отливать пустотелые предметы очень сложной формы. Широкое использование по составной восковой модели применялось и на Северном Кавказе. В северокавказской и катакомбной культурах известен целый ряд предметов, отлитых в этой технике (Мошинский А.П., 2012, с.213). Нередки находки в Абхазии тиглей (кстати, в Эшерах во время трёх полевых сезонов 2002–2003 гг. в слое поздней бронзы и раннего железа были встречены три фрагмента тиглей (Джопуа А.И., 2004) и льячек, с помощью которых расплавленный металл разливали по формам, например, в местах расположения бронзолитейных, медеплавильных печей, в кладах бронзолитейщиков. В частности, наличие кладов топоров говорит о возможном существовании рядом мастерской. Такие клады известны в Вос-

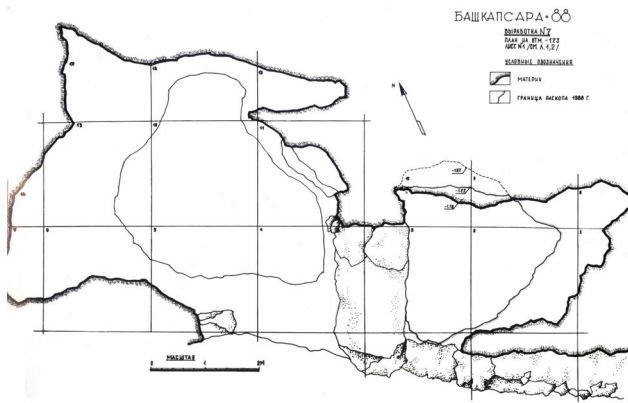

Рис. 3. Башкапсара. Выработка № 7.
Схематический план шахты

точной Абхазии: в Пичоре, Гале, Очамчырах, Члоу, Таглане, Пшапе, на Сухумской горе и т. д. Многочисленные следы бронзолитейщиков и кладов известны и в Бзыбской Абхазии, где сильно было развито бронзолитейное дело: в Лыхнах, Гудауте Бомборское погребение), в Мгудзырхуа и т.д.

Наиболее яркие образцы кладов были найдены на многослойном поселении Пичора (Галский р-н). Это формочки для отливки бронзового топора колхидского типа (60 двустворчатых формочек) и мотыг. Здесь же был выявлен весь комплекс предметов, подтверждающих процесс металлургического производства. Из найденных здесь материалов следует отметить глиняные поддувала копла, бронзовый шлак, что ясно указывает на роль металлургии бронзы в хозяйстве людей населявших этот регион. Да и само место, расположенное на северо-западной окраине поселения, на холме, было удобно для металлургии (Барамидзе М.В., Чигошвили Т.Э., Квирквелия Г.Т., Джибладзе Л.В., Махарадзе З.С., Хубутия Г.П., Хвистани Р., 1987, с.49). В Гале на берегу ручья, был вскрыт клад бронзовых предметов, состоявший из 8 обломков топоров (Воронов Ю.Н., 2009, с.81) — прототипов колхидского топора (Габелия А.Н., 2014, с.137); в с. Таглан найден клад бронзовых топоров, а также в с. Члоу, в местечке Ахуаа рху (Очамчырского р-на). Местными жителями этого села были переданы многочисленные бронзовые слитки разных размеров. Здесь же недалеко (на левобережье р. Дуаб) был найден клад, состоявший из 6

Рис. 4. Бронзовые топоры из Лыхненского клада
(из коллекции Абхазгосмузея)

Рис. 5. Бронзолитейная печь на холме Амжассара
(Верещагина) (Н. Эшера)

бронзовых топоров, представленных двумя типами. По классификации О.Д. Джапаридзе, топор с клиновидным обухом относится к первому типу колхидских топоров, остальные пять экземпляров определяются как топоры второго типа. В эпоху поздней бронзы и раннего железа подобные изделия получили широкое распространение в памятниках колхидо-кобанского круга. Описываемые топоры массивны, лишены всякой орнаментации. Все они отлиты в разных формах. По своему облику они имеют хозяйственное назначение, хотя не исключено их использование в качестве боевого оружия. По времени клад может относиться к IX–VIII вв. до н.э. (Джопуа А.И., 1990, с.17). Примерно к этому же времени, т. е. к концу II — первым десятилетиям I тыс.

до н.э., относится клад бронзовых вещей, обнаруженных на южной вершине Сухумской горы, включавший в себя 12 крупных топоров и 1 небольшой с асимметричными лезвиями, с тремя гранями на внешней стороне проуха и частью с гвоздеобразно-клиновидным обухом, в отдельных случаях обух без шейки, уплощён. Длина топоров 17,5–21,8 см (Воронов Ю.Н., 2009, с.61).

Следует отметить и следующие значимые клады: Лыхненский, самый большой клад, «клад литейщика» из 35 бронзовых топоров был найден в селе Лыхны (ближнем пригороде Гудауты) в 1952 г. крестьянином на приусадебном участке. Выделяются 9 типов (Воронов Ю.Н., 2009, с.40, рис.4). Исследователи датируют его XVI–XIII вв. до н.э. Согласно М.М. Трапшу, данный клад содержит группу топоров и прикубанского типа, что указывает на близость культур в Западном Закавказье и Прикубанье (Трапш М.М., 1970, с.174). Все сохранившиеся топоры клада достаточно массивны, что свидетельствует об их использовании в качестве рубящих орудий, хотя это не исключает их применения и в качестве оружия (Трапш М.М., 1970, с.175–183). Очамчирский (окраина Очамчир, район Араду) клад меднолитейщиков (рубеж II–I тыс. до н.э.), где зафиксированы вместе бронзовые слитки и готовые топоры. Даже целые топоры здесь имеют следы производственного брака. Они, очевидно, подлежали переплавке. По своему типу это были топоры с клиновидным обухом и сечковидным лезвием, имевшие ещё не столь приострѐнные края, отверстие проуха и более грубые очертания (Трапш М.М., 1971, с.184–186). Из этого же района происходят ещё два клада медно-бронзовых слитков и орудий. Один из них заключал несколько бронзовых топоров колхидского типа, сечек, серпов и мотыжек (Трапш М.М., 1971, с.184), Пшапский (VIII–VII вв. до н.э.) содержал 52 бронзовых предмета в одном глиняном сосуде и включал топоры, пряжки и другие бронзовые вещи (Воронов Ю.Н., 2009, с.71, Шамба Г.К., 2005, с.22). В этой связи будет уместно отметить связку 5–8 вотивных

бронзовых топориков (длина одного топорика 9,3 см, ширина лезвия 2 см), обнаруженных недалеко, в пос. Парнаут (с. Пшап), в 3 км от Гулрыпша. Здесь же ещё в 1935 г. у Агудзеры в песочном карьере был вскрыт целый набор бронзовых вещей, в их числе пластинчатый кинжал с отдельно литой рукояткой, кинжальный клинок без рукояти, широколопастный пинцет. Время – начало I тыс. до н.э. (Маан О.В., 2010, с.15, 18).

Интересны предметы, найденные при раскопках на Бомборском поселении. Это многочисленные бронзовые украшения (браслеты, фибулы, гривны, цепочки и т.д.). В основном они связаны с погребениями, совершёнными на площади поселения, и являются памятниками искусства. Прежде всего это фигурка винопийцы, также «большой интерес представляет найденная там же фигурка матери – изображение обнажённой женщины, держащей ребёнка (Габелия А.Н., 1989, с.67; Он же, 2014, с.137). Наличие обнаруженного большого разнообразия металлического инвентаря в данном поселении, по логике, должно было бы указывать на существование бронзолитейной мастерской, и такая мастерская была здесь открыта (Габелия А.Н., 1996, с.144).

В этой связи было бы правильным отметить, что в эпоху поздней бронзы и раннего железа в Абхазии существовало несколько кузнечных мастерских, и свидетельством этому служат встречающиеся и сегодня «следы многочисленных древних рудоплавильных печей и ям, а также древних кузнечных мастерских» (Аджинджал И.А., 1969, с.221), например, в районе Араду, где, как отмечалось выше, был найден клад меднолитейщиков. Присутствие металлических слитков, обломков и заготовок медно-бронзовых орудий свидетельствует о функционировании в эпоху поздней бронзы крупной мастерской по изготовлению медно-бронзовых орудий. Более того, осмотр места находки при участии М.М. Трапша показал, что Очамчирский клад был связан с расположенным тут разрушенным крупным металлургическим комплексом. Находки медных шлаков, дре-

весных углей и прокалённых или разбитых камней и морских галек это подтверждают (Трапш М.М., 1971, с.184).

Похожий комплекс находился также на Сухумской горе. Это был центр медеплавильного производства. Рудной базой этого центра могли быть месторождения рр. Бзыбь (Башкапсара) или Амткела в районе с. Георгиевское (Габелия А.Н., 1989, с.66; он же, 2014, с.136). Относится он к колхидо-кобанскому времени. Здесь в 1951 г., на Сухумской горе во время раскопок А.Н. Каландадзе и М.М. Трапш были обнаружены остатки медоплавильной печи. Открытие было сделано на глубине одного метра от современной поверхности земли, где были представлены ошлакованные массы, каменный молот для дробления руды, доставлявшейся из горных выработок, ступки и тёрки и т.д. Находки обломков тигля с медной накипью и других медно-бронзовых отходов свидетельствуют о присутствии утиль-сырья. Наличие клада топоров говорит о существовании мастерской (Шамба Г.К., 2005, с.28). Оптимальная температура для выплавки меди в печи достигалась не менее 1000° (бронзы — 730–900°) во время горения древесного угля с помощью дутья — как естественного (ветер в ущелье), так и искусственного (при помощи мехов). Искусственный способ, надо полагать, был продуктивнее, так как не зависел от капризов природы. Не случайно кожаные меха для нагнетания воздуха стали применять уже в эпоху бронзового века как наиболее эффективное средство в бронзолитейном производстве. Между тем говорить о том, что спустя полвека с момента открытия печи (на Сухумской горе) не было найдено равного очага металлургии бронзы (Шамба Г.К., 2005, с.29), с учётом дальнейших продолженных археологических работ и новых открытий, на сегодняшний день уже не актуально.

Так, в 2006 г. на холме Амжассара (Верещагина) в селе Нижняя Эшера Сухумского района Абхазии экспедицией отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований АНА была выявлена

и зафиксирована на глубине 190–210 см бронзолитейная печь, а также позже исследована каменная выкладка в виде полукруга по направлению к западо-востоку. Стенка печи была сложена из цельных, необработанных речных булыжников разнообразных величин, форм и размеров. Большие, более ровные, плоские камни использовались для фасада внешней и внутренней сторон с соблюдением рядов кладки, а внутри забутовывались более мелкими камнями. Дверной проём шириной до 45 см, был расположен с западной стороны стенки. Внутри печи зафиксировано до 50 см слоя золы вперемешку с битой керамикой, шлаком и бесформенными бронзовыми слитками различных величин (Джопуа А.И., 2010, с.113, 114, рис.5).

Вокруг печи обнаружено также немало ошлакованных предметов, золы и разнообразных следов бронзовых капель и бесформенных заготовок. Также найдены каменные бронзолитейные формочки для отливки наконечников копья и булавки. На восточной окраине кладки, между камнями, обнаружена бронзовая витая булавка в хорошем состоянии длиной 8–8 см. Аналогичные две булавки были обнаружены при разборе бровки 1,3 м от печи. Ранее, в 2001 г., в позднебронзовом слое здесь же, на холме Амжассара (Верещагина), во время археологических работ, проводившихся под руководством Н.К. Шенкао и А.И. Джопуа, была встречена каменная формочка для отливки наконечника копья (Джопуа А.И., 2010, с.114; он же, 2007, с.15).

По аналогиям с найденными материалами в этом слое металлургическую печь на холме Амжассара (Верещагина) следует датировать IX–VIII вв. до н.э., что не противоречит данным анализа, проведённого в Киевской радиоуглеродной лаборатории. Здесь были проведены исследования по изъятым на месте образцам угля (Джопуа А.И., 2010, с.114–115).

Определённый интерес может представлять найденное в 2007 г. во время археологических работ в Гулрышском районе прямоугольное сооружение, выложенное

из огнестойкого камня (гранита) в Драндском поселении. Обнаруженные рядом фрагменты разных по размеру кусочков железного шлака, крицы и угольков позволяют определить данную печь как железоплавильную. Однако для нас важно то, что, по словам находчика Г.А. Сангулия, данная печь генетически связана с абхазскими типами прямоугольных рудоплавильных печей апшьырхаку (абх. «четырёхстороннее каменное сооружение», «(кладка)», а также с каменными четырёхугольными кузнечными горнами ахуштаара, выложенными также на глиняном растворе, иногда с известковым наполнителем (Сангулия Г.А., 2011, с.155).

Следующее поселение, на котором следовало бы остановиться, это Мгудзырхуское, позднебронзовой эпохи. В 1984–1985 гг. в с. Мгудзырхуа были проведены охранные археологические исследования. В ходе работ, в частности, была раскопана группа валунов, среди которых найдена глиняная трубка-подставка с круглым плоским основанием. Яма имела овальные очертания размером 3,5–3 м. «По всей видимости, в этой части древнего поселения располагались производственные площадки литейщиков» (Бжания Д.С., 2000, с.23). Это подтверждает и обнаруженный в яме глиняный тигель для плавки бронзы. Тигель жёлто-коричневого цвета, с примесью песка, трещиноват. Он имеет сферическую форму, округлое дно с двумя продолговатыми ножками. Венчик тигля не сохранился, и поэтому установить его первоначальную форму не представляется возможным. Внутреннюю поверхность тигля покрывает слой ошлакованной массы. Аналогичные тигли были найдены на Сухумской горе, где была открыта медеплавильная печь (Бжания Д.С., 2000, с.23). В этом же поселении (с. Мгудзырхуа) в конце 90-х гг. XX в. был найден клад бронзовых топоров в количестве 30 штук. Ныне новая коллекция эпохи поздней бронзы хранится в фондах Гудаутского музея-заповедника «Абасгия».

Таким образом, начиная с эпохи средней бронзы местное население Абхазии

освоило производство бронзовых предметов, цветную металлургию. Своего подъёма бронзовая металлургия и металлообработка достигли в порубежный период поздней бронзы и раннего железного века. Металлообработка базировалась на использовании многокомпонентных сплавов. И, хотя сама эпоха раннего железа датируется с момента появления массового производства железных предметов, т.е. в IX–VIII вв. до н.э., первые изделия из железа появляются к середине II тыс. до н.э., как утверждают некоторые исследователи (Хахутайшвили Д.А., 1987). Так на могильнике Джантух (Ткуарчал) в хорошо датированном слое подтверждается, что железо в Абхазии могло уже присутствовать в XII в. до н.э. (Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2012, с.217). В этой связи в качестве примера будет уместно привести клад 1969 года. Открыт он был на северо-восточном холме Амжассара (Верещагина) и состоял из 19 предметов: восьми бронзовых и одиннадцати железных. По времени этот клад относится к колхидо-кобанскому начальному периоду (Джопуа А.И., 2009, с.10).

Подытоживая работу, мы пришли к следующим выводам:

1. Клады чаще всего состоят из предметов как хозяйственного (земледельческого) значения: рубящих топоров, серпов, мотыжек, так и вооружения: бронзовые боевые топоры, ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел. Также они являются маркером, указывающим на возможное присутствие рядом мастерских по обработке металла.

2. Концентрация кладов на территории Абхазии, а также присутствие бронзолитейных печей свидетельствуют о том, что в эпоху поздней бронзы, к началу раннего железного века земледельческая культура Абхазии достигла высокой степени развития, и, кроме того, о многочисленности оседлого населения.

3. Наличие большого количества в металлическом инвентаре предметов вооружения указывает на стремление сберечь культуру древних земледельцев. Находки на территории Абхазии бронзовых, а потом

и железных изделий и оружия подтверждают развитие здесь с периода поздней бронзы кузнечного ремесла, обслуживавшего общества горной Абхазии.

4. Заметно вырос в рассматриваемый период уровень металлообработки, изделия получают высокохудожественными. Многие из них отлиты по восковой модели, имеют изысканный декор, гравировку, инкрустацию еще тогда редким материалом — железом. Это бронзовые изделия: поясные пряжки, топоры (Бжания Д.С., 1985).

5. Подробное исследование Башкапсарских меднорудных шахт даёт возможность восстановить сам процесс добычи руды в Абхазии в условиях научно обследованного объекта с помощью обнаруженных каменных молотов — орудий труда, применявшихся при разработке рудных жил.

Очевидно, одновременно с остальными металлургическими бронзолитейными центрами на Кавказе (на Северном параллельно имелся Прикубанский очаг) существовал ещё один, автохтонный в Абхазии, включавший на её территории несколько производственных комплексов (печей): с. Пичора (Галский р-н), Араду (Очамчыра) (Очамчырский р-н), Сухумская гора, Нижняя Эшера (Сухумский р-н), поселения Бомборское и Мгудзырхуское (Гудаутский р-н) и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджинджал И.А., 1969.* Из этнографии Абхазии. Материалы и исследования. — Сухуми.
- Барамидзе М.В., Чогошвили Т.Э., Квирквелия Г.Т., Джибладзе Л.В., Махарадзе З.С., Хубутия Г.Ц., Хвистани Р., 1987.* Археологические исследования в с. Пичори Гальского района // АОА. — Тбилиси, 1983.
- Бгажба О.Х., Аргун Ю.Г. 2012.* Ремёсла // Абхазы. Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. — М.
- Бжания В.В., Бжания Д.С., Когония Л.М., Джопуа А.И., 1987.* Раскопки Тамышского поселения // АОА. — Тбилиси, 1983.
- Бжания В.В., 1989.* Древние Башкапсарские рудники // Природа. №1. — М.
- Бжания Д.С., 1985.* Инкрустированный топор из села Джирхуа // АОА. — Тбилиси, 1981–1982.
- Бжания Д.С., 2000.* Мгудзырхуское поселение и некоторые находки из различных пунктов Абхазии // Абхазоведение. 1-й выпуск (историческая серия). — Сухум.
- Воронов Ю.Н., 2009.* Археологическая карта Абхазии (впервые опубликована в 1969 г.) // Научные труды. Том второй. — Сухум.
- Габелия А.Н., 1989.* Из истории бронзовой индустрии металлургии и металлообработки Абхазии // Вопросы археологии Абхазии. Материалы юбилейной научной сессии АБИЯЛИ им. Д.И. Гули, посвящённой 70-летию М.М. Трапша. — Сухуми.
- Габелия А.Н., 2014.* Металлургия и металлообработка Абхазии в эпоху поздней бронзы // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. — М.
- Габелия А.Н., 1996.* Древности «Бамборской поляны» // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. — Сухум.
- Джопуа А.И., 1990.* Клад бронзовых топоров из с. Члоу // АОА. 1985. — Тбилиси.
- Джопуа А.И., 2004.* Поселение эпохи бронзы и раннего железа на холме Верещагина в с. Эшера // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. — М.
- Джопуа А.И., 2007.* Поселение бронзовой эпохи и античности в селе Эшера // Абхазоведение (историческая серия). Выпуск IV. — Сухум.
- Джопуа А.И., 2009.* Центральная Абхазия в I тысячелетии до н.э. по археологическим памятникам села Эшера (Абхазия): Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.и.н. — М.

- Джопуа А.И., 2010.* Бронзолитейная печь на холме Верещагина // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения. Тезисы докладов международной научной конференции. — Магас.
- Крупнов Е.И., 1960.* Древняя история Северного Кавказа. — М.
- Кушнарёва К.Х., 1997.* Ранние комплексные общества Южного Кавказа // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). — СПб.
- Маан О.В., 2010.* Агудзера и её окрестности. Историко-этнографический очерк. — Сухум.
- Мошинский А.П., 2012.* Литъё по составной восковой модели на Северном Кавказе во II–I тыс. до н.э. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. — Махачкала.
- Сангулия Г.А., 2011.* Абхазские мастерские и производства позднеколхидской эпохи (на основании изучения Драндского поселения в 2007 г.) // Вторая Абхазская международная археологическая конференция. — Сухум.
- Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2012.* Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гуциной. Труды ГИМ. Выпуск 191. — М.
- Трати М.М., 1970.* Труды в четырёх томах. Том первый. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. — Сухуми.
- Хачутайшвили Д.А., 1987.* Производство железа в древней Колхиде. — Тбилиси.
- Шамба Г.К., 2000.* Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. — Сухум.
- Шамба Г.К., 2005.* Древний Сухум (Поиски, находки, размышления). — Сухум.

С.Л. ДУДАРЕВ

О КУЛЬТЕ ЖЕЛЕЗА У НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ И БАССЕЙНА Р. ТЕРЕК В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В СВЕТЕ ДАННЫХ КАВКАЗСКОЙ И ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Знакомство человечества с железом и его свойствами сопровождалось возникновением представлений о его сверхъестественном происхождении. Они отражены как в сообщениях древней письменной традиции, так и во множестве устных преданий, верований и обрядов, существовавших у разных народов мира. Среди них нас особенно интересуют те, которые известны у населения Кавказа и Передней Азии — регионов, издавна имеющих тесные культурно-цивилизационные связи. К изучению фактов, связанных с сакрализацией их жителями железа в древности обращались отечественные и зарубежные исследователи: Б.Е. Деген-Ковалевский, Е.И. Крупнов, Б.Н. Граков, Г.Е. Ерешян, К.Х. Кушнарера, Р.Форбс и др. Богатый материал, собранный и проанализированный в их работах, позволяет судить об эволюции представлений древних о происхождении железа и черной металлургии. Он поможет нам главным образом выяснить функции в материальной культуре железных предметов, найденных в археологических памятниках первых веков I тысячелетия до н.э. Центрального и Предкавказья и бассейна р.Терек (основная территория распространения кобанской культурно-исторической общности), изучавшихся автором на протяжении нескольких десятилетий, что и является главной целью нашей статьи.

В наши задачи не входит выделение четких этапов смены одних представлений о черном металле другими, поскольку это невозможно без специального изучения фольклора. Однако для уяснения общего характера генезиса воззрений на кульговую роль железа прежде всего нельзя не указать на эпический материал, отражающий становление интересующих нас представлений.

Так, существовали предания, повествующие о непосредственном получении этого металла с неба в качестве дара богов (Граков Б.Н., 1977, с.14, 15). При этом нужно обратить внимание на замечание Г.Е. Арешяна: «Закономерно, что падение «небесных камней» — метеоритов... должно было объяснить появление железа сверхъестественным путем» (Арешян Г.А., 1976, с.88). Выделяются предания, связанные с небесным происхождением рудного железа, или же мифы о падении кузнечных орудий с небес на землю или в преисподнюю и падении на землю самого бога-кузнеца. По мнению Б.Н. Гракова, в подобных случаях отражен мотив превращения небесного железа в подземное (Граков Б.Н., 1977, с.15).

О связи железоделательного производства с космическими божествами, с небом можно узнать из осетинского нартского эпоса и грузинских преданий об Амиране (Крупнов Е.И., 1960, с.374; Деген-Ковалевский Б.Е., 1935, с.408–418). По представлениям кузнецов Закавказья, небосвод сделан из кованого железа. Солнце — это раскаленный кусок железа, звезды — искры, разлетавшиеся во времяковки. Среди народов Кавказа бытует поверье о связи железа с молнией (по армянским поверьям, молния — это спица из прялки). Выражение «небо оковалось звездами» свидетельствует о подобных же понятиях, бытовавших в грузинской среде (Кушнарера К.Х., 1977, с.99). Среди героических сказаний дагестанских народов часто встречаются сюжеты, связанные с обожествлением и поэтизацией железа (Давудов О.М., 1978, с.154). Повсюду на Кавказе народная память запечатлела имена языческих божеств — покровителей кузнечного дела. У сванов это был Солон, у абхазов — могу-

щественный Шасш, у армян — Ован-Горлан и т.д. (Кушнарера К.Х., 1977, с.101).

Е.И. Крупнов отмечал, что фигурирующие в нартском эпосе небожители, покровительствующие кузнечному делу — Курдалагон, Сафа, Тлепш, — могли появиться в сознании творцов эпоса только при первом знакомстве людей с железом. Но здесь ученый как будто противоречит себе, так как сложение сказаний о нартах, по его мнению, произошло в позднекобанский период местной истории, когда железо уже широко использовалось в быту жителей Центрального Предкавказья (Крупнов Е.И., 1960, с.375).

Каков был характер самого первого знакомства племен рассматриваемой нами территории с железом, до сих пор недостаточно ясно, хотя Б.Н. Граков утверждал, что ознакомление с железом всегда начинается с метеоритного (Граков Б.Н., 1977, с.22). Но изделия из метеоритного железа здесь еще не выявлены. Первые железные изделия из ряда памятников Кавказа второй половины II — рубежа II—I тысячелетий до н.э. В.Г. Котович, развивая выводы ученого-металлурга А.А. Байкова, был склонен относить на счет обработки железа, полученного путем регенерации в результате плавки сульфидных руд (Котович В.Г., 1977, с.75). Крайне интересно, что Б.Н. Граков независимо от В.Г. Котовича также отмечал тот факт, что первые случаи регенерации попутного железа совпадают с полным расцветом металлургии меди (Граков Б.Н., 1977, с.22).

Если первоначально сакрализация железа была явно связана с представлениями о таинственном, неземном происхождении этого металла, то впоследствии мистической оболочкой оказался окружен и процесс сыродутной варки железа. Этому в большой степени способствовала сложность кричной варки, в исходе которой не были уверены подчас и сами кричники. Данное обстоятельство, как полагал Б.Н. Граков, и принуждало последних обставлять свое занятие множеством религиозных и магических запретов, обря-

дов и действ. Весь процесс производства казался столь исполненным тайны, что в греческом языке одинаково обозначались как закалка стали, так и колдовство, магия (Граков Б.Н., 1977, с.22). Соответственно, на кричников и кузнецов стали смотреть как на колдунов, магов, людей особых, что нашло свое отражение и в кавказской этнографии. Кузнецы почитались у осетин, черкесов, мингрелов, армян. Особенно высокого почитания кузнечное ремесло и кузница достигли в абхазской среде. Здесь кузнец считался жрецом Великого Шасша — одного из главных божеств языческого пантеона абхазов. Кузница представлялась абхазу чем-то вроде святилища, в ней устраивались моления, давались присяги, совершались жертвоприношения (Кушнарера К.Х., 1977, с.101–102)¹. Даже побочные продукты железодельного производства (железный шлак) приобретали в сознании абхазов сакральное значение и использовались в качестве оберегов (Торнау Ф.Ф., 2000, с.62–63)². Впрочем, подобный пиетет к компонентам процесса самого изготовления железа проявляли не только абхазы. В захоронениях Зандакского могильника в Чечне, датируемого XII–VII вв. до н.э. (погр.34,46,49), найдены куски сидерита — железного шпата, который использовался для выплавки черного металла. По мнению исследователя могильника В.И. Марковина, погребенные в указанных могилах люди были причастны к древней металлургии железа (в качестве металлургов, рудознатцев и т.п.) (Марковин В.И., 2002, с.110).

Обусловленный экстраординарными условиями получения железа, редкостью и особой ценностью его на первых порах, замечательными в сравнении с медью и бронзой свойствами, культ железа, возникший на Северном Кавказе в первой половине I тысячелетия до н.э. (а в Закавказье и еще ранее), оказался очень живучим в специфической местной этнокультурной среде. Пережитки его встречались у осетин, чеченцев и ингушей, народов Дагестана еще в начале XX в. (Давудов О.М., 1974, с.130,131; Пе-

риодическая печать Кавказа, 1981, с.269; Хасбулатова З.И., 1981, с.78), а также у армян, грузин, некоторых групп населения Азербайджана, абхазов, горских евреев (Кушнарера К.Х., 1977, с.100; Тарба С.З., 2007, с.186). По свидетельству Г.Ф. Чурсина, кавказцы приписывали железу и железным предметам магическую силу, способную оградить человека от чар, колдовства, нападений злых духов и т.п. И, наоборот, железные предметы могли использоваться в целях черной магии, для нанесения вреда (Чурсин Г.Ф., 1929, с.30–36; Чурсин Г.Ф., 2010а, с.6–7).

Предпринятый нами экскурс в область мифологии, фольклора и этнографии имеет своей целью указать на возможную неординарность некоторых находок железных изделий из памятников интересующей нас территории эпохи начала освоения черного металла, а следовательно, наше право (вслед за предшественниками или независимо от них) на утверждение сакраментального характера ряда предметов, которые будут рассмотрены ниже.

Наблюдения археологов (Е.И. Крупнов, М.И. Пикуль, О.М. Давудов, Б.В. Техов и др.) и этнографов (Г.Ф. Чурсин, З.И. Хасбулатова и др.) и известные нам материалы позволяют, опираясь на давние исследования Г.Е. Арешяна, предполагать наличие двух функций железных вещей у населения Центрального Предкавказья и бассейна р.Терек на начальном этапе освоения этого металла: во-первых, кульгово-магической; во-вторых, материально-ценностной, когда железо выступает в роли драгоценности, сокровища. Обе эти функции первоначально, по-видимому, тесно переплетались. Судя по фольклорным данным, могла существовать и третья функция — *образно-метафорическая*, также тесно связанная с кульгово-магической. Она проявлялась, в частности, в мышлении древних народов Востока, например, ассирийцев и израильтян, что, как полагает Г.Е. Арешян, «было обусловлено определенной степенью знакомства со свойствами данного металла» (Арешян Г.А., 1976, с.94). Однако иссле-

дование этой функции не является нашей целью и требует специального историко-филологического подхода, в русле углубленного изучения кавказского фольклора.

Обратимся к материалам, иллюстрирующим критерии выделения предметов — носителей кульгово-магической функции.

Роль амулета, оберега могли выполнять миниатюрные образцы оружия и орудия труда. Традиция изготовления и использования в сакральных целях подобных образцов (вотивов) прослеживается на Кавказе с III тысячелетия до н.э. Металлические модели в виде подвесок-амулетов, сохранившие ритуальное назначение вплоть до раннего средневековья, почти повсеместно встречаются в памятниках эпохи бронзы Закавказья. Они оформлены в виде простых и двойных секирок, кинжалчиков и т.п. (Кушнарера К.Х., 1977, с.103). Можно увидеть их и в памятниках Центрального Предкавказья и бассейна р.Терек, где в комплексах эпохи поздней бронзы имеются вотивные предметы из бронзы в виде оружия (тесла, булавы, топоры), известные, например, в могильниках Сержень-Юртовском (погр.42) и Терезинском (гробн.2) (Козенкова В.И., 2002, с.187, табл.32, 1; Козенкова В.И., 2004, с.143, 144) и др. Такая традиция начинает распространяться и на миниатюрные изделия из железа. Нельзя не согласиться с М.И. Пикуль, которая, в частности, писала: «У северокавказских племен в погребениях... нередко находили топоры, секиры или ножички (*из железа*. — **Авт.**) небольших размеров, которые рассматриваются обычно как амулеты» (Пикуль М.И., 1967, с.112). С такой трактовкой атрибуции ножичка с Аркаского поселения в Дагестане согласился О.М. Давудов (Давудов О.М., 1968, с.12). Названные железные вещи из Дагестана, соседнего с бассейном р. Терек, относятся уже к эпохе широкого освоения железа. Однако железные предметы, возможно, аналогичного назначения известны в бассейне р. Терек на территории Чечни уже в позднебронзовый период. Таковы, например, маленькие железные ножи из

погребений 42 и 46 Сержень-Юртовского могильника (Козенкова В.И., 2004, с.27, 28), причем в первом из этих захоронений миниатюрные изделия из бронзы и железа, как видим, присутствуют в одном комплексе³. Исследователь памятника относит сержень-юртовские могилы 42 и 46 к группе погребений конца X — начала VIII в. до н.э. (Козенкова В.И., 2004, с.133)⁴.

Очень сложно выделить подобные предметы в древностях Центрального Предкавказья. К ним, пожалуй, можно причислить миниатюрные железные ножи из погребения № 5 Березовского 4-го могильника (фрагментированный образец) и комплекса с г. Крестовой, размеры которых не превышают 4 см (их дата VIII–VII вв. до н.э.). С большой долей осторожности мы допускаем, что в данный разряд вещей можно отнести две секировидные поделки из железной пластины также очень малых размеров (4,6 и 2,5 см), происходящие соответственно из погребения № 26 Березовского I-го могильника (Дударев С.Л., 1999, с.333, рис.105, 16), погр. № 17 Белореченского могильника № 2 в районе г. Кисловодска (Дударев С.Л., 2004, с. 73, рис. 12, 3), а также погребения 6 кургана 1 у сел. Садового в Северной Осетии (Дударев С.Л., 1999, с. 231, рис. 5, 4). Эти находки относятся к черноговорскому и переходному от черноговорского к новочеркасскому времени.

Предохранительная роль миниатюрных железных предметов хорошо подтверждается данными этнографии. В священный Великий четверг кахетинские кузнецы делали маленькие молотки и топоры и вешали их на люльки, чтобы отогнать злых духов от ребенка (Кушнарева К.Х., 1977, с.100).

Впрочем, культово-магические функции могли, как показывает все та же кавказская этнография, выполнять не только указанные специфические орудия, но и обычные, т.е. ножи, кинжалы, мечи, топоры (в том числе бронзово-железные, как правило, именующиеся биметаллическими, т.е. имеющими бронзовую рукоять и железное лезвие), которые широко рас-

пространяются с VIII–VII до н.э. и хорошо известны в погребальных памятниках Центрального Предкавказья, таких как могильники № 1 на Кисловодской мебельной фабрике, Березовский, «Индустрия», Клинья III, Терезе (район г. Кисловодска) и др. (Крупнов Е.И., 1960; Виноградов В.Б., 1972; Дударев С.Л., 1999; Козенкова В.И., 2004), а также бассейна р. Терек (Сержень-Юртовский могильник, комплексы периодов С-Ю II и С-Ю III) (Козенкова В.И., 2002, с.133). Г.Ф. Чурсин отмечал, что «будучи хорошим оружием против врагов и диких зверей, кинжал на этом же основании считается прекрасным средством и против невидимых злых сил. Поэтому ношение кинжала может до известной степени служить и магическим целям. Те же магические свойства, но в меньшей мере приписываются также пашке, ножу, топору и другим железным предметам» (Чурсин Г.Ф., 1929, с.33). Именно основываясь на подобных представлениях, жители рассматриваемой нами территории — карачаевцы, осетины, кумыки, аварцы и др., а также народы Закавказья — армяне, грузинские народности: пшавы, сваны и др., — проделывали с кинжалами различные манипуляции, имевшие охранительный или, напротив, вредящий смысл (помещение топора у порога дома, где есть больной, размахивание кинжалом при прохождении через место, где, как предполагалось, есть много шайтанов и джиннов, помещение кинжала под подушку родильницы, вкладывание этого предмета в ножны обратной стороной, чтобы обречь жениха на половое бессилие в первую брачную ночь, и т. п.).

Кстати сказать, представления о вредоносном действии железа и стали, а также других металлов, например, меди, также имели место у кавказских народов. У некоторых групп армян строго следили за тем, чтобы у вошедших в комнату с новорожденным не было предметов из указанных материалов (Чурсин Г.Ф., 2010б, с.11).

Параллельно с культово-магической достаточно четко вырисовывается и

материально-ценностная значимость этого металла. По мнению Е.И. Крупнова и Б.В. Техова, в XI–X вв. до н.э. железо в горах Центрального Кавказа играло роль драгоценного металла (Крупнов Е.И., 1960, с.322, 323; Техов Б.В., 1971, с.209). Этому в огромной степени способствовали объективные причины. Ни получение железа в качестве побочного продукта при плавке сульфидных руд, ни крайне несовершенный на первых порах сыродутный способ его выработки (причем какому из этих источников следует отдавать предпочтение на рубеже II–I — в начале I тысячелетия до н.э., еще не вполне ясно) не могли давать в то время того количества данного металла, которое полностью удовлетворило бы потребности местного населения. К тому же известным тормозом прогресса в черной металлургии было великолепно отлаженное производство высококачественной бронзы⁵.

Редкий и дорогой металл на раннем этапе своего внедрения в быт аборигенов Центрального Предкавказья и бассейна р.Терек достаточно часто употреблялся для изготовления украшений. Вообще украшения, как утверждал Г.Е. Марков, были первыми изделиями, для которых применялся металл, в том числе и железо (Марков Г.Е., 1979, с.128). Железные браслеты встречаются в погребениях предскифского времени Зандакского могильника (погр. 29) (Марковин В.И., 2002, с.138). Железные украшения (гривна) из погребения № 31, встречаются в погребениях середины VIII — начала VII в. до н.э. Сержень-Юртовского могильника (Козенкова В.И., 2002, с.24, 128,130). Железо применялось в Центральном Предкавказье и для инкрустации бронзовых изделий, например, поясных пряжек и топоров. Правда, картина в этом плане здесь неоднозначна.

Бронзовые вещи, инкрустированные железом, обнаружены на северном склоне гор Центрального Кавказа в пределах изучаемого нами ареала (Верхнекобанский могильник) (Уварова П.С., 1900, табл.XV, XVI, XIX, XXIV, XXV). Для сравнения отметим,

что в Тлийском же могильнике, на южном склоне Главного Кавказа, по наблюдениям Б.В. Техова, инкрустация совершенно не встречается (Техов Б.В., 1971, с.156). Очень интересно то, что инкрустация бронзовых вещей железом долгое время совершенно не была известна в северо-западных районах Центрального Предкавказья. Однако в 1989 г. в погребении 362 могильника Клин-яр III в районе г. Кисловодска был найден великолепный дважды изогнутый кобанский топор с изображением змеи, инкрустированный железом (Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001, с.43, рис.5). Датировка погр.362 установлена в рамках первой половины VIII в. до н.э.

На сопредельных с Центральным Предкавказьем и бассейном р. Терека юго-восточных территориях Северного Кавказа в памятниках начала I тысячелетия до н.э. железные предметы также играют роль украшений, драгоценностей.

Среди единичных железных вещей из погребений IX–VIII вв. до н.э. Мугерганского могильника в Южном Дагестане встречаются главным образом железные булавки, браслеты, кольца, бляшки (Пиккуль М.И., 1973, с.35–41). В данной связи для сравнения отметим, что железо во всех трех группах ходжалы-кедабекской культуры Восточного Закавказья также появляется в виде небольших предметов, в основном представленных украшениями: кольцами, бусами, бляхами, привесками и пр. (Минкевич-Мустафаева Н.В., 1962, с.133). О том, что на первом этапе знакомства с железом оно рассматривалось как драгоценный металл, говорят и лингвистические данные. Название железа у аварцев — «махх» одновременно означает и «железо», и «бусина» (украшение) (Давудов О.М., 1974, с.29).

Материально-ценностные функции железа на Центральном и Северо-Восточном Кавказе в целом в начале I тысячелетия до н.э. подкрепляются и теми случаями, когда вещи из этого металла являются своеобразным показателем социального положения погребенного. Рассматривая инвентарь

Мугерганского могильника, М.И. Пикуль отмечала, что железные вещи были найдены лишь в таких погребениях, «которые в отличались от остальных большим количеством сосудов, многочисленными украшениями и особо подчеркнутым ритуалом» (Пикуль М.И., 1973, с.41)⁶.

Однако материально-ценностная функция отдельных железных предметов порой выступает отнюдь не в «чистом», так сказать, виде, явно переплетаясь с кульгово-магической. Этнографические факты, собранные Г.Ф. Чурсиным, указывают на береговое значение железных браслетов у народов Северо-Восточного Кавказа⁷, которое эти предметы (по мнению О.М. Давудова) получили, вероятно, еще в скифское время (Давудов О.М., 1974, с.131). В самом деле, железные браслеты в большом количестве в бассейне р. Терек найдены в Нестеровском, Луговом, Пседахском, Шаракунском и других могильниках скифского периода (Крупнов Е.И., 1960, с.290; Мунчаев Р.М., 1963, с.208 и др.; Петренко В.А., Дударев С.Л., 1976, с.142; Давудов О.М., 1974, с.154). В то же время нельзя пройти мимо того поразительного сходства, которое, вероятно, указывает на то, что аналогичные функции выполняли некоторые инкрустированные железом бронзовые браслеты из Центрального Предкавказья еще в начале I тысячелетия до н.э. Г.Ф. Чурсин писал, что по аварским поверьям, мать, у которой умирают дети, надевает браслет, откованный из девяти кусков железа (Чурсин Г.Ф., 1927, с.72–94). Из могильника «Фаскау» у сел. Галиат (Северная Осетия) происходит бронзовый браслет с закрепленными на нем девятью железными кольцами! (Крупнов Е.И., 1960, с.452, табл. XXX, 5). Это удивительное совпадение может свидетельствовать о зарождении подобных поверий еще на заре раннежелезного века как в восточной, так и в центральной части Северного Кавказа.

Весьма вероятно, что культовое значение имели и бронзовые кобанские поясные пряжки, инкрустированные железом (Доманский Я.В., 1984, с.28, табл. VII). Как

отмечал Б.Б. Пиотровский, обряды, отражающие древний кавказский культ пояса, сохраняют в себе связь с астральными представлениями; лингвистический материал также подчеркивает связь пояса с небом (Пиотровский Б.Б., 1949, с.95). В свою очередь, о связи железа с космической мифологией нам приходилось писать выше. Инкрустация железом изображения змеи из погребения 362 могильника Клинь-Яр III также весьма репрезентативна. Образ змеи очень емко в древней мифологии Кавказа. Она являлась символом, повелительницей воды как преисподней, земной, так и дождевой, небесной, а также олицетворяла Вселенную, космос, была владыкой вод и солнца (Кривицкий В.В., 2012а, с.5; Кривицкий В.В., 2012б, с.42). Таким образом, топор с изображением змеи, инкрустированный железом, был ценным, редким предметом, имевшим и сакральную нагрузку.

С началом широкого распространения железа в Центральном Предкавказье и бассейне р. Терек этот металл теряет роль драгоценности, однако не сразу. Инкрустированные железом бронзовые предметы встречаются в кобанских древностях еще в конце VII или на рубеже VII–VI вв. до н.э. Именно этим временем, например, датируются В.Б. Виноградовым бронзовые трехпестельчатые псалии с головками грифонов, глаза которых инкрустированы железом, найденные в упомянутом могильнике «Фаскау» в сопровождении железных стремячковых удил (Крупнов Е.И., 1960, табл. XIV, 5, 6; Виноградов В.Б., 1972, с.143, 144). Напротив, культовая роль железных вещей (железных браслетов, предметов вооружения и пр.) продолжала, по-видимому, активно сохраняться.

Наши выводы во многом согласуются с материалами и наблюдениями Г.Е. Арешяна, Б.Н. Гракова, А.А. Мартирисяна, Т.С. Хачатряна и некоторых других исследователей, подробно проанализированными в их монографических работах. Таким образом, можно говорить об известном сходстве некоторых религиозных представлений, связанных с процессом освоения же-

леза у народов Кавказа, а также некоторых других соседних регионов (Ближнего Востока, Восточной Европы), и наличии возможных закономерностей их генезиса. Давние исследования Б.Н. Гракова позволяют полагать, что такое сходство, несмотря на различные социальные условия, в которых происходил процесс освоения железа в указанных областях, проистекало из сходных условий знакомства их населения с железом и его свойствами, а также близких, хотя, возможно, и самостоятельных путей освоения технологии его промышленного производства (Граков Б.Н., 1977, с.22).

В заключение следует заметить, что пережитки культа железа встречались, на Северном Кавказе и Кавказе вообще, как уже было отмечено, не только в начале XX в., но порой и позднее (1970-е гг.) (Дударев С.Л., 2010, с.6), а кое-где встречаются еще и в наши дни. А ведь носители эти пережитков не одно столетие являются приверженцами ислама или христианства. Мы видим, как, несмотря на борьбу представителей мировых конфессий за чистоту религии (упомянем горскую Реформацию 20-50-х гг. XIX в., связанную с жестким распространением шариата имамами Дагестана и одновременным выкорчевыванием элементов народной культуры), все последующие потрясения и духовные коллизии второй половины XIX–XX вв., связанные с интеграцией северокавказского региона в состав России, капиталистическую и социалистическую модернизацию, в том числе научно-техническую и культурную революции, и т.п., современную глобализацию, автохтонные жители Северного Кавказа сохраняли (и иногда еще сохраняют) в глубинных пластах культуры и быта древнейшие и древние мировоззренческие архетипы, связанные с самыми основами человеческого бытия, главными духовными потребностями людей, стремлением сохранить традиции, связь с природой и т.п. Этот феномен является частью современных самоидентификационных процессов и нуждается в дальнейшем тщательном осмыслении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Традиционный культ кузни и металлов сохраняется у абхазов до сих пор (Аргун Ю.Г. О феномене культа кузни и металлов у абхазов // *Абхазоведение*. Выпуск IV. — Сухум, 2007. — С.139–145).

2. Российский офицер Ф.Ф. Торнау, посетивший Абхазию в 1830-х гг., отмечал: «Лозы стоят в поле без ограды: каждый хозяин знает свое фруктовое дерево и употребляет весьма дешевый способ для сбережения его от воров. Для этого привешивают к лозе, к скотине или к каждому другому предмету, который желают уберечь от воровских рук, кусок железного шлака (выделено нами. — Авт.). Не каждый горец осмелится тронуть вещь, отданную под покровительство этого талисмана, угрожающего, как полагают, насильственной смертью чужим рукам, которые позволят себе коснуться его».

3. В связи с этим фактом напомним верное высказывание Б.А. Колчина: «Появление отдельного железного предмета в виде украшения (и, добавим, ритуального предмета, причем эти функции часто совпадали. — Авт.) среди обилия бронзовых орудий, оружия и утвари еще ни о чем не говорит» (Колчин Б.А., 1975, с.9). Исследователь имел в виду то, что присутствие отдельных железных изделий в указанном контексте еще не является четким критерием наступления железного века.

4. Можно соглашаться или нет с предложенной датировкой В.И. Козенковой, однако, когда В.Р. Эрлих указывает на то, что древнейшие железные изделия появляются на Северном Кавказе в первой половине VIII в. до н.э., он почему-то, не включает в их число указанные ножи из сержень-юртовских погребений 42 и 46 (Эрлих В.Р., 2007, с.21).

5. С более детальным обзором исследований, связанных со временем и особенностями распространения железа на Северном Кавказе, можно ознакомиться в работах специалистов (Эрлих В.Р., 2007, с.14–24; Дударев С.Л., 2011, с.61–71).

6. Обычай ношения стальных браслетов имел место и в Закавказье в дореволю-

ционный период (Кушнарева К.Х., 1977, с.100).

7. О.М. Давудов в свое время отмечал, что погребения Зандакского могильника, содержавшие кусочки железной руды, отличались богатым инвентарем (Давудов О.М., 1969. Культура Дагестана скифского времени (VII–IV вв. до н.э.). Рукопись кандидатской диссертации // Архив ИА РАН. — Р.2, № 2036а. — С.62). После полной публикации материалов могильника В.И. Марковиным выяснилось, что это справедливо лишь в отношении погребения 49 (Марковин В.И., 2002, с.89, рис.64).

ЛИТЕРАТУРА

- Аресян Г.Е., 1976.* Железо в культуре Древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря // СА. — №1.
- Аргун Ю.Г., 2007.* О феномене культа кузни и металлов у абхазов // Абхазоведение. Выпуск IV. — Сухум.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001.* О некоторых редких предметах вооружения «предскифского» времени из могильника Клин-Яр III (г. Кисловодск) // Северный Кавказ: Историко-археологические очерки и заметки. — М.
- Виноградов В.Б., 1972.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. — Грозный.
- Вознесенская Г.А., 1975.* Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. — М.
- Граков Б.Н., 1977.* Ранний железный век. М.
- Деген-Ковалевский Б.Е., 1935.* К истории железного производства Закавказья // ИГАИМК, 120. — М.—Л.
- Давудов О.М., 1968.* К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X–IV вв. до н.э.). — Махачкала.
- Давудов О.М., 1974.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. — Махачкала.
- Давудов О.М., 1978.* К датировке некоторых фольклорных сюжетов народов Дагестана // МАД. VIII. — Махачкала.
- Доманский Я.В., 1984.* Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. — М.
- Дударев С.Л., 1999.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. — Армавир.
- Дударев С.Л., 2004.* Белореченский могильник — памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.3. — Армавир.
- Дударев С.Л., 2010.* К вопросу о пережитках дополитеистических верований на Северном Кавказе в XX — начале XXI в. // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы 17-й Всероссийской межвузовской конференции. — Армавир.
- Дударев С.Л., 2011.* Проблема освоения железа населением Северного Кавказа (советская и российская историография второй половины XX в.) // Сборник научных работ С.Л. Дударева. — М.
- Козенкова В.И., 2002.* У истоков горского менталитета: могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. — М.
- Козенкова В.И., 2004.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 5. — М.
- Кривицкий В.В., 2012а.* Произведения прикладного искусства древнего Кавказа. — СПб.
- Кривицкий В.В., 2012б.* Религиозные представления населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы и раннего железа по памятникам прикладного искусства. — СПб.
- Крупнов Е.И., 1960.* Древняя история Северного Кавказа. — М.
- Кушнарева К.Х., 1977.* Древнейшие памятники Двина. Ереван.

- Котович В.Г., 1977.* Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе // СА. — №. 3.
- Колчин Б.А., 1975.* Проблемы изучения технологии древнейших производств // Археология и естественные науки. — М.
- Марковин В.И., 2002.* Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су (Северо-Восточный Кавказ). — М.
- Марков Г.Е., 1979.* История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществах. М.
- Минкевич-Мустафаева Н.В., 1962.* О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа // МКА. IV. — Баку.
- Мунчаев Р.М., 1963.* Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии. — М.
- Периодическая печать ..., 1981* — Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Научно-популярный сборник. I / Сост. Л.А. Чибиров, — 1981.
- Пикуль М.И., 1967.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала: Дагфилиал АН СССР.
- Пикуль М.И., 1973.* Мугерганский могильник // Материалы по археологии Дагестана. Т. 3. — Махачкала.
- Пиотровский Б.Б., 1949.* Археология Закавказья. — Л.
- Петренко В.А., Дударев С.Л., 1976.* Разведки памятников эпохи раннего железа в Чечено-Ингушетии // АО-1975. — М.
- Тарба С.З., 2007.* Магические представления, связанные с жилищем абхазов // Абхазоведение. Выпуск IV. — Сухум.
- Техов Б.В., 1971.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси.
- Техов Б.В., 2002.* Тайны древних погребений. — Владикавказ.
- Торнау Ф.Ф., 2000.* Воспоминания кавказского офицера. М.
- Уварова П.С., 1900.* Могильники Северного Кавказа. МАК. VIII. М.
- Хасбулатова З.И., 1981.* Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом // Этнография и вопросы религиозных верований чеченцев и ингушей в дореволюционный период. — Грозный.
- Чурсин Г.Ф., 1927.* Культ железа у кавказских народов // ИКИАИ. Т. I. — Тифлис.
- Чурсин Г.Ф., 1929.* Амулеты и талисманы кавказских народов. Издание Ассоциации северо-кавказских горских краеведческих организаций. — Махачкала.
- Чурсин Г.Ф., 2010а.* Культ мертвых на Кавказе: Очерки по этнологии Кавказа. — Нальчик.
- Чурсин Г.Ф., 2010б.* Легенды об окаменевших людях: очерки по этнологии Кавказа. — Нальчик.
- Эрлих В.Р., 2007.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. — М.

С.Б. ВАЛЬЧАК, Е.А. ХАЧАТУРОВА

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА, ПОСТУПИВШАЯ В КРАСНОДАРСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

В 2011 г. благодаря оперативной деятельности правоохранительных органов в Краснодарский музей поступила большая коллекция археологических предметов разных эпох, происходящих с территории Краснодарского края и, возможно, Республики Адыгеи. Среди переданных предметов выделяется группа бронзовых изделий предскифского времени, насчитывающая 15 единиц. Это детали конской узды, оружие, нож, бубенец, наконечники ножен. Предметы разновременны, сведений об их точной географической локализации и комплексности нет. Исходя из известных аналогий с рассматриваемыми вещами, можно сделать вывод, что подбор их случаен.

К предметам конской узды из этой коллекции относятся бронзовые удила, псалии, бляхи упряжные, возможно, и бубенец. К оружию — бронзовый наконечник ножен со вставленным в него фрагментом железного клинка меча или кинжала и ещё один бронзовый наконечник ножен. К предметам бытового назначения можно отнести бронзовый нож.

1. Удила бронзовые (рис. 1, 1) литые, стержневидные, двучастные, с одним отверстием на внешних окончаниях, которые представляют собой нечто среднее между стремевидной и подпрямоугольной формами. Стержни удил оформлены ложновитым рельефом в виде винтовой нарезки или обмотки вдоль стержня, который характерен для удил разных типов Восточной Европы и Северо-Западного Кавказа, в частности. На поверхности удил сохранились неудалённые следы литья — литейные швы (бугорки, заусеницы, кусочки металла), не зачищенные после литья. Размеры: длина удил — 14 см, длина звеньев удил — 7,7 и 7,9 см, диаметр рельефного стержня — 1 см, стремевидные окончания — 2,8 x 2,4 x 0,6 x 0,4 см.

Стремевидные удила в большинстве своём происходят из памятников Северного Кавказа. Заметим, что с рассматриваемыми удилами это именно тот случай, когда точную форму внешних окончаний удил определить трудно. Эту проблему замечали многие исследователи (Дударев С.Л., 1999, с.123, 124; Вальчак С.Б., 2009, с.29–33). По всем признакам внешние окончания рассматриваемых удил подчеркнута трапециевидные. С.Б.Вальчак в своей монографии подверг сомнению необходимость выделения С.Л.Дударевым типа «трапециевидно-конечных удил», посчитав преждевременным выделение их в качестве типа (Вальчак С.Б., 2009, с.33), при этом допустив ошибку в принятой этим исследователем терминологии. В монографии С.Л.Дударева шла речь об «овально-трапециевидных удилах» (Дударев С.Л., 1999, с.121–124). Вопрос заключается не в методике работы с материалом того или иного исследователя, а в нашем (к сожалению, всё ещё) незнании большего объёма материала.

В любом случае рассматриваемые удила пока относятся нами к типу 3 (прямоугольно-конечных) удил, наиболее близкая аналогия происходит с хут.Колотаева (Вальчак С.Б., 2009, с.32, 33, рис.31, 3). Довольно близкие, но не вполне точные аналогии имеются в могильниках Псекупский-1, Пшиш-1, Казазово-3, Фарс, Кочипэ и др. Датировка этих удил может быть определена в рамках VIII в. до н.э.

2, 3. Псалии (рис.1, 3,4), 2 экземпляра, литые, стержневидные, с тремя петлями в одной плоскости, вероятно составляющие пару. Размеры: длина одного псалия — 12,9 см, диаметр стержня — 0,8 см, петли — 1,45 x 0,5 x 0,3 см; длина второго псалия — 13,8 см, диаметр стержня — 0,9 см, петли — 1,7 x 0,3 x 0,3 см. Завершения оформлены в виде ровно срезанного края. На внутренних сторонах стержней распо-

Рис. 1. Бронзовые предметы из КГИАМЗ. 1 – удила; 2–4 – псалии; 5–8 – бляхи

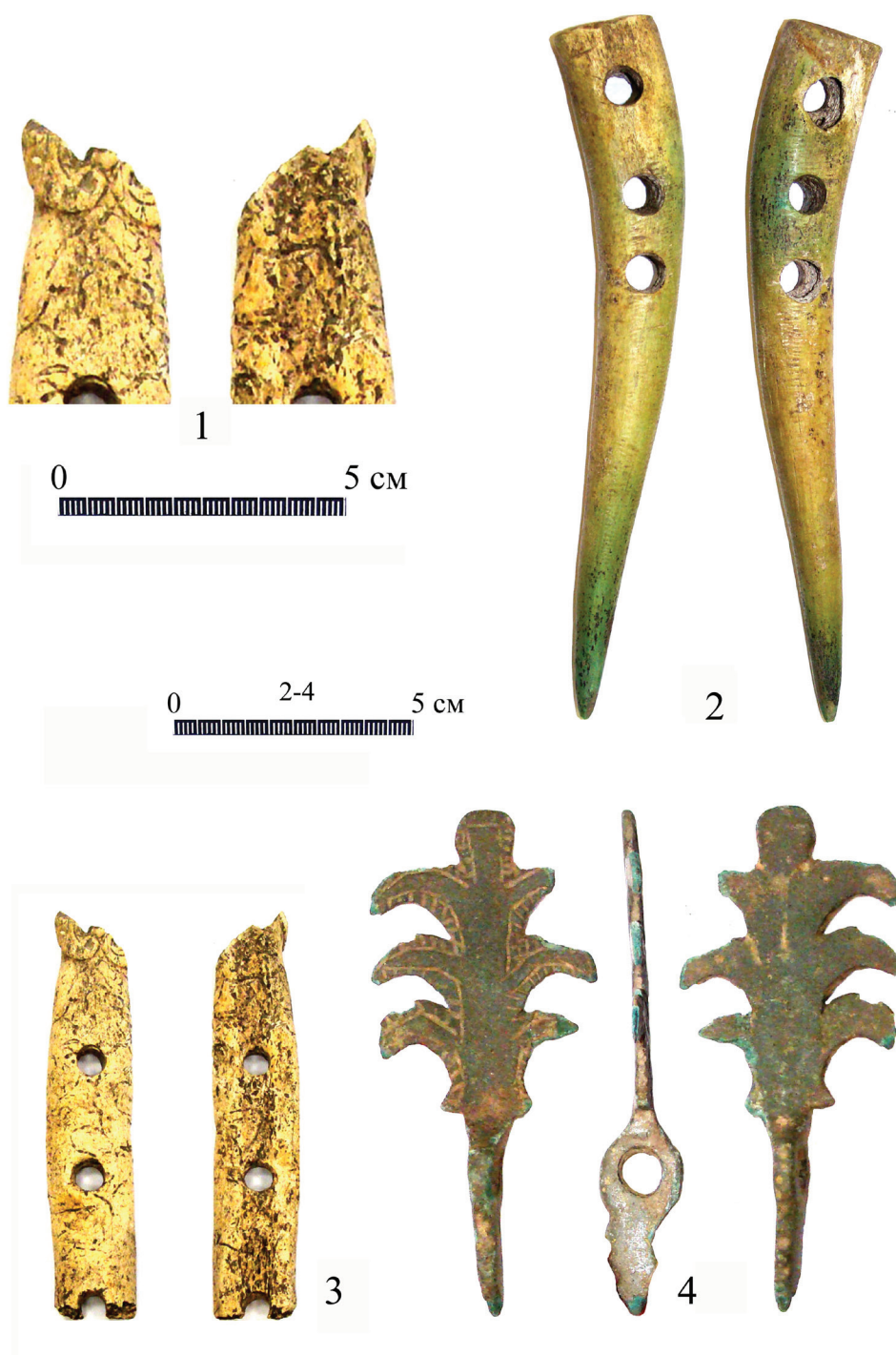

Рис. 2. Предметы из КГИАМЗ. 1-3 – псалии; 4 – псалий (1-3 – рог; 4 – бронза)

Рис. 3. Предметы из КГИАМЗ. 1 – бубенчик; 2, 4 – наконечники ножен;
3 – нож (1, 3, 4 – бронза; 2 – бронза, железо)

ложены по три элемента креплений-петель, отверстия которых на одном — овалы, на другом — круглы.

В.Р. Эрлих выделяет этот тип псалиев в тип Ia по его классификации (Эрлих В.Р., 1991, с.157, 158; 2007, с.123, 124). По С.Л.Дудареву они отнесены к отделу I, типу I вида I (Дударев С.Л., 1999, с.130, 131). С.Б.Вальчак относит подобные псалии к типу Фарс 25, варианту Фарс 25 — Кочипэ 28, для которых характерно прямое стержневидное тулово, иногда с небольшим расширением стержня к одному из завершений, как у одного из рассматриваемых здесь псалиев (Вальчак С.Б., 2009, с.68, рис. 69, 1,2,3; 70, 2–5; 71, 2). Наибольшее число псалиев этого типа, как отмечалось одним из авторов, было найдено в Краснодарском крае, на левобережье Кубани и в предгорьях Адыгеи, небольшое число — в Кисловодской котловине. Основным ареалом их было Закубанье: могильники Фарс, Казазово-3, Бежьевский и многие другие. Псалии типа Фарс 25 чаще всего составляют уздечные комплекты со стремевидными удилами с ложновитым рельефом, реже с однокольчатыми удилами с различным рельефом стержней, другие сочетания единичны: могильники Пшиш-1, Псекупский-1, Клин-Яр III и др. Остальные сочетания единичны (Вальчак С.Б., 2009, с.170, прил.2, табл.28). Подобные псалии датируются предскифским периодом, в рамках VIII в. до н.э.

4. Псалий (рис.1, 2) литой, стержневидный, завершающийся дисковидной шляпкой с длинным, изогнутым во внешнюю сторону верхним концом, в виде лопасти вытянуто-овальной формы. Элементы креплений — три петли в виде круглых колец с круглыми отверстиями, из них одна, средняя, утрачена. Размеры: длина — 15,3 см, диаметр стержня — 1 см, лопасть — 6,4 x 1,6 x 0,4 см, кольца в среднем — 1,6 x 0,45 x 0,3 см.

В.Р. Эрлих в своей классификации выделяет такие псалии в тип IV (Эрлих В.Р., 1991, с.34; 2007, с.123, 124, рис.187). По С.Л.Дудареву, они отнесены к отделу I,

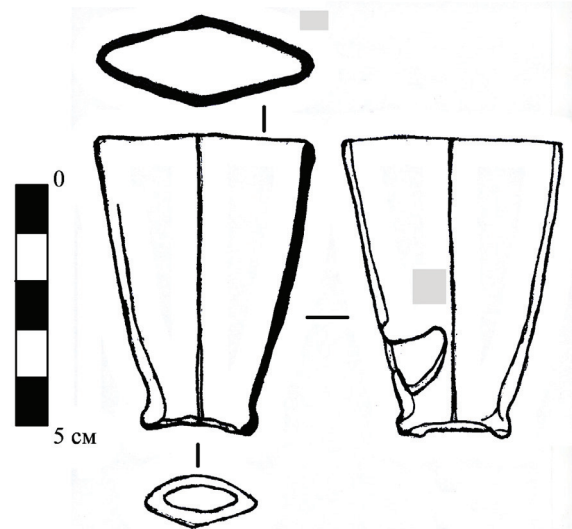

Рис. 4. Бронзовый наконечник ножен из Краснодарского края

типу I, варианту 8 вида II (Дударев С.Л., 1999, с.130, 133). С.Б. Вальчак относит псалии этого типа к типу 6, Новочеркасск, вариант 2, классический (Вальчак С.Б., 2009, с.72–73, рис.91-100). Псалии классического варианта типа Новочеркасск широко распространены на юге Восточной Европы в на позднем этапе предскифского периода, в подавляющем большинстве на Северо-Западном Кавказе: могильники Кочипэ, п.33, Пшиш-1, Кубанский, Бежьевский, ст. Переправная и др. Такие псалии составляют многочисленные уздечные комплекты практически исключительно с двухкольчатыми удилами с прямоугольными видами рельефа стержней (Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Эрлих В.Р., 2005, с.139-163; Вальчак С.Б., 2009, прил.2, табл.23, 28). Датируются такие псалии концом VIII — около середины VII в. до н.э. (Эрлих В.Р., 2007, с.178, 179; Вальчак С.Б., 2009, с.92-94).

5. Псалий (рис.2, 2), сделан из рога, сужающегося к одному из концов, естественное заострение рога сохранено, как и естественное округлое сечение рога, слегка изогнутый, с тремя круглыми отверстиями, сближенными между собой. Псалий покрыт пятнами зелёного цвета от окислов бронзы, вероятно, от лежащих рядом бронзовых удил. Длина — 15,1 см, диаметр основания — 2,2 x 1,4 см, диаметр отверстий — 0,9 см.

С.Б. Вальчак выделяет подобные псалии в отдел 2 асимметричных, подотдел 2 с равновеликими отверстиями, в группу 1, подгруппу 1 — отверстия в одной плоскости, тип 2: Жирноклеевский-1 — Николаевский 31, вариант Фарс 9. Псалии рассматриваемого типа были распространены в предскифский и раннескифский периоды на всей территории юга Восточной Европы, в Поволжье и Волго-Камье. Представлены находками из могильников Фарс, Эльхотово, п. 60; Железноводский 2 (Вальчак С.Б., 2009, с.63, 64, рис.58) датируется VIII–VI вв. до н. э.

6. Псалий (рис.2, 1,3) из рога или кости подпрямоугольной, слегка изогнутой формы, с обломленными верхним и нижним концами и тремя круглыми отверстиями. Один из концов псалия завершается зооморфным изображением, видимо, грифобарана. Размеры псалия: длина — 8,9 см, ширина — 1,8 см, толщина — 0,95 см. Подобные псалии широко распространены в лесостепной зоне Северного Причерноморья (Ильинская В.А., 1968, с.106, 107, табл. IV), изредка встречаются они и в раннескифских памятниках степной зоны Северного Кавказа. Псалий датируется не ранее второй половины VII–VI в. до н.э.

7. Псалий фрагментированный (рис.2, 4), бронзовый двудырчатый. Одно из завершений представляет собой синкретическое изображение головы оленя и «мирового древа» с шестью завитками рогов (ветвей). Изображение древа и часть псалия с сохранившимся отверстием выполнены в разных плоскостях. Щиток с изображением древа — плоский, на лицевой стороне края «ветвей» очерчены выгравированной линией по контуру и перпендикулярными к ней короткими штрихами. Пространство между отверстиями с одной стороны имеет зигзагообразный край. Длина фрагмента псалия — 8,4 см, ширина щитка — 3,8 см, толщина лопасти — 0,25 см, ширина псалия — 1,4 см, диаметр отверстия — 1,35 x 0,45 см. Стилизованное изображение головы оленя с разветвлёнными рогами выполнено в «елизаветинском» стиле (Маслени-

цына Е.С., 1993, с.57–68; Переводчикова Е.В., 1994, с.162–170). Датируются подобные изделия в рамках IV в. до н.э.

8. Бляха (рис.1, 5) с солярным орнаментом, круглая, с невысоким валиком по краю с глубоко врезанной по нему линией и четырьмя треугольными прорезями, образующими «мальтийский» крест, на оборотной стороне — петля крепления. Размеры: диаметры — 3,45 см, толщина с петлей — 1,2 см.

Подобные бляхи включены В.И.Козенковой в набор весьма разнообразных форм III типа (Козенкова В.И., 1995, с.108–111, табл. XXVIII, 12, 15). В классификации В.Р.Эрлиха они отнесены к варианту 2 типа 13. Исследователь датировал их концом VIII — первой половиной VII в. до н.э. Такая датировка подтверждается находками подобных блях в составе тягловой упряжи (Эрлих В.Р., 2007, с.136, рис.201, 1, 2; Вальчак С.Б., Потапов В.В., 2010, с.32, рис.3, 5). Эти же бляхи отнесены к типу 3 (по классификации С.Б.Вальчака и Н.В.Тарасовой) и имеют, как заметил и В.Р.Эрлих, различные размеры, а также многочисленные варианты в исполнении деталей лицевой стороны щитка. Различные варианты широко распространены в памятниках Северного Кавказа предскифского времени, особенно на территории протомеотской и западного варианта кобанской культур. Датируются они несколько шире, в рамках 2-й половины VIII — 1-й половины VII в. до н.э. (Вальчак С.Б., Тарасова Н.В., 2007, с.47, рис.1, 12–15, 17).

9, 10. Бляшки (рис.1, 7, 8) с солярным орнаментом, 2 экземпляра, круглые, со слабо выпуклым щитком, с петлёй на обороте, по периметру щиток окружён валиком, к которому примыкают четыре прорези овальной формы, образуя таким образом крест с расширяющимися концами. В центре щитка — невысокий круглый выступ. Размеры: диаметры — 3,9 и 3,8 см, толщина с петлей — 3,4 см.

Бляхи имеют достаточно много аналогий на Северном Кавказе и вариативно могут различаться деталями оформления

лицевой части. Они включены в тип 1 по С.Б.Вальчаку и Н.В.Тарасовой (Вальчак С.Б., Тарасова Н.В., 2007, с.47, рис.1, 1, 2; Вальчак С.Б., 2009, рис.71, 1; 99, 1). В.Р. Эрлих выделяет подобные бляхи в вариант 6 типа 1 (Эрлих В.Р., 2007, с.131, 132, рис.196, 12). С.Б. Вальчак и Н.В.Тарасова относят период существования подобных блях к 2-й половине VIII — 1-й половине VII в. до н.э.

11. Бляха-пуговица (рис.1, 6), круглая, щиток выпуклый, без орнамента, на обороте — петля. Размеры: диаметр — 1,9 x 1,7 см. высота (с петлёй) — 1,7 см.

Такие маленькие бляхи-пуговицы встречаются как в комплексах с удилами и псалиями ранних типов (по С.Б.Вальчаку), так и с псалиями варианта классического типа Новочеркасск. На Северном Кавказе они известны в могильниках КМФ 1, Султангорский-1, Беляевский и многих других, с псалиями типа Берёзовский 26 в могильниках Клин-Яр III, п.23; Берёзовский, п. 26; Отстойник-1 (Вальчак С.Б., 2009, рис. 54; 90, 2; 99, 1; 100, 1). Вообще это одна из самых простых и распространённых форм бляшек кобанской культуры (во всех её вариантах) на протяжении всей истории её развития (Эрлих В.Р., 2007, с.164, 165, рис.223, 23). Их датировку можно распространить на весь VIII в. до н.э., вплоть до середины VII в. до н.э.

12. Бубенчик бронзовый (рис.3, 1) конической формы, с одним отверстием для крепления на верхнем конце, боковая поверхность покрыта двумя поперечными рядами треугольной формы вырезов, которые направлены вершинами друг к другу. Один из вырезов больше остальных. Внутри бубенчика находятся два шумящих элемента округлой и дисковидной форм. Основание бубенца овальное, слегка выпуклое, без прорезей. Размеры: длина — 5,1 см, диаметр — 2,5 x 2,1 см, высота прорезей — 0,5 x 0,6 см, ширина — 0,6 x 0,7 см.

По мнению М.Н.Погребовой, бубенчики разных форм с аналогичной прорезной орнаментацией в VII–VI вв. до н.э. были распространены по всему Кавказу (Погрелова М.Н., 1984, с.110–113, табл.Х).

13. Нож бронзовый (рис.3, 3) со слегка изогнутой выпуклой спинкой, переходящей в короткий прямой и узкий черенок и слегка вогнутым лезвием. Размеры: длина ножа — 8,9 см, клинок лезвия — 7 x 1,6 x 0,15 см.

Тип вышеназванного ножа близок ножам из Камышевахского кургана, Николаевского могильника в Прикубанье, Высокая могила, и других черноголовских памятников предскифского периода (Тереножкин А.И., 1976, с.161, рис.6, 7; 14, 7; 26, 8). Датируются временем конца IX–VIII в. до н.э.

14. Наконечник ножен железного кинжала или меча (рис.3, 2), бронзовый, литой, усечённо-конической формы, ромбического сечения, с обрезанным нижним концом. Внутри наконечника имеются пропитанные железными окислами остатки дерева и кожи ножен, а также фрагмент железного клинка. Размеры: общая длина — 11 см, фрагмент железного клинка выступает из наконечника на 5 см; ширина лезвия кинжала — 3 см, по центру клинка отчётливо фиксируется продольная грань. Общая длина сохранившейся части клинка — около 11 см, длина наконечника ножен — 5,9 см, ширина верхней части — 4,2 см, толщина — 1,65 см. Остатки клинка корродированы, обломлены. Поверхность наконечника патинирована, имеет выемку, видимо, была разрублена с одной стороны.

Единственная известная нам аналогия также происходит из грабительских раскопок в регионе Северо-Западного Кавказа (Новороссийск?). Набор разнообразных бронзовых и железных вещей предскифского и скифского времени был передан местными жителями начальнику Патрейской экспедиции ИА РАН А.П.Абрамову во второй половине 1990-х годов. Часть из этих вещей уже была опубликована (Маслов В.Е., 2008, с.344–352). В этом наборе вещей находился очень близкий наконечник ножен, как по форме, так и по размерам, который удалось зарисовать (рис.4).

В закрытых археологических комплексах такие наконечники пока не известны. Предположительная датировка — в рамках VII–VI вв. до н.э.

15. Наконечник ножен кинжала или меча (рис.2, 4) литой, бронзовый, ажурный, украшен прорезями листовидной, круглой, подквадратной и других неправильных форм с лицевой и оборотной сторон, а также тремя рельефными параллельными горизонтальными линиями по верхнему краю с лицевой стороны. Наконечник полуовальной формы. Размеры: длина — 6,6 см, ширина — 4,7 см, толщина — 1,3 см.

Прорези, по всей видимости, являются неудачно отлитым зооморфным изображением. Несколько подобных наконечников ножен с прорезной зооморфной орнаментацией, по мнению Ю.Б.Полидовича, найдены в комплексах преимущественно V в. до н.э. (Полидович Ю.Б., 2013, с.157, 159, рис.2, 8, 9, 11–13).

Рассмотренный набор вещей, хоть и потерявших свой археологический контекст, тем не менее является важным для пополнения наших знаний о предскифских и раннескифских древностях Северо-Западного Кавказа. Не сомневаемся, что публикуемые вещи найдут своё место в имеющихся классификациях, пополнят статистические штудии исследователей, а также, находясь в музее, окажутся доступны для дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Вальчак С.Б., 2009.* Конское снаряжение в первой трети 1-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. — М. (с библиогр.).
- Вальчак С.Б., Потанов В.В., 2010.* Новая находка предметов упряжи предскифского времени в Кабардино-Балкарии // Древности Кубани. Вып.22. — Краснодар.
- Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Эрлих В.Р., 2005.* Новые материалы предскифского времени с южного берега Краснодарского водохранилища (из частной коллекции) // МИАК. Вып.5. — Краснодар.
- Вальчак С.Б., Тарасова Н.В., 2007.* Типология и хронология предскифских бляшек с солярными знаками // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О.І.Тереножкіна. Матеріали Міжнародної наукової конференції. Київ — Чигирин, 2007.
- Дударев С.Л., 1999.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н.э.). — Армавир (с библиогр.).
- Ильинская В.А., 1968.* Скифы Днепро-Донецкого лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — Киев.
- Козенкова В.И., 1995.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В2-5. Вып.4. — М.
- Масленищова Е.С., 1993.* Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья V-IV вв. до н.э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989-1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. — М.
- Маслов В.Е., 2008.* Находки древностей раннего железного века с Юга России // Древности Юга России. Памяти А.Г.Атавина. — М.
- Переводчикова Е.В., 1994.* Язык звериных образов. Очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи. — М.
- Погребова М.Н., 1984.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. — М.
- Полидович Ю.Б., 2013.* Структура и символика декора ножен мечей раннескифского времени // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Мат-лы Междунар. научной конференции, посвящённой памяти А.И.Мелюковой. — Ростов-на-Дону.
- Тереножкин А.И., 1976.* Киммерийцы. — Киев.
- Эрлих В.Р., 1991.* Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. — М.
- Эрлих В.Р., 2007.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. — М. (с библиогр.).

А.И. ГАРМАШОВ, В.А. ЛАРЕНОК

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О РАСКОПКАХ УЧАСТКОВ НЕКРОПОЛЕЙ ДВУХ МЕОТСКИХ ГОРОДИЩ НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВА-НА-ДОНУ

Речь в нашей статье пойдет о раскопках начала XXI века на небольших участках некрополей, расположенных на территориях известных меотских нижнедонских городищ первых веков н.э.: Темерницком и Ростовском, которые не так хорошо исследованы, как другие меотские поселения города, поэтому материалы из этих памятников представляют особый интерес.

Первые сведения о меотских городищах, находившихся на месте современного Ростова, мы находим на картах второй половины XVIII века, созданных российскими военными инженерами при строительстве крепости Святителя Дмитрия Ростовского. Например, карта инженера А.И. Ригельмана, составленная в 1768 г., отмечает холмы Темерницкого, Ростовского и Кизитириновского городищ. На подробном плане крепости, составленном де-Вернезом в последней четверти XVIII в., отчетливо читаются рвы и цитадель Ростовского городища. Позднее уже, во второй половине XIX в. эти площади активно застраиваются городскими кварталами, культурные слои разрушаются, и теперь границы и территории меотских поселений и их некрополей можно выявить только в процессе раскопок на современных строительных площадках.

Темерницкое городище находится в приустьевой части левого берега реки Темерника, притока Дона, и в настоящее время практически не выражено на местности, вся территория памятника покрыта плотной городской современной застройкой. Границы поселения с его некрополем можно определить приблизительно. С юга — край высокого правого берега р. Дон, с запада — пойма реки Темерники. С севера — южный борт балки Генеральской (несколько севернее ул. Б. Садовой), восточная — до пер. Островского (табл.1).

Первые археологические находки с Темерницкого городища были собраны донским краеведом Х.И. Поповым в 1869–1970 гг. при строительстве Ростовского железнодорожного вокзала и подъездных путей к нему. В дальнейшем изучение памятника ограничивалось сборами, наблюдениями и зачистками обнажений культурного слоя. Достаточно полная история изучения Темерницкого городища изложена в сборнике «Отражение прошлого (Темерницкое городище)», изданном Ростовским региональным отделением Всероссийской общественной организации ВООПИиК в 2000 г. (Ларенок П.А., 2000, с.6). Исследования грунтового некрополя Темерницкого городища впервые были предприняты в 1993 году. При реконструкции ливневой канализации по южной стороне ул. Большой Садовой, от переулка Братского до переулка Островского, отрядом экспедиции археологической лаборатории Ростовского госуниверситета (Рогудеев В.В., 2000, с.3; Парусимов И.Н., Рогудеев В.В., с.256–271) были исследованы 33 сильно разрушенных погребения. Небольшая часть городища исследовалась российско-швейцарской экспедицией В.П. Копыловым и Т.Ж. Томашевич-Бук. На двух его участках проводились раскопки в 2008 г. экспедицией ГАУК РО «Донское наследие» (Жеребилов С.Е., 2010, с.162–167; Жеребилов С.Е., Науменко С.А., Костюхина Л.В., 2009, с.118).

Ростовское городище расположено к востоку от Темерницкого, в 1,5 км, на высоком правом берегу реки Дон (табл.1). Его границы и территория практически не исследованы. Судя по немногочисленным раскопанным погребениям некрополя, западная граница проходит по проспекту Ворошиловскому, северная, возможно, находится между ул. Станиславского и Со-

Табл. 1 Схема расположения Темерницкого и Ростовского городищ на территории современного Ростова-на-Дону. Темерницкое городище: 1 — раскоп в переулке Халтуринском в 2002 г.; 2 — раскоп во дворе школы № 55 в 2006 году; 3 — раскоп на ул. Социалистической в 2013 году. Ростовское городище: 4 — раскоп во дворе областного Тубдиспансера 2005 года.
— — — — — примерные границы меотских городищ

циалистической. Восточная граница не определена. Открытие Ростовского городища принадлежит Г.А. Иноземцеву, который в 1923 г. восточнее Большого проспекта (ныне пр. Ворошиловский) и южнее улицы Нижне-Бульварной в срезе берегового обрыва собрал несколько античных черепков (Иноземцев Г.А., 1927). Первыми исследователями памятника при анализе планов крепости Св. Димитрия Ростовского установлено, что как минимум четверть всей площади городища была уничтожена при устройстве товарной пристани и складов Русского общества пароходства и торговли в конце XIX в. (Стефанов А.Т., 1928, с.17,18). По крайней мере, на достаточно подробной карте Ростова-на-Дону, изданной в 1912 г., следы городища уже отсутствуют. До конца 20-х гг. на его месте проводились эпизодические сборы археологического подъемного материала, преимущественно римского времени. В 1956–1957 гг. при прокладке подземных коммуникаций на пересечении улицы Станиславского и проспекта Воро-

шиловского было обнаружено 3 меотских погребения, исследованных сотрудниками Областного музея краеведения, преподавателями и студентами Ростовского государственного университета. Имеются сведения о находке в 1976 г. человеческих костей и сероглиняной керамики на проспекте Соколова, «чуть ниже трамвайных путей» (Братченко С.Н., Косяненко В.М., 1994, с.33–35). По рассказам старожилов, при послевоенном восстановлении часового завода в ходе земляных работ было обнаружено несколько человеческих костяков с «черными кувшинами». «Черные кувшины» могут быть интерпретированы как лепные или сероглиняные сосуды, составлявшие погребальный инвентарь. Впервые раскопки небольшого участка поселения были проведены в 2006 г. экспедицией НМЦА РГПУ на месте строительства здания бизнес-центра «Пять морей». Исследованы остатки культурного слоя, сильно разрушенного городскими постройками XIX–XX веков, хозяйственные и зерновые ямы. По материалам

раскопок — фрагментам светлоглиняных амфор В, С и D авторы датируют городище второй половиной I–III в. н.э. (Копылов В.П., Коваленко А.Н., Меньшикова В.А., 2008, с.108–115).

Четыре небольших участка были раскопаны на некрополях этих меотских городищ в начале нынешнего века. В 2002 году по улице Шаумяна, 24/26 на пересечении с переулком Халтуринским экспедицией Областной инспекции по охране и эксплуатации памятников истории и культуры, начальник отряда А.И. Гармашов, (Гармашов А.И. 2003, с.4–6) обнаружено и исследовано 16 погребений (табл.1). В сентябре 2006 г. площадка находилась по улице Серафимовича, 25, на территории двора средней школы № 55, где были исследованы три погребения и участок северной части Свято-Никольского храма XIX в. (Он же, 2012, с.5–7) (табл.1). В 2013 году археологической экспедицией НП «ЮЖАРХЕОЛОГИЯ» на пересечении улицы Шаумяна и переулка Братского на площадке под строительство жилого дома обнаружено одно частично разрушенное захоронение. Руководитель работ — Ларенок П.А. (табл.1).

В декабре 2005 г. раскопки проведены на участке грунтового некрополя Ростовского городища, расположенного по улице Станиславского, 132, на территории двора Областного противотуберкулезного диспансера при строительстве распределительной подстанции (Он же, 2006, с.5–8) (табл.1). Исследовано 6 погребений, из них 4 относятся к первым векам н.э.

В настоящее время городища и их некрополи полностью находятся под современными постройками. Эти районы города начали интенсивно застраиваться со второй половины XIX в., поэтому на исследованных участках погребения повреждены или уничтожены подвалами и фундаментами домов. Сохранились частично 5 захоронений. Большая часть — 15 комплексов — была разграблена. В трех захоронениях ограблена та часть, где находились череп, руки и грудная клетка погребенных (табл.4, 1; 5, 1; 11, 6). Полностью ограблено 5 погребений,

в них сохранились лишь отдельные кости человека или жертвенного животного в колодце (табл.3, 1; 8; 11, 1; 12, 1,2). В 4 ямах обнаружены перемещенные кости людей и отдельные предметы или фрагменты погребального инвентаря, причем ограблено таким способом 2 погребения на участке Ростовского городища (табл.10, 1; 15, 1; 4, 6). Сложно сказать, когда совершались разграбления могил. Судя по характеру разрушения некоторых из них, когда была потревожена верхняя часть костяка, можно сказать, что это происходило еще в первые века н.э. Грабители наверняка знали, какие интересующие их вещи могли находиться в этой части могилы. Два других способа могут относиться и к более поздним периодам истории. Такие типы разграбления хорошо известны по могильнику Кобякова городища (Ларенок В.А. 2013, с.260, 261) и других меотских некрополей.

Погребальный обряд. Типы погребальных конструкций на исследованных участках двух городищ такие же, как и на других меотских памятниках Нижнего Дона: ямы с перекрытием на заплечиках, подбой и катакомбы. Из-за сил ьного разрушения к могилам с перекрытием на заплечиках можно отнести две ямы, расположенные на участке некрополя Ростовского городища (Р/1 и Р/6) (табл.17, 1,6) и одну (Х/15) (табл.12, 1) на участке Темерницкого¹. Семь погребений имели подбойную конструкцию (табл.2, 1; 3, 5; 9, 1; 11, 1, 3; 16, 1; 17, 4) и 11 относятся к катакомбам (табл. 4, 1; 5, 1; 6, 1; 8, 1; 10, 1; 11, 6; 12, 2; 13, 1, 2; Табл. 15–1). Все погребальные сооружения ориентированы по линии север — юг, иногда с отклонением к СЗ–ЮВ или ССЗ–ЮЮВ. Камеры двух подбойных захоронений находились к западу от колодцев, одного — к северу и одного — к востоку. В погребении Х/11 вход в камеру подбоя закрывала плита из серого песчаника. Конструкции катакомб в трех случаях имели Т-образную форму и в большинстве случаев Г-образную (в 6 погребениях). В одной катакомбе камера была соосна колодцу (Х/6). Камеры катакомбных погребений

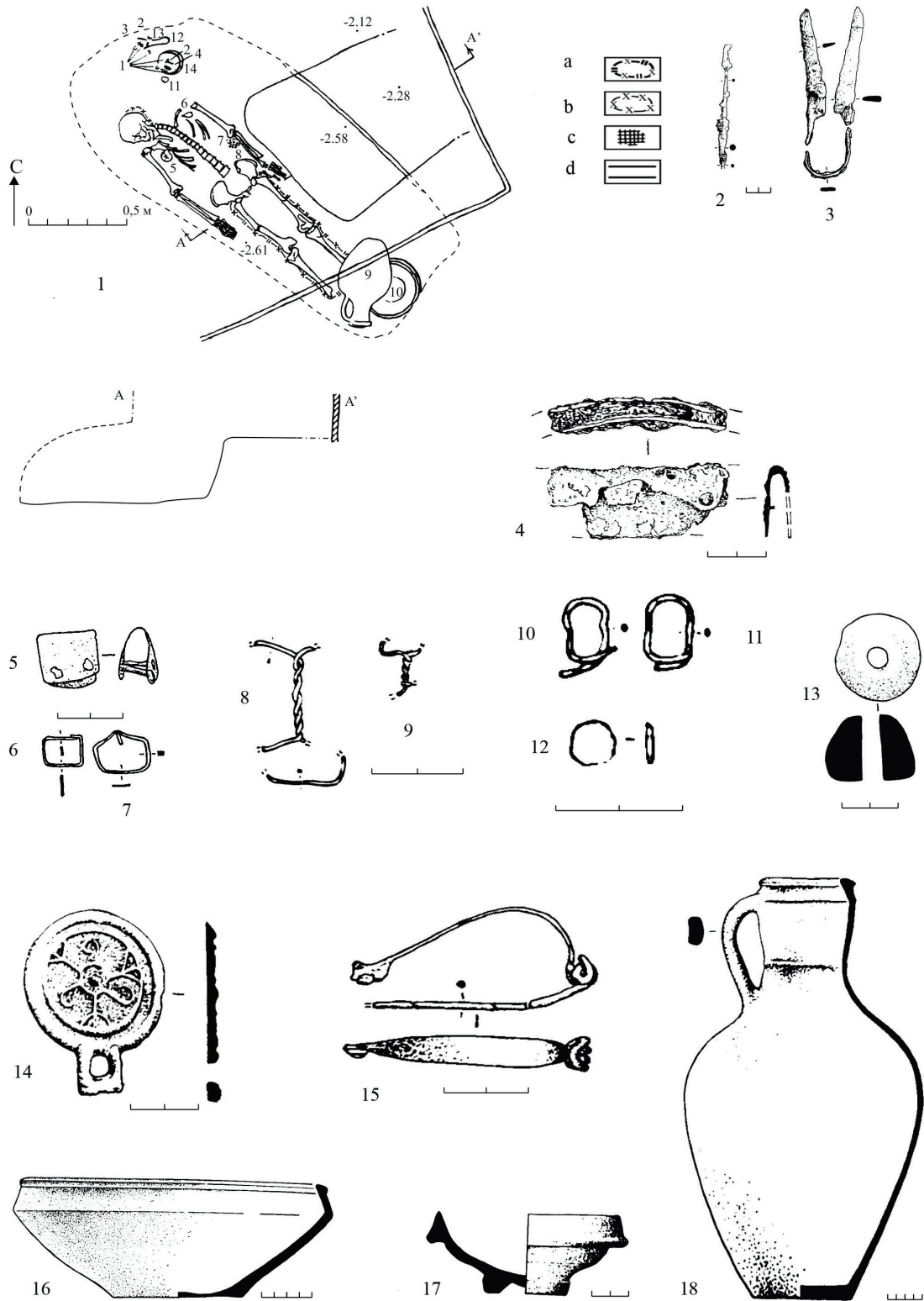

Табл. 2. Некрополь Темерницкого городища, пер. Халтуринский/ул. Шаумяна, 24–26, 2002 год.
 1 – погребение 1 (1 – скобы, 2 – витые проволоки, 3 – игла, 4, 13 – оковка, 5 – зеркало, 6 – фибула, 7 – серьги, 8 – вставка-кабашон, 9 – кувшин, 10 – миска, 11 – пряслице, 12 – ножницы, 14 – миска; а – коричнево-желтый тлен, б – коричневый тлен, с – серый тлен, d – внутренняя стена подвала), 2 – игла, железо, 3 – ножницы, железо; детали деревянного сосуда: 4 – оковка, железо, 5 – оковка, бронза, 6–7 – обоймы, бронза, 8–9 – витые проволоочки, бронза, 10–11 – серьги, бронза, 12 – вставка-кабашон, стекло, 13 – пряслице, глина, 14 – зеркало, бронза, 15 – фибула, бронза, 16 – миска, глина, 17 – краснолаковая миска, глина, 18 – кувшин, глина

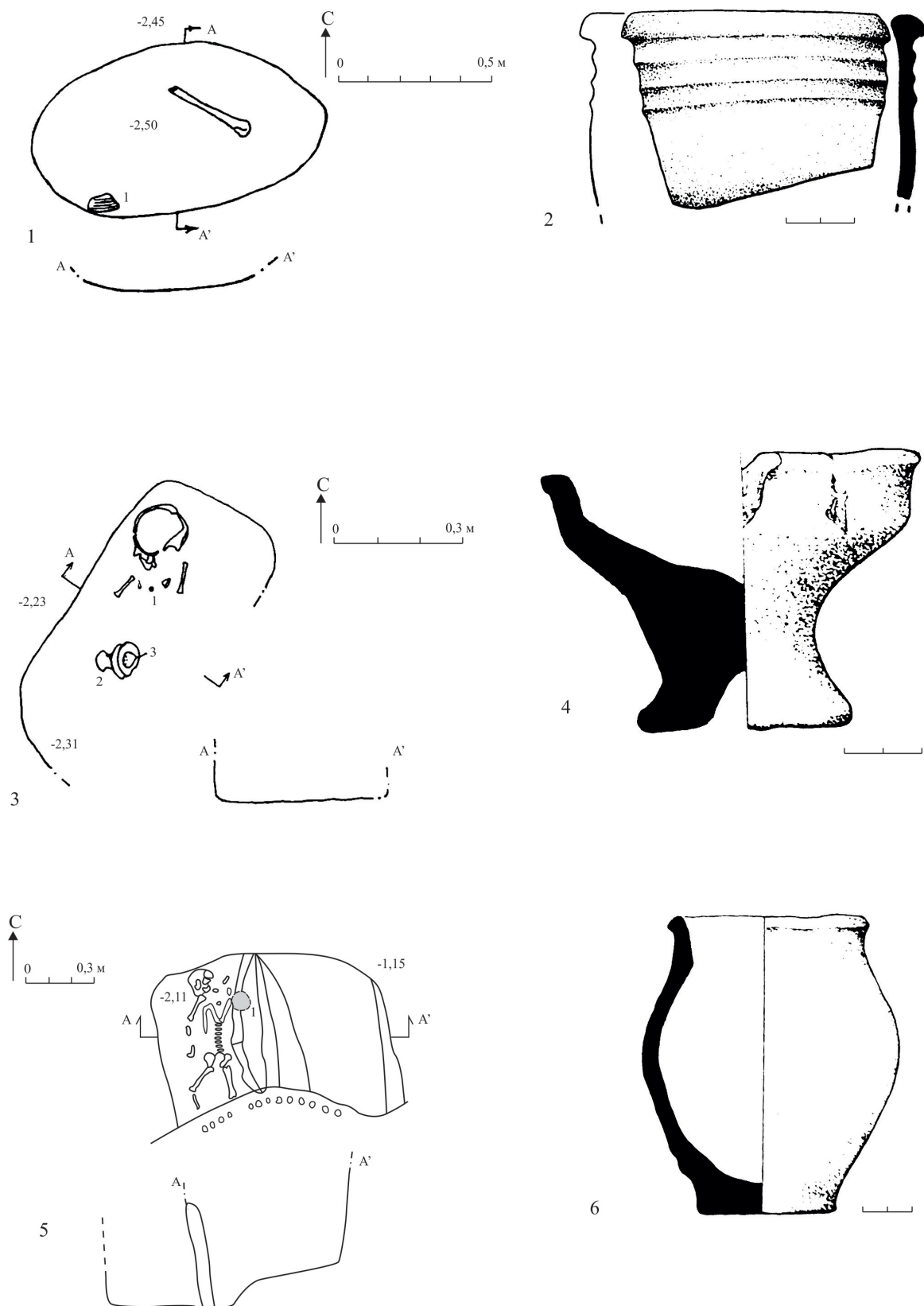

Табл. 3. Некрополь Темерницкого городища, пер. Халтуринский/ул. Шаумяна, 24–26, 2002 год.
 1 – погребение 2 (1 – венчик сосуда), 2 – фрагмент венчика сосуда, глина, погр. 2, 3 – погребение 7
 (1 – бусина, 2 – чашечка, 3 – мел), 4 – чашечка, глина, погр. 7, 5 – погребение 11 (1 – горшок, глина),
 6 – горшок, глина, погребение 11

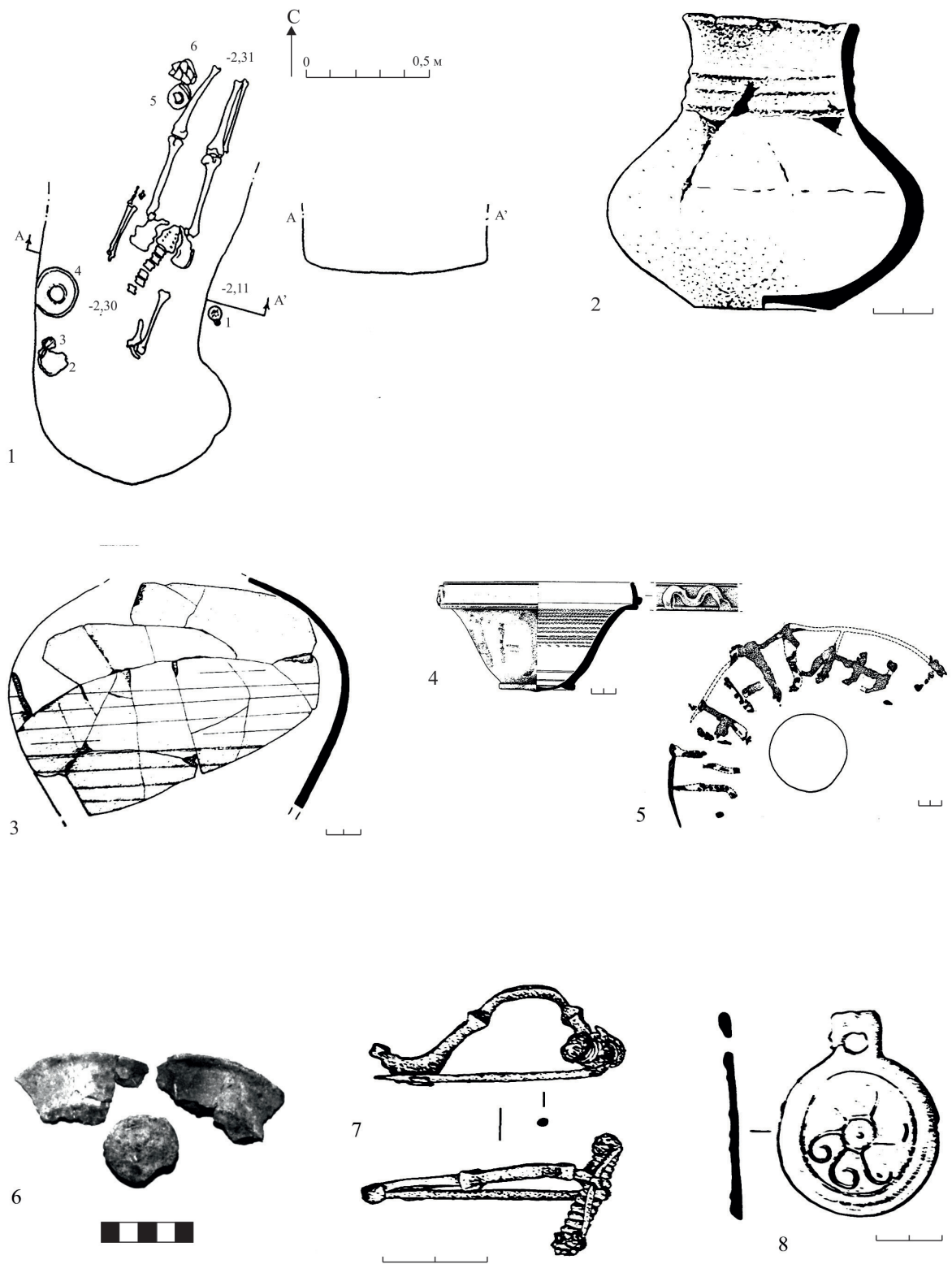

Табл. 4. Некрополь Темерницкого городища, пер. Халтуринский/ул. Шаумяна, 24–26, 2002 год.
 1 – погребение 3 (1 – зеркало, 2 – чашечка, 3 – мел, 4 – миска, 5 – кубышка, фрагмент сосуда),
 2 – кубышка, глина, 3 – фрагмент сосуда, глина, 4 – краснолаковая чашечка, глина,
 5 – прорисовка орнамента на чашечке, 6 – фрагменты чашечки, глина, 7 – фибула, бронза,
 8 – зеркало, бронза

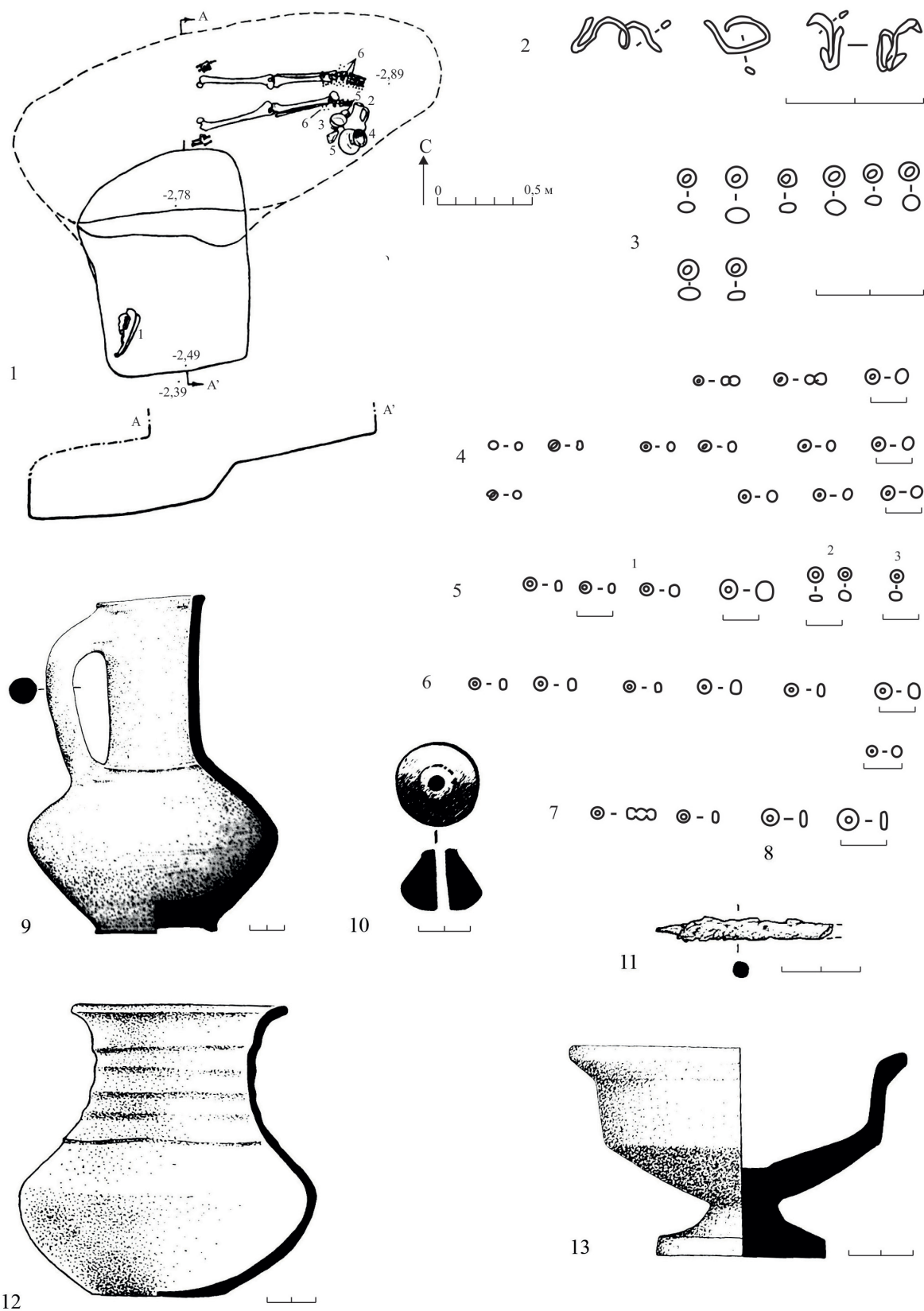

Табл. 5. Некрополь Темерницкого городища, пер. Халтуринский/ул. Шаумяна, 24–26, 2002 год.
 1 – погребение 4 (1 – череп животного, 2 – кувшин, 3 – чашечка, 4 – кубышка, 5 – мел, 6 – расшивка бисером), 2 – скобы, бронза, 3–8 – бисер, бусины, стекло, 9 – кувшин, глина, 10 – пряслице, глина, 11 – шило, железо, 12 – кубышка, глина, 13 – чашечка, глина

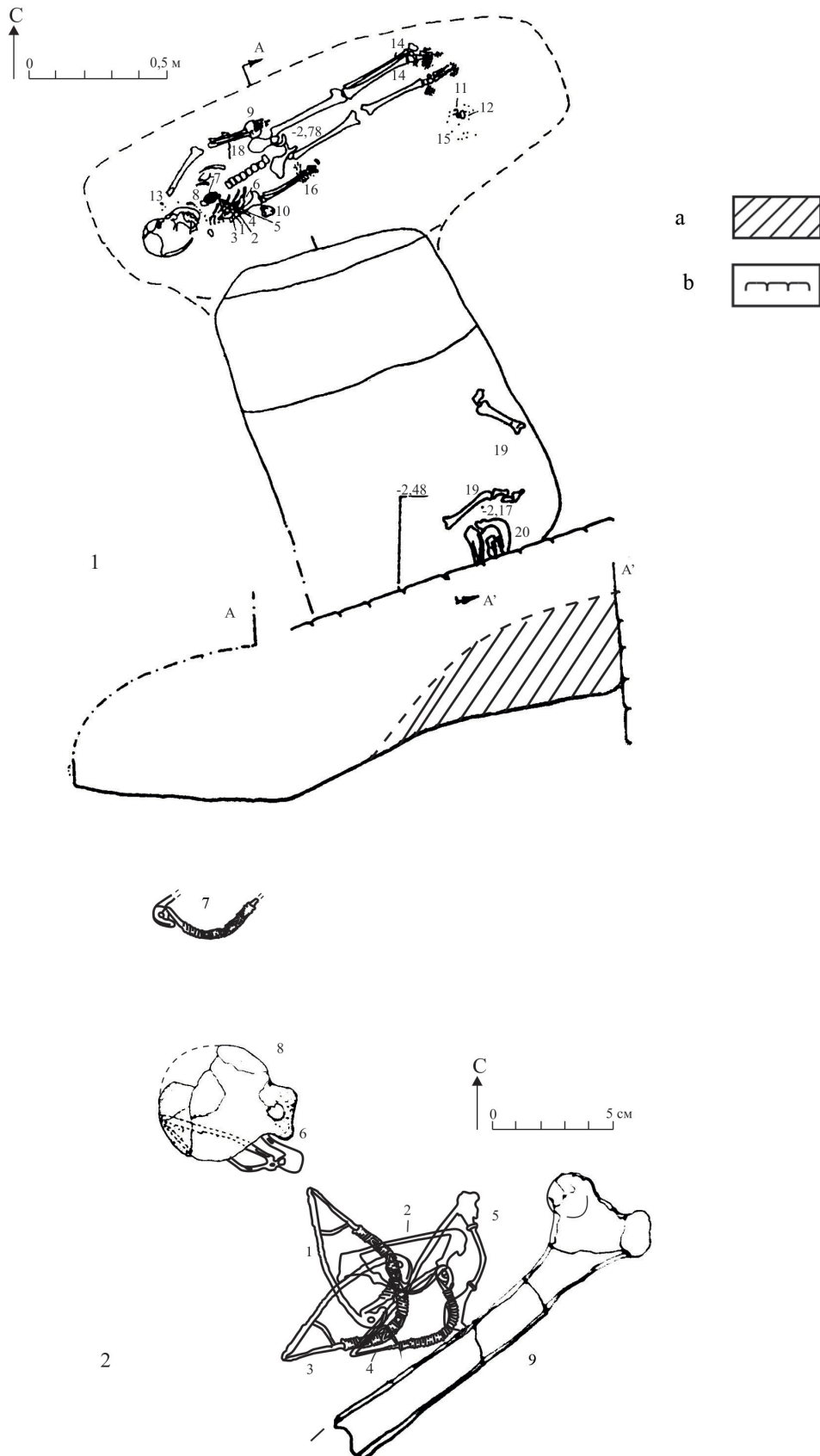

Табл. 6. Некрополь Темерницкого ибродища, пер. Халтуринский/ул. Шаумяна, 24–26, 2002 год.
 1 – погребение 5 (1–7 – фибулы, 8 – зеркало, 9 – браслет, 10 – пряслице, 11 – подвеска, бронза, 12 – комок мела, 13–16 – бисер, 17 – 18 – браслеты, железо, 19 – кость животного, 20 – череп животного, а – материковый выкид, б – фундамент дома), 2 – погребение 5, деталь (1–7 – фибулы, 8 – зеркало, 9 – бедренная кость человека)

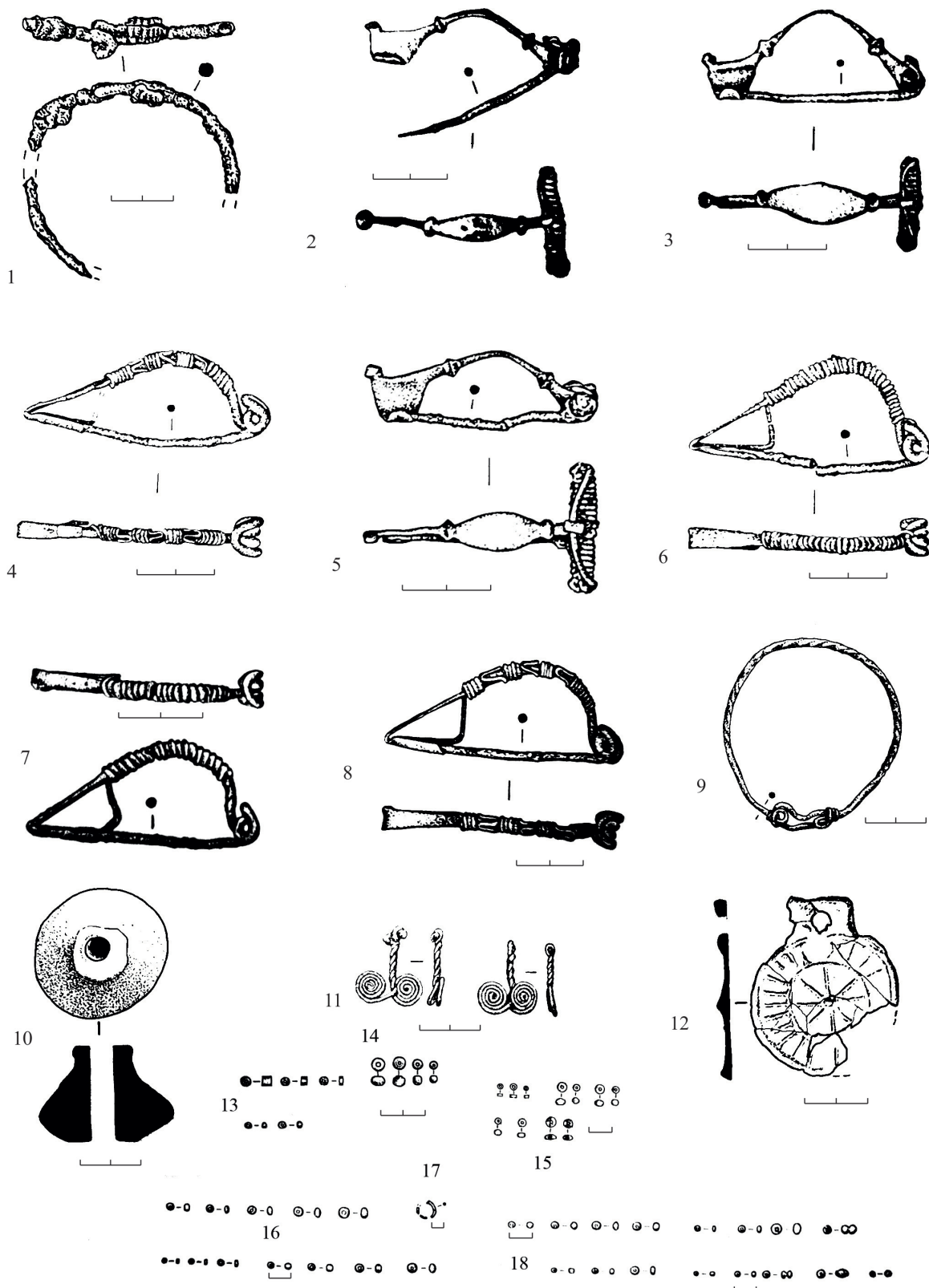

Табл. 7. Некрополь Темерницкого городища, пер. Халтуринский/ул. Шаумяна, 24–26, 2002 год.
 Погребение 5 (1 – браслет, железо, 2–8 – фибулы, бронза. 9 – браслет, бронза,
 10 – пряслице, 12 – зеркало, бронза, 13 – бусины ожерелья (гешир, стекло),
 14 – бусины браслета, стекло, 15–16 – бусины вокруг стоп, стекло.
 Детали и расшивка сумочки: 11 – подвески, бронза, 17 – кольцо, белый металл,
 18 – бусины и бисер, стекло)

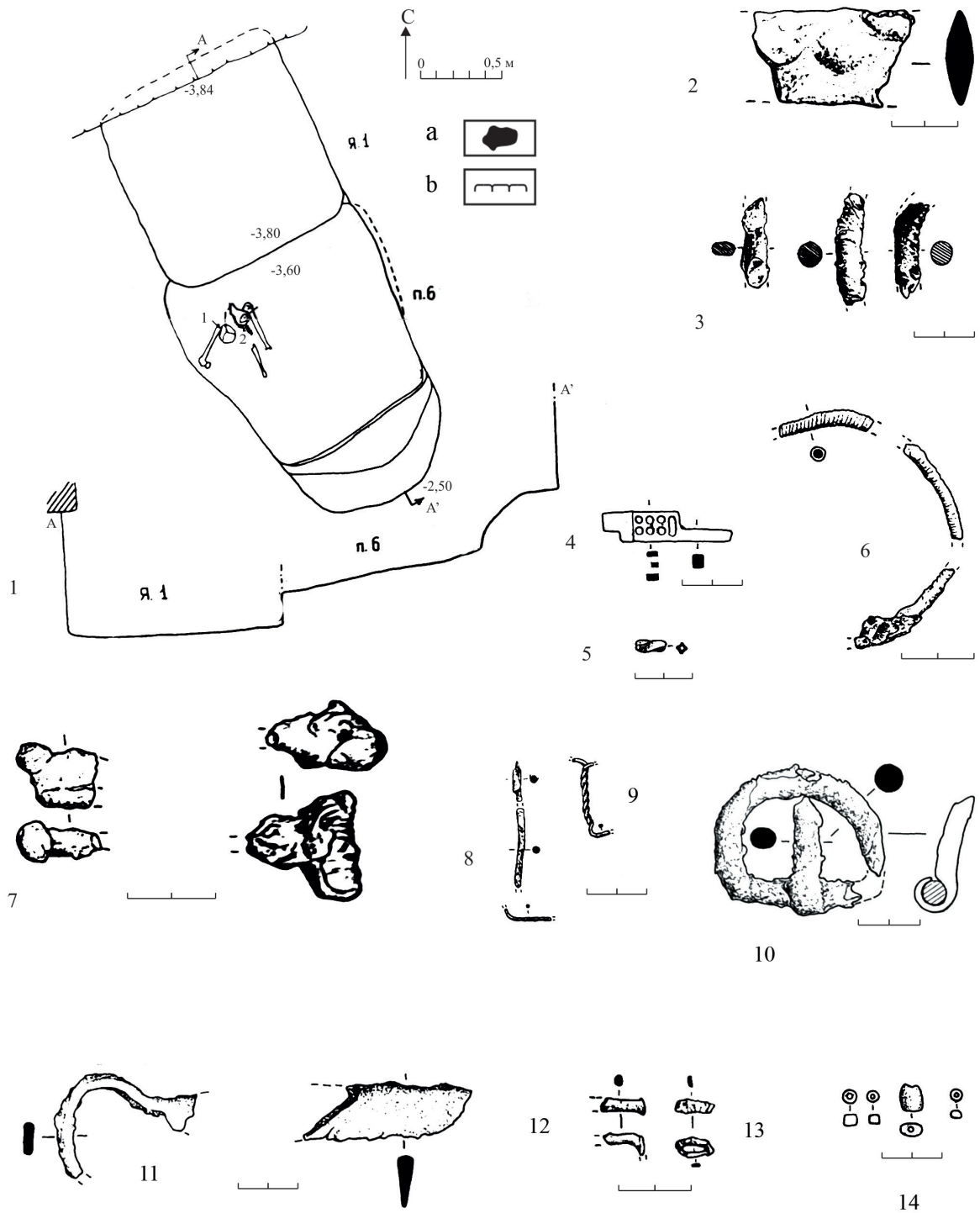

Табл. 8. Некрополь Темерницкого городища, пер. Халтуринский/ул. Шаумяна 24-26, 2002 год.
 1 — погребение 6 (1 — мел, 2 — фрагмент предмета, железо, а — коричневый тлен, б — фундамент дома,
 2 — фрагмент меча, железо, 3 — фрагменты пряжки(?), железо, 4 — ригель замка, бронза, 5 — пронызь,
 стекло, 6 — фрагменты браслета, железо, белый металл, 7 — фрагменты фибулы, железо, 8 — фрагмент
 стержня, бронза, 9 — витая проволока, бронза, 10 — пряжка, железо, 11 — фрагменты ножниц, железо,
 12-13 — обои, железо, 14 — бусины, стекло, янтарь)

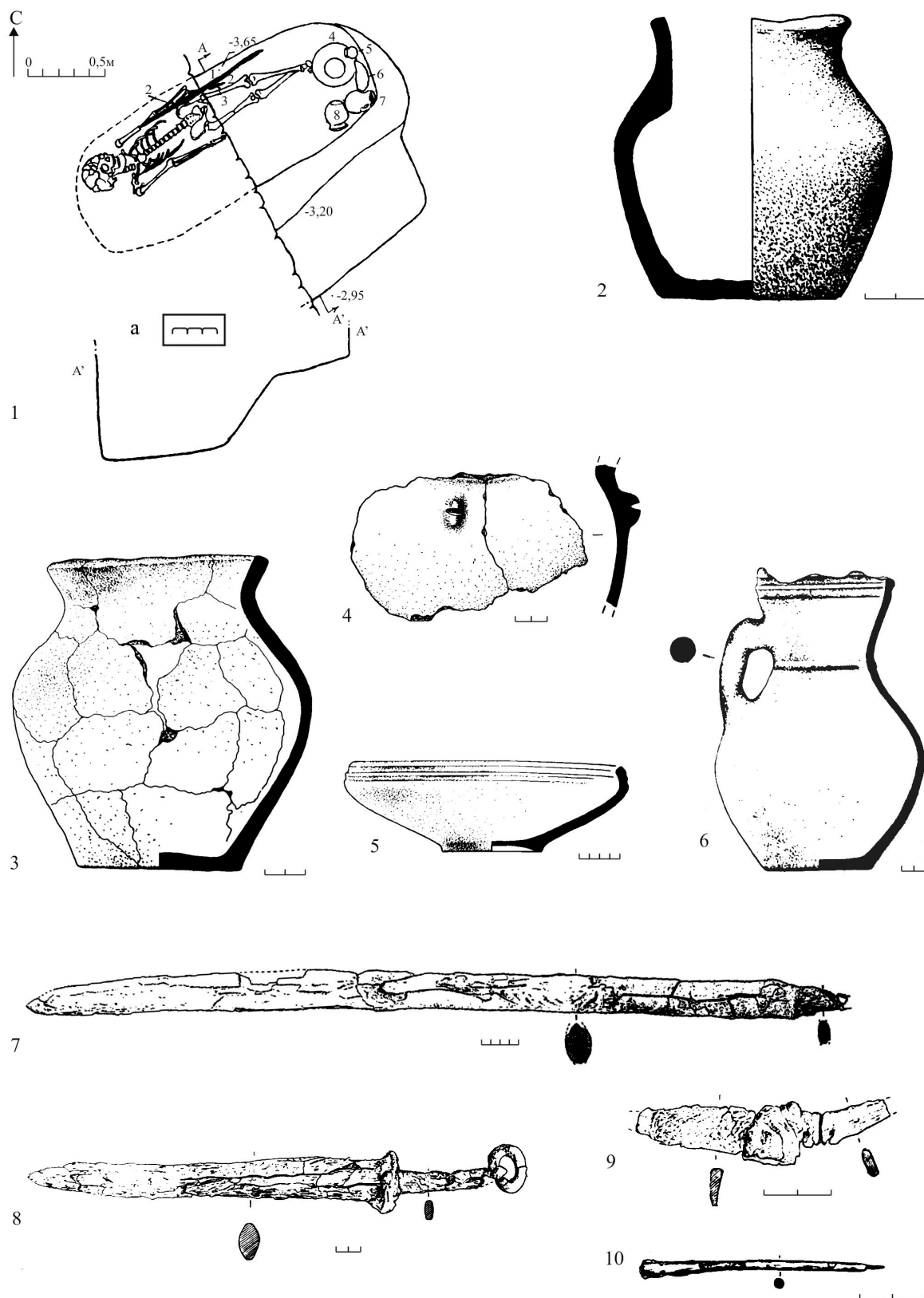

Табл. 9. Некрополь Темерницкого городища, пер. Халтуринский/ул. Шаумяна, 24–26, 2002 год.
 1 – погребение 8 (1 – меч, 2 – кинжал, 3 – бусина, 4 – миска, 5 – горшок, 6 – фрагмент горшка,
 7 – кувшин, 8 – горшок, а – фундамент дома), 2, 3 – горшок, глина, 4 – фрагмент горшка, глина,
 5 – миска, глина, 6 – кувшин, глина, 7 – меч, железо, 8 – кинжал, железо, 9 – нож, железо,
 10 – игла, железо

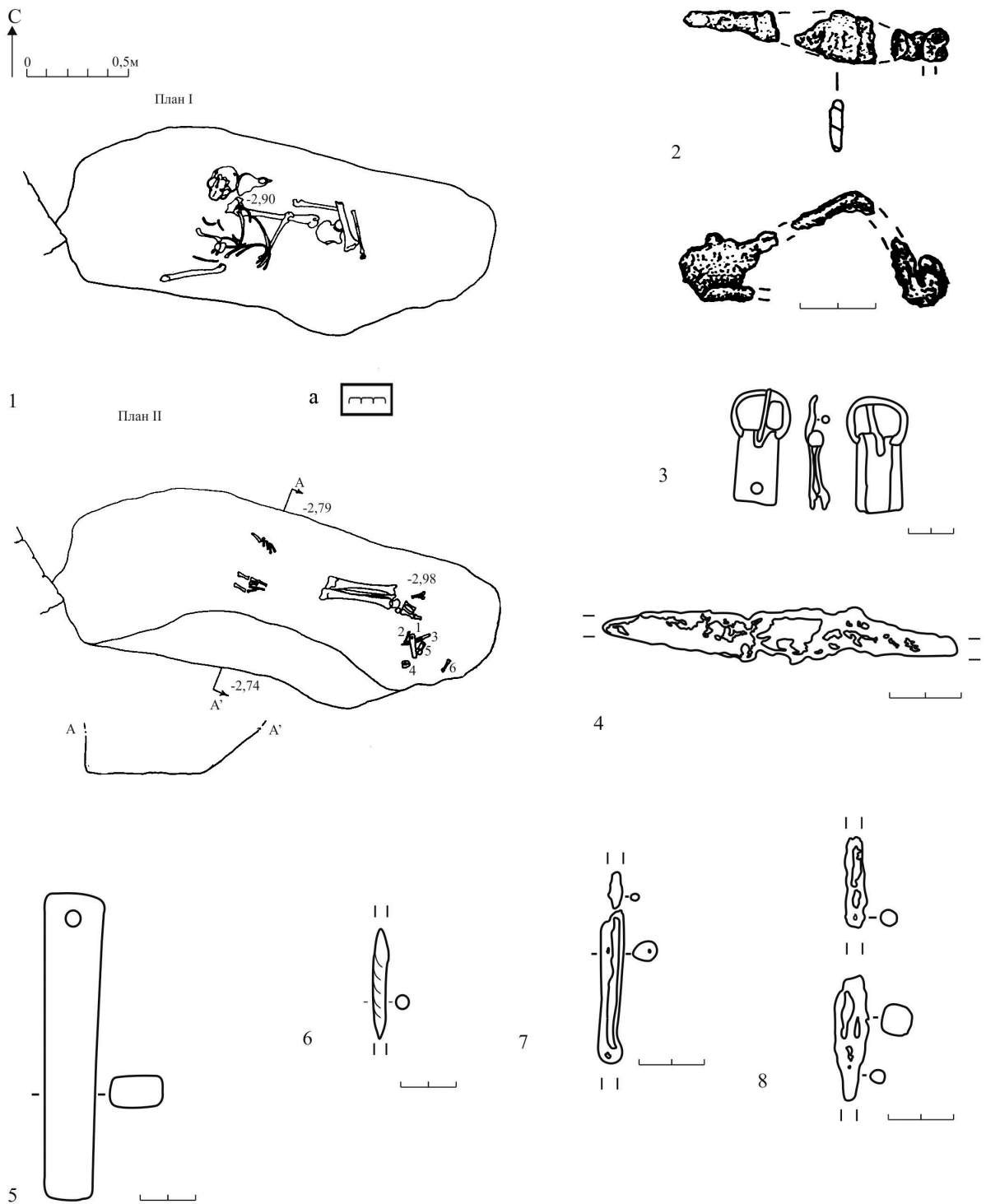

Табл. 10. Некрополь Темерницкого городища, пер. Халтуринский/ул. Шаумяна, 24–26, 2002 год.

1 – погребение 9 (1 – оселок, 2 – игольник, 3 – нож, 4 – кремь, 5 – пряжка, 6 – шило, а – фундамент дома), 2 – фибула, железо, 3 – пряжка, бронза, 4 – нож, железо, 5 – оселок, камень, 6 – сверло(?), железо, 7 – игольник, кость, 8 – шило, железо

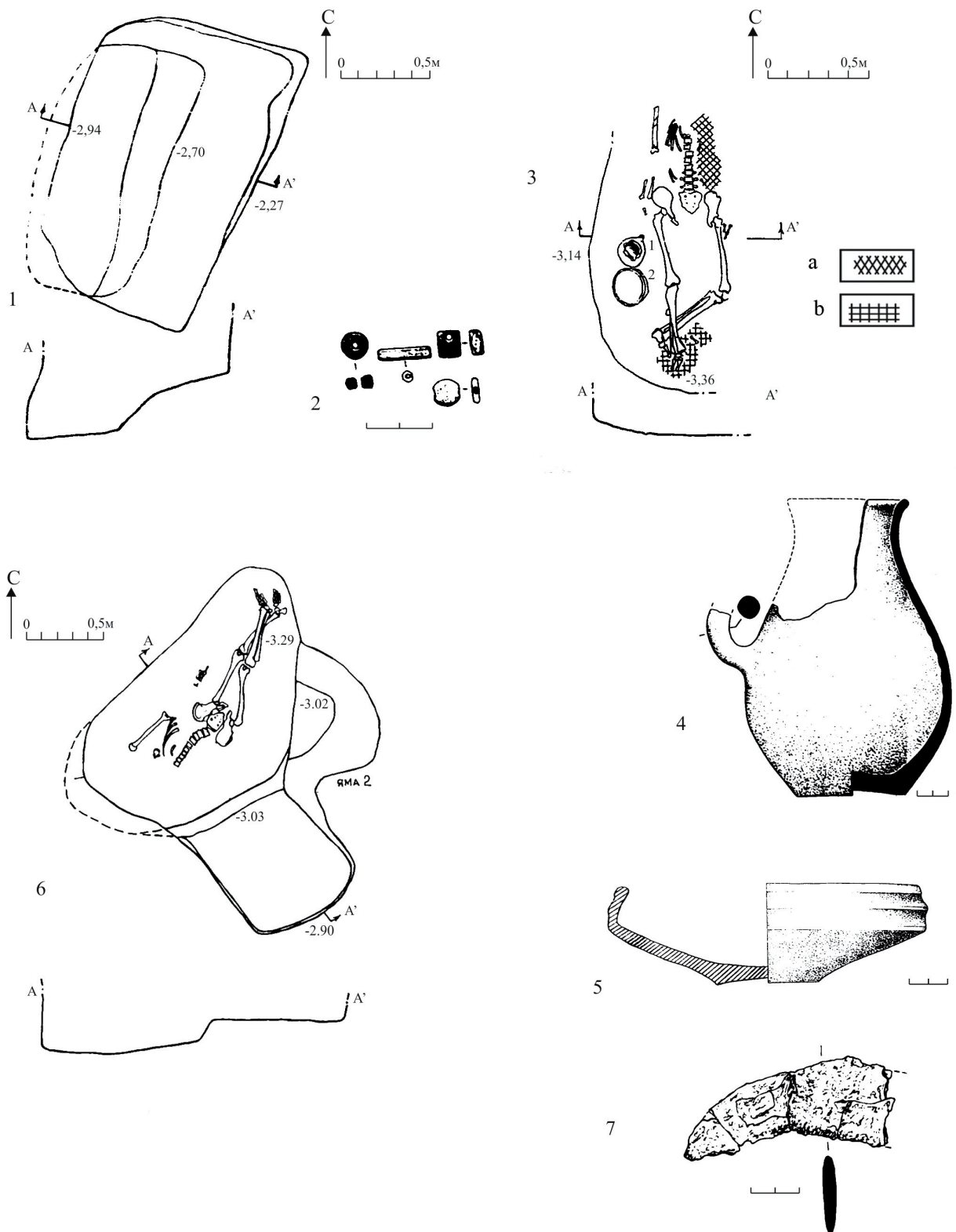

Табл. 11. Некрополь Темерницкого городища, пер. Халтуринский/ул. Шаумяна, 24–26, 2002 год.
 1 – погребение 12, 2 – погребение 12 (бусины, стекло, гешир, сердолик), 3 – погребение 13 (1 – кувшин,
 2 – миска, а – зеленый глен, б – серый глен), 4 – погребение 13, кувшин,
 5 – погребение 13, миска, 6 – погребение 14, 7 – погребение 14, серп, железо

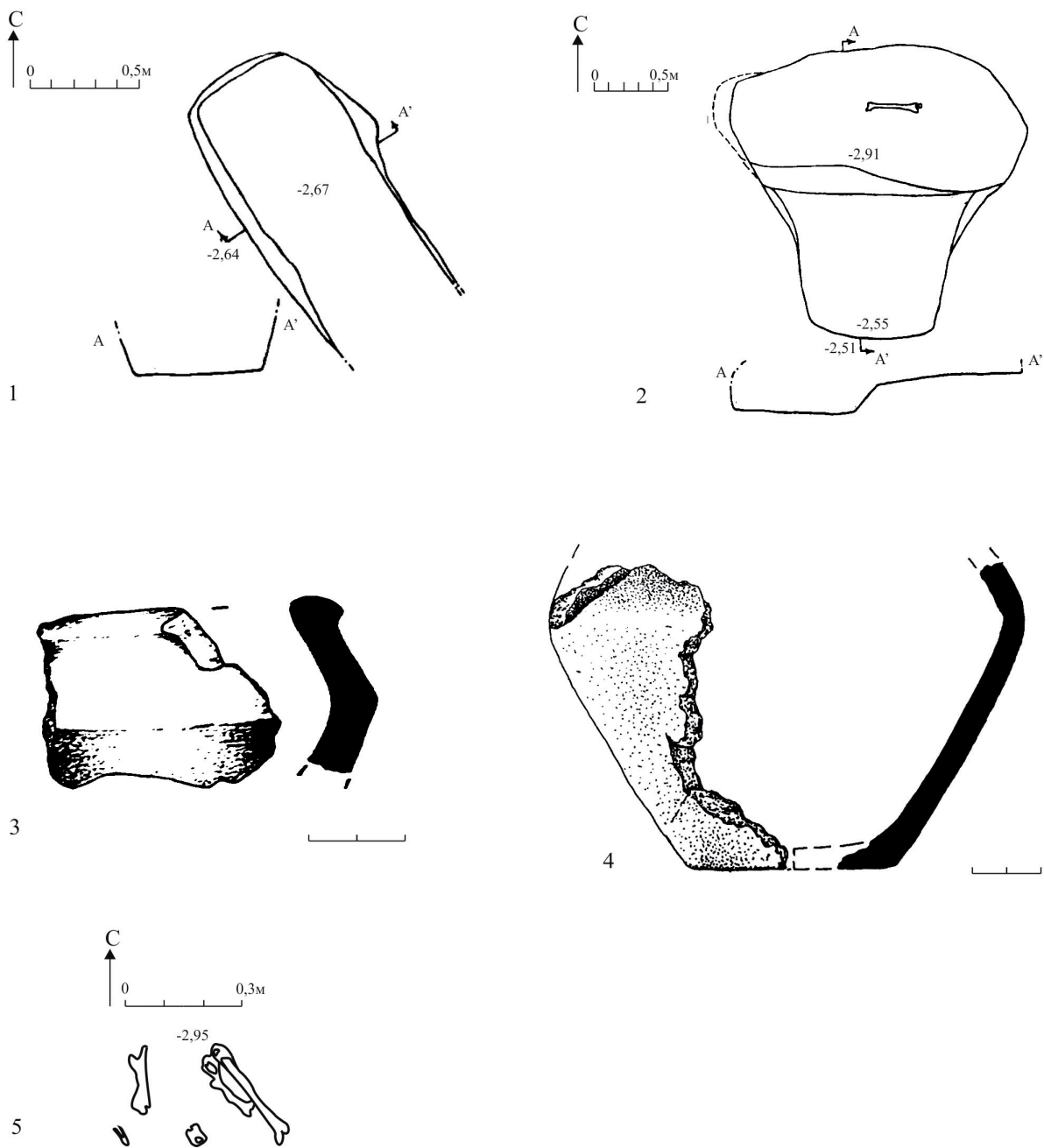

Табл. 12. Некрополь Темерницкого городища, пер. Халтуринский/ул. Шаумяна, 24–26, 2002 год.
 1 – погребение 15, 2 – погребение 16, 3 – погребение 16, фрагмент венчика, глина,
 4 – погребение 16, фрагмент горшка, глина, 5 – погребение 10

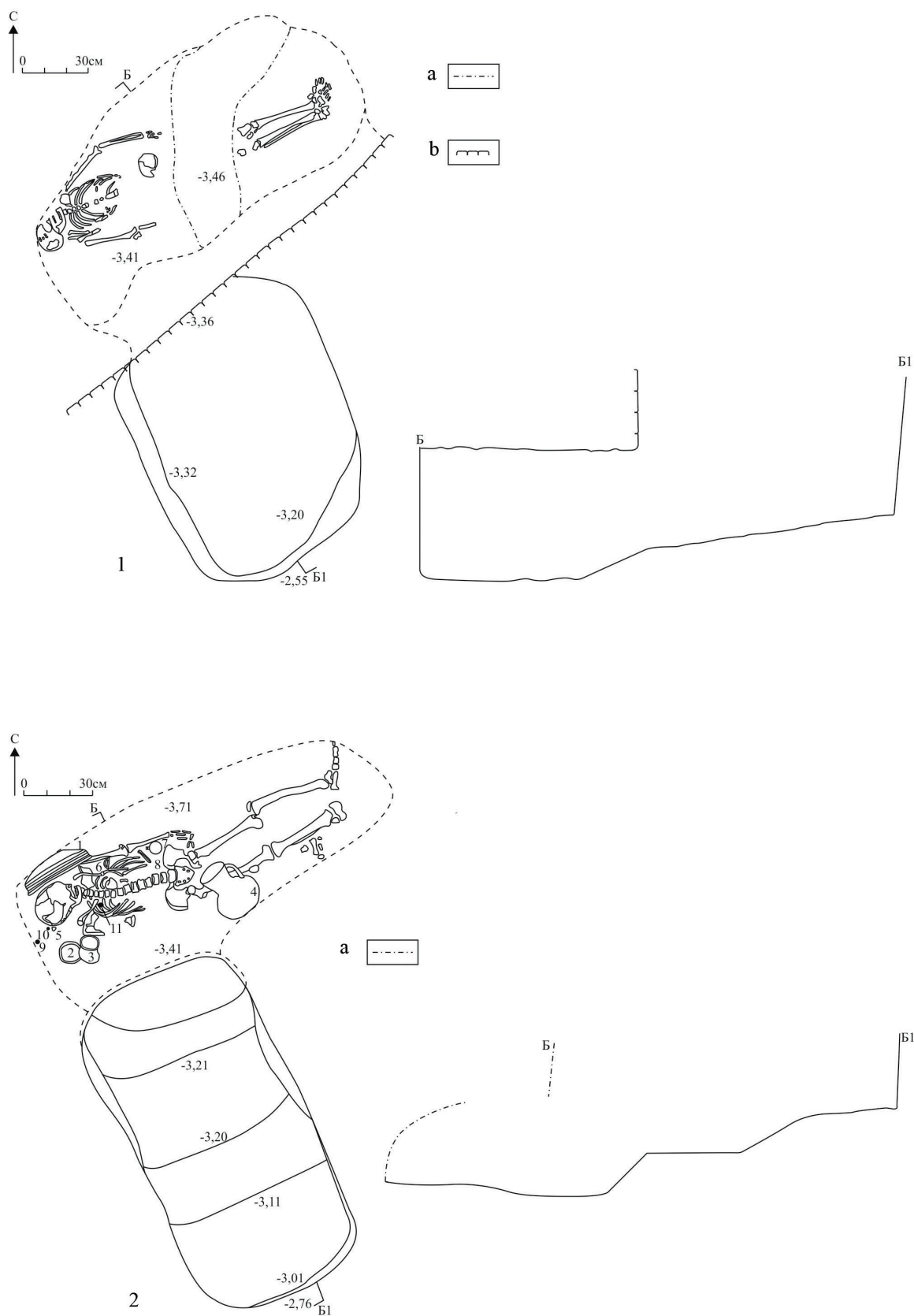

Табл. 13. Некрополь Темерницкого городища, ул. Серафимовича, 25.

1 – погребение 1 (а – нора, b – фундамент церкви), 2 – погребение 2 (1 – миска, 2 – чашечка),
 3 – маленький сосуд, 4 – кувшин, 5 – серьга, 6 – фибула, 7 – зеркало, 8 – игольник(?), 9 – бусина,
 10 – глазчатая бусина, 11 – боченковидная бусина, а – нора.

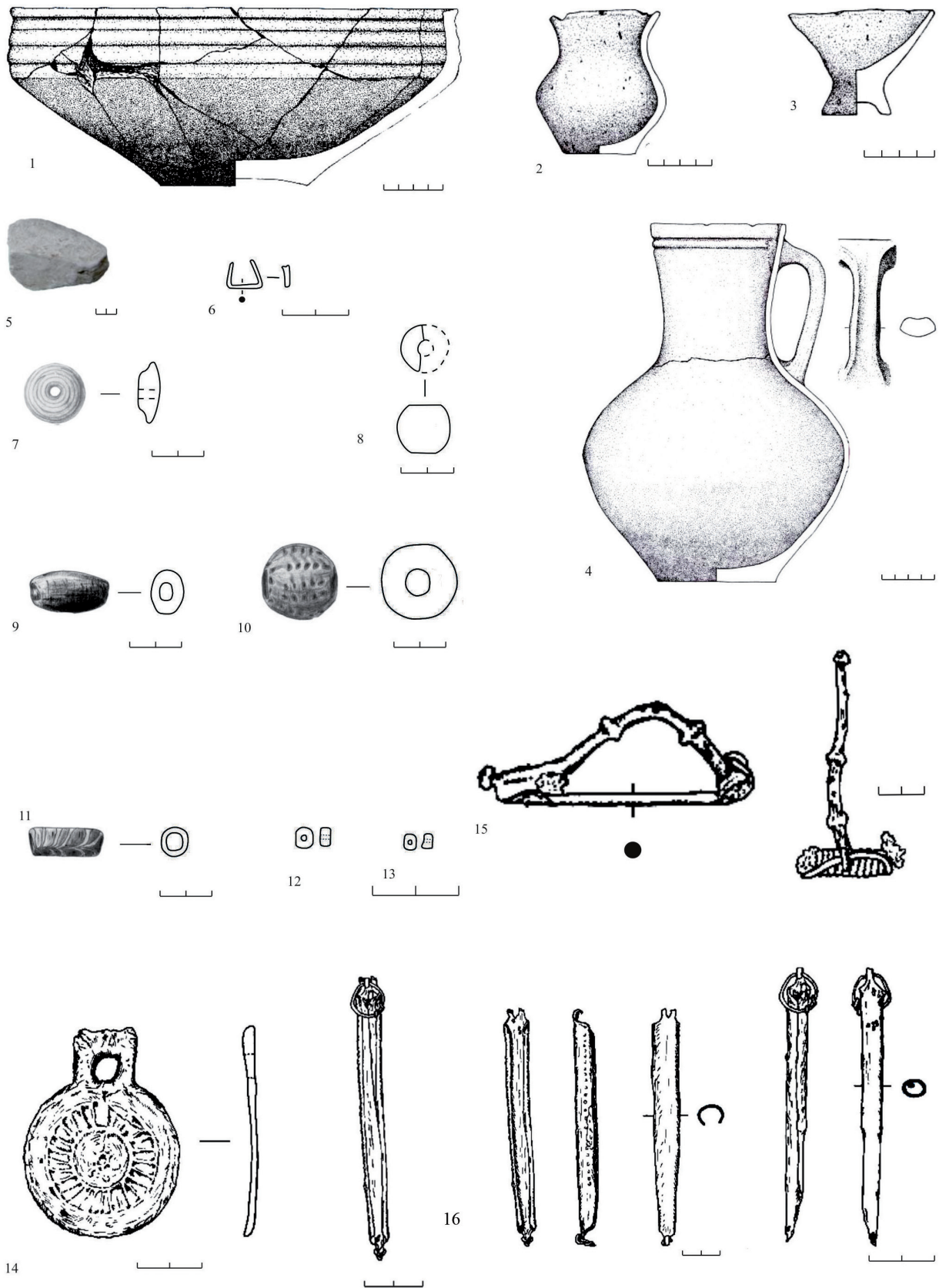

Табл. 14. Некрополь Темерницкого городища, ул. Серафимовича, 25. Погребение 2.
 1 – миска, глина, 2 – горшок, глина, 3 – чашечка, глина, 4 – кувшин, глина, 5 – кусок мела,
 6 – скоба, бронза, 7–13 – бусины, стекло, гешир, 14 – зеркало, бронза, 15 – фибула, бронза,
 16 – игольник(?), бронза

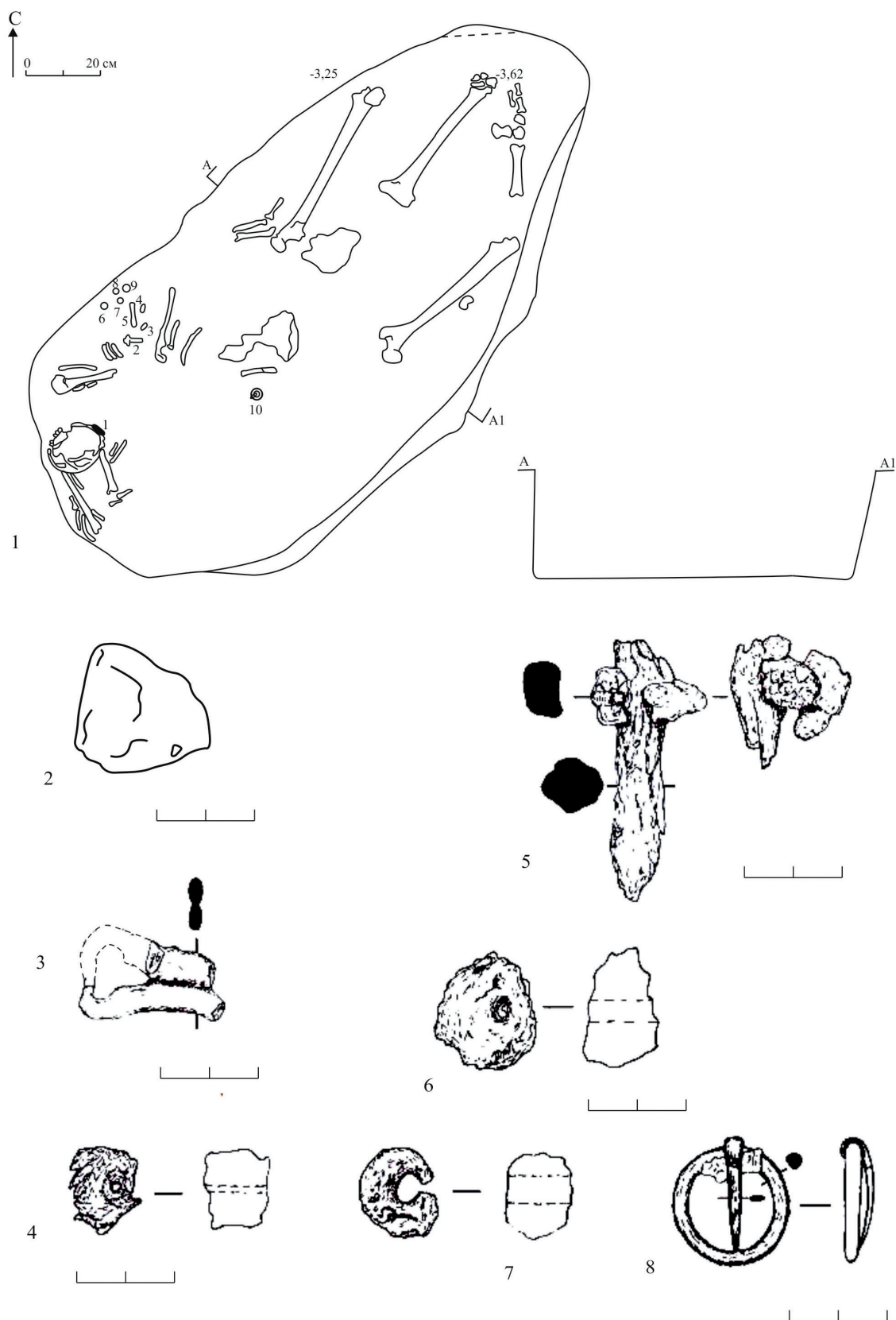

Табл. 15. Некрополь Темерницкого городища, ул. Серафимовича, 25.
 1 — Погребение 3 (1, 2, 4, 5 — фрагменты удил, 3 — фрагмент пряжки(?), 6–9 — бусины, 10 — пряжка),
 2 — кусок мела, 3 — пряжка(?), железо, 4, 6, 7 — бусины, железо, 5 — фрагмент удил, железо,
 8 — пряжка, бронза

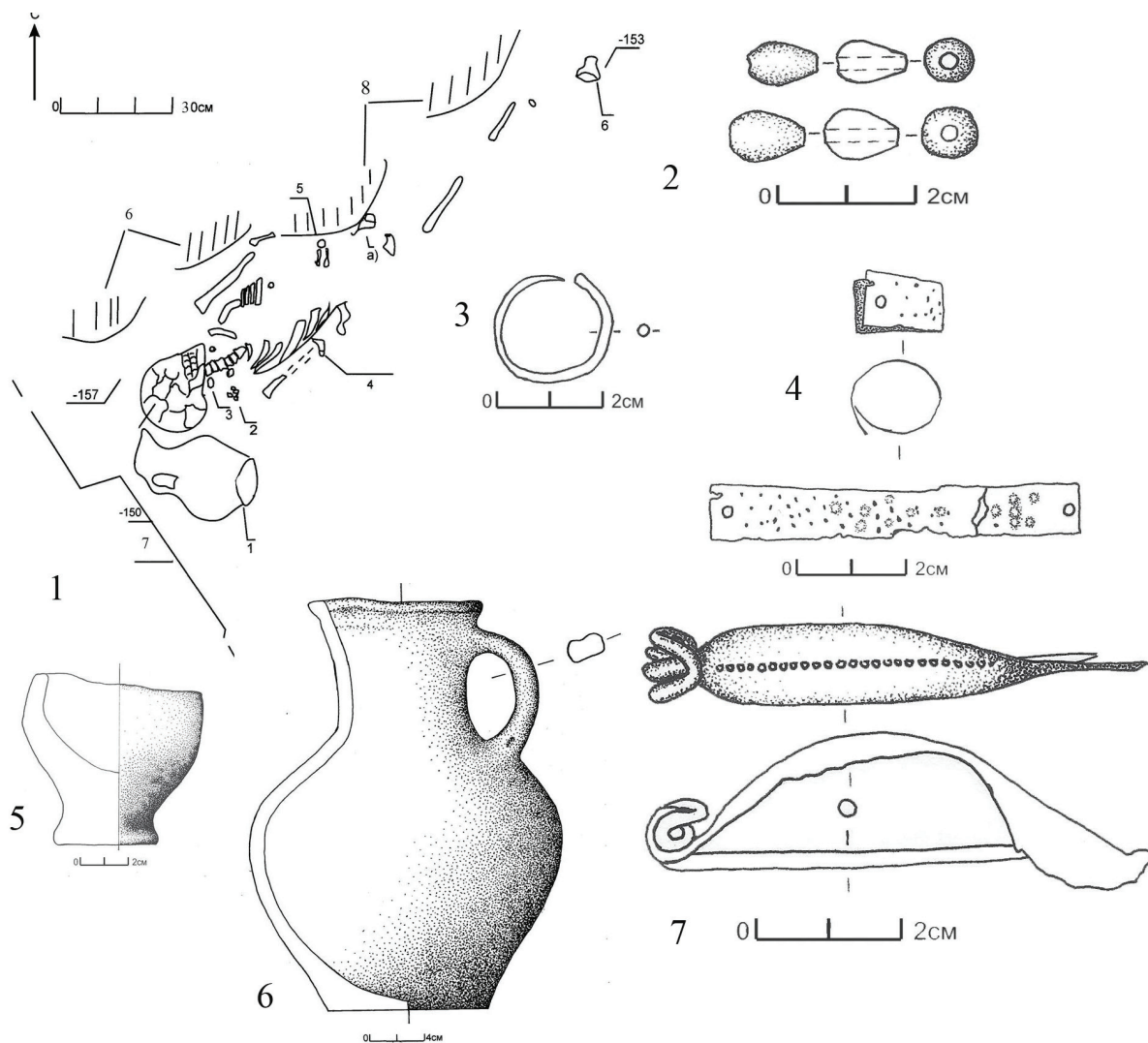

Табл. 16. Некрополь Темерницкого городища, ул. Социалистическая, 2013 год.
 1 — погребение 1 (1 — кувшин, 2 — бусы, 3 — серьга, 4 — фибула, 5 — кольцо, 6 — чашечка, 7 — котлован подвала здания XIX–начала XX веков, 8 — сваи шпунтового ряда), 2 — бусы, стекло, 3 — серьга, бронза, 4 — кольцо, бронза, 5 — чашечка, глина, 6 — кувшин, глина, 7 — фибула, бронза

располагались к северу или северо-западу от колодцев и соответственно имели ориентировку З — В, СВ — ЮЗ или СЗ — ЮВ. При строительстве катакомбных конструкций использован прием, известный по некрополям других меотских Нижнедонских некрополей, когда суглинистый выкид из камеры выбрасывался в колодец (Ларенок В.А., 2013, с.258). Этот прием прослежен в трех погребениях (X/4, X/5 и Ш/1). Причем в двух из них на выкиде обнаружены кости жертвенных животных, в обоих случаях это череп и конечности быка (X/4,5). Мелкие кости быка — плюсневые и таранные — найдены в ограбленных погребениях (X-15,16). В ограбленном погребении в форме катакомбы-чулка в заполнении най-

дена пястная кость лошади. Кости конечностей лошади обнаружены в заполнении колодца подбойного захоронения (X/8). В колодце катакомбного погребения Ш/2 прослежен бледно-коричневый тлен заклада входа, видимо от камыша.

Ориентировку погребенного удалось проследить только в одной яме с заплечиками (P/6) — головой к северо-западу. В четырех подбойных захоронениях погребенные ориентированы головой к Ю, ЮЗ, СЗ и С (X/3, X/8, X/11, X/13). Ориентировка погребенных в катакомбах прослежена в восьми случаях. В пяти погребениях умершие были расположены головой к ЮЗ (X/5, X/14, Ш/1, Ш/2, Ш/3), в двух — к З (X/4 и X/9) и в одном — к СЗ — в катакомбе-чулке (X/1).

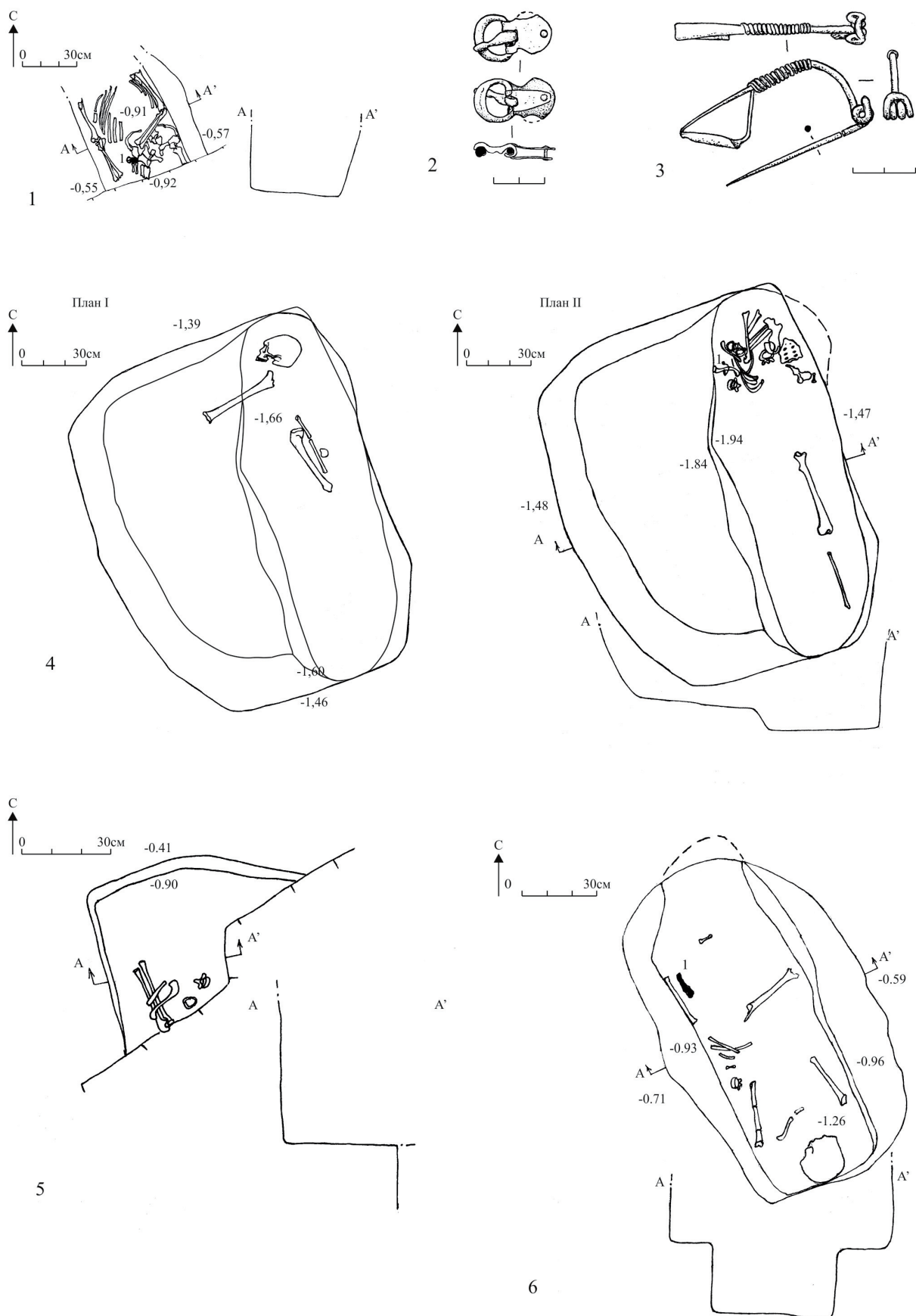

Табл. 17. Некрополь Ростовского городища. ул. Станиславского, 132, 2005 год.
 1 – погребение (1 – пряжка), 2 – погребение 1, пряжка, бронза, 3 – погребение 2, фибула,
 4 – погребение 2, 5 – погребение 4, 6 – погребение 6 (1 – предмет, железо)

Из 24 погребений 12 содержат женские захоронения, причем в 8 случаях их возраст 30–35 лет. Погребенных мужчин всего 6, детских захоронений 4. Черепа ребенка из погребений X/7, мужчины из P/2 и женщины из P/6 имели следы искусственной деформации.

Детали одежды и украшения. Природные условия Нижнего Дона, состав и качество почв оказывают плохое влияние на сохранность различных предметов в погребениях, сделанных из органических материалов. Тем не менее часто удается зафиксировать остатки подстилок, одежды и обуви из тканей и кожи, матерчатые и кожаные сумочки и кошельки. Часто детали одежды можно проследить по их расшивке мелкими бусинами и бисером.

В погребении X/1 под черепом и костями ног женщины прослежены остатки коричневого тлена, возможно, кожаной (?) подстилки. Между локтевым суставом и грудной клеткой на пятне серого тлена, вероятно от сумочки, найдена пара бронзовых овальных проволочных сережек с заходящими концами и квадратная вставка из прозрачного бесцветного стекла (табл. 2, 1). В женском захоронении № 4 на этом же участке (X/4) обнаружена расшивка обуви, состоявшая из мелких разноцветных боченковидных бусин из прозрачного и непрозрачного стекла зеленого, красного, белого, желтого, бирюзового и синего цветов и более двух сотен продольно-полосатых полихромных бусин такой же формы. Среди них были рубленый бирюзовый бисер и несколько стеклянных бусин с перетяжкой. Проследить расположение бусин между собой и определить орнамент расшивки не удалось. Бусинами было полностью усыпано пространство между нижними частями берцовых костей, кости левой и правой стоп и под ними (табл. 5, 1, 3–7).

Подол одежды девочки из комплекса X/5 также был расшит мелкими бусинами боченковидной формы зеленого, белого, желтого цветов и полихромными продольно-полосатыми красного и зеленого цве-

тов, а также рубленым бирюзовым бисером (табл. 7, 15, 16). Они найдены между щиколотками обеих ног, здесь же сохранились мелкие кусочки ткани. Скопление гешировых цилиндрических бусин и боченковидных пронизей синего стекла найдено в районе шеи умершей и под головой. Возможно, это была расшивка горловины одежды. Удалось проследить чередование коротких и длинных гешировых пронизей (табл. 6, 1; 7, 13).

Из 73 боченковидных бусин зеленого цвета состоял браслет, находившийся на запястье правой руки ребенка в этом погребении (табл. 7, 14). Прослежено пять горизонтальных рядов пронизей, ширина браслета была не менее 3,5 см. На запястье левой руки обнаружены два проволочных браслета — железный и бронзовый — и три стеклянные боченковидные бусины белого цвета (табл. 7, 1, 9). На фрагментах железного украшения сохранились остатки ткани. У правой стопы обнаружено округлое пятно, образованное скоплением разноцветных мелких стеклянных бусин (табл. 7, 15, 16), и небольшой кусочек ткани с окислами бронзы, его размеры 0,11 x 0,13 м. Скорее всего, это была маленькая сумочка, расшитая бисером. Расшивка состояла из рубленого бирюзового бисера и боченковидных бусин зеленого, белого, желтого, бирюзового цветов, а также продольно-полосатых красно-зеленых пронизей (табл. 7, 11, 17, 18). В центре скопления найдены две проволочные спиралевидные подвески, кусочки мела, фрагмент серебряного проволочного кольца, вероятно, составлявшие содержимое мешочка.

В ограбленном погребении взрослого человека X/6 в заполнении было обнаружено несколько типов бусин: гешировый рубленый бисер, боченковидные с внутренней позолотой, янтарная, уплощенно-овальная, цилиндрическая полихромная из перекрученных красно-желтых полосок (табл. 8, 14). Украшения также представлены фрагментами железного браслета со спиралевидной обмоткой серебряной проволокой (табл. 7, 6). На одном обломке сохранились остат-

ки ткани и окислы от бронзового предмета. К деталям одежды можно отнести найденную здесь же железную пряжку с рамкой округлой формы со спрямленной задней частью и слегка прогнутым язычком и фрагменты второй железной пряжки с остатками ткани (табл.7, 10).

В комплексе детского захоронения X/7 на грудной клетке найдена большая шаровидная бусина из стекла зеленого цвета (табл.3, 3).

В заполнении ограбленного женского погребения X/12 обнаружено несколько бусин: шестигранная синяя стеклянная пронизь, уплощенно-овальные бусины из стекла синего цвета, гешировая цилиндрическая бусина, 14-гранная сердоликовая подвеска (табл.11, 1,2).

Во дворе школы № 55 в женском погребении № 2 найдены остатки ожерелья состоявшего из 26 штук мелких цилиндрических гешировых бусин. В центре ожерелья находились несколько крупных пронизей: шаровидная стеклянная зеленая с большим количеством напаянных глазков; гешировая удлиненно-овальная; дисковидная, состоящая из спирально расположенных полосок зеленого цвета; цилиндрическая черного стекла с впаянными фестонобразными нитями белого цвета. К ожерелью относилась и найденная в заполнении большая шаровидная черная бусина (табл.13, 2; 14, 7–13).

В ограбленном погребении III/3 в заполнении камеры найдена бронзовая пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком, на которой сохранились остатки кожи ремня (табл.15, 1,8), ее можно отнести к типу П7, бытовавшему во II в. н.э. (Малашев В.Ю., 2000, с.195, 209, рис.6, Г2).

В раскопе на улице Социалистической у нижней челюсти погребенной женщины обнаружена проволочная бронзовая серьга в виде кольца с несомкнутыми концами. На грудной клетке сохранились остатки ожерелья из черных стеклянных бусин грушевидной формы, а на фаланге пальца кисти правой руки был перстень в виде широкой бронзовой пластины с пуансонным орнаментом (табл.16, 1, 2–4).

На территории Ростовского городища в комплексе Р/1 найдена миниатюрная бронзовая пряжка со слегка прогнутым в центральной части язычком (табл.17, 1,2). Рамка округлой формы с утолщением в передней части и спрямленной задней частью. Щиток округлой формы фигурный, состоит из согнутой пополам пластины, скрепленной заклепкой. Под язычок на нем прорезан прямоугольный вырез. Язычок длинный, охватывающий рамку. Такой тип пряжек (П10) распространен в III в. н.э. (Малашев В.Ю., 2000, с. 196, 209, рис. 12, Б1, 2).

В исследованных женских комплексах обнаружено четыре зеркала. В погребении X/1 маленькое (диаметр 4,1 см) зеркало-подвеска с боковой петлей (табл.2, 1,14). Центральное конусовидное возвышение вписано в окружность, от которой радиально расходятся чередующиеся «птичьи лапки» и завитки. Рельефный орнамент вписан в окружность. В комплексе X/3 в орнаментации зеркала использованы шесть завитков, завернутых против часовой стрелки (табл.4, 1,8). Диаметр изделия — 6,1 см. Из погребения девочки-подростка X/5 происходит зеркало со сложным орнаментом (табл.6, 2; 7, 12). В центральную окружность вписаны лучи, расходящиеся от конусовидного выступа. Между окружностью и бортиком диск украшен косыми насечками. Диаметр 5 см. Похожая подвеска найдена в комплексе III/2 (табл.13, 2; 14, 14). На ней в центральную окружность вписаны завитки. В следующей окружности находится ряд коротких рельефных линий. Между второй окружностью и краем диска — широкая неорнаментированная полоса. Диаметр 4,5 см.

Рядом с зеркалом в этом погребении лежал бронзовый предмет, условно названный «подвеска» (табл.13, 2; 14, 6). Он состоял из двух частей в виде цилиндрических футляров, вставленных один в другой. В верхней части внешнего цилиндра расположены две петли, в которые вставлено проволочное кольцо. Поверхность цилиндра украшена пуансонным орнаментом. Нижняя часть его сужается и загнута

в петлю, в которую продета скрученная в виде косички проволока. Края внутреннего цилиндра соединены внахлест. Он также сужается книзу, нижний конец приострен и загнут наружу. Верхняя часть загнута внутрь в виде петли. Внутри предмета находился железный стержень, возможно игла. Такие вещи довольно часто встречаются в меотских и сарматских погребениях первых веков н.э. (Горбенко А.А., Косяненко В.М., 2011, с.216, рис.34, 1; Ларенок В.А., 2013, табл.70, 2; 79, 12). Обычно внутри они пустые, их предположительно называли «плойками» или заколками, судя по конструкции, состоявшей из двух цилиндров. В нашем случае внутри находилась игла (?), и предмет вполне мог использоваться в качестве футляра-игольника.

В ограбленном погребении X/6 сохранился бронзовый ригель от замка деревянной шкатулки для туалетных принадлежностей (табл.8, 4).

Один из важных предметов погребального инвентаря — застежки для одежды — фибулы. В публикуемых комплексах их найдено 15, причем 7 происходят из одного погребения — X/5 (табл.6, 1,2; 7, 2–8).

Все фибулы относятся к шести разным типам. Две застежки принадлежат группе II типа I: одночленные с четырехвитковой пружиной и пластинчатой узкой спинкой. Разница между ними в том, что одна — бронзовая, с плавно изогнутой спинкой и маленьким приемником (X/1) (табл.2, 15), а вторая — железная, с перегибом в спинке и высоким приемником (X/9) (табл.10, 2). В.М. Косяненко датирует эти застежки I–II вв. (Косяненко В.М., 2008, с.90–92).

К группе II, но типу II, варианту 1 относится бронзовая фибула из комплекса C/1. У нее пластинчатая овальная спинка украшена продольным рядом точечного орнамента (табл.16, 7). По В.М. Косяненко она относится к I в. (Косяненко В.М., 2008, с.92,93). По А.К. Амброзу, это фибула 12-й группы, которая датируется, им II–III вв. (Амброз А.К., 1966, с.43,44).

Две застежки из погребений X/3 и Ш/2 представляют собой сильно профили-

рованные фибулы с многовитковыми пружинами, проволочными спинками и бусинами на конце ножки (табл.4, 7; 14, 13). В комплексе X/3 фибула застегнута и к ней прикипел кусочек ткани от костюма погребенной (табл.4, 7). Косяненко В.М. относит их к группе II, типу II, варианту 1 и датирует 2-й половиной I в., при этом упоминает, что С.И. Капошина продлевала их существование до середины II в., а А.К. Амброз относил их к 1-й половине I — 2-й половине III в. (Косяненко В.М., 2008, с.85).

В погребении девочки X/5 (табл.6, 1,2; 7, 2–8) обнаружен набор из шести фибул трех типов. Они лежали между нижней челюстью и правой плечевой костью рядом с зеркалом компактной группой одна на другой, и все были застегнуты. Седьмая найдена за зеркалом с севера. Три застежки из набора относятся к сильно профилированным двучленным застежкам с многовитковой пружиной и ромбовидной узкой спинкой. На конце ножки — бусина, приемник пластинчатый. Их размеры близки: 5,3, 5,6 и 5,8 см. По А.К. Амброзу это сильнопрофилированные фибулы причерноморских типов (Амброз А.К., 1966, с.40–43). В.М. Косяненко объединила их в группу I, тип II, вариант 1. По материалам некрополя Кобякова городища она относит их ко II веку н.э. (Косяненко В.М., 2008, с.88). Второй тип застежек из этого комплекса представлены двумя лучковыми одночленными подвязными фибулами с простой сплошной обмоткой спинки, их длина 6,2 и 5,5 см. По типологии В.М. Косяненко, это III группа, II тип, они найдены в погребениях 2-й половины II–III в. н.э. (Косяненко В.М., 2008, с.98,99). И, наконец, третий тип — это две лучковые подвязные застежки с фигурной обмоткой, которые отнесены В.М. Косяненко к группе III, типу III, к II — началу III века. Таким образом, общая дата этого погребения укладывается во 2-ю половину II — начало III века.

Еще одна лучковая подвязная фибула с обмоткой из 14 витков найдена в комплексе P/2 (табл.17, 3). Две фибулы из погребения X/6 сохранились во фрагментах. Головка железной фибулы с многовитковой пружиной и верхней тетивой, крючком для тетивы

и бусиной в основании спинки и приемник с остатками иглы (табл.8, 7). От бронзовой фибулы найден обломок приемника, иглы и подвязной проволоки (табл.8, 8,9).

Предметы быта, инвентарь воинских захоронений. Предметы, характеризующие виды хозяйственной деятельности меотских женщин, представлены ножницами, шильями, иглами и пряслицами. Такой набор вещей был найден в погребении X/1 в изголовье умершей (табл.2, 1–3,13). У стенки камеры лежали ножницы, между их клинками находилось железное шило, судя по отпечаткам нитей, оно было воткнуто в клубок пряжи. Южнее этих предметов обнаружено глиняное пряслице усеченно-конической формы. Ножницы железные, пружинные, с овальной дужкой и треугольными в сечении вытянутыми клинками с косо срезанными кончиками. К основанию одного из них прикипел кусочек кожи, возможно, вещи лежали на кожаной подстилке. Игла шила имела длину 9 см, насад был вставлен в деревянную рукоять. Интересно, что к этому набору относились еще два предмета. Между ножницами и пряслицем стояла небольшая краснолаковая чашечка усеченно-конической формы с низким вертикальным бортиком, профилированным ребром (табл.2, 17). Дно выделено массивным поддоном. В ней находился несохранившийся железный предмет, от которого прослежено пятно окислов. Здесь же найдены остатки деревянного сосуда: оковка из согнутой вдвое железной пластины, 8 штук бронзовых прямоугольных обойм, витые стержни из бронзовой проволоки, оковка из бронзовых пластин с остатками деревянного венчика (табл.4, 9).

В ограбленном погребении X/4 среди набора посуды лежало глиняное лепное пряслице, а в заполнении найден обломок железной иглы или шила (табл.5, 1,10,11). Еще одно пряслице найдено в захоронении X/5.

Особый интерес вызывает также ограбленный в древности и разрушенный при строительстве построек в XX в., комплекс X/6, в котором обнаружены лишь трубча-

тые кости конечностей и крыло таза взрослого человека. Судя по присутствию в погребении бусин, двух браслетов из бронзы и железа, фрагментов бронзовых деталей от деревянной шкатулки, а также железных ножниц, можно предположить, что перед нами захоронение женщины (табл.8, 1,3–9,11–14). Однако в заполнении найдены также фрагмент лезвия железного меча и ременная железная пряжка (табл.8, 2,10). Напрашивается вывод о том, что перед нами, возможно, остатки довольно редкого для меотских некрополей погребения женщины-воительницы. Подобное захоронение было исследовано в могильнике Кобякова городища (Ларенок В.А., 2012, с.302–310) в 2000 году, где помимо традиционных женских вещей: ожерелья и зеркала, был найден длинный железный меч.

Комплексы вещей из мужских погребений обычно состоят из оселка брусковидной формы с отверстием для подвешивания к поясу, железных ножей с остатками деревянной рукояти, железных шильев с остатками на насадах дерева от рукоятей, железных ременных пряжек. В погребении X/9 найден костяной игольник из трубчатой кости птицы, внутри которого лежала железная игла (табл.10, 7). Интересен обломок железного сверла (?) из этого же комплекса с выделенным насадом и остатками деревянной рукояти (табл.10, 6).

В ограбленном захоронении X/12 в заполнении обнаружены фрагмент изогнутого лезвия железного серпа с остатками кожаного чехла и фрагмент железного насада шила с остатками деревянной рукояти (табл.11, 7).

Набор воинского вооружения обнаружен в погребении X/8 (табл.9, 1,7,9). Поверх костей левой руки лежал длинный железный меч без перекрестия с остатками деревянных ножен. Длина меча — 83,5 см. Длина и форма рукояти не ясна, край ее обломан. Его навершие не найдено. Под мечом лежал железный короткий меч с прямым брусковидным перекрестием и кольцевидным навершием. Сохранился тлен дерева рукояти и ножен. Длина —

40,8 см. Эти предметы вооружения широко распространены как в боспорских, так и в сарматских комплексах. Длинные мечи появляются в погребениях боспорских городов с I в. до н.э. и существуют до II в. н.э. (Сокольский Н.И., 1954, с.154). В степных сарматских комплексах этот тип оружия известен со II в. до н.э., а в позднесарматских памятниках они датируются серединой II — серединой III в. н.э. (Безуглов С.И., 2000, с.174,180). На Боспоре короткие мечи-кинжалы с кольцевидным навершием бытовали в I–II веках н.э. (Сокольский Н.И., 1954, с.151). Под коротким мечом и под кистью левой руки обнаружен железный однолезвийный нож с уступами на черенке и деревянной рукоятью. Длина — около 7 см. Ниже клинка кинжала найдена распавшаяся при расчистке большая бусина из зеленого стекла от ремней амуниции.

В ногах погребенного среди набора посуды лежала железная игла с остатками деревянного футляра (табл. 9, 10).

К сожалению, большая часть погребений подверглась ограблению и разрушению, поэтому при определении пола захороненных в них возникают определенные трудности. Так, в комплексе III/3 по определению антрополога Е.Ф. Батиевой (Гармашов А.И., 2012, с.17), предположительно была погребена женщина 30–35 лет, однако при анализе инвентаря напрашивается противоположный вывод о поле умершего. Фрагменты обнаруженных там предметов указывают также на принадлежность комплекса к всадническим погребениям. Прежде всего следует упомянуть фрагмент удила, состоящий из обломка грызла длиной 5,5 см с кольчатой окончатостью — местом соединения стержней (табл. 15, 5). К деталям конской упряжи относятся и 4 железные уздечные бусины диаметром 2–2,4 см (табл.15, 4,6,7). В набор входит бронзовая пряжка с округлой рамкой и плоским в сечении изогнутым язычком с приостренным концом, не достигающим до середины сечения рамки (табл.15, 8). Ее диаметр — 2,5 см, длина язычка — 2,5 см. На ней сохранился тлен кожаного ремня. Такие пряжки существовали во II–III вв. (Малышев А.А., 2000, с.209).

К конской упряжи относится обломок железной пряжки с рамкой лировидной формы (табл.15, 3). Подобная пряжка известна по раскопкам некрополя Крепостного городища (Горбенко А.А., Косяненко В.М., 2011, с.489, рис.191, 5). Примером такого захоронения всадника может служить степной позднесарматский комплекс из погребения 2, курган 2, могильник Кировский III (Ильюков Л.С., 2000, с.109, рис.21). Среди донских меотских древностей так же есть погребения всадников, например, исследованные в некрополе Кобякова городища в 1962 году (Косяненко В.М., 2008, с.504–507, рис.131) и в 2000 году (Ларенок В.А., 2013, с.181,182, табл.116, 9,10,12–14; 139, 2). Наиболее яркий из них — погребение 73, в котором найден уникальный набор конской упряжи (Ларенок В.А., 2013, с. 79–82, табл. 50–52).

Культовые предметы. Традиционно к таким предметам можно отнести лепные и гончарные чашечки на конусовидных полых внутри ножках, которые обычно встречаются в меотских погребениях (Марченко И.И., 1996, с.168,258; Косяненко В.М., 2008, с.71,72; Ларенок В.А., 2013, с. 270). Они были обнаружены в пяти комплексах, один из которых детский (X/7) (табл.3, 3,4) и четыре женские. Эти votivные предметы расположены обычно у головы погребенных. Только в комплексе X/4 чашечка стояла у ног (табл.5, 1,13). В этих сосудах обычно лежат кусочки разных минеральных веществ, в большинстве случаев это мел, а в комплексе X/4 найден кусочек смолы. Интересно, что в погребениях X/7 и C/1 найдены аморфные кусочки мела, в комплексах X/3, III/2 это ограненные предметы, причем в погребении X/3 на поверхности мела была глубокая канавка-протоцина. В комплексе X/4 три кусочка мела найдены у кувшина, в погребении X/8 мел лежал внутри кувшина и тоже имел широкий желобок. В захоронении X/1 мел был обнаружен в норе, первоначально, судя по окислам железа на нем, он мог находиться у ножиц. Мел в чашечках и других сосудах также относится к ритуальным предметам погребального культа, он играет роль очи-

щающего вещества. Такой обряд широко распространенным в меотских древностях (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 1992, с.51; Косяненко В.М., 2008, с.164–166; Ларенок В.А., 2013, с.271).

Есть в инвентаре меотских погребений еще один традиционный предмет — миска, которая несет, скорее всего, двойную функцию: культового предмета и предмета, входящего в состав набора посуды (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 1992, с. 51). Собственно в качестве ритуального сосуда в наших комплексах присутствует одна миска в погребении Ш/2 (табл.13, 2; 14, 1), где она найдена между черепом и северо-западной стенкой камеры, стоявшей на боку. Все остальные, так называемые «сероглиняные», миски входили в наборы посуды и располагались в других частях погребений среди наборов посуды.

Интересно, что небольшие краснолаковые чашечки стояли вне наборов посуды. Они найдены у черепа, и вокруг них были расположены обычно предметы быта, например в комплексах Х/1 и Х/3 (табл. 2, 1, 12; 4, 1, 4). В погребении Х/3 встречен довольно редкий сосуд. Внутренняя поверхность чаши покрыта 10-ю рядами концентрически расположенных насечек. С внешней стороны на бортике находятся два валютообразных налета, а тулово и дно покрывала роспись белой краской плохой сохранности, поэтому определить, орнамент это или надпись, невозможно. Декорирование белой краской красноглиняной керамики встречается довольно редко, однако нам известны такие образцы, например, на краснолаковом кувшине из раскопок некрополя Крепостного городища в Азове и на сосуде из некрополя Кобякова городища (Горбенко А.А., Косяненко В.М., 2011, с. 36, табл. VI, 1; Ларенок В.А., 2013, с. 188, с. 402, табл. 119, 9).

Отдельно от набора посуды рядом с лепной чашечкой стоял лепной миниатюрный горшок в погребении Ш/2 (табл.13, 2; 14, 2). Тулово биконической формы, горло раструбное, дно плоское. Высота — 8,7 см, диаметр тулова — 8 см.

Наборы посуды. Наборы посуды расположены обычно в ногах умерших у входа в камеру. Только в погребении Х/11 лепной горшок стоял у плечевого сустава левой руки (табл. 3 5, 6). Горло невысокое, слабо выделенное, тулово тюльпановидное, дно плоское. Высота — 11,2 см, диаметр тулова — 9,9 см. Погребение было ограблено, и в его заполнении найдены обломки стенок светлоглиняной и красноглиняной амфор, сероглиняного кувшина и дно лепного сосуда. В двух случаях — Ш/2, Х/13 сосуды находились у правого бедра (табл.11, 3,4; 13, 2; 14, 4;). В первом случае это был сероглиняный кувшин с высоким раструбным горлом, биконическим туловом и плоским дном. Под венчиком он украшен двумя рядами горизонтальных желобков, ручка профилирована. Высота — 27 см, диаметр тулова — 20,2 см. В погребении Х/13 кувшин имел грушевидную форму и слегка вогнутое дно. Ручка небольшая, петельчатая. Высота — 19,7 см, диаметр — 13,8 см. Рядом с ним с юга стояла сероглиняная миска с профилированным двумя горизонтальными желобками наклонным бортиком и слегка вогнутым дном (табл. 11, 3, 5). У стоп наборы находились в 4 комплексах. В погребении Х/1 между стопами и юго-восточной стенкой камеры стояла сероглиняная миска с валикообразным, скошенным внутрь венчиком и плоским дном. На ней на боку лежал большой сероглиняный кувшин с биконическим туловом, цилиндрическим горлом и плоским дном. Венчик в виде валика, ручка профилирована. Высота — 47,6 см, диаметр тулова — 27,6 см (табл. 2, 1, 16, 18). В комплексе Х/3 у правой голени стояла сероглиняная кубышка с туловом биконической формы и цилиндрическим горлом (табл.4, 1,2). Дно вогнуто. Горло профилировано тремя горизонтальными валиками. Высота — 10 см, максимальный диаметр — 10,6 см. От неё к северу найден фрагмент тулова красноглиняного тонкостенного сосуда со следами ротации на поверхности (табл.4, 1,3). Возможно, фрагмент кувшина. Диаметр тулова — 19,9 см. В катакомбе Х/4 в набор, стоявший у правой стопы, вхо-

дили кувшин, кубышка и гончарная ритуальная чашечка (табл. 5, 1, 9, 12, 13). Здесь набор посуды был объединен с чашечкой, внутри которой лежала смола, а рядом — три куска мела, и предметами быта — пряслицем. Кубышка биконической формы, с приземистым туловом, цилиндрическим профилированным горлом и отогнутым наружу венчиком. Высота — 12,9 см, диаметр максимальный — 13 см. Между кубышкой и чашечкой на боку лежал сероглиняный кувшин на кольцевом поддоне. Тулово усеченно-биконической формы, горло высокое цилиндрическое, венчик в виде валика. Ручка высокая, округлая в сечении. Высота — 19 см, диаметр тулова — 14,9 см. Следует отметить, что в состав инвентаря этого ограбленного погребения входила красноглиняная амфора, фрагмент тулова которой с нижним прилепом ручки найден в заполнении привходовой части колодца.

В мужском погребении X/8 набор находился между стопами и северо-восточной стенкой камеры (табл. 9, 1–6). Он состоял из 5 сосудов. У стоп лежала перевернутая вверх дном сероглиняная миска. С востока на ней находился миниатюрный лепной горшок. Между миской и восточной стенкой обнаружен фрагмент лепного горшка. К югу от него стоял гончарный кувшин, рядом с ним с запада найден стоявший верху дном лепной горшок. Миска с невысоким, загнутым внутрь, профилированным бортиком и вогнутым дном. Высота — 8,2 см, диаметр — 26 см. Небольшой лепной плоскодонный асимметричный горшок с низким горлом и биконическим туловом. Венчик отогнут наружу. Высота — 8,5 см, диаметр тулова — 8,5 см. Фрагмент верхней части тулова лепного горшка с налепом на плече сосуда, прорезанным в средней части. Гончарный кувшин с туловом биконической формы и раструбным горлом. Горло профилировано валиками. Венчик отбит в древности. Г-образная ручка крепилась к средней части горла и к плечу. Поверхность черного цвета. Высота — 22,8 см, диаметр тулова — 16 см. Сосуд похож на кувшин из раскопок некрополя Кобякова городища

1985 г., погребение 36 (Гугуев В.К., Гугуев Ю.К., 1989, с. 67, рис. 1, 1). Лепной горшок с туловом биконической формы и невысоким широким раструбным горлом. На поверхности следы нагара. Высота — 15,9 см, диаметр максимальный — 14,8 см.

В нескольких ограбленных комплексах найдены обломки посуды. В погребении X/14 обнаружены фрагменты гончарных сероглиняных сосудов (табл. 11, 6). В погребении X/16 найдены бортик сероглиняной миски и фрагмент тулова с придонной частью лепного горшка (табл. 12, 3, 4).

В публикуемых материалах сосудов сравнительно немного: 31 экземпляр. Среди них есть образцы как лепной керамики домашнего производства, так и сформованной на гончарном круге. Лепные сосуды представлены кухонными горшками определенной формы: с невысоким горлом и биконическим туловом. Таких сосудов 7 штук, и все они имеют одинаковую примесь в тесте — шамот, в одном из них кроме шамота присутствуют известковые включения. Вторая форма лепных сосудов — культовые чашечки, в их формовочную массу также добавлен шамот, а в тесте одной присутствуют шамот и известковые включения. Гончарные сосуды можно объединить в две группы. Это прежде всего так называемая сероглиняная керамика и краснолаковые сосуды, в исследованных комплексах представленные всего двумя чашами.

Краснолаковая посуда является импортной для Нижнедонских памятников. Чаша из погребения X/1 схожа по форме с сосудом из могильника Кобякова городища, раскопки С.И. Капошиной (погребение 9, 1961 г.). В.М. Косяненко сравнивает ее с похожим сосудом из Мирмикея и относит к итальяскому импорту I в.н.э. (В.М. Косяненко, 2008, с. 46, 48, рис. 101, 4). В Крыму такие чашечки найдены при раскопках некрополя «Совхоз-10», где в начале I в.н.э. они украшены насечками, а во второй половине I–II вв. насечки на них отсутствуют (О.В. Шаров, 2007, с. 66, рис. 23, 7). Такая дата соответствует и типу фибулы из погребения X/1. Вторая чашечка происходит из

погребения X/3 и имеет ряд оригинальных черт: внутри украшена рядами косых насечек, на бортике расположены псевдоручки, тулово украшено росписью белой краской. Подобные сосуды, но без росписи найдены в Крыму, например в Илурате. Их относят к керамике боспорского производства, тип ББ-21, II в. н.э. (О.В. Шаров, 2007, с. 70, рис. 19).

Посуда с серой поверхностью производилась как на месте, так и привозилась из других регионов. Эта группа состоит из кувшинов, мисок, кубышек и одной ритуальной чашечки. В тесте двух кувшинов мы наблюдаем примесь известковых включений, в тесте 6 сосудов присутствует примесь песка. Еще 7 образцов не содержат примесей в формовочной массе. Интересен единствен-

Керамика из погребений Темерницкого городища

№ погр.	Лепные сосуды	Сосуды, изготовленные на круге	Виды сосудов	Примеси в тесте
X/1		+	Кувшин	Известковые включения
		+	Миска	Песок
		+	Чаша красный лак	Без примесей
X/2		+	Горло кувшина	Нет описания
X/3		+	Кубышка	Без примесей
		+	Кувшин	Песок
		+	Чаша красный лак	Без примесей
	+	+	Чашечка	Шамот
X/4		+	Кувшин	Слюда
		+	Кубышка	Без примесей
		+	Чашечка	Без примесей
X/6		+	Ф-т миски	Мелкие черные включения
X/7	+		Чашечка	Шамот
X/8	+		Горшок	Шамот
	+		Горшок	Шамот + известковые включения
		+	Ф-т горшка	Шамот
	+	+	Кувшин	Песок
			Миска	Песок
X/11	+		Горшок	Шамот
X/13		+	Кувшин	Известковые включения
		+	Миска	Песок
X/14		+	Ф-т кувшина(?)	Песок
		+	Ф-т кувшина	Без примесей
Ш/2	+	+	Кувшин	Без примесей
		+	Миска	Без примесей
			Горшок	Шамот + мин. частицы
	+		Чашечка	Шамот + мин. частицы
С/1		+	Кувшин	Без примесей
	+		Чашечка	Песок + известковые включения

ный кувшин с примесью слюды в тесте из погребения X/4. На наш взгляд, гончарной посудой из местных мастерских можно считать керамику с примесью песка и известковых включений, что характерно, например, для керамических мастерских Кобякова городища (Косяненко В.М., 1989, с. 40).

Так как большинство погребений ограблено или разрушено дореволюционными постройками в заполнении часто находились фрагменты предметов, форму и назначение которых определить сложно. Это обломки железных, бронзовых и серебряных пластин, проволочек.

В заключение следует отметить некоторые важные, на наш взгляд, детали погребального обряда некрополя Темерницкого городища. Это прежде всего сохранившиеся фрагменты расшивки одежды погребенных, для которой использовались стеклянные бусы и бисер, причем набор типов этих нашивок встречается в обряде всех меотских могильников Дона (Косяненко В.М., 2008, с.158; Ларенок В.А., 2013, с. 272). Большая часть нашивных украшений и бус, входивших в состав ожерелий, сделана из стекла, дополняют их гешировые бусины и бисер. Только в одном ограбленном погребении X/12 найдена сердоликовая 14-гранная бусина, датирующая этот комплекс II–III вв. н.э. (Алексеева Е.М., 1982, с. 17, 18). Как считает В.М. Косяненко, «стеклянные бусы особенно распространяются с конца I века, когда сокращается их количество, сделанных из других материалов» (Косяненко В.М., 2008, с. 53). Вторая деталь — это сохранившиеся кусочки и отпечатки тканей и кожи от одежды, ремней и сумочек. Третья деталь — относительная однотипность и немногочисленность фибул. 13 застежек относятся к пяти типам, причем пять фибул найдены в одном погребении.

Датировка погребальных комплексов и хронология формирования могильников. Не для всех исследованных комплексов можно установить точную дату. Так, в погребении X/1 фибула с узкой спинкой и четыреххвостковой пружиной относится к I–II вв.

по датировке В. М. Косяненко. II в. датируется маленькое зеркало-подвеска с «птичьими лапками» и гаммированными знаками (Косяненко В.М., 2008, с.112, табл. 16, 3–6). В погребении 220 из раскопок некрополя Кобякова городища подобная застежка найдена в комплексе I века (Ларенок В.А., 2013, с. 261), а маленькие зеркала, диаметром 4 см обычно относятся ко II в.н.э. (Ларенок В.А., 2009, с. 208, 209). Такая же широкая дата у краснолаковой чашечки и у миски с нависающим бортиком (Косяненко В.М., 2008, с. 68). Кувшин с четко выделенным венчиком, округло-биконическим туловом, маленькой вертикальной ручкой и плоским дном близок сосуду из погребения 15/1959 (Косяненко В.М., 2008, с. 52, 53). С нашим экземпляром его сближает примесь извести в тесте. Дата комплекса, в котором он найден, — II век. В раскопках 1999 г. подобный сосуд, в тесте которого примесь песка, найден в погребении конца II — начала III в. н.э. (Ларенок В.А., 2013, с.79, 80, табл.5 2,18). На основании этого хронологические рамки комплекса можно отнести ко второй половине I — середине II в. н.э.

Погребение X/3 хорошо датируется сильно профилированной фибулой с проволочной спинкой второй половиной I — серединой II в. н.э. Не противоречат этой дате краснолаковая чашечка и зеркало с орнаментом в виде расположенных радиально петель с завитком, находимые в комплексах II в.н.э. (Ларенок В.А., 2013, с.10–12).

Погребение X/4 ограблено. В нем датирующим элементом может служить форма могильной конструкции. Известно, что катакомбные захоронения появляются в некрополе Кобякова городища с конца I в. н.э. с новой волной поселенцев (Ларенок В.А., 2013, с. 275) и сохраняются во всем периоде существования городища. Скорее всего, такие же изменения происходили и на Темерницком городище. Кувшин из этого погребения необычной формы с высоким цилиндрическим горлом и приземистым биконическим туловом. Оригинальна и примесь слюды в его тесте, скорее всего, это импортный северокавказский сосуд. В комплексе присутствуют

гончарные тонкостенные чашечка и кубышка без примесей в тесте, видимо, также неместного производства.

Следующее погребение, X/5 имеет в составе инвентаря 7 фибул, относящихся к трем типам: лучковые со сплошной и фигурной обмоткой и сильно профилированные с плоской овальной спинкой. Дата комплекса — 2-я половина II — начало III века.

Интересно ограбленное и частично разрушенное катакомбное захоронение X/6, с камерой, соосной колодцу. В нем обнаружена железная пряжка, форма которой начинает распространяться с первой половины III в. (Малашев В.Ю., 2000, с.209).

Воинское погребение X/8 по предметам вооружения можно отнести ко II в. н.э. Миска с желобчатым, слегка вогнутым бортиком не противоречит этой дате.

В разрушенном и ограбленном погребении X/9 бронзовая пряжка с округлой рамкой и прямоугольным коротким щитком типа П1 по Малашеву В.Ю. появляются в первой половине III в. и существуют до финала позднесарматской культуры (Малашев В. Ю., с. 195, 209, рис. 3, ГЗ). В комплексе есть фрагментированная железная фибула с плоской овальной спинкой и четыреххвитковой пружиной. По В.М. Косяненко, она относится к группе II (Косяненко В.М., 2008, с. 90, табл. 5), из-за плохой сохранности датировать ее сложно.

Нижняя граница ограбленного комплекса X/13 определяется по форме погребальной конструкции концом I в. н.э. (Ларенок В.А., 2009, с. 207). Миска с желобчатым бортиком и скошенным венчиком относится к концу I — началу II века.

Погребение Ш/2 по сильно профилированной фибуле с проволочной спинкой и коротким расстоянием между бусинами, группа I, тип 1 (Косяненко В.М., 2008, с. 85) датируется концом I в.н.э. Соответствует этому времени зеркало-подвеска (Косяненко В.М., 2008, с. 120; Ларенок В.А., 2013, с.262, 263). Комплекс Ш/3 по бронзовой пряжке можно отнести ко II–III векам.

Фибула из захоронения С/1 дает дату 2 половина I — начало II в. н.э. (Ларенок В.А., 2013, с. 263, 264).

Погребение Р/1 по пряжке датируется III в. н.э., а комплекс Р/2 — 2-й половиной II — III в. н.э.

Таким образом, рассмотренные погребения некрополя Темерницкого городища относятся ко второй половине I — III в. н.э. Их можно разбить на две хронологические группы. Первая относится ко второй половине I — началу II в., в нее вошли комплексы X/1, X/3, X/8, X/9, X/13, Ш/2, С/1. Четыре погребения этой группы совершены в подбоях: X/1, X/3, X/8, С/1. Одно — Ш/2 представляет собой катакомбу. Три погребения можно датировать по форме могильной ямы: катакомба не ранее конца I в.н.э. Конструкция погребения X/9 не ясна, может быть как подбоем, так и катакомбой. Ко второй хронологической группе — середина II — III в. н.э. — можно отнести погребения X/3, X/5, X/6, X/12. Все погребения этой группы совершены в катакомбах. Участок некрополя городища, исследованный в 1993 г., также относился к концу I — III в.н.э. (Парусимов И.Н., Рогудеев В.В., с. 263).

Два захоронения некрополя Ростовского городища датируются второй половиной II — III в. н.э.

Такие хронологические рамки отражают и общую дату существования двух городищ: Темерницкого и Ростовского. Так по материалам, проведенных в 2008 году на территории Темерницкого городища раскопок, памятник существовал в промежутке I–III вв. н.э. (Жеребилов С.Е., 2010, с. 162–167, Жеребилов С.Е., Науменко С.А., Костюхина Л.В., 2009, с. 121). Однако, упомянутые в статье находки светлоглиняных амфор типа В, С, Д, СШв и синопские Син. II позволяют отнести время появления городища ко второй половине I в. н.э. В это же время возникает и Ростовское городище (В.И. Копылов, А.Н. Коваленко, В.А. Меньшикова, 2008, с. 115). Эти факты еще раз подтверждают версию неодномоментного возникновения меотских городищ Нижнего Дона. Сейчас можно с

уверенностью выделить две волны заселения придонских территорий: первая относится к рубежу эр, вторая — ко второй половине или концу I в.н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Далее в тексте погребения на участке улицы Шаумяна — переулка Халтуринского сокращенно будут обозначаться дробями X/1, X/2 и т.д. На территории школы № 55 — Ш/1 и т.д. Погребение на улице Социалистической — С/1. Комплексы Ростовского городища — Р/1 и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М., 1982.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, Г1-12. — Москва.
- Амброз А.К., 1966.* Фибулы юга европейской части САИ, вып. Д1-30. — М.
- Безуглов С.И., 2000.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. — Ростов-на-Дону.
- Гармашев А.И., 2003.* Отчет об исследовании участка грунтового некрополя Темерницкого городища в г. Ростове-на-Дону по ул. Шаумяна, 24–26 / пер. Халтуринскому в 2002 году.
- Гармашев А.И., 2006.* Отчет об исследовании участка грунтового некрополя Ростовского городища в г. Ростове-на-Дону по ул. Станиславского, 132 в 2005 году.
- Гармашев А.И., 2012.* Отчет об исследовании участка грунтового некрополя Темерницкого городища в г. Ростове-на-Дону по ул. Серафимовича, 25 в 2006 году.
- Горбенко А.А., Косяненко В.М., 2011.* Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) // Донские древности, выпуск 11. — Азов.
- Гугуев В.К., Гугуев Ю.К., 1989.* Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовой некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984–1985 гг.) // Известия Ростовского областного музея краеведения, выпуск 6. — Ростов-на-Дону.
- Ильюков Л.С., 2000.* Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону.
- Иноземцев Г.А., 1927.* Ростовское городище // Записки Северокавказского общества археологии, истории, этнографии. — Кн. 1. Т. III. Вып. 2. — Ростов-на-Дону.
- Жеребилов С.Е., 2010.* Итоги работ 2008 года на Темерницком городище // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Вып. 24. — Азов.
- Жеребилов С.Е., Науменко С.А., Костюхина Л.В., 2009.* Итоги работ 2008 г. на Темерницком городище // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. — Краснодар.
- Котылов В.П., Коваленко А.Н., Меньшикова В.А., 2008.* Исследования спасательного отряда экспедиции НМЦА РГПУ на территории Ростовского городища в 2006 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып. 23. — Азов.
- Косяненко В.М., 1989.* Сероглиняная керамика некрополя Кобякова городища (раскопки 1956–1962 гг.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. — Ростов-на-Дону.
- Косяненко В.М., 2008.* Некрополь Кобякова городища. — Азов.
- Ларенок В.А., 2009.* Погребальный обряд некрополя Кобякова городища // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. — Краснодар.
- Ларенок В.А., 2012.* Два уникальных погребения из некрополя Кобякова городища // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Вып. 26. — Азов.
- Ларенок В.А., 2013.* Меотские древности. — Ростов-на-Дону.
- Ларенок П.А., 2000.* Валы и рвы // Отражение прошлого. — Ростов-на-Дону.
- Ларенок П.А., 2014.* Отчет «Охранные раскопки некрополя Темерницкого городища в г. Ростове на Дону». — Ростов-на-Дону.

- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* 1992. Исследование меото-сарматских могильников Старокорсунского городища № 2 // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. — Ейск.
- Мальшев В.Ю.*, 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. — Ростов-на-Дону.
- Марченко И.И.*, 1996. Сираки Кубани. — Краснодар.
- Парусимов И.Н., Рогудеев В.В.*, 2000. Некрополь Темерницкого городища // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. — Ростов-на-Дону.
- Рогудеев В.В.*, 2000. Грунтовый некрополь Темерницкого городища // Отражение прошлого. — Ростов-на-Дону.
- Сокольский Н.И.*, 1954. Боспорские мечи // МИА. Том II. — М.
- Шаров О.В.*, 2007. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. — СПб.

З.Х. АЛБЕГОВА, В.Б. КОВАЛЕВСКАЯ

КОМПЬЮТЕРНОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ МАССОВЫХ ТИПОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕТЕЛЬКОЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ТАКСОНЫ 9-17)

Среди многообразия предметов быта, культа и украшений эпохи раннего средневековья с территории Юго-Восточной Европы орнаментированные бронзовые зеркала с центральной петелькой являются одним из наиболее ярких, характерных элементов позднесарматской и аланской культуры. Поэтому компьютерное картографирование различных типов этих категорий вещей с учетом их хронологии является важным показателем контактов аланских племен с представителями синхронных культур в разные периоды.

Зеркала с центральной петелькой, которым посвящено данное исследование, впервые появились на европейской территории в Поволжье в сарматской среде во II в. н.э. (Скрипкин А.С., 1984, с. 48), но употреблялись достаточно редко до середины III в. Из Поволжья зеркала распространились на Нижний Дон, Кавказ и в Крым. А.М.Хазанов отнес их к X типу сарматских зеркал (Хазанов А.М., 1963). Он же посвятил статью верованиям, связанным с этим предметом (Хазанов А.М., 1964).

Наиболее крупные работы, посвященные типологии и картографии аланских зеркал, принадлежат С.А.Плетневой, изучавшей зеркала салтово-маяцкой культуры (Плетнева С.А., 1989, с. 100–104), и В.Б.Ковалевской, исследовавшей аланские зеркала IV–IX вв. в плановой теме 1972 г. и разработавшей основные принципы их типологии, легшие в основу данного исследования (Ковалевская В.Б., 1981, с. 87). На западе зеркала типа X стали объектом исследований ряда специалистов (Werner J., 1956, 1956; Istvánovits E., Kulcsár V., 1993; Bodo Anke, 1998; Niezabitowska Barbara, 2004). Классификация зеркал Центрального Пред-

кавказья X–XII вв. была предложена С.Н.Савенко (Савенко С.Н., 1985).

В ходе проведенной авторским коллективом работы на сегодняшний день было выделено 34 основные разновидности зеркал — таксонов высшего порядка, подразделяющихся, в свою очередь на 123 таксона низшего порядка (рис.1, 2). Таксон — это классификационная единица, принятая нами для обозначения подразделений, внутри выделенного А.М.Хазановым типа X.

Типология зеркал основана на анализе орнаментальных элементов, покрывавших их тыльную сторону. Зеркала украшены одним или несколькими разновидностями орнамента. Разновидности орнаментов достаточно устойчивы. Они сосуществуют на одном зеркале, декорируя определенные участки — концентрические зоны зеркал, за редким исключением практически не смешиваясь друг с другом. На аланских зеркалах орнаменты, как правило, распределяются по концентрическим зонам. За редким исключением зоны отделяются друг от друга концентрическими кругами. В данной статье, как и в предыдущих, написанных на эту тему авторским коллективом, концентрические орнаментальные зоны описываются от края к центру¹.

Наличие бортика не учитывалось как типобразующий признак, так как было установлено, что в тех случаях, когда зеркала изготавливались по оттиску с зеркала-эталона, они теряли четкость орнамента и бортика, иногда бортик или концентрическая окружность, идущая вдоль края, терялись вообще. Было бы неправильно в таком случае относить производные от эталона зеркала к абсолютно другому таксону.

В данной статье будет проанализировано 9 таксонов высшего порядка (таксоны 9–17), объединяющих 41 таксон низшего

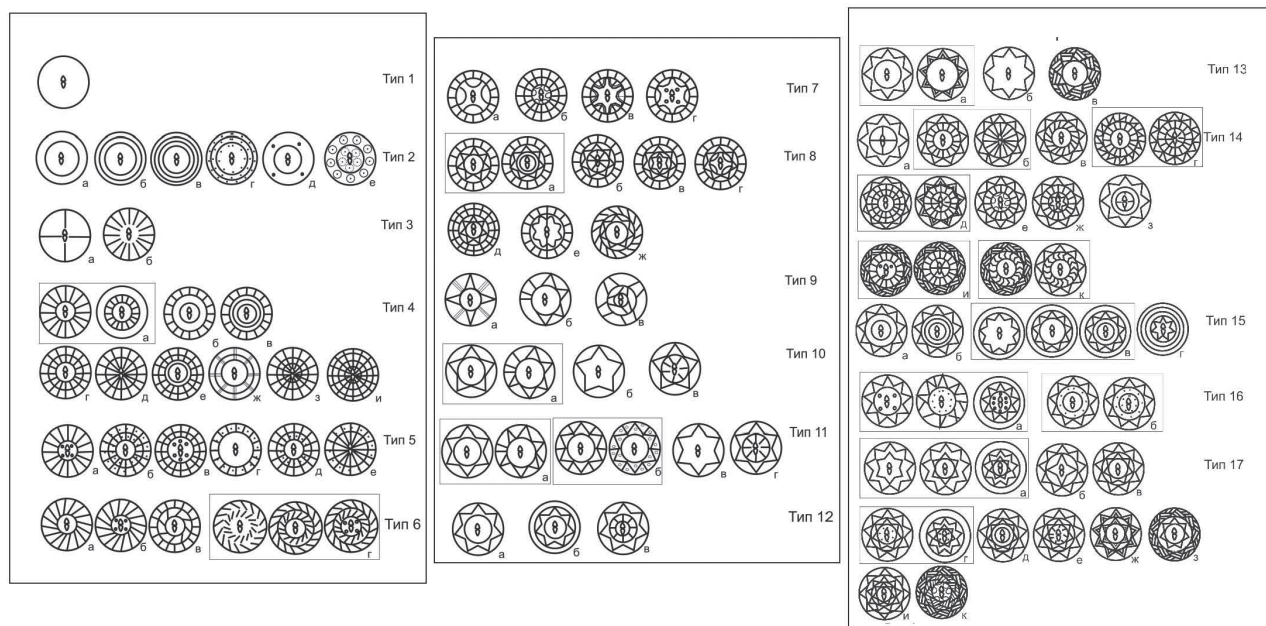

Рис. 1. Таксоны 1–17.

порядка (рис. 1, 2). Выборка представлена 223 зеркалами, из которых датировано с различной степенью точности 131². Характерной чертой орнамента всех рассматриваемых зеркал является наличие ломаной линии в первой (внешней) зоне. Исключение составляют единичные таксоны 15в, 15г, варианты таксонов 17а и 17г, где внешние зоны украшены только concentрическими кругами без ломаных линий.

Работа направлена на выявление динамики развития, распространения и угасания различных типов зеркал, что позволит фиксировать контакты алан со смежными культурами в различные исторические периоды, а также рассматривать эти контакты с учетом исторического контекста.

Время появления на сарматских и раннеаланских зеркалах с центральной петелькой орнамента в виде ломаной линии пока не ясно и требует дополнительного исследования. Однако даже поверхностное изучение этого вопроса дает возможность увидеть, что данный орнамент во II–III вв. был мало популярен. Ломаная линия по контуру использована в качестве орнамента на сарматском зеркальце-подвеске с боковой ручкой из погребения II в.н.э. из Зубовского хутора (Берлизов Н.Е., 1998, рис. 1, 1) и IV в. в Реймсе (Kazanski, 1993, fig. 3, 7).

Один относящийся к этому времени экземпляр с центральной петелькой, украшенный рельефными зубчиками (в отличие от рельефных линий, создающих лишь контуры звезд, — в данном случае рельефными являются непосредственно сами звезды, под зубчиками здесь и далее мы подразумеваем рельефные треугольные лучи звезд), радиальными линиями и concentрическими кругами, известен в Дагестане, в Карабудахкенте (Смирнов К.Ф., 1961, с. 215, рис. 39, № 133) (К.Ф. Смирнов датировал Карабудахкентское зеркало III–IV вв., М.С. Гаджиев в устной консультации склонился к более ранней дате — II–III вв.).

Зеркало из позднесарматского Большекараганского могильника из Зауралья (курган 18), датирующееся временем не позднее III в.н.э., известно нам по архиву М.Г. Мошковой и публикации С.Г. Боталова и С.Ю. Гуцалова, на сегодняшний день является наиболее ранним известным нам изображением пятиконечной звезды (рельефной ломаной линией) на центральном поле зеркала с центральной петелькой с тремя радиальными линиями, идущими от внутренних углов звезды к краю (Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000, рис. 11, 4). Уточнить нижнюю дату распространения данных таксонов на Кавказе могла бы публикация материалов

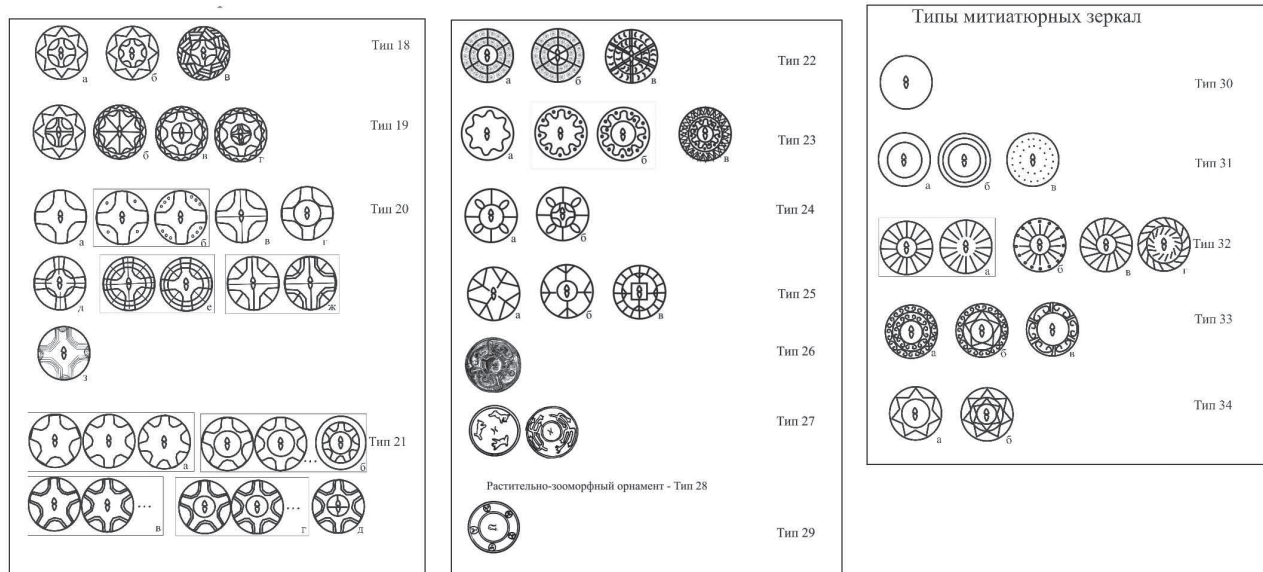

Рис. 2. Таксоны 18–34.

Бесланского могильника. В целом весь имеющийся на сегодня материал дает возможность пока осторожно предположить, что ломаная линия как элемент декора зеркал начинает активное распространение в постгуннское время. В пользу высказанного мнения говорят и результаты настоящего исследования. Периодом с IV по V в. датируется уже 13 экземпляров зеркал. Однако, пока не будет проведено фундаментальное исследование зеркал II–III вв., все вышеизложенное останется только предварительной гипотезой. О восточных корнях орнамента в виде ломаной линии на зеркалах с центральной петелькой может свидетельствовать распространенность похожего элемента (рельефных зубчиков) декора на китайских зеркалах подобного типа (с центральной петелькой), имевших широкое хождение у степных народов. Зеркальце с боковой ручкой, подражающее китайскому и украшенное, судя по имеющемуся рисунку, как и китайские (и карабудахкентское) зеркала, зубчиками, было обнаружено в кургане I–II вв. у хут. Чернышева в Адыгее³.

На складывание орнаментов зеркал с ломаной линией могли повлиять и изделия полихромного стиля. Одному из авторов приходилось в специальной статье обращаться к истокам разного типа орнаментов на зеркалах-подвесках III–X вв. (Ковалевская В.Б., 2001, с. 70–75) и к их сопоставле-

нию с орнаментами на предметах полихромного стиля гуннского времени, византийских фибулах-брошах VI–VII в., пряжках, предметах вооружения и конского снаряжения этого же времени. Следует отметить, что среди выделенных И.П.Засецкой орнаментальных мотивов и композиций различных стилистических групп полихромных изделий конца IV–V вв. ломаная линия или отсутствует (1-я стилистическая группа, (Засецкая И.П., 1994, рис. 13), или представлена очень слабо (2–6 стилистические группы, там же, рис. 14–16). Изображения звезд отсутствуют. В определенной связи орнаментом в виде зигзагообразной линии вдоль края предметов можно считать исполненные из зерни треугольники, обращенные вершинами к центру, контур которых представляет собой ломаную линию. Например, орнамент подковообразной бляшки из с. Щучьего около Борового озера (Засецкая И.П., 1975, с. 48).

Прямую аналогию орнаментальным зонам из ломаных линий, одинарных или составленных из двух-трех линий, на зеркалах представляют экспонируемые в Историко-культурном музее Вены превосходные золотые украшения из Шилагисомлио I и Унтерзибенбрунна (Wolfram H., 1985, p.17, 35). Особый интерес в плане аналогий с зеркалами представляет украшение одной из концентрических зон поясной золотой кру-

глой бляхи из Унтерзибенбрунна рядом заштрихованных треугольников, обращенных вершинами к центру. Заштрихованные треугольники на зеркалах являются ранним хронологическим признаком. В монографическом исследовании Б. Аррениус, посвященном разностороннему анализу изделий меровингского гранатово-полихромного стиля и клуазоне V–VI вв., среди обширного репертуара орнаментальных схем предметы, содержащие полосы обрамления в виде ломаной линии, представлены в меньшинстве: более чем из 200 рисунков книги можно выделить единицы с подобным орнаментом (Arrhenius В., 1985, fig 74, 109, 212 a,b).

Только в ювелирных украшениях из Византийских мастерских VI–VII вв. и в местных подражаниях им, в частности, представленных в северокавказских могильниках, мы видим на одном изделии те же орнаментальные схемы на каждой из конкретных зон (Ковалевская В.Б., 2001, рис. 2, 4–8), как на зеркалах таксонов 12–17. Особый интерес представляют бронзовые ажурные подвески из женских могил аварского времени (VII–VIII вв.) с территории Венгрии (могильники *Zamárdi* и *Tiszafüred*) (Garam E., 2011, Abb. 3, Tab.3). Как и зеркала таксона 15, их декор состоит из ломаных линий, заключенных в концентрические круги. Но эти подвески ажурные, как и многочисленные металлические амулеты, известные нам в древностях Предкавказья и Восточной Европы VI–IX вв.

Таксон 9 (рис. 1) (8 экземпляров). Этот таксон открывает описание серии типов, декор которых строится на использовании ломаной линии, образующей звезды с различным количеством лучей.

К типу 9 относятся зеркала, декорированные ломаной линией, образующей четырехлучевую звезду, а также концентрическими кругами. В орнаменте могут присутствовать и дополнительные детали, такие как радиальные линии.

Таксон 9а. Единственное известное на сегодняшний день зеркало этой разновидности найдено в Архоне в катакомбе 1, датированной VI–VIII вв. (раскопки

Е.Г.Пчелиной). Основу декора составляют 2 зоны: 1) четырехлучевая звезда с четырьмя строенными линиями между лучами и центром, очерченным концентрической окружностью; 2) пустая зона (центр звезды).

Таксон 9б (5 экземпляров). Орнаментация данного таксона также включает 2 зоны: 1) неправильная четырехлучевая звезда и несколько беспорядочных радиальных линий, отделенные от центральной зоны концентрической окружностью; 2) пустая.

Диаметр зеркал колеблется от 4,7 до 8,2 см. Зависимости размера от датировки не замечено.

Экземпляр рубежа VII–VIII вв. происходит из комплекса катакомбы 31 Мокрой Балки (Arrhenius В., Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, с. 77, 103, рис. 48, 8).

В VIII–X вв. таксон 9б бытует на территории Среднего Дона. Он обнаружен в Дмитриевском (катакомба 87) (Плетнева С.А., 1989, с. 103, рис. 53) и Старосалтовском могильниках (по одному экземпляру) (Аксенов В.С., 1999, с. 144, рис. 3, 9).

Дата двух находок из Чми (коллекция В.И. Долбежева из ГЭ) не ясна.

Таксон 9в (2 экземпляра). К нему относится зеркало из Галиата (коллекция ГЭ) и из катакомбы 74 Дмитриевского могильника (Плетнева С.А., 1989, с. 102, рис. 52). В основе орнамента таксона 3 зоны: 1) четырехлучевая звезда и концентрическая окружность, 2) трехлучевая звезда и концентрическая окружность, 3) пустая. Зеркало из Галиата, скорее всего, датируется тем же временем, что и зеркало со Среднего Дона: VIII — начало X в., так как здесь известен катакомбный могильник этого периода. Кроме того, зеркала изготовлены практически по единому образцу (отлиты в глиняных формах, являющихся отпечатками эталонного образца или его дериватов). Они идентичны.

Образцы типа 9 не обнаружены в комплексах X–XII вв.

Таксон 10 (рис. 1) (7 экземпляров). Для этого таксона характерно декорирование ломаной линией, образующей пятилучевую звезду, и концентрической окружностью, разбивающей пространство на тыльной

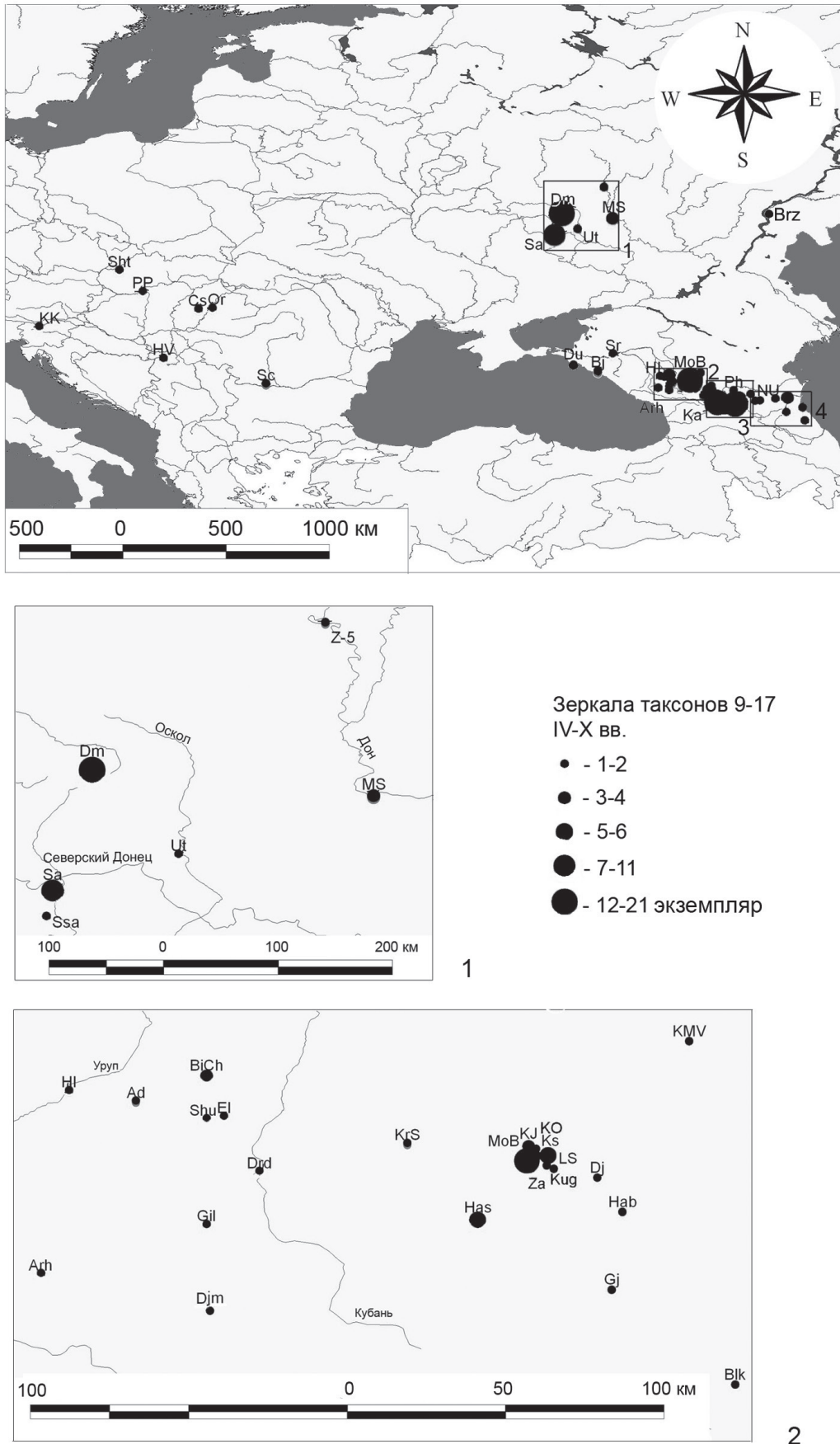
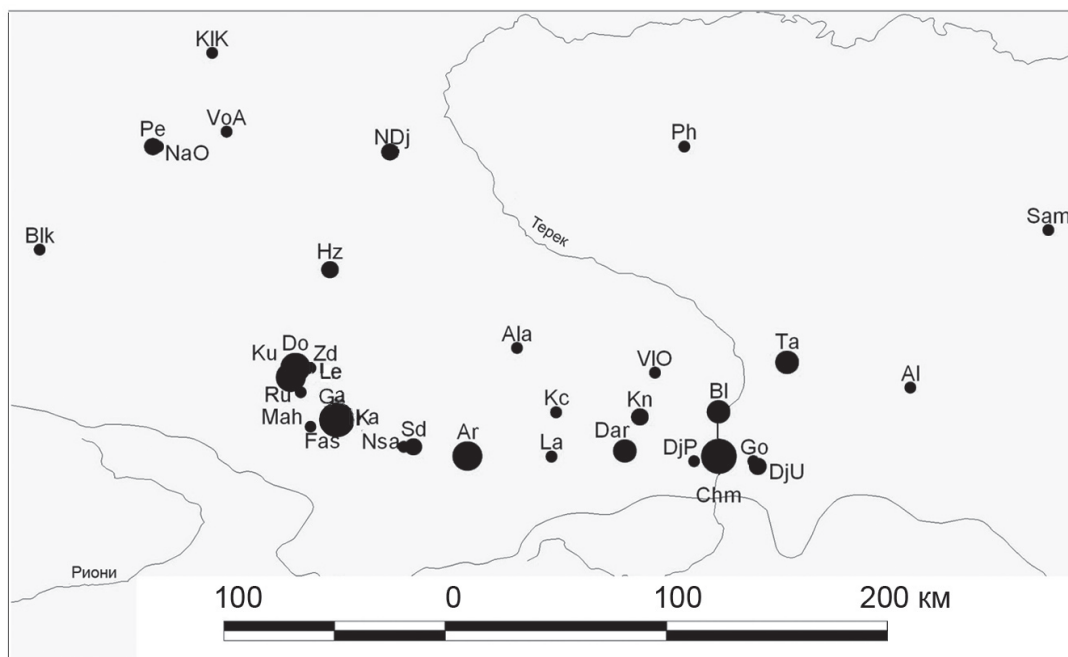
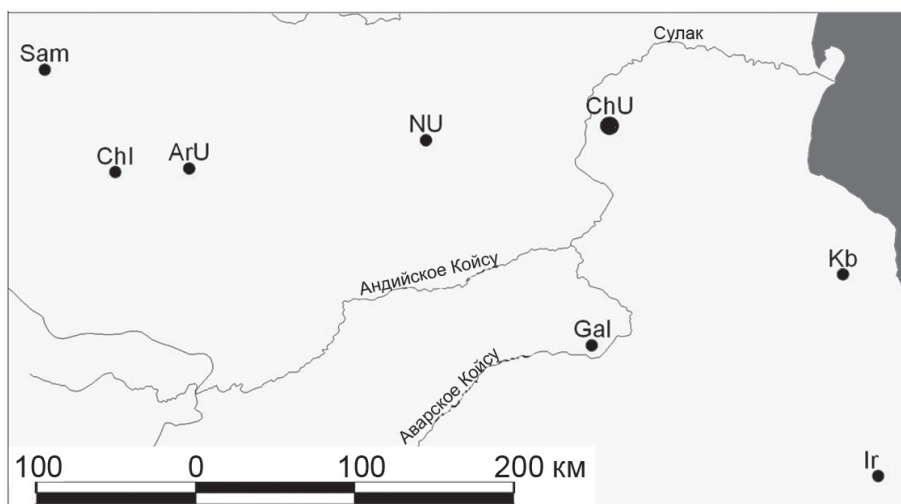

Рис. 3. Карта распространения зеркал 9–17 таксонов

3

Зеркала таксонов 9-17

IV-X вв.

- - 1-2
- - 3-4
- - 5-6
- - 7-11
- - 12-21 экзemplяр

4

Рис. 3а. Продолжение

стороне зеркала на две зоны. В орнаменте могут присутствовать и радиальные линии.

Таксон 10а (3 экземпляра). Тыльная сторона зеркал Т.10а декорирована двумя зонами: 1) пятилучевая звезда, иногда с несколькими беспорядочными радиальными линиями, и концентрическая окружность; 2) пустая.

Только один экземпляр происходит из датированного комплекса — зеркало из катакомбы 5а Мокрой Балки. Оно датируется

первой половиной VIII в. (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, с. 218–219, 224, рис. 146, 20). Два других обнаружены в Чми-Балте (могила 1, раскопки В.И.Долбежева, коллекция ГИМ) и Кумбулте. Диаметр зеркал равен 5,1 см.

Таксон 10б (3 экземпляра). Декор таксона ограничивается одной зоной, содержащей изображение пятилучевой звезды. К этой разновидности зеркал относятся

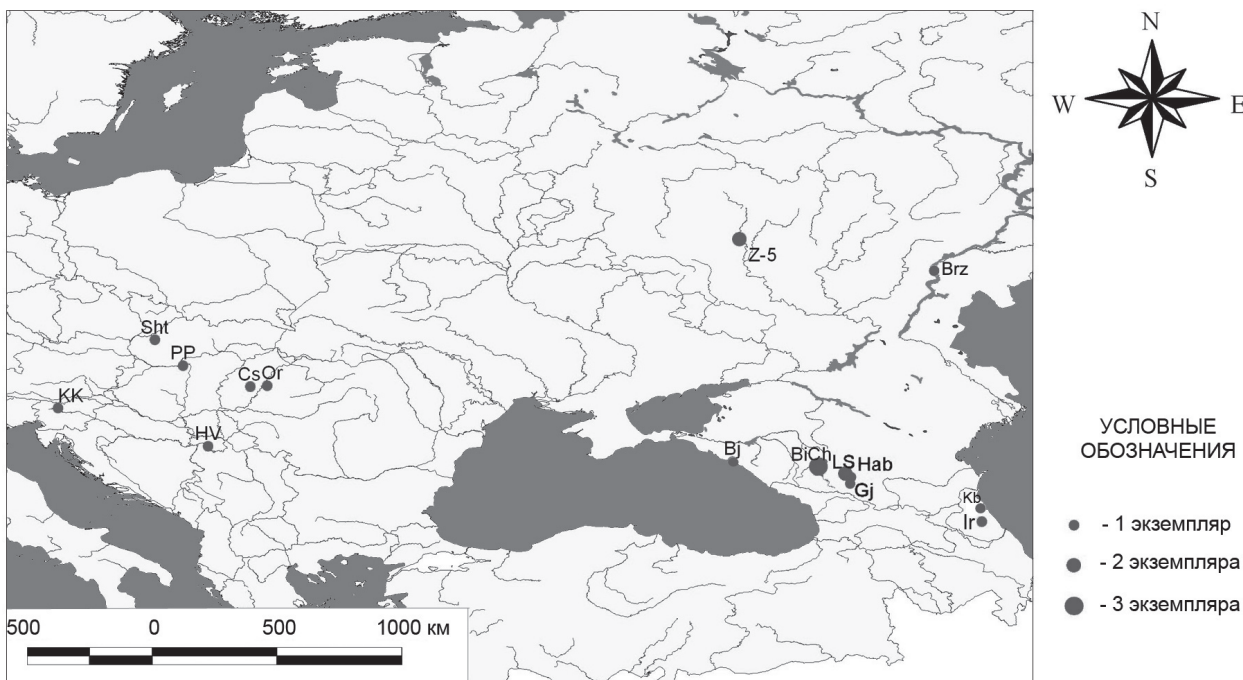

Рис. 4. Распространение зеркал таксонов 9-17 в IV-VI вв. (Карабудахкент — зеркало II-III вв., Csokmo и Kranj Krainburg — VI-VII вв.).

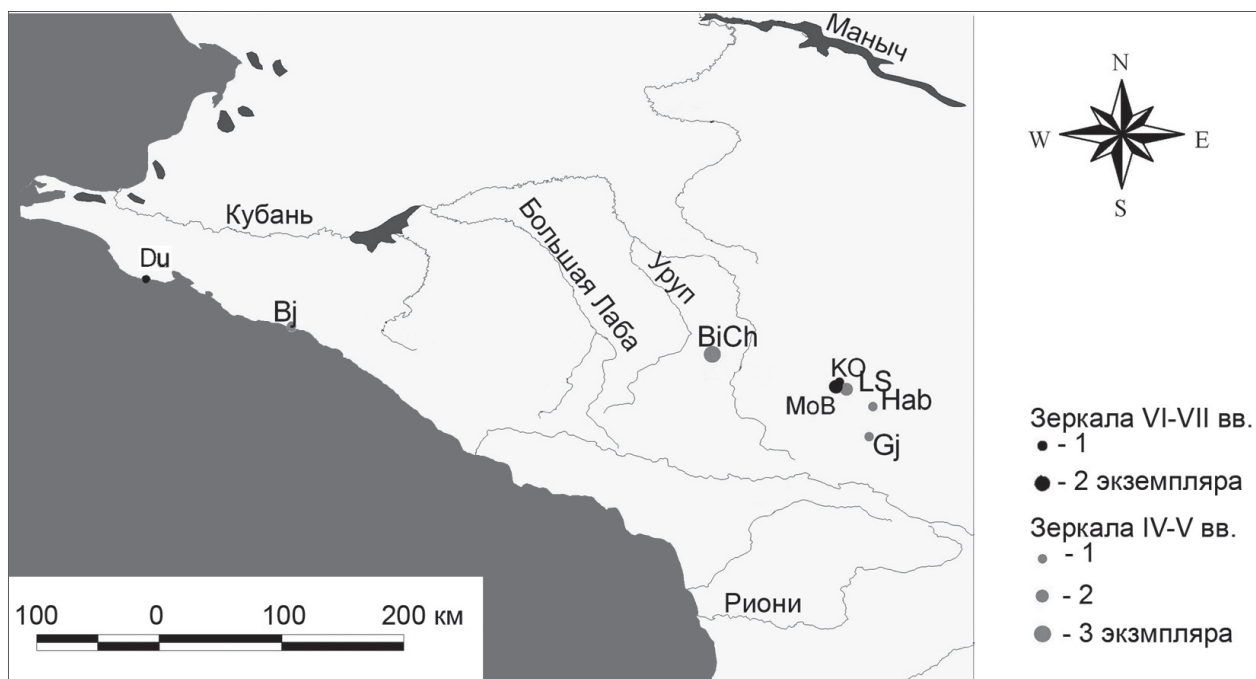

Рис. 5. Распространение зеркал таксонов 9-17 в VI-VII вв

находка VII-VIII вв. из Песчанки (раскопки И.А. Владимирова, коллекция ГИМ) и две находки VIII-IX вв. из Лаца (Пчелина Е.Г., 1928, с. 415, рис. 33) и могилы 15 Верхнего Салтова (раскопки В.А. Бабенко 1906 г., коллекция ГЭ). Диаметр зеркал от 5,5 до 6 см.

Как мы видим, данный таксон, как и ряд предыдущих, впервые появляется на

Кавказе, а затем, с расселением алан, распространяется на Средний Дон.

Таксон 10в встречен пока только в катакомбе 5 VIII-IX вв. Хазнидона (раскопки Н.И.Гиджрати). Орнамент зеркала состоит из двух зон: 1) пятилучевая звезда и концентрическая окружность, 2) радиальные линии.

Таксон 11 (рис. 1) (18 экземпляров). Основу декора типа 11 составляет ше-

Рис. 6. Распространение зеркал таксонов 9–17 в VII–VIII вв. Здесь и ниже (в карте 7) обозначаются названия только памятников указанного периода

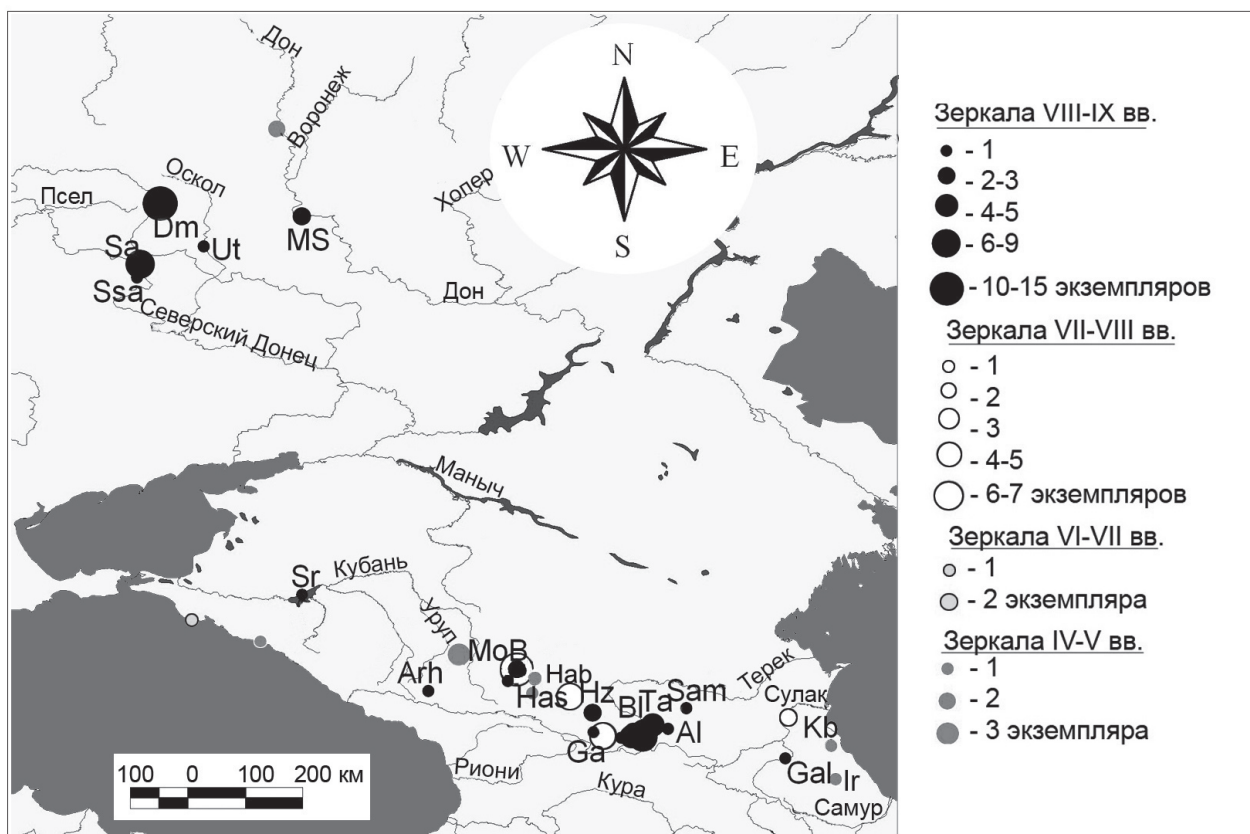

Рис. 7. Распространение зеркал таксонов 9–17 в VIII–X вв

стилучевая звезда в первой зоне. Звезда встречается в сочетаниях с концентрическими кругами, радиальными линиями и точками.

Таксон 11a (12 экземпляров). Орнаментация включает две зоны: 1) шестилучевая звезда, иногда с беспорядочными радиальными линиями; 2) пустая.

Наиболее ранние из датированных экземпляров относятся к VII–VIII вв. (Песчанка, раскопки И.А. Владимировой, и Нижний Садон, раскопки Е.Г. Пчелиной, — по одному экземпляру) (Pčelina J., 1929, p. 212, abb. 6), а также, вероятно, к VI–VIII вв. (катакомбы 11 и 15 Архона, раскопки Е.Г. Пчелиной, — два экземпляра). Три экземпляра из катакомбы 4

Архона (также раскопки Е.Г. Пчелиной), относятся к IX в. Второй половиной VIII — началом X в. датируются три экземпляра: Балта, могила 1 (раскопки В.И. Долбежева), Верхнее Салтово, могила 10 (раскопки А.В. Бабенко, 1905 г.) и Маяцкий могильник, катакомба 9 (раскопки С.А. Плетневой) — один экземпляр. Два недатированных экземпляра происходят из Карца и Махческа (коллекции ГИМ).

Таксон 11б. Один недатированный экземпляр происходит из Камунты (собрание К.И. Ольшевского, коллекция ГИМ). Тыльная сторона зеркала декорирована двумя зонами: 1) шестилучевая звезда с шестью радиальными линиями между лучами и концентрическая окружность; 2) пустая.

Таксон 11в (2 экземпляра). Оба зеркала найдены в Джинале (Пятигорский музей, дар Раева). Дата не известна. Орнамент составляет одна зона, содержащая изображение шестилучевой звезды.

Таксон 11г (2 экземпляра). Орнамент зеркала состоит из двух зон: 1) шестилучевая звезда и концентрическая окружность; 2) радиальные линии.

К VII–VIII вв., по мнению В.Б. Ковалевской⁴, относится находка зеркала данного таксона из Верхнего Чир-Юрта (раскопки И.П. Костюченко) (Ковалевская В.Б., 2005, рис. 41, 2). Не датирован экземпляр из Лезгора (коллекции ГЭ).

Таксон 12 (рис. 1) (11 экземпляров). В основе орнаментальной композиции, украшающей зеркала, лежат семилучевая звезда и концентрические круги, а иногда и радиальные линии.

Таксон 12а (7 экземпляров). В декоре зеркал сочетаются две зоны: 1) семилучевая звезда и концентрическая окружность, 2) пустая.

Наиболее ранние из известных экземпляров таксона 12а относятся, видимо, к V–VII вв. (случайная находка из Oradea), VI–VII вв. датируется находка из Csokmo (Werner J., 1956, т. 44, 11; Radu Harhoiu, 1997, рис. 182, taf. XCVII, 5). 2 зеркала VII–VIII вв. обнаружены в катакомбах 15 и 33 Мокрой Балки (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.,

2001, с. 71, 72, 82, рис. 27, 15; с. 77, 78, 106, рис. 51, 7). В VIII–X вв. мы встречаем подобные образцы в Даргавсе (катакомба 19, раскопки Р.Г. Дзаттиаты). Не ясна датировка зеркала из Донифарса (коллекция ГИМ) и с Кавказа (случайная находка из Гижгида) (Абрамова М.П., 1997, с. 66, 70, рис. 45, 9).

К X–XII вв. относятся находка из катакомбы 60 Змейского могильника (раскопки В.А. Кузнецова), а также зеркало из подъемного материала в станице Змейской.

Таксон 12б (3 экземпляра). Орнамент таксона характеризуется наличием 3 зон: 1) пустая, 2) семилучевая звезда и концентрическая окружность, 3) пустая. Следует оговорить, что из-за небрежности декора не вполне ясно, каково количество лучей на зеркале из Донифарса-Галиата (коллекция ГИМ) — семь или восемь. На экземпляре с Джейраховского поста (собрание А.В. Комарова, ГИМ) лучей определено 7. Оба зеркала происходят из дореволюционных раскопок и не датированы. Экземпляр из Ираги датируется V в. (Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, с. 102, 103, рис. 49, 21, с. 215).

Таксон 12в. Один экземпляр найден в катакомбе 12 Даргавса и датируется VIII–X вв. (раскопки Р.Г. Дзаттиаты). Декор зеркала также сочетает три орнаментальные зоны: 1) семилучевая звезда и концентрическая окружность, 2) радиальные линии и концентрическая окружность, 3) пустая.

Таксон 13 (рис. 1) (46 экземпляров). В орнаменте данного типа используются звезда с количеством лучей более 7 и концентрическая окружность. В эту же группу включены небрежно выполненные и фрагментированные зеркала, количество лучей в орнаменте которых невозможно определить.

Таксон 13а (44 экземпляра). Для него характерны две зоны орнамента: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) пустая.

Три экземпляра эпохи Великого переселения народов (IV–V вв.) происходят из бассейна Острой Луки (Острая Лука..., 2004, с. 6, 65, 297, рис. 112, 7) из Словакии (Штраже), к VI–VII вв. (аварскому периоду) относится зеркало из Словении (Крани Крайнбург)

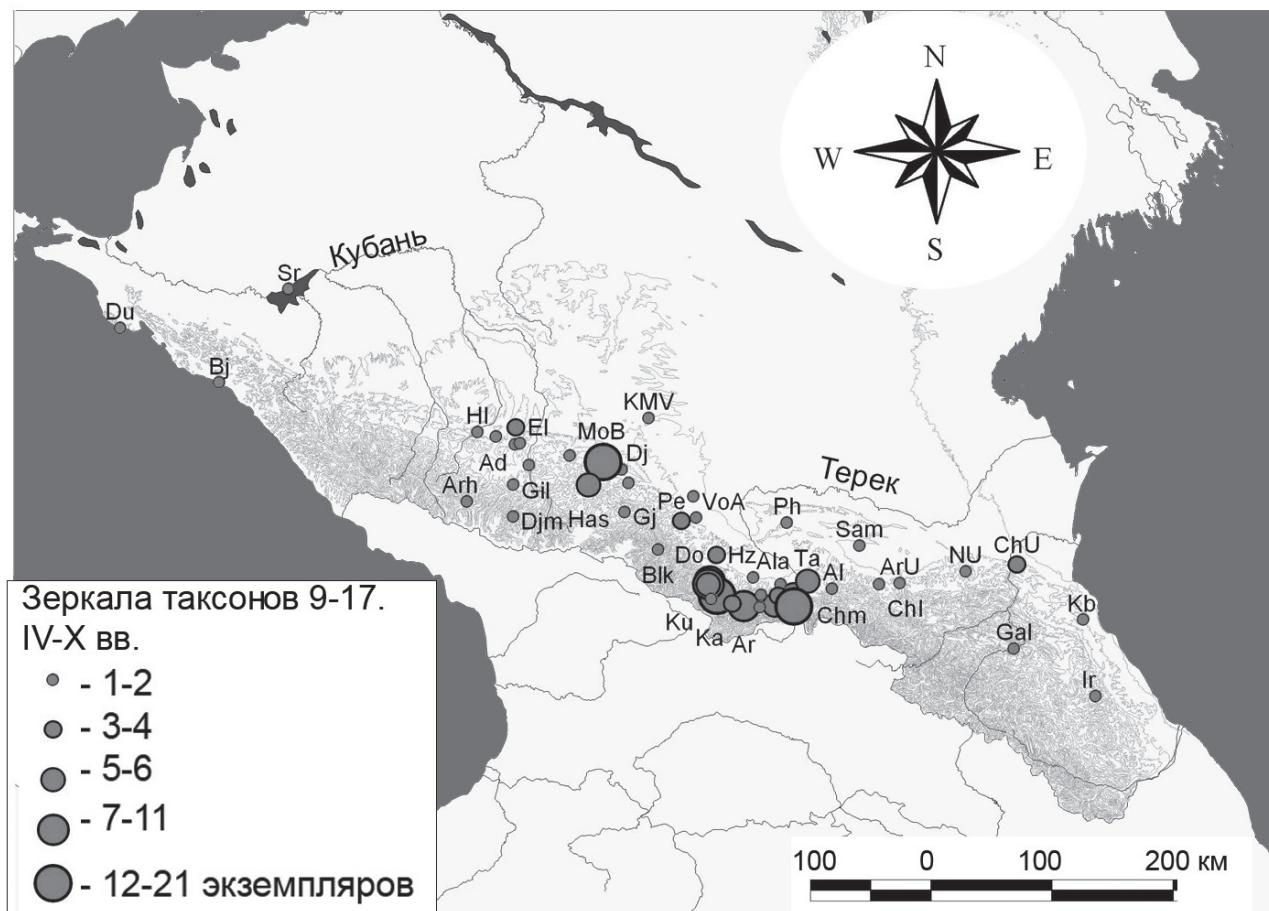

Рис. 8. Общая карта находок зеркал таксонов 9–17 (IV–X вв.) на Северном Кавказе

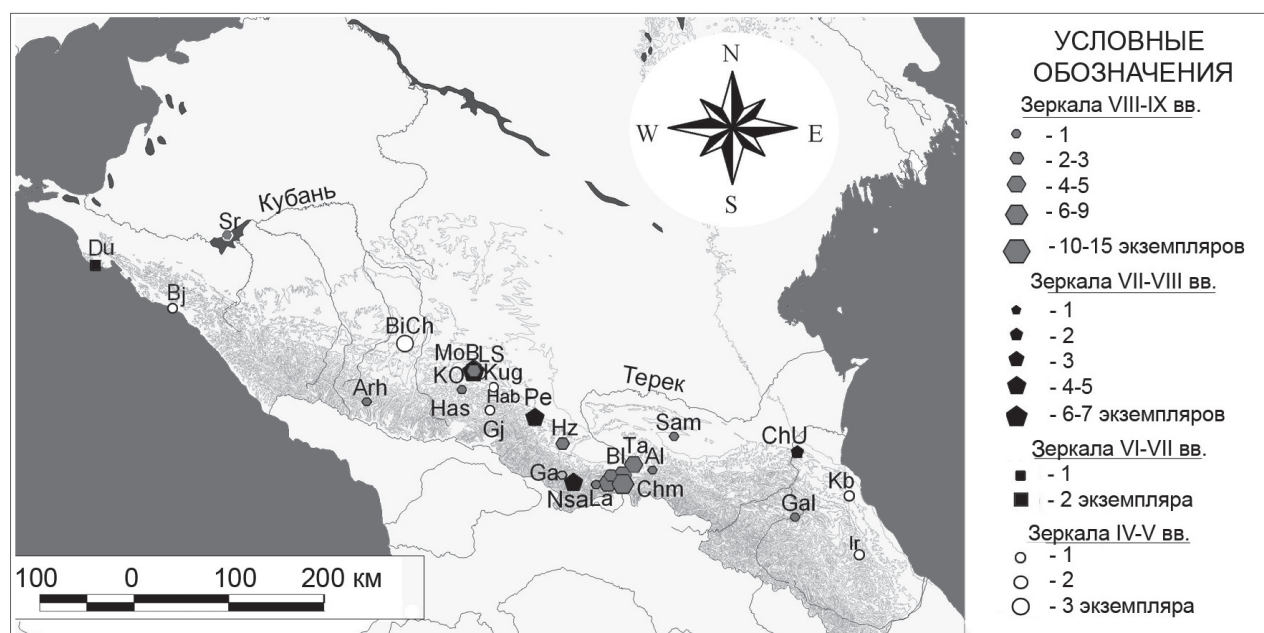

Рис. 9. Динамика распространения зеркал таксонов 9–17 на Северном Кавказе в различные хронологические периоды с IV по X в.

(Werner J., 1956, В. taf. 45, 5; Шаламон А., Баркоци Л., 1982, с. 45). V–VII вв. датировал В.А.Кузнецов склепы Гижгида, где И.А. Владимировым было найдено одно зеркало таксона 13а (Кузнецов В.А., 1962, с. 78; ОАК, 1898, с. 51, 52), тогда как В.Б. Ковалевской была принята дата VII–IX вв. (Ковалевская В.Б., 2005, с. 138). Находки зеркал VII–VIII вв. известны на следующих кавказских могильниках: один экземпляр найден в Песчанке (раскопки И.А. Владимирова, ГИМ), один в катакомбе 1 Мокрой балки (раскопки В.Б. Ковалевской). В VII–VIII вв. мы встречаем эту разновидность зеркал в горной части Осетии, в Садоне (катакомба 8, раскопки З.П. Кадзаевой) и в окрестностях Кисловодска, катакомбе 29 могильника Клин-Яр 3 (Флеров В.С., 2000, с. 42–46, 140, рис. 39, 27). VI–VIII вв. условно (возможно, есть и VIII–IX вв.) датируются зеркала из Архона (три экземпляра из катакомб 2, 11, 12; раскопки Е.Г. Пчелиной).

Зеркала VIII–IX вв. происходят из катакомб Мокрой Балки: одно из катакомбы 47 раскопок А.П. Рунича (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, с. 113, 127, рис. 64, 8), другое из катакомбы 21 раскопок В.Б. Ковалевской. Таксон 13а также встречен на следующих памятниках VIII–X вв. Кавказа: Алагир (один экземпляр из катакомбы 1) (Кузнецов В.А., 1980, с. 83, рис. 2, 1), Балта (два экземпляра, могила 5 из собрания П.С. Уваровой и могила 1 раскопок В.И. Долбежева), Галиат (один экземпляр из катакомбы 1 раскопок М. Мамиева), Кобань (два экземпляра из катакомбы 5) (Хайнрих А., 1995, с. 197–198, 202, 246, табл. XLIV, 1, 2), Старокорсунская (один экземпляр из погребения 61, раскопки В.Н. Каминского), Хазнидон (один экземпляр из катакомбы 7, раскопки Н.И. Гиджрати), Чми (один экземпляр из катакомбы 1, раскопки Д.Я. Самоквасова, ГИМ). Подобные зеркала обнаружены в синхронных кавказским погребениях Среднего Дона: Дмитриевский (четыре экземпляра из катакомб 55, 79, 114, 126, раскопки С.А. Плетневой, ГЭ), Маяцкий могильник (один экземпляр, катакомба 80, раскопки В.С. Флерова) и Маяцкое селище (катакомба 2, один экземпляр, раскопки А.З. Винникова),

Не представляется возможным датировать зеркала из случайных находок и коллекций: с хутора Ильич (Ложкин М.Н., 1984, с. 31, 35, рис. 5, 2), из Владикавказского округа (собрание К.И. Ольшевского, ГИМ), Донифарса (раскопки В.И. Долбежева, 1886), Задалеска (ГИМ), Камунты (собрание Г.Д. Филимонова, ГИМ), Кумбулты (ГИМ), Лезгора (собрание ГЭ), Махческа (собрание ГЭ), Чми (ГИМ), Ножай-Юрта (архив Кунсткамеры). Из всех указанных мест происходит по одному зеркалу. Два экземпляра найдено в Джейраховском ущелье. Их с очень большой степенью вероятности можно отнести к VIII–X вв., так как они изготовлены по одной форме с зеркалом из могилы 5 Балты (раскопки В.И. Долбежева).

Диаметр имеющихся в выборке зеркал IV–X вв. от 4,2 до 7 см. Заметной разницы в диаметрах зеркал, относящихся к разным хронологическим периодам в рамках указанного временного отрезка, нет.

Таксон 13б. Один экземпляр найден в Лезгоре (собрание В.И. Долбежева, ГИМ). Он декорирован одной зоной с многолучевой звездой. Дата зеркала не известна.

Таксон 13в. Также представлен единственным образцом VIII в. из Галлы. Экземпляр орнаментирован двумя зонами: 1) многолучевая звезда, украшенная дополнительными линиями, штрихующими лучи и пространства между ними, концентрическая окружность; 2) пустая.

Таксон 14 (рис. 1) (37 экземпляров). В первой зоне декора этого таксона неизменно используются многолучевая звезда и концентрическая окружность, а во внутренних — радиальные линии и концентрические круги.

Таксон 14а. Единственный, достаточно поздний экземпляр IX–X вв. (скорее всего, что он датируется еще более поздним временем) обнаружен в Дардоне (Алексеева Е.П., 1971, с. 342, т. 33а, 3). Он орнаментирован двумя зонами: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) радиальные линии, пересекающиеся в виде креста. Аналогии этому зеркалу мы находим в памятниках X–XII вв., в частности,

катакомбе 1(3) Кисловодской горсвалки (раскопки А.П.Рунича).

Таксон 14б (17 экземпляров). Наиболее многочисленный из таксонов низшего порядка. Тыльная сторона украшена двумя-тремя зонами: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность; 2) радиальные линии и концентрическая окружность (в 4 случаях радиальные линии сходятся у петельки, окружности нет); 3) пустая.

Зеркала таксона 14б, согласно выборке, зафиксированы пока только на территории Центрального и Северо-Западного Кавказа.

Самые ранние находки V в. происходят из Бжида (погребение 88, раскопки А.В. Пьянкова), Байтал-Чапкана (катакомба 13, раскопки Т.М. Минаевой), (Абрамова М.П., 1997, с. 46; Мاستыкова А.В., 2009, с. 212). Зеркала VII–VIII вв. обнаружены в катакомбах 87 и 124 Мокрой Балки (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, с. 155, 173, рис. 98, 16; с. 228, 229, 232, рис. 152, 12), в катакомбе 23 Кисловодского озера 1 (раскопки А.П. Рунича, 1972) и в катакомбе 10 Садона (раскопки З.П. Кадзаевой, 1999), образцы (два экземпляра) VIII–IX вв. найдены в катакомбах А и 1 Чми (Хайнрих А., 1995, с. 186, 192, 204, табл. II, 4; Самоквасов Д.Я., 1908, с. 177). Есть мнение, что катакомбы Чми датируются временем с конца VII по середину – вторую половину VIII в. (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, рис. 83).

В более поздний период зеркала Т. 14б встречаются в комплексах X–XII вв. В частности, в Кисловодской котловине на Кольцо-горе (Савенко С.Н., 1985, с. 100, 107, Т. I).

Подобные, но недатированные зеркала большей частью из дореволюционных собраний происходят из Балкарии (два экземпляра), Нальчикского округа (коллекции ГИМ), Донифарса (раскопки В.И. Долбежева 1886), Камунты, Кумбулты, района Кавминвод (Пятигорский музей краеведения) и Кисловодска (по одному экземпляру).

Диаметр зеркал варьирует от 4,5 до 8,2 см. Зависимости размера изделий от датировок не отмечено.

Таксон 14в. Один экземпляр найден на Эльбургане (случайная находка). Орна-

мент трехзональный и отличается от таксона 14б тем, что во второй зоне линии наклонные. Зеркало не датировано.

Таксон 14г (5 экземпляров). В 1-й зоне многолучевая звезда с радиальными линиями, проведенными между лучами, и концентрическая окружность; во 2-й – радиальные линии и концентрическая окружность; 3-я зона либо пустая, либо заполнена радиальными линиями.

Четыре экземпляра не датированы и происходят из Камунты-Кумбулты (коллекции ГИМ и ГЭ). Одно зеркало VII–VIII вв. найдено в Мокрой Балке (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, с. 161, 201, рис. 126, 11).

Размеры зеркал колеблются от 5,7 до 6,5 см.

Таксон 14д (5 экземпляров). В орнаменте насчитывается три-четыре зоны. 1-я зона декорирована многолучевой звездой и концентрической окружностью; 2-я – частыми радиальными линиями и концентрической окружностью; 3-я – радиальными линиями, сходящимися у петельки. В одном случае (находка из Карабудахкента) в 3-й зоне радиальные линии не доходят до центра, ограничиваясь концентрической окружностью, 4-я, центральная, зона этого зеркала – пустая.

Из погребения 8 уже упомянутого Карабудахкента происходит наиболее ранний экземпляр, датированный М.С. Гаджиевым II–III вв. (устная консультация) (Смирнов К.Ф., 1961, с. 218, 215, рис. 39, № 133). К.Ф. Смирнов датировал могильник III–IV вв. V–VIII вв. (а скорее, VII–VIII вв., судя по сопровождающему инвентарю) датируется находка из склепа № 2 Кала-Кола (раскопки Л.Г.Нечаевой), три другие относятся к периоду VIII–IX вв. и происходят из катакомбы 1 могильника Тарское (раскопки В.А. Коренько) и катакомбы 19 могильника Тарский (Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г., 1995, с. 293, т. XXI, 7), а также из катакомбы 25 Чми (раскопки Д.Я. Самоквасова) середины – второй половины VIII в.

Диаметр зеркал 6,4–6,7 см.

Таксон 14е. К данному таксону относится одно недатированное зеркало из Галиата

(коллекции ГЭ). Орнамент включает три зоны: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) радиальные линии и концентрическая окружность, 3) дуги.

Таксон 14ж. Пока известен один экземпляр VIII–IX вв. из катакомбы 13 Даргавса, Северной Осетии (раскопки Р.Г.Дзаттиаты). Декор зеркала состоит из трех зон: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) радиальные линии и концентрическая окружность, 3) многолучевая звезда.

Таксон 14з. Единственный экземпляр IX–X вв. происходит из катакомбы 2 Дмитриевского могильника (раскопки С.А. Плетневой). На тыльной стороне зеркала три орнаментальные зоны: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) концентрическая окружность, 3) радиальные линии, образующие крест.

Таксон 14и (2 экземпляра). Представлен образцами V — первой половины VI в. из катакомбы 10 Лермонтовской скалы 2 (раскопки А.П. Рунича) (Казанский М.М., Мاستыкова А.В., 1998, с. 114, рис. 9, 2, с. 128) и конца IV–VI в. из Хабазских склепов (Чеченов И.М., 1987, с. 43, 135, рис. 2, 11). Орнаментирован тремя зонами: 1) многолучевая звезда, украшенная дополнительными линиями, штрихующими лучи и пространства между ними, и концентрическая окружность; 2) радиальные линии и концентрическая окружность; 3) точки (Лермонтовская скала) или радиальные линии (Хабаз).

Таксон 14к (3 экземпляра). Зеркала декорированы тремя зонами: 1) многолучевая звезда, в одном случае украшенная дополнительными линиями, штрихующими лучи и пространства между ними (Байтал-Чапкан), и концентрическая окружность; 2) радиально идущие ломаные линии, образующие тупой угол («птичку»), и концентрическая окружность; 3) пустая.

Находки происходят из расположенных неподалеку друг от друга Байтал-Чапкана (катакомба 18, раскопки Т.М. Минаевой) и Шубшурука (случайная находка Т.М. Минаевой). Исследователи датировали Байтал-Чапкан временем от V до VII в.

(Абрамова М.П., 1997, с. 46). По устному мнению В.Ю. Малашева, 18-я катакомба Байтал-Чапкана датируется первой половиной V в. Зеркало V в. обнаружено также на Острой Луке (Замятино-5) (Острая Лука..., 2004, с. 6, 65, 297, рис. 112). Зеркало из Шубшурука, по мнению В.Б.Ковалевской, может датироваться приблизительно VII–VIII вв. Исследование таксона 14-й в целом показало, что в VIII–X вв. на Среднем Дону найден только один экземпляр одной из разновидностей таксона. Таким образом, 14 таксон характерен для Северного Кавказа. Заптрихованные лучи, очевидно, являются ранней чертой в орнаменте зеркал.

Таксон 15 (рис. 1) (30 экземпляров). К этому типу отнесены зеркала, в основе орнамента которых лежит декор из ломаных линий и концентрических кругов.

Таксон 15а (15 экземпляров). Тыльная сторона зеркал украшена тремя зонами: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) концентрическая окружность, 3) пустая. В выборке представлены зеркала с территории стран Восточной Европы и Северного Кавказа. Самый ранний экземпляр IV–V вв. зафиксирован в Хртковици Вранья (Подунавье). Зеркала VI–VII вв. встречены в погребении 1 Джамагата (один экземпляр, раскопки Х.Х.Биджиева), в Кисловодске на Георгиевском плато (2 экземпляра, Пятигорский краеведческий музей).

VII в. датируется зеркало из Хазнидо-на (Кузнецов В.А., 1962, с. 20, 138, рис. 6, 5). Второй четвертью VII — рубежом VII–VIII вв. датируется зеркало из катакомбы 20 Мокрой балки (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, с. 73–74, 91, рис. 36, 4).

К концу VII–IX в. относятся зеркала из Чми (конец VII — середина VIII в., катакомба Г, Хайнрих А., 1995, с. 189, 193, 217, табл. XV, 11; И.О. Гавритухин, А.М. Обломский, 1996, рис. 83) (середина VIII — начало IX — из катакомбы 6 раскопок Д.Я. Самоквасова, ГИМ) и Хасаута (раскопки М.М. Ковалевского, ГИМ). К сожалению, опубликованные С.А. Плетневой зеркала из катакомб 26 и 83 Дмитриевского могильника этого таксона не соответствовали музейным экземплярам и

отчетам (С.А. Плетнева, 1989, с. 101, рис. 51; с. 103, рис. 53). Но так как возможная путаница могла произойти только среди экземпляров Дмитриевского могильника, то можно уверенно говорить о распространении данного таксона на Среднем Дону со второй половины VIII в.

Не датированы находки из Донифарса, Задалеска, Кумбулты, Рутхи, Пседаха.

Диаметр зеркал колеблется от 4 до 7 см. Два крупных экземпляра — 8,2 и около 9 см — происходят из локальной области Дигории (Донифарс — Кумбулта). Их дата не известна.

Таксон 15б (2 экземпляра). Зафиксированы на Дмитриевском могильнике и датируются IX — началом X в. Диаметр крупный: 7,8 и 10,5 см.

Зеркала декорированы четырьмя зонами: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) концентрическая окружность, 3) концентрическая окружность, 4) пустая.

Таксон 15в (12 экземпляров). Орнамент зеркал включает от двух до четырех зон. Первая зона (иногда она пустует, и декор начинается со второй зоны) обязательно орнаментирована концентрической окружностью, в который вписана многолучевая звезда. В двух случаях (Джейраховское ущелье и Донифарс) весь декор этим и ограничивался. В остальных вышеописанный орнамент отделялся от внутреннего пространства еще одной концентрической окружностью. Два зеркала из Адиюха и Камунты имели во внутреннем пространстве дополнительную зону, украшенную концентрической окружностью. Центральная зона всех зеркал не заполнена.

Датировано лишь пять экземпляров из выборки: VII–VIII вв. — находка из Мокрой Балки (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, с. 156, 179, рис. 104, 17), из катакомбы 5 могильника Кугуль-2 (Рунич А.П., 1969, с. 105, табл. V, 1), VII–IX вв. — из Адиюха (раскопки Т.М. Минаевой) и два зеркала из Хасаута. Размеры зеркал от 4,5 до 8,2 см.

Возможно, к X–XII вв. относится случайная находка зеркала данного таксона на

Змейском могильнике (раскопки В.А. Кузнецова). Его диаметр 8,6 см.

Не ясны даты зеркал из дореволюционных коллекций ГИМ Джейраховского ущелья (один экземпляр, раскопки В.Л. Тимофеева), Донифарса (один экземпляр, раскопки В.И. Долбежева 1886 г.), Камунты (один из двух экземпляров из собрания К.И. Ольшевского), Кумбулты, Рутхи (коллекция ГИМ).

Таксон 15г. Декор состоит из 4 зон: 1) концентрическая окружность, 2) концентрическая окружность, 3) концентрическая окружность, 4) многолучевая звезда. Один экземпляр VII–VIII вв. найден А.П. Руничем в катакомбе 5 могильника Клинь-Яр 3.

Таксон 16 (рис. 1) (4 экземпляра). Характеризуется наличием многолучевых звезд, концентрических кругов и точек в орнаменте.

Таксон 16а (3 экземпляра). Декорирован двумя, в одном случае (Чми) тремя зонами: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) точки. У зеркала из Чми указанные зоны являются соответственно 2-й и 3-й (в первой зоне — концентрическая окружность). Единственное зеркало с датой (VII–VIII вв.) — экземпляр из Верхнего Чир-Юрта (курган 26, раскопки Н.Д. Путинцевой) (Магомедов М.Г., 1983, с. 84, рис. 26, 13). Зеркала из Чми (собрание К.И. Ольшевского, ГЭ) и Аргунского ущелья (собрание А. Комарова, ГИМ) не датированы.

Таксон 16б. В орнаменте таксона 16б задействовано три зоны: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) точки и концентрическая окружность, 3) в одном зеркале эта зона пустая, а в другом украшена точками.

К данному таксону относится зеркало VIII — начала IX в. из катакомбы 15 Чми (раскопки Д.Я. Самоквасова).

Таксон 17 (рис. 1) (62 экземпляра). Основная идея декора — вписанные друг в друга многолучевые звезды. Данный таксон дал максимальное количество подтипов, отличающихся различными сочетаниями вписанных друг в друга звезд с концентри-

ческими кругами, радиальными линиями, просто линиями, точками и дугами.

Таксон 17а (3 экземпляра). Все зеркала слегка отличаются друг от друга, но сгруппированы по принципу — между звездами, расположенными в смежных зонах нет концентрической окружности. Орнамент включает от 2 до 3 зон.

Самый простой орнамент — многолучевая звезда в 1-й и 2-й зонах. Декорированные подобным образом зеркала найдены в катакомбе 110 Дмитриевского могильника VIII–X вв. (раскопки С.А. Плетневой). Несколько более сложный орнамент отличается появлением во второй зоне концентрической окружности. Возникающая в последнем случае третья зона ничем не заполнена (катакомба 78 Дмитриевского могильника). В Пилишмароте выявлен фрагмент зеркала эпохи Великого переселения народов, на котором угадываются ломаные линии, сливающиеся в ромбы (Шаламон А., Баркоци Л., 1982, с. 45)

В X–XII вв. данный таксон пока не отмечен.

Таксон 17б (8 экземпляров). У всех экземпляров стандартный орнамент из двух зон: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) звезда с четырьмя и более лучами. Размер зеркал колеблется от 5 до 7,8 см.

Ранний экземпляр из катакомбы 11 Лермонтовской скалы 2 (раскопки А.П.Рунича) датируется V в. (ок. 400–440/460 гг. по Малашеву В.Ю., 2001, с. 42). Он самый крупный. Диаметр равен 7,8 см.

К VII–VIII вв. относятся зеркала из катакомб 2 и 7 Садоны (раскопки З.П. Кадзаевой). В VIII–X вв. таксон 17б зафиксирован в материалах Дмитриевского могильника (катакомба 52), на Среднем Дону (Плетнева С.А., 1989, с. 101).

Недатированные зеркала происходят из Камунты (три экземпляра из коллекции ГИМ) и из Чечено-Ингушетии (Багаев М.Х., 1970, табл. 75, 8).

Зеркала таксона 17б также пока не найдены в могилах X–XII вв.

Таксон 17в (37 экземпляров). Наиболее многочисленный из таксонов. Его орнамент тоже стандартен и включает три зоны:

1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 3) пустая.

К V в. отнесено зеркало из Березовки (у г. Покровска, ныне г. Энгельса) (Минаева Т.М., 1929, рис. 33), V–VI вв. — погребение 3 Гиляча (раскопки Т.М. Минаевой) (Минаева Т.М., 1951, рис. 5, 11; Мастыкова А.В., 2009, с. 215; Werner J., 1956, Т. 47, 9). VI–VII вв. и VII–VIII вв. датируются два образца из Мокрой Балки (Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001, с. 76, 101, рис. 46, 7; с. 162, 163, 209, рис. 134, 14), к VII — началу VIII в. относится одно зеркало из погребения 79 Верхнего Чир-Юрта (раскопки И.П. Костюченко) (Путинцева Н.Д., 1961, с. 261, рис. 11, 3; Л.Б. Гмыря, 1985, с. 152; Л.Б. Гмыря, 1990, с. 61, рис. 2, 2; 18, с. 294, рис. 60, 1). Как отмечает Л.Б. Гмыря, в статье Н.Д. Путинцевой указано, что чирюртовское зеркало найдено в погребении № 72, в то время как в паспорте указано погребение 79а (Л.Б. Гмыря, 1990, с. 62).

Основная же масса датируется VIII–X вв. и происходит с территории Северного Кавказа. По одному экземпляру найдено в могиле 7 Балты (раскопки П.С. Уваровой, ГИМ), катакомбе 16 Даргавса (раскопки Р.Г. Дзаттиаты), катакомбе 5 Кобани (Хайнрих А., 1995, с. 197, 198, 202, 246, табл. XLIV, 3), Самашек (раскопки Е.И. Нарожного) и Чми (катакомба 6, раскопки Д.Я. Самоквасова, VIII — первой половины IX в.), три экземпляра обнаружено в катакомбах Тарского могильника IX в. (раскопки Н.И. Гиджрати, катакомба 9, и раскопки Э.С. Кантемирова, катакомба 1) (Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г., 1995, с. 274, Т. II, 2). Зеркала Среднего Дона происходят из материалов раскопок Верхнего Салтова — семь экземпляров (раскопки В.А. Бабенко 1901, его же раскопки 1911 г. — катакомбы 9 и 11; раскопки Д.Т. Березовца — катакомба 2а, и катакомба 21 — раскопки В.В. Колоды), Дмитриевского могильника — шесть экземпляров (раскопки С.А. Плетневой, катакомбы 49, 89, 109, 152, 154, 164), Маяцкого селища — два экземпляра (раскопки А.З. Винникова, погребение 40, хозяйственная яма 32), Ютановки — один экземпляр (раскопки Г.Е. Афанасьева, катакомба 17).

Не ясна датировка зеркал из Камунты, Кумбулты (ГИМ), Лезгора (собрание ГЭ), Нальчика (Песчанки?) (коллекция И.А.Владимирова), Хабаза (коллекция СОГОМИАЛ).

Вероятно, к X–XII вв. можно отнести зеркало, найденное случайно на Змейском могильнике и хранящееся в Северо-Осетинском музее краеведения.

Диаметр зеркал — от 3,5 до 10 см. Четкого различия по размерам между зеркалами различных эпох не зафиксировано.

Таксон 17г (3 экземпляра). В декоре использованы три зоны: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 3) точки. Из катакомбы 24 Байтал-Чапкана происходит самый ранний экземпляр первой половины V в. (раскопки Т.М. Минаевой) (М.М.Казанский, А.В. Мастыкова, 1998, с. 127), а из катакомбы 3 Задвижки и катакомбы 23 Клинь-Яра 3 (В.С. Флеров, 2000, с. 47–49, 137, рис. 36, б) — зеркала VII–VIII вв.

В последующую эпоху таксон 17г пока не зафиксирован.

Таксон 17д (1 экземпляр). В орнаменте сочетаются 4 зоны: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 3) концентрическая окружность, 4) пустая.

Найден в катакомбе 153 Дмитриевского могильника VIII–X вв. (раскопки С.А.Плетневой).

Таксон 17е (2 экземпляра) декорирован тремя зонами: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 3) радиальные линии.

Зеркала зафиксированы на Центральном и Северо-Западном Кавказе (в Лаце и на поселении в окрестностях Бештау) (Пятигорский музей краеведения). Датировок нет.

Таксон 17ж (1 экземпляр) схож с таксоном 17в с той лишь разницей, что звезды выполнены двойной линией. Место находки — Кавказ, дата и точное место находки не известны (ГЭ).

Таксон 17з (1 экземпляр). Для таксона характерны три зоны орнамента: 1) многолучевая звезда, украшенная дополнительными линиями, штрихующими лучи и пространства между ними, и концентрическая окружность; 2) многолучевая звезда и концентрическая окружность; 3) пустая.

Экземпляр найден в Корсунском склепе (раскопки А.П. Рунича) и датирован временем не ранее V в. (Абрамова М.П., 1997, с. 44, 45, рис. 30, 15), а скорее, VI–VII вв.

Таксон 17и (3 экземпляра). Все зеркала из Центрального Предкавказья (Камунта, Нижний Джулат, Чми). IV–VI вв. датирован экземпляр из Нижнего Джулата. Тыльная сторона зеркал покрыта орнаментом из трех-четырех зон: 1) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 2) многолучевая звезда и концентрическая окружность, 3) многолучевая звезда (на нижнеджулатском экземпляре с концентрической окружностью, обособляющей 4-ю, пустую, зону).

Таксон 17к (2 экземпляра). Украшен трехзональным орнаментом: 1) многолучевая звезда, украшенная дополнительными линиями, штрихующими лучи и пространства между ними, и концентрическая окружность; 2) такая же звезда и концентрическая окружность; 3) дуги. Одно зеркало найдено в Фаскау. Его дата не известна. И одно зеркало VI–VII вв. обнаружено в погребении 228 Дюрсо (Крым..., 2003, с. 201, 202, 250, табл. 83–96).

Малочисленные таксоны 17г, 17е–17к пока не найдены на Среднем Дону. Возможно, что таксоны 17з–17к вышли из употребления к VIII в., когда и произошло переселение группы кавказских алан на Дон.

Результаты исследования наглядно показывают, что ряд таксонов рассмотренных выше зеркал существовал на протяжении длительного времени и не может являться датирующим признаком. К таким таксонам относятся 12а, 13а, 14б, 14д, 15а, 17а-в. Консерватизм в использовании указанных таксонов говорит об их популярности. Кроме того, неизменность орнаментики этих зер-

кал во времени и пространстве позволяет фиксировать межэтнические контакты.

Так, картирование зеркал IV–V вв. показывает неоднократно отмеченный в научной литературе «выброс» этих артефактов на территорию стран Восточной Европы и Острую Луку который закономерно может быть связан с участием представителей сармато-аланских племен в гуннском продвижении на запад. Однако орнамент зеркал периода Великого переселения народов отклоняется от классической ломаной линии (встречающейся на Северном Кавказе). Можно сказать, что эти зеркала отнесены к описанным таксонам с некоторой степенью условности. Зеркала подобные кавказским, найдены в погребениях VI–VII вв., относимых к аварам и лангобардам, что может свидетельствовать в пользу контактов аварских племен с носителями аланской культуры. Среди зеркал, найденных на территориях восточноевропейских стран, мы видим таксоны 12а, 13а, 14к, 15а, 17а. Таксон 17в в эпоху переселения народов мы встречаем на Волге. Все эти таксоны, за исключением 14к, как уже говорилось, бытовали на территории распространения аланской культуры по крайней мере до X–XII вв. Следует отметить, что догуннский этап генезиса и распространения зеркал с центральной петелькой еще требует изучения.

Интересная картина распространения зеркал с IV по X в. наблюдается на Северном Кавказе (рис. 8, 9). Самый ранний экземпляр, II–III вв., обнаружен в Прикаспийском Дагестане. Зеркала III–IV вв. известны на Центральном Кавказе, в Беслане (благодарю за информацию автора раскопок Ф.С. Дзудева). Ядро группы зеркал появляется в V–VI вв. на Северо-Западном Кавказе. Оно находится на территории предгорий и ущелий от р. Малый Зеленчук до р. Баксан. В VI–VII вв., скорее в VII в., это ядро смещается к востоку. В указанный период зеркала концентрируются на территории от Кисловодской котловины до верховьев р. Ардон. В VIII–X вв. ядро снова сдвигается на восток и оказывается на территории предгорной и горной части современной Северной Осетии. Однако для данного анализа нами использовались только датированные

зеркала. Не исключено, что мы имеем дело не с фактом смещения ареала зеркал, а с фактом его расширения на восток. Результаты картирования датированных и недатированных зеркал рисуют нам торговые пути и межплеменные контакты, соединявшие Северо-Западный Кавказ с Северо-Восточным. Мы видим, что отдельные находки зеркал ложатся цепочкой у подножия северо-восточного участка кавказской горной гряды, маркируя путь, связывавший Северо-Западный и Центральный Кавказ с Дагестаном. Единичный экземпляр зафиксирован собственно в горах Северо-Восточного Кавказа в Галла. Вместе с тем на Северо-Западном и Центральном Кавказе зеркала заходят далеко в глубь всех пригодных для проживания ущелий, что говорит о том, что у населявших этот регион племен зеркало с центральной петелькой было привычным и традиционным предметом быта и культа.

В середине VIII в. большая группа алан переселяется с Северного Кавказа на Средний Дон. Переселение было продиктовано интересами Хазарского каганата, и аланы могли нести здесь службу по охране его границ. Вместе с аланами на Среднем Дону появляются и их зеркала (рис. 7). Интересно, что зеркало со Среднего Дона (из катакомбы 87 Дмитриевского могильника) идентично зеркалу с Центрального Кавказа (Галиат, дореволюционные коллекции ГЭ).

Нельзя не отметить, что период VIII–X вв. характеризуется большим количеством и разнообразием зеркал. Если в северокавказских катакомбах аланской культуры IV–V вв. зеркала встречаются с каждым 10-м погребенным, в V–VI — с каждым 14-м, в VII–VIII — с каждым 6-ым, то в VIII–X они встречаются уже с каждым 3-им погребенным. Интересно, что после того, как бронзовые зеркала перестают быть редкостью, с X в. возникает тенденция к увеличению размеров зеркал. Если мы посмотрим, с какими половозрастными группами в VIII–IX вв. зеркала встречаются чаще, то увидим, что зеркала фиксируются в погребальном инвентаре 62 женщин из 100 (62% всех женщин), 12% всех мужчин, 33% всех подростков и 14% всех детей. В это время бытуют практически все

таксоны зеркал, кроме 12б, 14и, 14к, 17и. Эти последние встречены только в комплексах IV–VI вв., однако не исключено, что дальнейшее накопление данных изменит хронологическую картину их распространения. В IV–VII вв. возникают единичные разновидности зеркал, которые не получают развития в дальнейшем. К ним относятся таксоны 17з–17к. В VIII–X вв. появляются зеркала характерные только для этого времени: 10а, 10в, 12в, 14а, 14з, 15б, 15г, 17д. Однако перечисленные таксоны насчитывают по одному-два экземпляра. Некоторые из них встречены только на Северном Кавказе (10а, 10в, 12в, 14а, 15г), другие — только на Среднем Дону (14з, 15б, 17д). Чаще остальных зеркал в этот период встречаются таксоны 13а и 17в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данная публикация продолжает серию статей на тему бронзовых зеркал с центральной петелькой, начатых в недавнее время авторами. В предшествующих работах уже были рассмотрены таксоны 1–6 (Ковалевская, Албегова, Пьянков, Евсюков, 2006; Албегова, 2006).

2. Авторы выражают благодарность Г.Е. Афанасьеву, Р.Г. Дзаттиаты, Ф.С. Дзугцеву, А.В. Дмитриеву, З.П. Кадзаевой и М.Г. Мошковой за предоставленную возможность использования неопубликованных материалов (соответственно из Ютановского, Даргавского, Бесланского могильников, могильников Дюрсо и Садон, неопубликованные материалы позднесарматской культуры Волго-Донского междуречья из личного архива М.Г.Мошковой).

3. К сожалению, зеркала из Карабудахкента и Чернышева нам пока не удалось увидеть воочию, поэтому трудно утверждать, что они орнаментированы именно рельефными зубчиками. Мы полагаемся на описание авторов и изображения.

4. Уточненная датировка Верхне-Чир-Юртского могильника подробно обосновывается В.Б. Ковалевской (Ковалевская В.Б., 2005, с. 142–148, рис. 41, 43, 60, 82).

ЛИТЕРАТУРА

- Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993.* Археологическая карта Дагестана. — М.: Наука.
- Абрамова М.П., 1997.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. — М.
- Аксенов В.С., 1999.* Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua.* — № 2.
- Албегова З.Х., 2006.* Зеркало из погребения 76 могильника Цибилиум-1 и его аналогии. Первая Абхазская межрегиональная археологическая конференция. Посвящена памяти Ю.Н.Воронова. Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. — Сухум.
- Алексеева Е.П., 1971.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнического и социально-экономического развития. — М.
- Афанасьев Г.Е., Рунчи А.П., 2001.* Мокрая Балка. Вып.1: Дневник раскопок — М.: Научный мир.
- Багаев М.Х., 1970.* Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии: Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. А ИА РАН, Р-2, 2072.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000.* Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. — Челябинск.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. — М.
- Гмыря Л.Б., 1985.* Паласа-сыртский могильник (По материалам раскопок 1981–1983 гг.) // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. — Махачкала.
- Гмыря Л.Б., 1990.* Металлические зеркала из катакомбных погребений Прикаспийского Дагестана. Типология и семантика орнаментальных мотивов // Памятники древнего искусства Дагестана. — Махачкала.
- Засецкая И.П., 1975.* Золотые украшения гуннской эпохи по материалам «Особой кладовой» Государственного Эрмитажа. — Ленинград: «Аврора».

- Засецкая И.П., 1994.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). — Санкт-Петербург.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В., 1998.* Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 4. Армавир, — Москва.
- Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г., 1995.* Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.э // Аланы: история и культура. Alanica — III. Владикавказ, 1995.
- Ковалевская В.Б., 1981.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М.: Наука, 1981.
- Ковалевская В.Б., 1984.* Кавказ и аланы. — М.: Наука.
- Ковалевская В.Б., 2001.* К вопросу о возможностях сравнительного анализа в археологии // «Миф», № 7 — София.
- Ковалевская В.Б., 2005.* Кавказ — скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. — М.
- Ковалевская В. Б., Албегова З.Х., Пьянков А. В., Евсюков А.Н., 2006.* Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой // Археология и геоинформатика. — М. — Вып. 3. CD — издание, 2,5 п.л., 44 ил.
- Крым, ..., 2003* — Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв // Серия «Археология», 2003. — М.: Наука.
- Кузнецов В.А., 1962.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА СССР, № 106.
- Кузнецов В.А., 1980.* Катакомбный могильник близ г. Алагир // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1, Т. XXXVI. — Орджоникидзе.
- Ложкин М.Н., 1984.* Аланы на Урупе // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. — Орджоникидзе.
- Магомедов М.Г., 1983.* Образование Хазарского каганата. М.: Наука.
- Мастыкова А.В., 2009.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н.э. — М.
- Малашев В.Ю., 2001.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.
- Минаева Т.М., 1951.* Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. — № 23.
- ОАК, 1898 — ОАК, 1898, — СПб.*
- Острая Лука..., 2004* — Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6). — М., 2004.
- Плетнева С.А., 1989.* На славяно-хазарском пограничье. (Дмитриевский археологический комплекс). — М.: Наука.
- Путинцева Н.Д., 1961.* Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение) // МАД. — Махачкала.
- Пчелина Е.Г., 1928.* Два погребения алано-хазарской культуры // Труды секции археологии. — М.
- Рунич А.П., 1969.* Аланские катакомбные могильники V–VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. II. — Орджоникидзе.
- Савенко С.Н., 1985.* Хронологические особенности зеркал X–XII вв. Центрального Предкавказья // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. (Сборник научных трудов). — Орджоникидзе.
- Самоковасов Д.Я., 1908.* Могилы русской земли. — М.
- Скрипкин А.С., 1984.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. — Саратов.
- Смирнов К.Ф., 1961.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Крабудахкент // МАД. — Махачкала.
- Флеров В.С., 2000.* Аланы Центрального Предкавказья V–VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. Труды Клино-Ярской экспедиции. I — М.: Полимеда.
- Хайнрих А., 1995.* Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Alanica. Вып. III. — Владикавказ.

- Хазанов А.М., 1963.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА, № 4.
- Хазанов А.М., 1964.* Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов. // СЭ, № 3.
- Чеченов И.М., 1987.* Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Памятники средневековья IV–XIII вв. — Нальчик: «Эльбрус», Т. 3.
- Шаламон А., Баркоци Л., 1982.* Археологические данные к периодизации проримской Паннонии (376–476 гг.) // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. — М.: Наука.
- Arrhenius B., 1985.* Merovingian garnet jewellery, emergence and social implications. Stockholm.
- Barbara Niezabitowska, 2004.* Lustra z kolekcji Wrocławskiej // Sarmaci I Germanie. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Bodo Anke, 1998.* Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Teil 1. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 8. Beier & Beran. Archäologische Fachliteratur. Weissbach.
- Istvánovits E., Kulcsár V., 1993.* Tükrök a császárkori és a kora népvándorlás kori barbár népeknél a Kárpát-Medencében. (Зеркала варварских народов Карпатского бассейна в Римское время и раннюю эпоху переселения народов), "A Herman Ottó Múzeum, Évkönyve" XXX–XXXI/2.
- Garam Eva, 2011.* Gehängegürteltracht der awarenzeitlichen Frauen im 6.-8. Jahrhundert // Archaeologiai értesítő. Budapest. Vol. 136.
- Kazanski M., 1993.* Les barbares orientaux et la défense de la Gaule aux IVe – Ve siècles // L'arée Romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècles. Textes réunis par F.Vallet et M. Kazanski.
- Minaeva T.M., 1929.* Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Šipovo // ESA, IV.
- J.Pčelina, 1929.* Ein Katakombengrab der Völkerwanderungszeit in Nordossetien // ESA, IV.
- Radu Harhoiu, 1997.* Die Frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bucharest // Archaeologia Romanica. I.
- Werner J., 1956.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München.
- Wolfram H., 1985.* Treasures on the Danube Barbarian invaders and their roman inheritance. Wien. Köln. Graz.

Расшифровка сокращений для карт (3-9):

Csökmö — Cs; Kranj Krainburg — KK; Sucidava — Sc; Адипох — Ad; Алагир — Ala; Алкун — Al; Аргунское ущелье — ArU; Архон — Ar; Архыз — Arh; Байтал-Чапкан — BiCh; Балкария — Blk; Балта — Bl; Бжид — Bj; Brz — Березовка; В.Салтово — Sa; В.Чир-Юрт — ChU; Владикавказский округ — VЮ; Вольный Аул — VoA; Галиат — Ga; Галла — Gal; Гижгид — Gj; Гиляч — Gil; Гоуст — Go; Даргавс — Dar; Дардон — Drd; Джамагат — Djm; Джерах. Пост — DjP; Джейраховское ущелье — DjU; Джинал — DjI; Дмитриевский — Dm; Донифарс — Do; Дюрсо — Du; Задалеск — Zd; Задвижка — Za; Замятин-5 — Z-5; Ильич хутор — ИИ; Ираги — Ir; Кавминводы — КМВ; Кала-Кол — КIK; Камунта — Ка; Карабудахкент — Kb; Карца — Кс; Кисловодск — Кс; Кисловодское озеро-1 — КО; Клин-Яр 3 — КJ; Кобань — Кп; Корсунские склепы — KrS; Кугульские склепы — Ку; Кумбулта — Ку; Лац — La; Лезгор — Le; Лермонтовская Скала 1 — LS; Махческ — Маh; Маяцкий — Мс; Маяцкое селище — MS; Мокрая Балка — МоВ; Н. Джулат — NDj; Нальчикский округ — НаО; Ножай-Юрт — NU; Нижний Садон — Nsa; Песчанка — Ре; Пседах — Ph; Пилишмарот — PP; Орадея — Or; Рутха — Ru; Садон — Sd; Самашки 1 — Sam; Старокорсунская — Sr; Старосалтовский — Ssa; Тарское — Та; Фаскау — Fas; Хабаз — Хаб; Хазнидон — Hz; Хасаут — Has; Хртковици Вранья — HV; Чечено-Ингушетия — ChI; Чми — Chm; Штраже — Sht; Шубшурук — Shu; Эльбурган — El; Ютановка — Ut.

А.В. ПЬЯНКОВ

КЕРАМИЧЕСКИЙ СОСУД С АНТРОПОМОРФНЫМИ ДЕТАЛЯМИ ИЗ ФОНДОВ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В фондах Краснодарского музея-заповедника хранится необычный керамический столовый кувшинчик, имеющий антропоморфные черты: он украшен по бокам горла изображениями сережек. Такой сосуд заслуживает отдельной публикации.

Поверхность сосуда была покрыта белым налетом (рис.1, 2). Поэтому в первую очередь налет был убран путем отмачивания в растворе соды¹.

Кувшин сероглиняный, кружальный (рис.1, 1; 2, 1,3), с приземистым туловом, уплощенным дном, слегка вогнутым, высоким и относительно широким горлом, слегка расширяющимся вверх и к плечикам, имеющим вытянутый слив, поднимающийся выше обреза горла, венчик расширен, закруглен и выступает за пределы стенки горла (рис. 3, 1–3); имеет вертикальную ручку эллипсоидного сечения, которая крепится к середине горла и к верхней части тулова (к плечикам). На тулове имеются три горизонтальных валика, параллельно которым сверху и снизу проведены неглубокие канавки, делящие тулово на три зоны. Поверхность внутри валиков покрыта горизонтальным линейным лощением; внешняя поверхность горла имеет вертикальное линейное лощение. На горле под венчиком с боков прилеплены симметрично объемные рельефные имитации серег с овальными колечками и с вертикально расположенными бусинками, видимо, нанизанными на штырьки. По одной ограничительной бусинке расположено сверху колечка (рис. 1, 1, 2; 2, 1–4). На дне имеется рельефное клеймо, состоящее из концентрических кругов, парных линий, их соединяющих, и смазанного изображения в центре кругов, и потому не ясного (рис.1, 2; 3, 4). Узнаются лишь смещённый от центра крест с утолщением посередине, небольшой ромб и две рельефные линии, достигающие внутрен-

него круга с другой стороны ромба. Ручка в верхней части крепится посредством выступа (штыря) и отверстия в горле с последующим заглаживанием выступающей части внутри сосуда (рис.1, 3; 3, 5). Имеется повреждение окончания слива. Тесто плотное, на изломе тёмно-серого — серого — тёмно-серого цветов, отощитель — известковая дресва и шамот. Размеры: h до венчика — 17,7 см, h до носика — 18,1 см, d горла — 8,5 см, d по венчику — 10,6 x 8,1 см, d тулова — 15,4 см, d дна — 10,7 см.

Происхождение кувшина не до конца ясно. Нам не известно, из какого памятника он происходит, когда был найден и когда поступил в Краснодарский музей. Дело в том, что старые инвентарные книги дореволюционного и довоенного времени не сохранились. Но в 1909 г. был издан каталог собранных к тому времени коллекций Кубанского этнографического и естественно-исторического музея, как музей тогда назывался, в котором этот сосуд не упомянут (Каталог..., 1909, с.1–59).

До чистки на горле сосуда под венчиком имелась наклеенная марка (бирка с зубцами) с номером «1997», написанным от руки тушью (рис. 1, 3). Такие бирки начали клеить на экспонаты еще в дореволюционный период. Но их продолжали использовать и позднее, вплоть до начала Великой Отечественной войны, пока не закончился запас марок. Поэтому неизвестно, когда сосуд был найден и поступил в музей, кроме того, что это было после 1909 г., поскольку в каталоге музея он не упомянут, и до 1940–1941 гг., когда перестали использовать старые бирки.

Кроме марки на тулове кувшина наклеена более крупная прямоугольная бирка из тонкой бумаги. Она имеет утрату узких сторон. На пожелтевшей бумаге имелись надписи (рис.1), нанесенные старой

тушью, которые частично выцвели. Ближе к левому верхнему углу стояла цифра «4», ниже — «...т Прочноокопской». Здесь же имеются надписи более насыщенной тушью (вероятно, более поздние по времени) «Прочноокопск...» и ближе к нижнему краю «№ 3268».

Итак, номера за отсутствием инвентарных книг не могут дать нам сведений о сосуде, но надписи с названием населенного пункта более конкретны. Они прямо указывают на связь со станицей Прочноокопской. Другой информации, касающейся сосуда, нет ни в научном архиве музея, ни в личном научном архиве Н.В. Анфимова.

Для того чтобы ответить на вопрос, с каким памятником может быть связан публикуемый кувшин, необходимо его атрибутировать. По своим основным морфологическим признакам сосуд относится к столовой керамике салтово-маяцкой археологической культуры в широком её понимании. Для понимания хронологии сосуда обратимся к двум работам С.А. Плетнёвой, написанным в разные годы (С.А. Плетнева, 1967; она же, 1989). Форма кувшина, по С.А. Плетневой, относится ко второму типу (виду) столовой кружальной керамики с шаровидным туловом, включая немного приземистые формы (видимо, следует считать их подтипом 2) (С.А. Плетнева, 1967, с. 115; она же, 1989, с.123). Сама принадлежность к сосудам салтово-маяцкого типа уже предусматривает датировку этого кувшина второй половиной VIII–IX веком. Подтверждает эту дату и форма серег, изображённых на горле сосуда. Мы видим стилизованные рельефные изображения ушных украшений с овальным кольцом с ограничительной бусиной наверху и четырьмя бусинами, расположенными по вертикали под кольцом, вероятно, нанизанными на стержень. Стилизация серег объясняется тем, что украшения вылеплены из глины, затем примазаны к горлу сосуда. Поэтому кольцо немного толще и напоминает больше эллипс, чем реальные детали серег — тонкие и более овальные. Но серьги узнаются и могут быть соотнесены

с салтовскими серёжками со стерженьком и нанизанными на него бусинками. С.А. Плетнёва первоначально разделила литые и сборные ушные украшения с подвижным стерженьком на два типа, позднее она внесла уточнения и отнесла такие серьги в 4-й тип, если подвеска подвижна, и в 5-й тип, если серьги отлиты и подвеска, соответственно, неподвижна (С.А. Плетнева, 1967, с. 137, табл. 4; она же, 1989, с.113, рис. 57, 4, 5). Исследовательница датировала их временем существования Дмитриевского могильника — серединой VIII–IX в. (С.А. Плетнева, 1989, с.169–172). Такие серьги были распространены и у северокавказских алан, украшения которых анализировала В.Б. Ковалевская (В.Б. Ковалевская, 1995, с.123–183). Исследовательница выделила подобные литые серьги в тип 8 отдела 3, датирующийся в пределах VIII–IX вв., а подвижные ушные украшения с полыми металлическими или других материалов шариками (от двух до шести) отнесла в тип 3 отдела 4, который датируется VIII–IX вв. или несколько позднее (В.Б. Ковалевская, 1995, с.156, 163, 164, 167, 168, рис.6, 43–48; 7, 13–23).

В окрестностях станицы Прочноокопской известны несколько селищ салтово-маяцкого времени: между хут. Северокавказским и ст. Прочноокопской, между ст. Прочноокопской и Фортштатом (Кизиловская балка) и на другом берегу р. Кубани против г. Армавира, — открытых Н.В. Анфимовым в 1946 г. (Н.В. Анфимов, 1982, с.63, 64). Эти и другие селища к югу от ст. Темижбекской до Армавира и в районе хут. Горькая Балка осматривал в 1972 г. А.В. Гадло, который высказал суждение, что эта группа памятников еще не описанный вариант салтово-маяцкой культуры и имеет облик, близкий «к зливкинскому (проболгарскому) варианту салтово-маяцких памятников Приазовья» (А.В. Гадло, 1976, с.158). Об этом же писал Х.Х. Биджиев, проводивший раскопки на территории памятников Кизиловская Балка и в окрестностях хут. Горькая балка (Х.Х. Биджиев, 1985, с.5–13). Причём исследо-

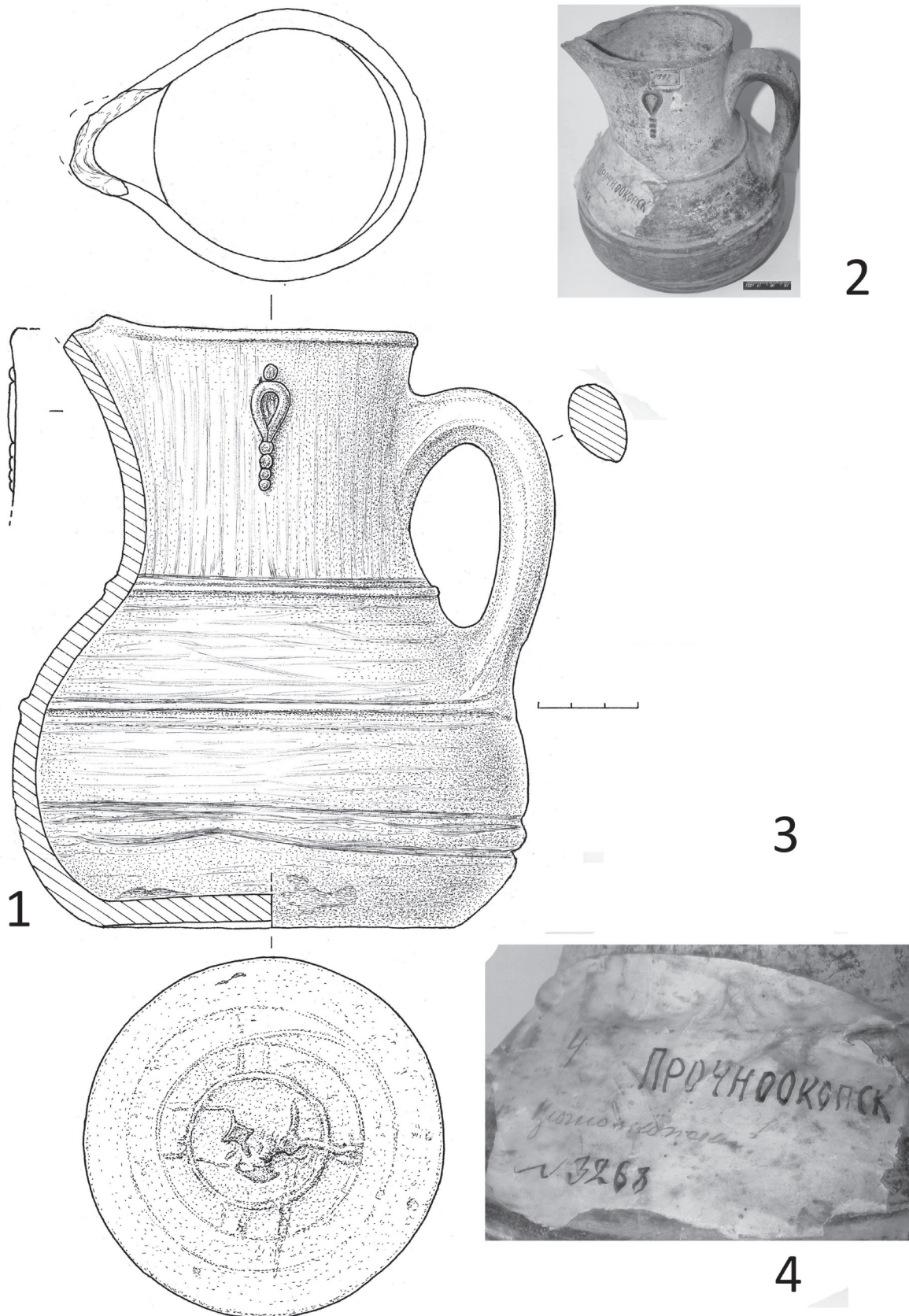

Рис. 1. Кувшин столовый керамический из окрестностей ст. Прочноокопской, фонды КГМАМЗ: 1 — кувшин кружальный, вид в профиль, вид сверху и вид со дна, рисунок, 2 — тот же кувшин до чистки, фото, 3 — бирка бумажная с надписями на тулове того же сосуда, фото

Рис. 2. Кувшин из окрестностей ст. Прочноокопской, фонды КГМАМЗ:
1, 3 — профиль кувшина, вид с разных сторон,
2, 4 — горло кувшина с изображением серёг с разных сторон, фото

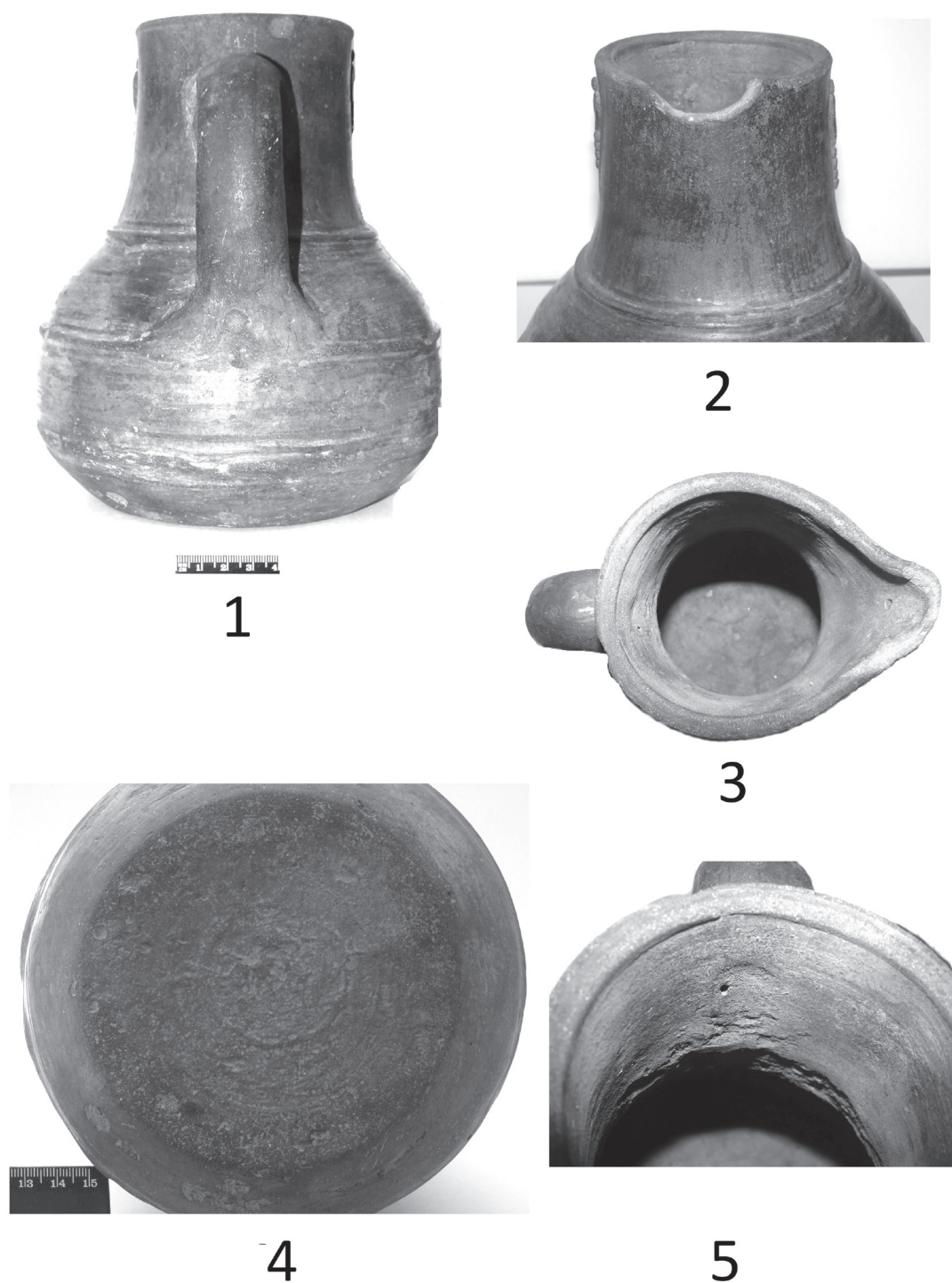

Рис. 3. Кувшин из окрестностей ст. Прочноокопской, фонды КГМАМЗ:
1 — вид кувшина со стороны ручки, 2 — вид горла кувшина со стороны слива,
3 — вид горла кувшина сверху, 4 — вид дна кувшина со стороны дна,
5 — вид внутренней части горла в месте крепления верхнего корня ручки

ватель высказался резко против отнесения поселения Кизиловая балка к селищам. По его мнению, наличие рва, вала и естественных защитных укреплений обязывает называть памятник городищем (Х.Х. Биджиев, 1983, с.42).

Мы мало знаем о погребальных обрядах населения, жившего на упомянутых памятниках: их могильники почти не исследовались, за исключением некрополей Горькой балки. Относительно могильников №1 и №2 высказано мнение авторов раскопок, что преобладало здесь горско-аланское население, хотя отдельные погребения позволяют видеть среди него и наличие тюркского компонента (В.Б. Виноградов, Е.И. Нарожный, П.В. Соков, 2001а, с. 119; 2001б, с.25–29). О присутствии аланского населения в окрестностях ст. Прочноокопской говорят погребения в катакомбах, — известные здесь еще с предшествующего времени, например, на могильнике Прочноокопского городища №3, исследованные Н.В. Анфимовым в 1967 г. и Лопатиным А.П. в 90-е гг. прошлого века (И.Н. Анфимов, А.В. Пьянков, 2006, с.205–228; А.П. Лопатин, 1994, с.40, 41; А.П. Лопатин, И.Н. Дуйкова, 1994, с.15, 16). Было даже высказано мнение о том, в окрестностях ст. Прочноокопской в конце V–VI в. и, вероятно, в VII в. формируется очаг западного варианта аланской культуры Северного Кавказа (И.Н. Анфимов, А.В. Пьянков, 2006, с.218). Конечно, к середине VIII в. многое на Средней Кубани могло измениться, но дополнительный аргумент в пользу присутствия алан даёт нам технология изготовления публикуемого кувшина. Его ручка в верхней части крепится к сосуду с помощью выступа (штыря) и отверстия в горле с последующим заглаживанием выступающей части внутри сосуда. А это способ, характерный издавна для центрально-кавказской керамики, т.е. для северокавказской аланской культуры (Ю.К. Гугуев, 1993, с.114–115, 117).

Нельзя исключать, что в районе Средней Кубани в хазарское время аланы и болгары жили чересполосно или в отдельных

случаях находились в процессе миксации. Достаточно вспомнить могильник Старокорсунский, исследованный В.Н. Каминским под г. Краснодаром, где были встречены погребения в катакомбах, в ямах и в «дромосных» могилах, и, по мнению автора раскопок это явное свидетельство интеграции представителей двух народов (В.Н. Каминский, 1984, с.11–28; 1987, с. 187–205).

Вернёмся к надписям на бирке. Видимо, старая надпись означала «...от Прочноокопской». Следовательно, недостаёт указания на направление и расстояние. Возможно, цифра «4» означала расстояние в верстах или километрах. Но это могло быть и указание на год находки сосуда, что, правда, маловероятно, поскольку рядом с цифрой нет других знаков и букв. Очень маловероятно, что это номер памятника. Возможен вариант, что цифра и надпись, насыщенная тушью нанесены одновременно, а позднее последняя частично обновлена. Но городище, селище или могильников с номером «4» и с названием Прочноокопское (-ий), сегодня неизвестно. Только у И.С. Каменецкого в работе, посвящённой расселению меотов, упоминается Прочноокопское городище №4, но о нём автору стало известно с чужих слов; сам же исследователь его не видел (И.С. Каменецкий, 2000, с.78, 94, сноска 36). Этот возможный памятник не стоит на охране государства или муниципалитета, и он не известен армавирским археологам. Но даже если и существует городище с таким номером, то наш сосуд не может иметь к нему прямого отношения, поскольку он попал в Краснодарский музей ещё до войны, когда никто не изучал поселения или могильники окрестностей ст. Прочноокопской и не давал им номера.

Сравнительно недалеко от ст. Прочноокопской находятся несколько памятников, откуда может происходить сосуд. Учитывая его хорошую сохранность, он мог быть найден на могильнике (прежде всего в обрывах) городища Кизиловая балка (Х.Х. Биджиев, 1985, с.5–13) или на малоизвестном поселении, располо-

женном между хут. Северо-Кавказским и ст. Прочноокопской (Н.В. Анфимов, 1982, с.63).

Средневековый гончар, украсив кувшин женскими серёжками, придал сосуду антропоморфные черты. У многих народов керамическим сосудам придавали антропоморфные черты, прежде всего женские черты, тем более что кувшины, расширенные в тулове и стройные в горле, напоминают очертания женской фигуры.

Однако наш кувшин имеет технологические особенности именно аланской культурной традиции, независимо от того, был ли связан мастер с северокавказскими или степными аланами, находившимися под непосредственной властью хазар. Необычно то, что традиция ираноязычных племен в оформлении керамических сосудов связана главным образом с зооморфизмом: сарматские и аланские сосуды украшались прежде всего зооморфными деталями. Вероятно, эта избирательность связана с религиозными обычаями, и такие сосуды являлись культовыми. Другие народы, например меты, уже заимствовали эту традицию, и не ясно, какое значение они ей придавали: как одному из приёмов украшения сосудов или как ритуальной практике.

Аланские сосуды в разное время украшали стилизованные под животных ручки или изображение глаз, когда обыгрывался слив или носик кувшина (М.П. Абрамова, 1997, рис. 6, 14, 16; 7, 1, 3, 8; 11, 10; 13, 10; 14, 15; 15, 1; 16, 8; 17, 4; 23, 8; 42, 13, 14; 44, 19; 50, 10, 13, 14; 51, 10; 53, 12, 13; 55, 10, 11, 12; 56, 2, 9, 10; 59, 4, 5, 8, 9, 11, 12). Малашев В.Ю., 2001, рис. 10, 8; 11, 7; 12, 3; 14, 5; 20, 4, 6; 21, 2; 22, 7; Сокровища ..., 2011, кат. № 184, 185, 188–193; и т.д.). Очень часто одни и те же кувшины имеют зооморфные ручки и лепные круглые глазки. Зооморфные украшения имели место и в керамических сосудах Южного Дагестана в III–V вв. (М.С. Гаджиев, 1984, с. 55, табл. IV, 1–10). Возможно, здесь эта традиция распространилась под влиянием сармато-аланских племен, но украсила местные керамические кувшины.

Другое дело — сосуд с антропоморфными чертами, в данном случае женскими. Это исключительно редкий случай. Подобное украшение сосудов неизвестно ни в аланских, ни в болгарских археологических памятниках. Возможно, это одна из особенностей алано-болгарского варианта салтово-маяцкой культуры, располагавшегося на участке р. Кубани к югу от ст. Темизбекской до окрестностей г. Армавира. Но утверждать это у нас нет серьёзных оснований. Поскольку нам почти не известна столовая и культовая керамика из могильников и поселений VIII–IX вв. в этом районе, за редким исключением. Установить это — дело будущих исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Благодарю за консультацию реставратора Государственного музея Вос-тока О.А. Мягкову.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв.н.э. — М.
- Анфимов И.Н., Пьянков А.В., 2006. Могильник Прочноокопского городища №3 по материалам архива Н.В. Анфимова // МИАК. Вып. 6. Сборник научных трудов. — Краснодар.
- Анфимов Н.В., 1982. Средневековые селища Правобережья р. Кубани (Ставропольское плато) // XII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. — М.
- Биджиев Х.Х., 1985. Исследование болгарских поселений степного Предкавказья в 1982–1983 гг. (Итого археологических раскопок) // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Биджиев Х.Х., 1993. Тюрки Северного Кавказа. (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). — Черкесск.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2001а. Горькобалковский могильник № 2 VIII–IX вв. (2) (Публикация материалов) // МИАК. Вып. 1. — Армавир.

- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2001б.* Погребение №28 могильника № 2 у хут. Горькая Балка // Восьмые чтения по археологии Средней Кубани. — Армавир.
- Гаджиев М.С., 1984.* Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Сборник статей. — Махачкала.
- Гадло А.В., 1976.* Археолого-этнографические исследования 1972 года в западных районах Ставропольского края // МИСК. Вып. 14. — Ставрополь.
- Гугуев Ю.К., 1993.* Центральнокавказская керамика в Танаисе во II — первой половине III в. н.э. (к постановке проблемы) // Вестник Танаиса. Вып. 1. — Ростов-на-Дону.
- Каменецкий И.С., 2000.* Меотская территория // Каменецкий И.С. Археологические памятники меотов Кубани. Сборник статей. — Краснодар.
- Каминский В.Н., 1984.* Раннесредневековые аланские катакомбы на Средней Кубани // Вопросы археологии и этнографии Осетии. — Орджоникидзе.
- Каминский В.Н., 1987.* Алано-болгарский могильник близ ст. Старокорсунской на Кубани // СА, 1987, № 4.
- Каталог..., 1909.* — Каталог Кубанского этнографического и естественно-исторического музея. — Екатеринодар, 1909.
- Ковалевская В.Б., 1995.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Alania III. — Владикавказ.
- Лопатин А.П., 1994.* Еще раз о могильнике 3-го Прочноокопского городища // Прочноокопский историко-культурный многоугольник: Материалы конференции. — Армавир.
- Лопатин А.П., Дуйкова И.Н., 1994.* Работа Армавирской экспедиции Армавирского краеведческого музея в 1994 г. // Вторые чтения по археологии Средней Кубани. — Армавир.
- Малашев В.Ю., 2001.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. — М.
- Плетнева С.А., 1967.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / под ред. акад. Б.А. Рыбакова. — М.: Изд-во «Наука» (МИА № 142).
- Плетнева С.А., 1989.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М.
- Сокровища ..., 2011.* — Сокровища Алании. Подарочное издание / под ред. М.М. Блиева. — М.: Эксмо, 2011.

А.М. НОВИЧИХИН

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА АНДРЕЕВСКАЯ ЩЕЛЬ

В 1991 и 1992 гг. археологическим отрядом Анапского музея в 6 км к юго-востоку от Анапы у входа в урочище Андреевская щель осуществлялись охранные раскопки участка комплекса археологических памятников — античного поселения и средневекового могильника, разрушаемых при прокладке траншеи газопровода Анапа—Сукко. При исследовании выяснилось, что данный участок на протяжении длительного времени (еще с конца XIX в.) неоднократно подвергался разрушению в результате разного рода земляных работ, причем некоторые из заброшенных траншей на относительно крутом горном склоне вскоре превратились в небольшие овраги-водоимоины, интенсивно разрушающие непо потревоженные участки памятника.

В ходе двух полевых сезонов на территории археологического комплекса была вскрыта площадь 36 кв. м, на которой кроме объектов, связанных с поселением античного времени (Новичихин А.М., 1994, с.172–174), было открыто шесть погребений эпохи средневековья, а также собрано более 50 предметов, происходящих из разрушенных погребений (Новичихин А.М., 1993, с.76,77).

Одно из погребений представляло собой воинский кенотаф, сопровождавшийся богатым инвентарем и захоронением снаряженного коня. Этот яркий комплекс уже введен в научный оборот (Новичихин А.М., 2008, с.26–41). Остальные пять погребений, открытых на исследованном участке, были захоронениями детей.

Публикации этих погребальных комплексов посвящена настоящая работа.

Погребение 1. Погребальная конструкция — прямоугольная яма размером 1,35 x 0,7 м, впущенная на 0,3 м в материковую скалу и ориентированная по линии восток–запад. Юго-восточный угол могильной ямы срезан траншеей. Костяк

погребенного ребенка 9–10 лет¹ (судя по инвентарю, девочки) лежал на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль тела, череп лицевой частью обращен к югу. В погребении находилась только верхняя часть скелета — кости таза и ног отсутствовали. Видимых следов разрушения не отмечено, более того, останки были помещены в могильную яму так, что при вытянутом положении погребенного для ног не оставалось бы места.

Погребенную сопровождал следующий инвентарь: на затылке располагалась медная тисненная бляшка; под нижней челюстью — голубая фаянсовая бусина; на ключицах по обеим сторонам от позвоночника находились штампованные медные бубенчики; другая пара таких же бубенчиков располагалась по обеим сторонам от грудной клетки у плечевых костей; под локтем правой руки находились медное кольцо и две медные обоймы; другое скопление, состоящее из трех колец и трех обойм, среди которых находились также костяное кольцо и медная пряжка, расчищено у запястья левой руки; на месте таза находилась трехлопастная медная тисненная пластина, рядом с которой лежал литой медный бубенчик; пластина накрывала еще два литых бубенчика и медный наконечник ремня; к северу от описанного скопления лежал железный нож (рис.1, А).

Четыре медных бубенчика грушевидной формы спаяны из двух штампованных половинок, с горизонтальным валиком в центральной части и вертикальными каннелюрами в нижней, с отверстием или петелькой для подвешивания вверху (рис.1, 1–4). На одном экземпляре чуть выше горизонтального валика — отверстие, окаймленное гравированным кружком (рис.1, 3). Высота — 2–2,5 см, диаметр — 1,2–1,5 см.

Два литых медных бубенчика грушевидной формы с петелькой для подвешива-

ния вверху и крестовидной прорезью внизу. Лопастни прорези покрыты гравированной линейной штриховкой (рис.1, 5,6). Высота — 2,2 и 2,6 см, диаметр — 1,6 и 1,8 см.

Бубенчик медный, литой, уплощенно-шаровидной формы, с петелькой для подвешивания, горизонтальным валиком вверху и продольной линейной прорезью внизу (рис.1, 7). Высота — 2,6 см, размер тулова — 2 x 1,3 см.

Медная накладка в форме треугольной пластины, углы которой выделены перехватами и образуют три лопасти. Накладка украшена штампованным орнаментом: в центре — полусферический выступ, на лопастях — стилизованное изображение трилистника. Внешняя поверхность позолочена. Края пластины слегка загнуты. На углах лопастей — отверстия для крепления (пришивания) накладки к основе. Один из углов округлен (рис.1, 8). Длина сторон пластины — 5–5,3 см, толщина (с учетом центрального выступа) — 0,5 см.

Обломок треугольной лопасти аналогичной золоченой медной пластины с тисненным изображением трилистника и отверстиями для пришивания по углам (рис.1, 9). Длина сторон фрагмента — 2–2,3 см, толщина — 0,3 см.

Медная пряжка с вытянутым восьмеркообразным щитком, переходящим в овальную, слегка утолщенную спереди рамку, в месте перехода щитка в рамку — отверстие для крепления железного язычка. На оборотной стороне щитка — две заклепки для крепления пряжки к кожаной основе ремня (рис.1, 10). Длина — 2,7 см, ширина рамки — 1,3 см, толщина — 0,2 см.

Медный наконечник ремня в виде вытянутой пластины, со скругленным нижним краем и треугольным вырезом вверху. На оборотной стороне — две заклепки для крепления наконечника к кожаной основе ремня (рис.1, 11). Длина — 2,2 см, ширина — 0,6 см, толщина — 0,2 см.

Четыре медных кольца из круглой в сечении проволоки (рис.1, 12–15). Три из них округлых очертаний, диаметром 1,2–1,5 см, одно сплошное (рис.1, 13), два других свер-

нуты в 1–1,5 оборота (рис.1, 12, 14), четвертое — овальное, 1,2 x 0,8 см, в 1 оборот (рис.1, 15).

Три овальные в плане обоймы, свернутые в 1 оборот из тонкой медной ленты (рис.1, 16–18). Размер — 1–1,3 x 0,5–0,7 см, ширина ленты — 0,2 см.

Овальная в плане обойма, свернутая из тонкой медной ленты в 1 оборот, с завернутыми наружу концами (рис.1, 19). Размер — 1 x 0,8 см, ширина ленты — 0,6 см.

Обойма-пронизь, свернутая из тонкой медной ленты (рис.1, 20). Длина — 1 см, диаметр — 0,4 см.

Костяное кольцо плоское, округлое в плане, со сквозным отверстием (рис.1, 21). Диаметр — 1,8 см, толщина 0,3 см.

Железный нож с прямой спинкой, прямым лезвием и выделенным черенком со следами деревянной рукояти (фрагмент) (рис.1, 22). Сохранившаяся длина — 4,5 см, ширина лезвия — 1 см.

Бусина голубого фаянса, уплощенно-шаровидная, реберчатая, со сквозным отверстием (рис.1, 23). Размер — 1,1 x 0,9 см, длина — 1 см.

Широкое распространение литых грушевидных бубенчиков с крестовидной прорезью обычно связывают с общеевропейской модой XI — первой половины XII в. (Майко В.В., 2007, с.126), хотя для каждого региона период их бытования может иметь свои особые хронологические рамки. По материалам Новгорода такие бубенчики датируются от середины X до середины XIII в. (Седова М.В., 1981, с.156, рис.62, 1–5) или, по другой хронологической схеме, X — началом XIII в. (Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1981, с.130). В древнерусских курганах бубенчики этой разновидности встречены в погребениях с монетами X–XI вв. и инвентарем, позволяющим датировать их концом X — началом XII в. (Журжалина Н.П., 1961, с.127, 129, табл.1, 7, рис.1, 7; Равдина Т.В., 1988, с.27, табл.1, 18, с.120, табл. 11, 25, с. 129, табл. 14, 9). В южнорусских кочевнических древностях подобные бубенчики представлены в комплексах X–XI вв. (Плетнева С.А., 1990,

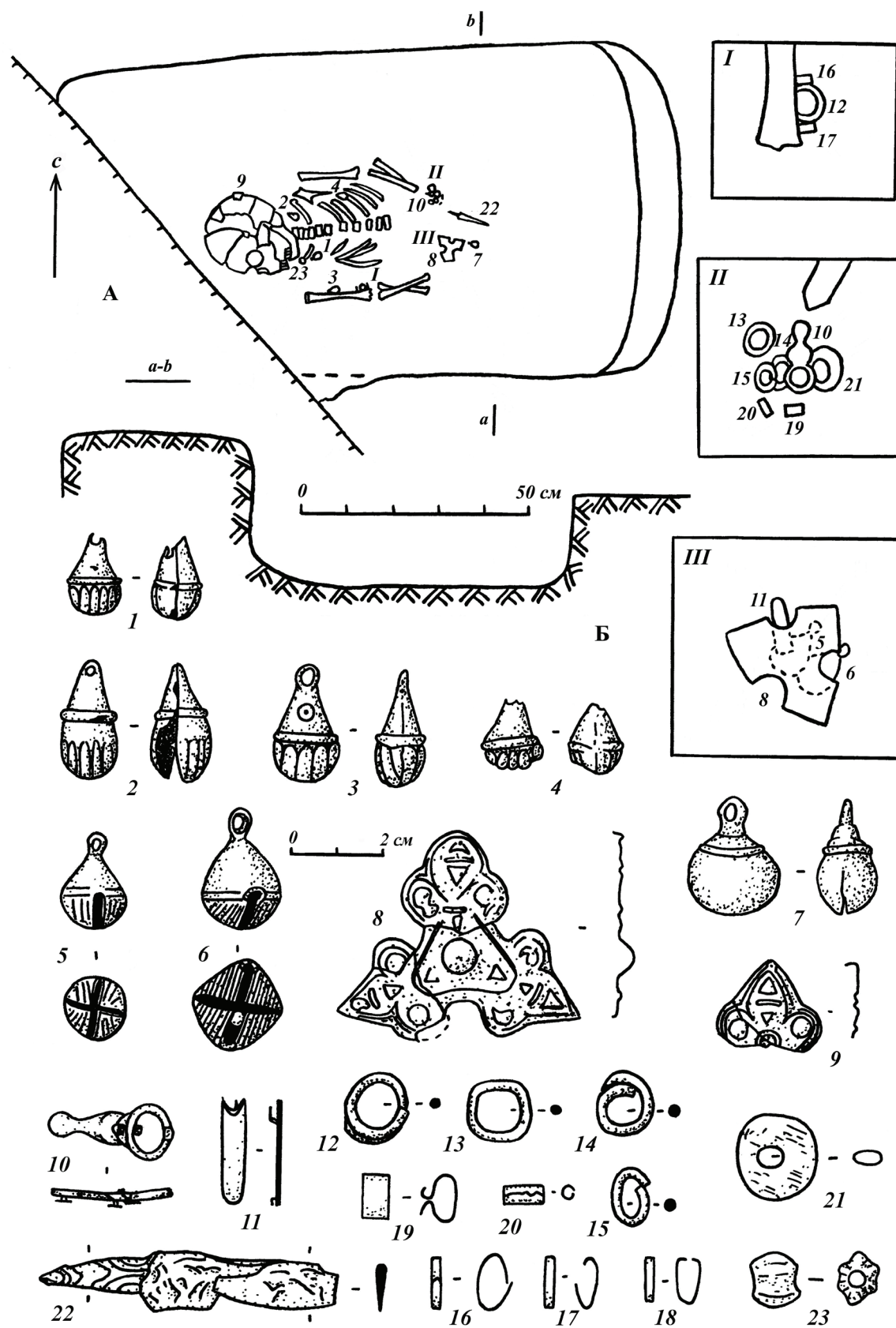

Рис. 1. Погребение 1. А — план и разрез погребения (I—III — детали), Б — находки из погребения: 1–4 — бубенчики медные штампованные, 5–7 — бубенчики медные литые, 8 — накладка медная, 9 — фрагмент медной накладки, 10 — пряжка медная, 11 — наконечник ремня медный, 12–15 — кольца медные, 16–20 — обоймы медные, 21 — кольцо костяное, 22 — нож железный, 23 — бусина фаянсовая

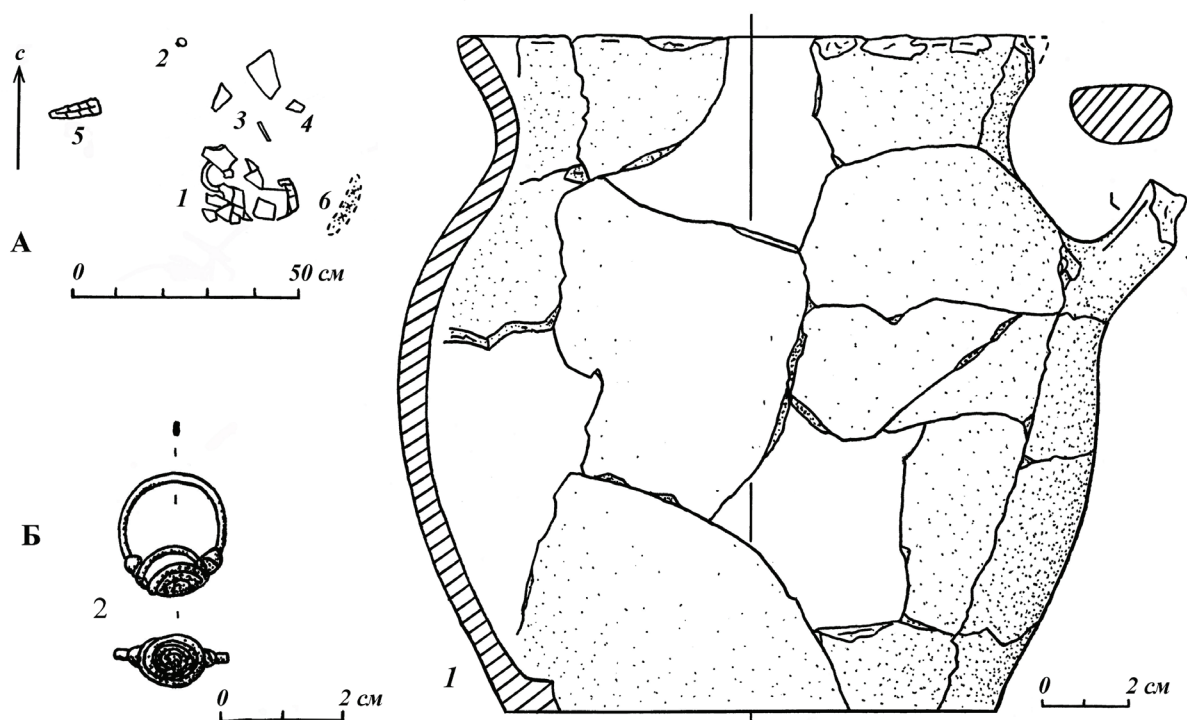

Рис. 2. Погребение 2. А — план погребения, Б — находки из погребения: 1 — горшок лепной, 2 — перстень медный, 3 — фрагменты урны красноглиняной, 4 — фрагмент черепа, 5 — фрагмент обугленного дерева, 6 — зола, фрагменты жженных костей

с.56, табл. 9, рис. 21, 6, рис.26, 7). Женское погребение с набором таких бубенчиков, открытое в Поднепровье у с. Преображенское, отнесено к числу печенежских X в. (Шалобудов В.Н., 2012, с.90, рис.2, 9,10). Известны они в погребениях XI — начала XII в. некрополя Саркела-Белой Вежи (Артамонова О.А., 1963, рис.45, д,е; 101, 1,2). В Крыму, судя по материалам городских некрополей Судака, грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью были распространены в XI — первой половине XII в. (Майко В.В., 2007, с.125–127, рис.5а, 1,2; 8; 25, 11; 47, 2; 66, 3, 11; 75, 3,5; 79, 8,9; 88, 2). При раскопках Таманского городища (Тмутаракани) аналогичный бубенчик встречен в слое конца XI — второй половины XII в. (Плетнева С.А., 2003, табл. 69, 32). Три подобных бубенчика происходят из разрушенных погребений могильника Андреевская щель.

Литые шаровидные или грушевидные бубенчики с рельефным пояском на тулове датируются исследователями Новгорода от последней четверти XI до второй половины XIII в. (Седова М.В., 1981, с. 156, рис.62,

8–10) или концом XI — началом XIII в. (Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1981, с.130).

Штампованные бубенчики находят аналогии в погребениях X–XII вв. северокавказских могильников Колосовка 1 (Дитлер П.А., 1961, с.153, рис. 10; 1985, с.126, табл. IV, 7) и Кольцо-Гора (Савенко С.Н., 1986, рис. 2, 2). Аналогичными бубенчиками были первоначально снабжены ажурные подвески-решмы парадного конского убора XI — первой половины XII в. из погребения 5 — воинского кенотафа, открытого на могильнике Андреевская щель в 5 м севернее погребения 1 (Новичихин А.М., 2008, с. 30, рис. 2, 2,3,4).

Близкой формы медная накладка, правда ажурная, происходит из комплекса 1 могильника Кольцо-Гора под Кисловодском (Савенко С.Н., 1986, с.76, рис.1, 5). Шесть аналогичных по форме и орнаментации, но меньших по размеру бронзовых пластин (судя по рисунку, не штампованных, а литых) входили в состав инвентаря погребения 136 городского некрополя Судака. Пластины располагались в рай-

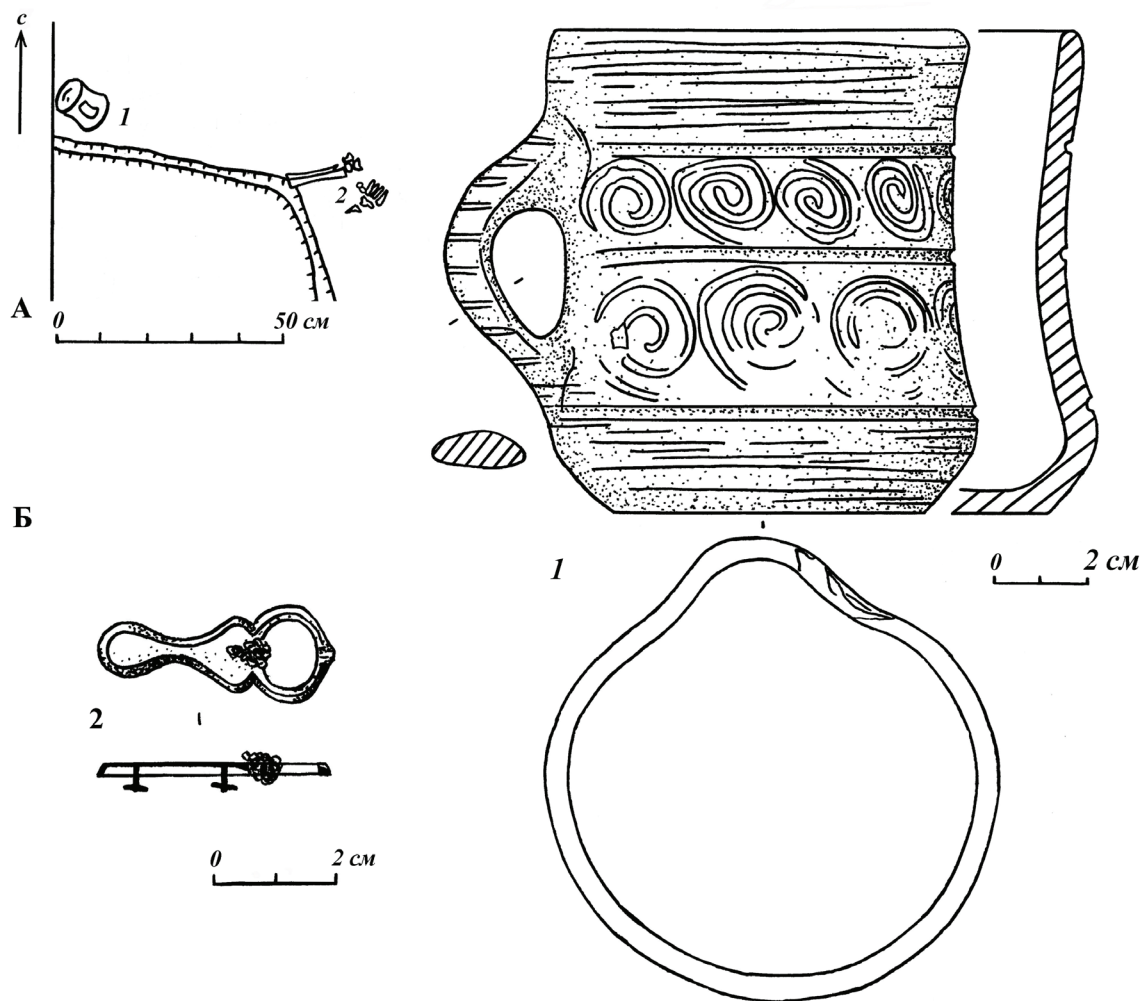

Рис. 3. Погребение 3. А — план погребения, Б — находки из погребения:
1 — кружка керамическая, 2 — пряжка медная

оне пояса и, возможно, служили ременными накладками. Погребение отнесено к группе захоронений второй половины XI — первой половины XII в. (Майко В.В., 2007, с.57,128, 43, рис.60, 2).

Аналогичные пряжки известны в комплексах X–XII вв. могильников Колосовка 1 (Дитлер П.А., 1961, с.162, табл. XIX, 9) и Змейского (Кузнецов В.А., 1963, рис.14, 2).

Фаянсовая бусина относится к типу 16 по классификации Е.М. Алексеевой: наиболее широко подобные бусы были распространены в позднеантичное время (Алексеева Е.М., 1975, с. 33, 34). Не исключено, бусина была использована вторично, и первоначально она происходила из культурного слоя перекрытого могильником античного поселения (Новичихин А.М., 1994, с.172). Впрочем, подобные бусы известны

и в средневековых материалах: аналогичные бусины найдены в погребении 1 христианского могильника XII–XV вв. Верхнеджулатского городища (Милорадович О.В., 1963, с. 87, рис. 2, 1а) и в катакомбе 75 Змейского могильника (Кузнецов В.А., 1995, с. 344, рис. 13, 11), рифленые фаянсовые бусы неоднократно встречены в погребениях городских некрополей Судака, преимущественно в комплексах X–XII вв. (Майко В.В., 2007, с.73, рис.32, 4; с. 84, рис. 44; с. 98, рис. 81, 12; с.132, рис. 80, 6; 36, 8; 59; 79, 6).

Расположение находок в погребении позволяет сделать некоторые выводы об убранстве погребенной. Ее головной убор украшала нашивная треугольная бляшка, являвшаяся обломком более крупного изделия. Платье на груди с двух сторон

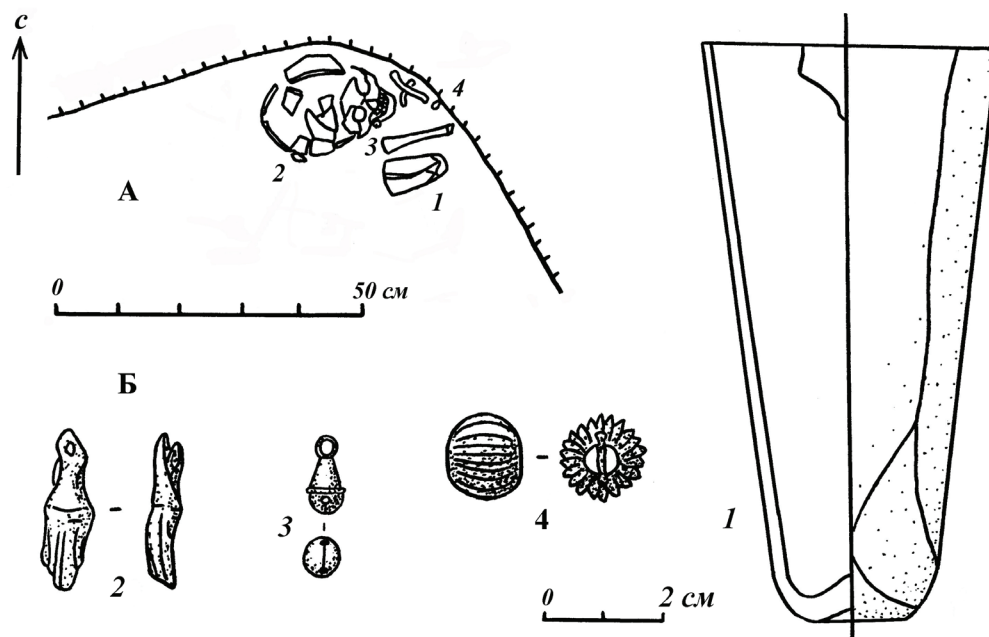

Рис. 4. Погребение 4. А — план погребения, Б — находки из погребения: 1 — стакан стеклянный, 2 — бубенчик медный, 3 — пуговица медная, 4 — бусина фаянсовая

было снабжено парными штампованными бубенчиками, возможно, служившими пуговицами. Рукава одежды были расшиты бронзовыми кольцами и обоймами, хотя не исключено, что эти металлические атрибуты вместе с плоским костяным кольцом входили в состав наборных браслетов, основу которых составляли бусы и пронизи из органических материалов. Одежду дополнял узкий пояс, снабженный бронзовыми пряжкой и наконечником. К поясу были подвешены небольшой железный нож и сумочка, украшенная нашивной золоченой треугольной пластиной-накладкой и тремя литыми бронзовыми бубенчиками. Не исключено, что некоторые из входивших в состав инвентаря предметов (бубенчики, наборы колец и обойм, сумочка) выполняли при жизни их владелицы или после ее смерти какую-то ритуальную функцию.

Обращает на себя внимание тот факт, что у погребенной отсутствовали кости таза и ног, причем размеры могильной ямы были рассчитаны на то, что умершая будет помещена в нее именно в таком, «укороченном», состоянии. Что стало причиной разрушения тела, можно только гадать. Это могло быть последствиями и какого-либо жестокого религиозного обряда (набор предме-

тов культового назначения может свидетельствовать о причастности погребенной юной особы к ритуально-мистической деятельности), и трагического несчастного случая.

Погребение 2. Совершено по обряду кремации на стороне с захоронением праха погребенного в керамическом сосуде-урне. Погребальная урна разрушена при вспашке, от нее сохранилось три неподбирающихся фрагмента, среди которых находился обгоревший череп ребенка. Рядом с остатками урны, южнее нее, находился разрушенный плугом одноручный лепной горшок, восточнее которого было расчищено скопление золы и жженных костей. В 0,2 м северо-западнее обломков урны найден медный перстень (рис.2, А).

Горшок лепной, плоскодонный, боченковидной формы, с сильно отогнутым немоделированным венчиком и небольшой, овальной в сечении ручкой, нижний край которой прикреплен к верхней части тулова (рис.2, 1). Высота — 14,8 см, диаметр тулова — 15,2 см, диаметр венчика — 12,7 см, диаметр дна — 10,6 см. Глина светло-коричневая с включениями известковой дресвы.

Медный перстень с плоской дужкой и спиральным щитком, свитым из проволо-

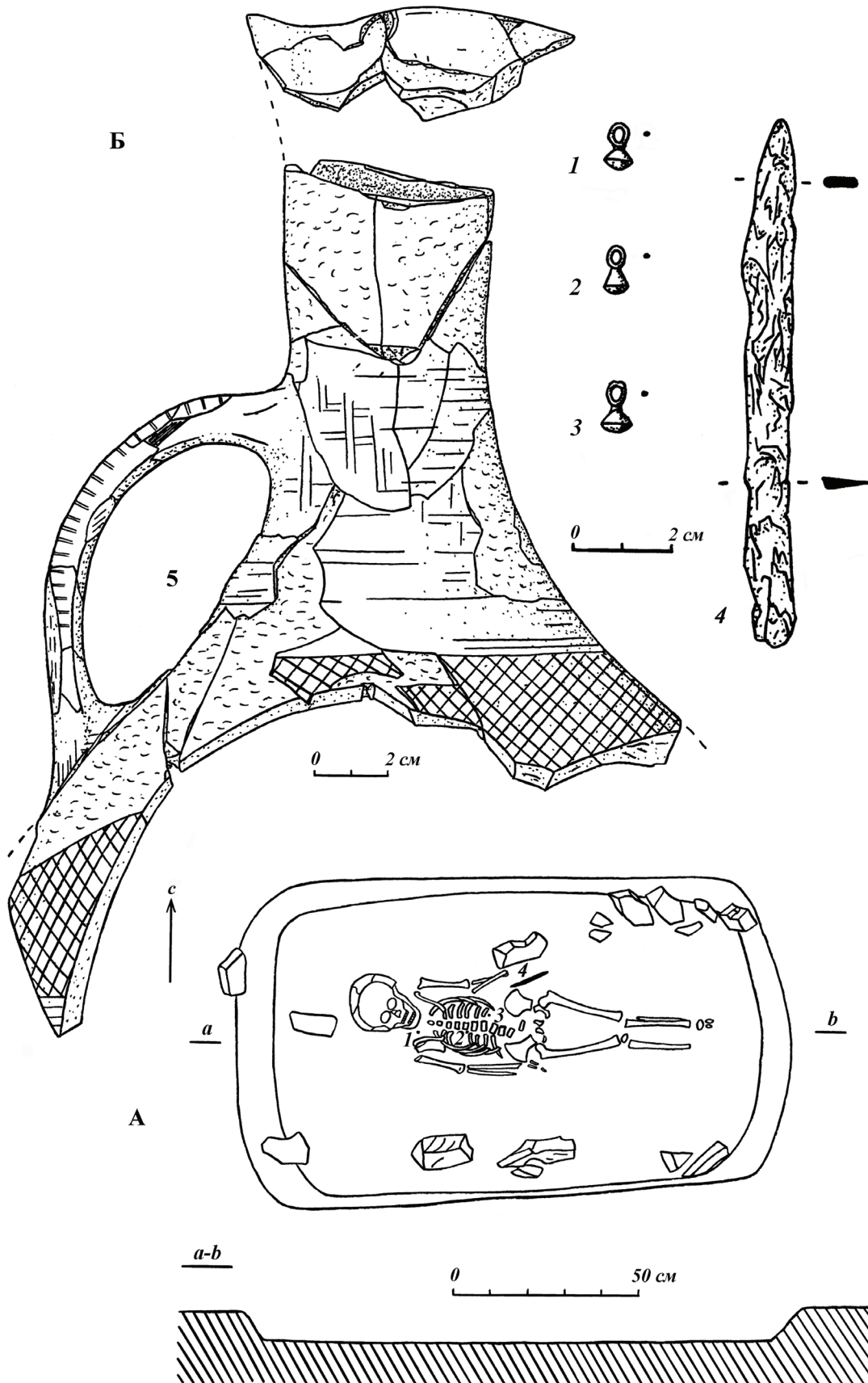

Рис. 5. Погребение 6. А — план погребения, Б — находки из погребения и тризны: 1–3 — пуговицы медные, 4 — нож железный, 5 — верхняя часть керамического кувшина

ки, концы которой обмотаны вокруг дужки по обе стороны от щитка (рис.2, 2). Диаметр дужки — 1,8 см, диаметр щитка — 1 см.

По определению М.Б. Медниковой, происходящие из погребения фрагменты черепа принадлежали новорожденному младенцу. Однако нельзя не учитывать того, что кремации детей не характерны для средневековых западнокавказских могильников с обрядом трупосожжения. Все остальные детские погребения могильника Андреевская щель совершены по обряду ингумации. Отнюдь не на младенческий возраст погребенного указывают и размеры содержавшегося в захоронении бронзового перстня, если, конечно, это не сопровождающий дар родителей ребенку. Впрочем, о существовании подобного обряда у раннесредневекового населения Западного Кавказа ничего не известно. При определении возраста погребенного/погребенной следует учитывать то, что, как показывают данные экспериментальной археологии, при кремации человеческие кости уменьшаются на 10–17% (Малинова Р., Малина Я., 1988, с.207). Деформация кости могла привести к неточности при определении возраста. Создается впечатление, что погребение 2 являлось кремацией индивида, судя по перстню, скорее всего, представительницы женского пола, достигшего возраста, дававшего в обществе, оставившем могильник, право на погребение по обряду трупосожжения. Традиция, согласно которой детей следовало хоронить в земле, а взрослых — кремировать, известна у некоторых народов, практиковавших обряд трупосожжения (Элиаде М., 1999, с.235, 238).

Аналогичные перстни, прототипы которых находят в кельтских древностях (Трейстер М.Ю., 1992, с.46, рис.9, 6), известны в материалах некрополей античных поселений (Корпусова В.Н., 1983, с.61, рис.17, 11), в позднескифских (Сымонович Э.А., 1983, с.42, табл.ХІІІ, 2; ХХХ, 32; Богданова Н.А., 1989, с.42, табл. VIII, 2) и меотских (Анфимов И.Н., Анфимов Н.В., 1992, рис.2, 6; Анфимов Н.В., 1961, с.200, табл. IV, 15) могильниках². Это обстоятельство послужило тому, что в одной из предварительных публикаций перстень был

определен как позднеантичный, вторично использованный в средневековую эпоху (Новичихин А.М., 1994, с.172).

Однако, подобные украшения известны и в средневековых памятниках. В курганах Северо-Восточной Руси аналогичные публикуемому перстни встречены в комплексах с монетами XI в. (Равдина Т.В., 1988, с.27,28, табл.1, 25; с. 35, табл.3, 2; с.96, табл. 8, 9). Серединой XI в. датируется близкий по форме перстень из Новгорода (Седова М.В., 1981, с.127, рис.46, 15).

Близкой формы горшковидные сосуды происходят из слоев X–XI вв. Таманского городища (Плетнева С.А., 1963, с.29, рис.17; Чхаидзе В.Н., 2008, с.189, рис.103).

Погребение 3. Форма погребальной конструкции не прослежена. Большая часть захоронения уничтожена перекопом нового времени: судя по найденным в его заполнении автоматным гильзам — окопом или воронкой времен Второй мировой войны. Сохранились лишь кости ног, судя по которым погребенный лежал вытянуто на спине головой на запад — юго-запад. При расчистке погребения над костями стоп найдена медная пряжка с железным язычком. С инвентарем погребения 3 связана находка керамической кружки, обнаруженной на краю перекопа в 0,7 м к западу от костей ног. Судя по местоположению, кружка находилась справа от головы погребенного (рис. 3, А).

Кружка почти цилиндрической формы на усеченно-коническом основании с едва отогнутым венчиком со сливом «на себя», плоскодонная. Ручка, овальная в сечении, прикреплена в средней части тулова. Внешняя поверхность тулова украшена лощеным орнаментом: тремя горизонтальными бороздками, между которыми заключены два ряда спиральных завитков. Верх и низ кружки покрыты горизонтальным лощением, поперечные лощенные полосы имеются на ручке (рис. 3, 1). На дне — слабо различимые следы рельефного крестообразного клейма. Высота — 10,5 см, диаметр горла — 9 см, диаметр дна — 7 см. Глина красная с блестками и мелкими красными включениями.

Медная пряжка с вытянутым восьмеркообразным щитком, переходящим в овальную, слегка утолщенную спереди рамку, в месте перехода щитка в рамку — отверстие для крепления железного язычка, от которого сохранились незначительные остатки. На оборотной стороне щитка — две заклепки для крепления пряжки к кожаной основе ремня (рис.3, 2). Длина — 3,8 см, ширина рамки — 1,6 см, толщина — 0,2 см.

Идентичная кружка (можно даже допустить изготовление обоих экземпляров в одной мастерской) найдена при раскопках Тмутаракани (Плетнева С.А., 1963, с.40, рис.23, 2; Чхаидзе В.Н., 2008, с.199, рис.113). Судя по хронологической таблице, приведенной в одной из работ С.А. Плетневой, исследовательница относила таманскую находку к концу IX — X в. (Плетнева, 2003, табл.67, 31). Близкие по форме красноглиняные кружки, орнаментированные лощеными полосами, хорошо известны по находкам в могильниках Северо-Западного Кавказа X—XIII вв.: Н.Г. Ловпаче выделяет их в тип «толча» (Ловпаче Н.Г., 1995, с.104, табл. XXII, 1–3, 12). Одна из таких кружек, покрытая сетчатым лощением, найдена в комплексе с другими близкими по форме и орнаментации сосудами при раскопках Раевского городища близ Анапы (Онайко Н.А., 1962, с.192, рис.1, 3; Ловпаче Н.Г., 1995, табл. XXII, 12). Из разрушенных погребений Тауьхабльского могильника X—XII вв. происходит двуручная «пелика», центральная часть тулова которой украшена зоной арочных завитков, близких по манере исполнения спиральным завиткам кружки из Андреевской щели (Ловпаче Н.Г., 1995, табл.XLV, 1).

Пряжка аналогична найденной в погребении 1 и также может быть датирована XI—XII вв.

Погребение 4. Форма погребальной конструкции не прослежена. Большая часть погребения уничтожена оврагом-водоимоиной, на краю которого сохранились лишь череп, плечевая кость и несколько ребер ребенка 8–10 лет, судя по положению которых, костяк лежал вытянуто на спине головой на запад. Погребенный был положен на материковую скалу. У правой височ-

ной кости лежал смятый медный бубенчик, у плечевой кости — раздавленный стеклянный стакан; под нижней челюстью — голубая фаянсовая бусина со вставленным в нее железным стерженьком; на груди — медная пуговица (рис.4, А).

Стакан в виде узкого, расширяющегося кверху, усеченного конуса. Дно слегка вогнуто, верх стакана срезан и грубо зашлифован (возможно, после повреждения венчика) (рис.4, 1). Высота — 9,5 см, диаметр края — 4,8 см, диаметр дна — 1,8 см.

Смятый медный бубенчик, спаянный из двух половинок, с отверстием для подвешивания вверху и вертикальными каннелюрами в нижней части (рис.4, 2). Высота — 2,6 см.

Медная полая грушевидная пуговица с петелькой для подвешивания вверху, валиком по экватору и линейной прорезью с отверстиями на концах в нижней части (рис.4, 3). Высота — 1,3 см, диаметр — 0,7 см.

Бусина голубого фаянса шаровидной формы, покрытая мелкими каннелюрами, с широким сквозным отверстием, в которое с одной из сторон поперек канала вставлен железный стержень (рис.4, 4). Диаметр — 1,3 см.

Стеклянный стакан по форме близок т.н. «киевским бокальчикам» второй половины XI — первой половины XII в., хорошо известным по находкам в древнерусских памятниках (Седова М.В., Беленькая Д.А., 1981, с.98, рис.3, 5; Археологическое наследие..., 2012, с.78), хотя и отличается от них меньшей толщиной дна и стенок.

Аналогичные пуговицы-бубенчики встречены в материалах северокавказских могильников X—XII вв.: Змейском (Кузнецов В.А., 1963, рис. 4; 1995, рис.14, 2), Дардонском (Алексеева Е.П., 1971, табл. 33, 24), Кольцо-Гора (Савенко С.Н., 1986, рис.1, 11, 18, рис.3, 3, рис. 6, 2, 7, 8, 12, 13), Колосовка 1 (Дитлер П.А., 1961, табл.XVIII, 7, XIX, 6). В некрополе Судака подобные бубенчики встречены в погребении, датированном XI—XII вв. (Майко В.В., 2007, с.205, рис.121, 2). Такими же бубенчиками был украшен верхний край втулки начальника

парадного уздечного убора XI — первой половины XII в. из погребения 5 могильника Андреевская щель (Новичихин А.М., 2008, с.28, рис.2, 1а).

Каннелированная бусина, как и бусина из погребения 1, относится к типу 16 по классификации Е.М. Алексеевой (Алексеева Е.М., 1975, с.33, 34). Нельзя исключать, что бусина также является античной, вторично использованной в средневековье. Близкая по форме и характеру рифления бусина, но более крупная, найдена в одном из раннесредневековых погребений Судака (Майко В.В., 2007, рис.107, 4).

Погребение 6. Погребальная конструкция — прямоугольная могильная яма со слегка скругленными углами размером 1,3 x 0,85 м. Могила впущена в заполнение хозяйственной ямы позднеантичного времени. Заполнявший могилу грунт (серый золистый с фрагментами античной керамики) по цвету аналогичен заполнению ямы, однако отличался гораздо меньшей плотностью, что и позволило выявить ее контуры. На уровне дна могила по периметру была частично обложена камнями средней величины.

Костяк ребенка 8–10 лет лежал вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Погребенного сопровождал следующий инвентарь: на груди вдоль позвоночного столба — три медные пуговицы; у таза слева — железный нож (рис.5, А). При вскрытии погребения в 45–50 см выше костяка (на уровне древней дневной поверхности?) зафиксированы остатки тризны: развал верхней части узкогорлого красноглиняного кувшина и плоский камень.

Три литые медные пуговицы биконической формы с овальной петелькой для подвешивания вверху (рис.5, 1–3). Высота — 1 см, диаметр — 0,6–0,7 см.

Нож железный со слегка изогнутой спинкой и утолщенным черенком (рис.5, 4). Сохранившаяся длина — 10,5 см, ширина — 1 см.

Верхняя часть кувшина с округлым туловом, плавно переходящим в узкое цилиндрическое горло с отогнутым наружу вен-

чиком и прямым сливом. Ручка, овальная в сечении, верхним краем крепится к горлу, нижним — к верхней части тулова. Поверхность тулова покрыта сетчатым лощением, образованным тонкими наклонными линиями, горло — редкими широкими полосами горизонтального и вертикального лощения, ручка украшена тонкими горизонтальными лощеными линиями (рис.5, 5). Сохранившаяся высота — 27 см, диаметр горла в месте крепления ручки — 5,5 см. Глина красная с блестками, излом черепка — серый.

Погребение 6 оказалось единственным из числа исследованных, в конструкции которого был использован камень. Обкладка могильной ямы по периметру камнями отмечена в курганах XI–XII вв. в местности Макотра у с. Варваровка в 2 км южнее урочища Андреевская щель (ОАК за 1894 г., с.82, рис.130).

Литые грибовидные пуговицы — частая находка в погребениях городского некрополя Судака, по материалам которого верхняя хронологическая граница их бытования не выходит за рамки позже середины — второй половины XII в. (Майко В.В., 2007, с.125, рис.5а, 7; 31, 5; 34, 1; 56, 3; 60, 3; 75, 2; 79, 2; 83, 6; 88, 3; 121, 2). Близкой формы пуговицы встречены в погребениях X–XII вв. Змейского катакомбного могильника (Кузнецов В.А., 1995, рис.14, 3).

Два близких по форме, но более приземистых кувшина с аналогичной орнаментацией входили в состав комплекса средневековой посуды, найденного при раскопках Раевского городища (Онайко Н.А., 1962, с.190–192, рис. 1, 1, 2; Ловпаче Н.Г., 1995, табл. XXVII, 5). Раевские находки Н.Г. Ловпаче включает в группу керамических изделий X–XIII вв. (Ловпаче Н.Г., 1995, табл. XXVII, 5). Аналогичный по форме и орнаментации кувшин, но не с прямым, а с боковым сливом происходит из раскопок Убинского могильника (Ловпаче Н.Г., 1995, табл. XXXI, 8).

Все исследованные в могильнике Андреевская щель детские погребения близки по времени. Перечисленные датированные аналогии предметам погребального инвен-

таря дают основания заключить, что они были совершены в XI — первой половине XII в. Как уже отмечалось, в обществе, оставившем могильник Андреевская щель, дети, умершие, не достигнув определенного возраста (вероятно, 10–12 лет), погребались по обряду трупоположения, и лишь по его достижении (пройдя, надо полагать, обряд инициации), получали право на кремацию.

Вопрос об этнической принадлежности племен, оставивших закубанские и причерноморские могильники с трупосождениями, до настоящего времени остается дискуссионным (Успенский П.С., 2012, с.188–196). В работах последних десятилетий исследователи неоднократно высказывали мнение об их тюрко-угорском или угорском происхождении (Тарабанов В.А., 1993, с.39; 1994, с.58, 59; Пьянков А.В., 1997, с.438; 2001, с.120; 2002, с.129; Дмитриев А.В., 2003, с.206).

Отдельные, схожие с угорскими, элементы можно выделить и в рассматриваемых погребениях. К таковым прежде всего можно отнести остатки поясной сумочки с металлической накладкой, находки которых являются характерными для погребений венгров (Эрдели И., 1972, с.137, 138; 1986, с.336; Халикова Е.А., 1976, с.146) и в инокультурных памятниках обычно рассматриваются как проявление венгерского влияния (Генинг В.Ф., 1977, с.321; Савенко С.Н., 1994, с.41). Также в угорских памятниках, в частности в захоронениях венгров эпохи обретения родины, на шее погребенных встречались одиночные синие бусы, служившие, по мнению исследователей, амулетами (Сіладі К., 1992, с.108). Возможно в дальнейшем, по мере накопления археологических данных, версия о тюрко-угорском происхождении населения, оставившего на Западном Кавказе в VIII–XIII вв. могильники с погребениями по обряду трупосождения, станет более обоснованной.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Здесь и далее определение возраста погребенных осуществлено М.Б. Медниковой (ИА РАН).

2. О широком распространении подобных украшений в древности свидетельствует находка золотых перстней со спиральными щитками в погребении на пастбище Чацзягоу в Центральном Тибете на западе современного Китая (Комиссаров С.А., 2002, с.351, рис.1, 6).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М., 1975.* Античные бусы Северного Причерноморья (САИ. Вып. Г1–12). — М.
- Алексеева Е.П., 1971.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. — М.
- Анфимов И.Н., Анфимов Н.В., 1992.* Археологические памятники города Краснодар // Кубанский краевед. Вып. 3. — Краснодар.
- Анфимов Н.В., 1961.* Тахтамукаевский могильник // СМАА. Т.II. — Майкоп.
- Артамонова О.А., 1963.* Могильник Саркела Белой Вежи // МИА. — № 109.
- Археологическое наследие..., 2012.* Археологическое наследие Беларуси. — Минск.
- Богданова Н.А., 1989.* Могильник первых веков н.э. у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М.
- Генинг В.Ф., 1977.* Проблема происхождения венгров // СА. — № 1.
- Дитлер П.А., 1961.* Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // СМАА. Т.II. — Майкоп.
- Дитлер П.А., 1985.* Могильник Колосовка № 1 (раскопки 1961 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. — Майкоп.
- Дмитриев А.В., 2003.* Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V–IX веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. — М.
- Журжалина Н.П., 1961.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. — № 2.
- Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1981.* Усадьба новгородского художника XII в. — М.

- Комиссаров С.А., 2002.* Раннесредневековое погребение, найденное в Центральном Тибете // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. — Новосибирск.
- Корпусова В.Н., 1983.* Некрополь Золотое (К этнокультурной истории Европейского Боспора). — Киев.
- Кузнецов В.А., 1963.* Исследование Змейского катакомбного могильника // МИА. — № 114.
- Кузнецов В.А., 1995.* Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. ALANICA III. — Владикавказ.
- Ловпаче Н.Г., 1995.* Художественная керамика средневековой Адыгеи. — Майкоп.
- Малинова Р., Малина Я., 1988.* Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. — М.
- Милорадович О.В., 1963.* Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА. — № 114.
- Майко В.В., 2007.* Средневековые некрополи Судакской долины. — Киев.
- Новичихин А.М., 1993.* Исследование средневекового могильника Андреевская щель в 1991 и 1992 гг. // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. — Краснодар.
- Новичихин А.М., 1994.* Раскопки античного поселения в Андреевской щели близ Анапы // Боспорский сборник. 4. — М.
- Новичихин А.М., 2008.* Военный кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. Вып. 1. — М.
- ОАК за 1894 г. — СПб., 1896.*
- Онайко Н.А., 1962.* Средневековые сосуды из Раевского городища // Историко-археологический сборник. — М.
- Плетнева С.А., 1963.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. — М.
- Плетнева С.А., 1990.* Печенег и гузы на Нижнем Дону. — М.
- Плетнева С.А., 2003.* Таматархатмутаракань // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII вв. — М.
- Пьянков А.В., 1997.* Средневековая археологическая культура адыгов // Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до 1917 года. — Краснодар.
- Пьянков А.В., 2001.* Касоги / касахи / кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. — Ставрополь, 2001.
- Пьянков А.В., 2002.* К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III—XIII веков из Кубано-Черноморского региона // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Материалы X международной конференции. — Ростов-на-Дону.
- Равдина Т.В., 1988.* Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси. — М.
- Седова М.В., 1981.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. — М.
- Седова М.В., Беленькая Д.А., 1981.* Окольный город Суздаля // Древнерусские города. — М.
- Сіладі К., 1992.* Намисто в Угорщині у IX—XI ст. (уживання та торгівля) // Археологія. — № 3.
- Савенко С.Н., 1986.* Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI — первой половины XII в. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. — Орджоникидзе.
- Савенко С.Н., 1994.* К проблеме участия угро-финнов в этнокультурных взаимодействиях населения Предкавказья в эпоху раннего средневековья // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных

путях древности и средневековья. — Кисловодск.

Сымонович Э.А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского). — Киев.

Тарабанов В.А., 1993. Болгарские племена на территории края. Хазарский каганат // По страницам истории Кубани. — Краснодар.

Тарабанов В.А., 1994. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. — Кисловодск.

Трейстер М.Ю., 1992. Кельты у Північному Причорномор'ї // Археологія. — № 2.

Успенский П.С., 2012. Некоторые итоги и перспективы изучения кремационных погребений Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. // КСИА. — Вып. 226.

Халикова Е.А., 1976. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. — № 3.

Чхаидзе В.Н., 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. — М.

Шалобудов В.Н., 2012. Неопубликованные кочевнические погребения, открытые новейшими экспедициями ДГУ в 1972-1999 гг. // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск.

Элиаде М., 1999. Очерки сравнительного религиоведения. — М.

Эрдели И., 1972. Об археологической культуре древних венгров конца IX — первой половины X в. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.

Эрдели И., 1986. Венгры в конце IX–X вв. // Археология Венгрии. — М.

АЛАНСКИЕ ЗАМКИ

Письменные источники редко доносят до нас сведения о предметах материальной культуры из средневековой Алании и мастерах, их там изготовлявших. Еще меньше примеров сопоставления таких редких сведений с археологическими данными. Исключением, например, является недавнее привлечение «практически неизвестного в нашей историографии источника» — сведений «персидского поэта XI века Горгани Махреддина» об аланских замках с румийскими (византийскими) ключами, изготовленными из индийской стали (Боглачев С. В., Кузнецов В. А., Маркелов М. В., 2010, с.29–30).

Речь идет о персидском поэте Фахр ад-дине Ас'аде Гургани (Горгани, Джорджани, Джурджани), который, по мнению исследователей, в 1048–1054 гг. написал поэму «Вис и Рамин», основываясь на не дошедшем до наших дней парфянской прозаическом романе периода владычества Сасанидов. В XII в. был сделан ее вольный прозаический перевод на грузинский язык «Висрамиани» (François de Blois., 2004, p.140–145). Следует отметить, что в поэтическом переводе «Вис и Рамин» на русский язык С. И. Липкина определение замков как аланских не воспроизводится. В известных переводах на русский язык грузинской «Висрамиани» полностью опущены все характеристики замков, что, видимо, соответствует содержанию самого оригинала. Не исключено, что такому положению способствовало отсутствие в средневековой грузинской традиции в отличие, например, от армянской обозначения своих северных соседей как аланов и определение их как осов/овсов.

По мнению В. Минорского, упоминание в «Вис и Рамин» висячих (навесных) «аланских замков» (*qufl-i Alānī*) относится к общему корпусу географических определений поэмы, которые не зависят от поэтической необходимости, а составляют часть оригинальной версии истории, поражая

корректностью их использования. Вместе с тем, ученый в отношении «аланских замков» полагал, что они, возможно, относятся к работе слесарей (замочников) Дагестана (*Zirih-garān*), а для упоминания греческих ключей находил параллель в сведениях «Шах-наме» о «румийских оковах» (*band-i Rūmī*) (Minorsky V., 1946, p.763).

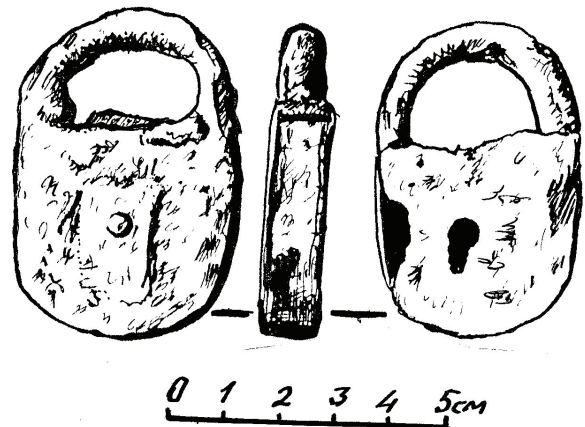
Отечественные исследователи, обратившие внимание на свидетельство персидского поэта, указали на находки в слоях X–XII вв. аланского городища на северном отроге горы Развалка у г. Железноводска (Ставрополье) несомненных следов кузнечного производства, а также двух висячих железных замков в руинах построек городища. В том же районе на городище у подножия горы Верблюды был найден ключ с двузубчатым окончанием (Рудницкий Р.Р., Фоменко А.А., 2005, рис.15, 16; Прокопенко Ю.А., 2011, рис.1, 6). Форма окончания ключа свидетельствует о его использовании для нажимного открытия пружинного V-образного (стреловидного) фиксатора, подобного тому, что представлен на конских железных путах, найденных у истоков р. Гремучки в районе горы Бештау. По мнению авторов публикации, находки — аналогии данным путам известны в предмонгольской Руси в конце XII–XIII вв. (Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р., 1998, с.307, 325, рис.13, 15). По мнению Ю.А. Прокопенко, железные замки являются древнерусскими и свидетельствуют об экономических связях средневекового населения района современных Кавминвод с древнерусскими княжествами (Прокопенко Ю. А., Лубова С.Ф., 2008, с.55; Прокопенко Ю.А., 2011, с.103).

Следует повторить, что письменные источники донесли до нас скудные сведения о работе аланских мастеров по металлу. В XI в. один из армянских источников (иногда авторство приписывается Шапуху Багратуни) сообщал, что в Алании много

«...стального оружия, закаленного кровью пресмыкающихся, панцирей и кольчуг...» (Абемян М., 1948, с.263; Габриелян Р.А., 1985, с.43; Алемань А., 2003, с.383, 384). По сообщению монаха-минорита Гильома де Рубрука (Виллем из Рёбрёка), составленному после его путешествия в 1253–1256 гг., у аланов были отличные мастера, хорошо изготавливавшие кольчужные рубашки (Алемань А., 2003, с.219–221). В XV в. Лаоник Халкокондил отмечал, что аланы «...делают превосходные панцири... и оружие изготавливают из меди, называемое аланским» (Алемань А., 2003, с.301, 302).

Некоторые исследователи отмечали, что сразу после вторжения «поздних сарматов» «...у аланов отмечены все три особенности культуры древних массагетов», в число которых включается «...и легендарное изготовление доспехов и оружия из меди» (Яценко С.А., 1993, с.85), т. е. речь идет о сообщении Лаоника Халкокондила. В целом представляется сомнительным признать «три особенности культуры древних массагетов» за этнодифференцирующие признаки культуры аланов. Что касается непосредственно сообщения Лаоника Халкокондила, то, как отмечал еще В.Ф. Миллер, оно не является аутентичным и, скорее, взято из какого-то источника, относящегося по времени к началу раннего средневековья (Миллер В.Ф., 1888, с.118, 119). Следует согласиться с замечанием, что в позднеаланский период оружие изготавливалось исключительно из железа и стали (Кузнецов В. А., 1978, с.213). Но и для периода, полагаемого В. Ф. Миллером, нет фактических оснований говорить об изготовлении аланами оружия из меди. Скорее, мы действительно имеем дело с «легендарным изготовлением».

Вместе с тем, в контексте нашей работы важно отметить свидетельства о работе аланских мастеров именно с железом и медью. Данное сочетание находит себе археологическое подтверждение. В 1999 г. в катакомбе № 27 высокогорного аланского могильника у с. Даргавс (Северная Осетия) в специально вырытой в северо-западной

стене камеры был обнаружен закрытый железный замок (Дзаттиаты Р. Г., 2010, с.93, табл.IX, 12; Туаллагов А.А., 2012, с.386, 387) в сопровождении фрагментов керамики и стеклянного бокала без ножки.

Передняя и задняя стенки корпуса замка, дужка изготовлены из железа, торцевая часть обмедненная. На задней стенке приклепана железная пластина. На передней стенке замка фиксируется фигурная прорезь для ключа, форма которой напоминает прорези замков для поворотного использования ключа. Сама прорезь несколько смещена влево от центра. В целом общая форма замка удивительно напоминает формы современных навесных замков. Высота замка — 60 мм, ширина — 40 мм, толщина — 11 мм, диаметр дужки — 7 мм. В самой камере, судя по сопровождающему инвентарю, были погребены мужчина и две женщины. В ногах у погребенного, непосредственно под нишей, располагались различные предметы конского снаряжения, включавшие в том числе железные удила и стремяна, а также фрагмент железной кольчуги. Само погребение относится к участку могильника VIII–X вв. и может быть датировано не позже начала X в.

Ссылка исследователей на находки железных замков в аланских городищах района Кавминвод не подтверждается приведением сколь-нибудь конкретных данных о таких находках. Поэтому и решение об их древнерусском происхождении и соответствующих экономических связях местного населения с древнерусскими княжествами остается вне возможности критического

анализа. По факту, даргавская находка на сегодняшний момент является единственной строго фиксируемой для аланских памятников.

Сама оригинальная форма даргавского замка, насколько можно судить, не имеет точных аналогий среди известных средневековых замков, изготовлявшихся на Руси с рубежа IX–X вв. В свою очередь, появление замков на Руси, видимо, связано с началом активных славяно-скандинавских контактов и оседанием скандинавов в ремесленно-торговых поселениях торговых путей с севера на юг. Ряд технологических приемов и принцип работы механизма замка скандинавские мастера могли заимствовать благодаря связям с германскими племенами Центральной Европы, чья материальная культура испытала позднеимское влияние. Видимо, византийское (южное) и славяно-скандинавское (северное) влияния могли непосредственно ретранслироваться и через Крым (Третеский Н.И., 1911, с.127–133; Рыбаков Б.А., 1948, с.218–223; Колчин Б.А., 1953, с.126–137; 1958, с.94–98; 1959, с.78–93; 1982, с.160, 161, 162, рис.3; Хорошев А.С., 1997, с.14–17, табл.5, 6; Белорыбкин Г.Н., 2001, с.35, 36, рис.41, 42, 45, 46; Gustafsson В., 2005, р.19–24; Лапшин В.А., 2009, с.93, 94, рис. 79–83, 87; Кудрявцев А.А., 2012, с.119–124; 2013, с.129, 130; 2013а, с.16–18; Майко В.В., 2013, с.243, 244). Нет аналогий даргавскому замку и среди замков Волжской Булгарии, другого известного центра производства навесных замков, чья продукция, как и продукция Руси, различными путями достигала и иных территорий, в том числе территорий друг друга (Казаков Е.П., 1991, с.24, 70, 73; Оборин В.А., 1999, с.291; Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С., 1999, с.329, рис.10, 7, 15–17; Островский С.Л., 2004, с.80, 81; Михеева А. И., 2006, с.16, 18; Нигамаев А.З., 2008, с.6; Руденко К.А., 1989, с.178–181; 1998, с.21, табл.2, 2, 3; 2008, с.23, 24; Кардаш О.В., 2011, с.38, 39, рис.50, 1–4, 41).

Учитывая приведенные наблюдения, следует полагать, что особое определение в поэме Фахр ад-дина Ас'ада Гургани замков

как аланских имело источником вполне реальную базу. Мы можем в данном контексте скорректировать и мнение В. Минорского. Даргавская находка и сведения поэмы «Вис и Рамин» представляются взаимно подтверждающими источниками, а сведения последней, таким образом, сегодня могут быть обоснованно введены в корпус письменных сведений об аланах. Появление аланских навесных замков благодаря нашей находке практически синхронизируется с моментом появления навесных замков на Руси. Как отмечали исследователи, в силу специфики технологии производства замков мастера-замочники достаточно рано отделились от остальной массы кузнецов (Колчин Б.А., 1953, с.146). Не исключено, что так же дело обстояло и в Алании.

Что касается вопроса о греческих ключах аланских замков, то за ними может стоять своеобразное определение западной (европейской) традиции в изготовлении таких замков. Не противоречит этому и определение в поэме изготовления аланских замков из индийской стали (*pūlād*). Индийские сталь и стальное оружие в те времена славились по всему миру, а литой (тиглевый) булат в форме рубленых лепешек (*wootz steel*) служил дорогостоящим импортом, который, например, через Дамаск и Персию поступал и в Европу (Гуревич Ю.Г., 1985, с.14, 15, 35).

В то же время на Западе изготавливали сварной булат. Например, ал-Бируни даже ошибочно полагал, что качество изготовления оружия русов и франков было обусловлено знакомством с индийской сталью. Ибн-Хордадбе особо отмечал торговлю купцами русов мечами. Ал-Кинди отмечал долы из дамасской стали на франкских мечах, а Ибн-Руста и ал-Турсуси полагали тигельное производство стали для оружия русов. Ибн-Руста также сообщал о производстве тигельной стали в Средней Азии, Иране и Индии (Рыбаков Б.А., 1948, с.226; Гуревич Ю.Г., 1985, с.39, 86; Колчин Б.А., 1953, с.39, 118). Примеры изготовления сварной стали известны и в других областях Европы и Азии. Конечно, не все

замки изготовлялись из стали. Но особое значение сталь имела, например, для изготовления пружин, среди которых известны и образцы, одновременно сочетающие в себе два материала — вязкое железо и сталь (Колчин Б.А., 1953, с.136).

О высоком мастерстве работы со сталью и аланских кузнецов свидетельствует и приведенное в начале статьи сообщение анонимного армянского автора. Подтверждают такое положение и археологические материалы. Мастера раннесредневековой Алании надежно владели техникой сварки железных и стальных полос, локальной цементации, выковывания из цельных стальных заготовок, последующей термической обработки (Кузнецов В.А., 1973, с.212–216; 1992, с.225, 226).

Исследователи неоднократно отмечали наличие в современном осетинском языке лексем, имеющих прямые параллели не только в лексическом фонде северокавказских языков, но и многих других, носители которых в различное время располагались на гораздо более удаленных территориях. Одной из таких лексем является осетинское *ændon* — «сталь», «стальной», переносно «крепкий». В.И. Абаев возводит *ændon* к иранскому **han-dāna*, арийскому **sam-dhāna* (древнеиндийское *samdhāna-* — «накладывание», «накладка», а также название особого заклинания, произносимого над оружием; база — арийское *dhā-*, индоевропейское *dhē-* — «класть», «накладывать»). Таким образом, слово имеет точное значение — «накладка (стальная на железо)» и имеет прямые параллели в лексемах славянских языков, являющихся также производными от индоевропейского *dhē-*. Реальность такой семантики, по мнению исследователя, подтверждается тем, что первоначально железо закалялось только с поверхности, или стальной слой накладывался на железо.

В.И. Абаев отмечает, что на персидской почве данный термин отражен в сообщении Марко Поло о том, что в городе Кабана есть «... железо, сталь анданик», а в Кармане «...жилы стали и анданика вдо-

воль», а на хорезмийской — *andān* — «кандалы». Отметив наличие в городах Северного Причерноморья имен *Ἀνδανακος* («Стальной»), *Ἀσπανδανος* («Имеющий стальных коней»), *Ἰασπανδανακος* («Стальной ас»), исследователь предполагает, что отсюда данный термин распространился в южном направлении в Персию и на Кавказ, отложившись в чеченском *ondun* — «крепкий», ингушском *ondæ* — «сталь», убыхском **ndān* — «долото», «зубило», «острый», даргинском *šandan* — «сталь», а также в северном направлении, отложившись в удмуртском *andan*, коми *jendon* — «сталь», манси *jēmtān* — «крепкий» (Абаев В.И., 1958, с.156, 157; 1963, с.205–207; 1995, с.477; 1995а, с.5).

Вяч. Вс. Иванов отмечал, что чжурчжэньская металлургия на Дальнем Востоке представляет особый интерес в виду языковых следов связей чжурчжэньской металлургической техники с центрально-азиатской иранской. Так, чжурчжэньский термин *an-δ'up* — «золото» восходит к субстратному центрально-азиатскому названию выплавляемого металла **ansuwan* (сравнение тохарского А *ancu*, тохарского В *encuwo* — «железо» с хорезмийским *hnči* и осетинским *ændon* — «сталь»). Предполагается (Иванов Вяч. Вс., 1983, с.48, 49), что с иранским продолжением этой центрально-азиатской традиции начала н. э. связано и мастерство изготовления стали в Алании.

Дж. Чёнг отмечает, что осетинское *ændon* восходит к **ham-dāna* — «складывание вместе» (санскритское *sam-dhā-* — «складывать», «соединять» и т. п., *sam-dhāna-* — «соединение» и т. п.). Исследователь отвергает его связь с хорезмийским *andān* — «кандалы» (соответствует санскритскому *samdāna* — «оковы», «путы») и выражает сомнение по поводу его связи с тохарским А *ancwasi*, тохарским В *encuwo* — «из железа» (скорее имеют отношение к иранскому **suana-* — «железо», авестийскому *hao-safna*, хорезмийскому *spnu*, осетинскому *fsæn* (*æfsæn*) — «лемех», «сошник», в прошлом «железо») (Чёнг Дж., 2008, с.225).

Приведенные наблюдения лингвистов интересно сравнить с данными, полученными специалистами в ходе изучения технологии производства мечей и кинжалов Южного Приуралья скифского и сарматского времени. Согласно им технология изготовления клинков мечей и кинжалов мастерами скифского времени была достаточно проста: его отковывали целиком из сырцовый, полученной прямо в сырродутном горне стали, реже — железа. Очень редко использовалось получение качественной стали путем цементации полосовых заготовок, практически отсутствовала термическая обработка. Сварные клинки также не были характерны для данного периода.

В раннесарматское время произошла резкая смена в технике и технологии производства. При упрощении общего внешнего облика оружия основное внимание стало сосредотачиваться на клинке: более сложным становится его профиль, клинок из цельнометаллического превращается в сварной. Исследователи полагают, что это было связано с влиянием иных традиций производства оружия, генетически не связанных с местными предшествующими (Терехова Н.Н., 2011, с.67–92). В развитие данных наблюдений указывается, что происхождение мечей и кинжалов прохоровского типа было связано не с предшествующей традицией Приуралья, а вырабатывалось в глубинах Азии (Зуев В.Ю., Карташов П.Н., 2011, с.93–115).

Таким образом, изменение в технологии изготовления клинка в сарматское время, в частности, выразившееся в его превращении в сварной из нескольких металлических полос, вполне соответствует возведению осетинского *ændon* — «сталь» к **ham-dāna* — «складывание вместе». Отмеченные заимствования в удмуртском, коми и манси могут в общих чертах указывать на тот регион, где распространилась данная новая для своего времени технология. Ее привнесенный характер вполне соответствует современным наблюдениям, что со II в. до н. э. формирование сарматских археологических культур было связа-

но с событиями, развернувшимися тогда в Центральной и Средней Азии и с непосредственным движением оттуда представителей ираноязычных кочевников.

В конечном итоге с событиями, происходившими в глубинах Азии, исследователи связывают и последующее появление на исторической арене алан. С таких позиций может быть принято и заключение лингвистов о том, что «...техническое значение, которое обрело **ham-dāna*, было впервые «выковано» в аланском» (Чёнг Дж., 2008, с.255). С другой стороны, отмеченные лингвистами примеры из ономастического фонда городов Северного Причерноморья могут указывать не на исходный пункт распространения заимствования иранского обозначения стали, а с учетом указанных заимствований отражать «азиатский импульс» в его распространении. Этот же импульс, соответственно, должен быть отражен и в отмеченных заимствованиях в языки северокавказских народов, что в свете предлагаемой работы свидетельствует об особом значении аланской стали для региона.

Наконец отметим, что указание В.И. Абаева на древнеиндийское *samdhāna* как на название особого заклинания, производимого над оружием, напоминает, например, заключение фольклористов о том, что в сюжете о закалке стального нартовского Батраза, чей образ является фольклорным воспреемником образа скифского Аресамеча, сам герой или закаляющий его небесный кузнец Курдалагон играет на фандыре, что может быть связано с какими-то магическими действиями (Хамицаева Т.А., 1991, с.61). По одному из вариантов сказания, Батраз закаляется в огне, который разводится на углях из сожженных змей (*zaliag kælmytæ*). Эпизод вполне достоин сюжета о закалке в крови дракона Зигфрида (Грисвар Ж., 2003, с.34). В то же время, видимо, стоит вновь вспомнить сообщение анонимного армянского автора о том, что северокавказские аланы закаляли свое оружие в крови пресмыкающихся. Возможно, данное свидетельство также отражает некоторые магические действия, производи-

мые аланскими кузнецами в процессе работы. Но мы можем иметь дело и с реальной технологией цианирования (Гуревич Ю.Г., 1985, с.102).

Внимание вызывает торцевая обмедненная пластина даргавского образца. Нам известны экземпляры средневековых замков, сделанных из меди (Рыбаков Б.А., 1948, с.219), но, скорее, обмедненных. Средневековые мастера применяли также обмеднение поверхности замков, заливку медью отдельных внутренних полостей замков для усиления их крепости. Но особой интерес представляет технология пайки швов с помощью медного порошка, проволоки или пластин, что приводило к взаимному проникновению меди и железа (Колчин Б.А., 1953, с.79–81,134).

Находка закрытого железного замка в специально подготовленной нише камеры даргавской катакомбы, без его ключа, но в сопровождении преднамеренно фрагментированной керамической и стеклянной посуды, указывает на принадлежность замка не к обычному сопровождающему погребение инвентарю, а к предмету определенных ритуальных действий, сопровождавших сам процесс погребения. Запирающая функция замков вполне закономерно и логично приводила к их использованию у различных народов в ритуалах и обрядах, в основу которых полагались идеи скрепления, укрепления, удержания, прекращения, противодействия, предотвращения и т. п.

Так, у восточнославянских народов известны обряды положения замка в дверях хлева, в воротах при первом выгоне скота. В Юрьев день пастух обходил стадо с различными предметами, включавшими и замок. Данные обряды подразумевали придание крепости скотине и «завязывание пасти волка». Замок использовался в гаданиях на суженого, в свадебном обряде, что символизировало крепость создаваемой новой семьи.

В случае падежа скота над губами павшей скотины запирали замок, который зрывали вместе с ней. Замок клали на грудь умершему ребенку, чтобы предотвратить

смерть других детей. Замок также бросали в могилу, чтобы предотвратить дальнейшие смерти членов семьи или конкретно детей, выход из нее мертвеца (Макаров Н.А., 1981, с.261–264; 1987, с.77; Кудрявцев А., 2013а, с.17). Коми с той же целью клали замок на край могилы (Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С., 1999, с.349). Точно так у ингушей замок использовался в обрядах любовной магии и гадания на суженого, для остановки длительных регул и кровотечений. В то же время в случае, если у женщины все время умирали новорожденные дети, чтобы прекратить это несчастье, с очередным умершим в могилу клали закрытый замок (Мадаева З.А., 1990, с.91, 92, 94, 95). Следует полагать, что ритуальное положение замка в нишу камеры катакомбы Даргавского могильника было сопряжено с реализацией подобных идей предотвращения отрицательных явлений в жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И., 1958.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. — М.-Л.
- Абаев В.И., 1963.* Из иранских названий стали // Иранский сборник. К семидесятилетию профессора И. И. Зарубина. — М.
- Абаев В.И., 1995.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских контактов // Абаев В. И. Избранные труды. Т. II. — Владикавказ.
- Абаев В.И., 1995а.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. — М.
- Абегиан М., 1948.* К истории древнеармянской литературы. — Ереван.
- Алемань А., 2003.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. — М.
- Белорыбкин Г.Н., 2001.* Золотаревское поселение. СПб – Пенза.
- Боглачев С.В., Кузнецов В. А., Маркелов М.В., 2010.* Пятигорск в исторических очерках: История г. Пятигорска с древнейших времен до 1917 г. — Пятигорск.
- Габриелян Р.А., 1985.* Армянские источники об аланах. Вып. II. — Ереван.

- Грисвар Ж., 2003.* Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батраза // Эпос и мифология осетин и мировая культура. — Владикавказ.
- Гуревич Ю.Г., 1985.* Загадка булатного узора. — М.
- Дзаттиаты Р.Г., 2010.* Снаряжение коня и всадника (по материалам Даргавского катакомбного могильника). — Владикавказ.
- Зув В.Ю., Карташов П.Н., 2011.* Типология и технология производства клинкового оружия на стыке скифской и сарматской эпох (по материалам Южного Приуралья) // Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. — СПб.
- Иванов Вяч. Вс., 1983.* История славянских и балканских названий металлов. М.
- Казаков Е. П., 1991.* Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. — Казань.
- Кардаш О.В., 2011.* Городок сихиртя в Бухте Находок (первые результаты исследования). Екатеринбург-Нефтеюганск.
- Колчин Б.А., 1953.* Техника обработки металла в древней Руси. — М.
- Колчин Б.А., 1958.* Хронология новгородских древностей // СА. № 2. — М.
- Колчин Б.А., 1959.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. — М.
- Колчин Б.А., 1982.* Замки, ключи и замочные принадлежности // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. — М.
- Кудрявцев А.А., 2012.* Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. № 4. — М.
- Кудрявцев А.А., 2013.* Замки и ключи из курганов Гнёздово // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы II Международной конференции молодых ученых. Москва, 19–21 марта 2013 г. — М.
- Кудрявцев А.А., 2013а.* Гнёздовский ключ и древнерусские замки. Истоки запираания пространства // Родина. № 9. — М.
- Кузнецов В.А. 1978.* К вопросу о производстве стали в Алании // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М.
- Кузнецов В.А., 1992.* Очерки истории алан. — Владикавказ.
- Кузнецов В.А., Рудницкий Р. Р., 1998.* Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. — Ставрополь.
- Рыбаков Б.А., 1948.* Ремесло древней Руси. — М.
- Латишин В.А., 2009.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.
- Мадаева З.А., 1990.* Магия в системе религиозных верований вайнахов (по этнографическим материалам) // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. — Грозный.
- Майков В.В., 2013.* Материальная культура Восточного Крыма второй половины X–XII вв. // Ῥωμαϊός: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2. — Харьков.
- Макаров Н.А., 1981.* Магические обряды при сокрытии кладов на Руси // СА. № 4. — М.
- Макаров Н.А., 1987.* Жертвенный комплекс конца XII — начала XIII вв. на Каргополье // КСИА. Вып. 190. — М.
- Миллер В.Ф., 1888.* Терская область. Археологические экскурсии // МАК. Вып. I. — М.
- Михеева А.И., 2006.* Поселения Марийского Поволжья в эпоху средневековья (XIII–XV вв.).
- Нигамаев А.З., 2008.* Автореф. ...канд. ист. наук. 07.00.06. — археология. — Ижевск.
- Средневековая Алабуга: итоги археологических исследований за 1996–2006 гг.* // Камский торговый путь: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Елабуга.
- Оборин В.А., 1999.* Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. — Ижевск.

- Островский С.Л., 2004.* Чусовской участок Камского торгового пути и юго-восточный вариант ломоватовско-родановской общности // Путиями средневековых торговцев. Сборник материалов «круглого стола» в рамках Международного (XVI Уральского) археологического совещания. Пермь, 6-10 октября 2003 г. — Пермь.
- Прокопенко Ю.А., 2011.* К вопросу о характере торговли и транспортных магистралей, связывавших Центральное Предкавказье и древнерусские княжества в X-нач. XIII вв. // ИАА. Вып. 10. Армавир-Краснодар — М.
- Прокопенко Ю.А., Лубова С.Ф., 2008.* Культурные контакты и караванная торговля по северо-кавказскому — балтодонскому пути в IX — нач. XIII вв. // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 59 (6). — Ставрополь.
- Руденко К.А., 1989.* Булгарские железные ключи от навесных замков X—XIV вв. // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. — Липецк.
- Руденко К.А., 1998.* К вопросу о взаимодействии волжских болгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII—XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica. № 1. — Казань.
- Руденко К.А., 2008.* К вопросу о торговле на Нижней Каме в XI—XII вв. (по материалам Остолоповского селища) // Камский торговый путь: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Елабуга.
- Рудницкий Р.Р., Фоменко А. А., 2005.* Археологические памятники у горы Верблюд. — Пятигорск.
- Савельева Э.А., Истомина Т. В., Королев К. С., 1999.* Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. — Ижевск.
- Терехова Н.Н., 2011.* Технология производства мечей и кинжалов Южного Приуралья скифского и сарматского времени // Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. — СПб.
- Третеский Н.И., 1911.* О древних Херсонесских замках и ключах (с 7 табл. И 2 рис.) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 42. — СПб.
- Туаллагов А.А., 2012.* О кузнечном деле раннесредневековой Алании // Новейшие открытия и археология Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. — Махачкала.
- Хамицаева Т.А., 1991.* Комментарии // Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 3. — Владикавказ.
- Хорошев А.С., 1997.* Замки, ключи и замочные принадлежности // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. — М.
- Чёнг Дж., 2008.* Очерки исторического развития осетинского вокализма. — Владикавказ-Цхинвал.
- Яценко С.А., 1998.* Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV вв. // ПАВ. Вып. 6. — СПб.
- François de Blois., 2004.* Persian Literature — A Bio-Bibliographical Survey: Poetry of the Pre-Mongol Period. Volume V. London.
- Gustafsson B., 2005.* On Norse Padlocks — production and use. Examples from the Birka Garrison // Journal of Nordic Archaeological Science. № 15.
- Minorsky V., 1946.* Vīs u Rāmīn, a Parthian Romance // Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. Vol. XI. № 4. London.

А.Ю. ВИНОГРАДОВ, В.Н. ЧХАИДЗЕ

«ШУТЛИВАЯ» ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ВИЗАНТИЙСКОЙ МАТАРХИ¹

Надписи-граффити на тарной керамике из раскопок средневековых городов и поселений Северного Причерноморья — исключительно редкая категория находок, в отличие от обычных граффити (отдельные знаки и буквы), которые уже в силу своей многочисленности находятся на стадии накопления материала.¹

При раскопках Таманского городища (средневековая Матарха–Тмутаракань) найдено лишь три древнерусские надписи-граффити X–XI вв. на фрагментах амфор и кувшинчике: указание на содержимое сосуда — [B]INO (Медынцева А.А., 2000, с.40–33, рис.5; Чхаидзе В.Н., 2008, с.177, рис.95, 3); окончание тюркского или славянского имени — ...БАТ (Медынцева А.А., 2000, с.31–33, рис. 2; Чхаидзе В.Н., 2008, с.177, рис.95, 4) и надпись, обозначающая название сосуда — ДЮШЬННК(Ъ) (Медынцева А.А., Чхаидзе В.Н., 2008, с.101,102).

Также надписи-граффити встречаются на высокогорлых кувшинах с плоскими ручками (далее ВКПР), время бытования которых предварительно установлено в пределах середины IX — конца XI в., а место производства предположительно связано с византийской Матархой (Чхаидзе В.Н., 2008, с.161–173; 2012, с.162–166).

Так, замечательной находкой является открытый в 1954 г. в Таманском городище полностью сохранившийся ВКПР с нанесенными на тулове цифровыми записями, по мнению Б.А. Рыбакова, указывающими на торговые операции, в ходе которых исчисления производились при помощи подобной стандартной тары (Медынцева А.А., 2000, с.240–243, рис.66; Меч и златник, 2012, с.237, №581).

Греческая надпись-граффито из Таманского городища на стенке ВКПР является именем: ΛΕΟΝ (Чхаидзе В.Н., 2008, с.177, рис.95, 2).

Несомненный интерес представляет открытое при раскопках 2009 г.² в Таманском городище (раскоп «Перемычка» К-Л-22-23) граффито в несколько строк на ручке ВКПР (рис.1). Фрагмент (длина — 6,8 см, диаметр — 3,2 см) был найден в слое развала керамики. Вскрытый слой относится ко второй половине IX — началу X в. (Ильина Т.А., 2009, л.13, 28, оп.7, рис.70, в, 71, б).

Фрагментированная (без начала) надпись в три строки (в конце стоят орнаментальные разводы, похожие на три копы):

ΤΟΥΣΓΑ
ΤΟΝΗΣΑ
Σ.

[...] τοὺς resp. [...] τοὺς γ' ἄτονήσας
«... три, обессилев».

Шрифт надписи вполне согласуется с датировкой кувшина, хотя и лишен каких-либо ярко выраженных особенностей. Отметим лишь альфу с петлей, У-образный ипсилон и стандартную лигатуру ню-эта.

Несмотря на обрывочность граффито, можно сделать несколько выводов о его содержании. Судя по тому, что перед нами конец надписи, гамма в первой строке вряд ли может быть апокопированной перед гласной частицей γε, а, скорее, представляет собой цифру 3 (титло над ней может быть обломано). Соответственно, учитывая следующее за ней и хорошо читаемое причастие ἄτονήσας — «обессилевший», надо предполагать, что в надписи имелись в виду три каких-то объекта, приведших героя к потере сил. Кроме того, по своей квантитативной структуре слово ἄτονήσας хорошо подходит для окончания стихотворной строки: гекзаметрической (как в эпитафии из Anthologiae Graecae Appendix 358: Πολλά βυθοῖσι καμών, ὄδοιπορίας δ' ἄτονήσας...) или, что вероятней для IX–XI вв., додекасиллабической: в IX в. глагол ἄτονέω ис-

Рис. 1. Граффито на ручке высокогорлого кувшина из раскопок Таманского городища, 2009 г.

пользует, причем как раз в шестистопном ямбе, Кассия (Epigrammata C.21: Μωροῖς φρόνιμος συνδιάγειν οὐ σθένει• ἀτονήσει γὰρ τῇ τούτων ἀντιθέσει...), а в XI в. — Иоанн Мавропод (Canones in S. Demetrium 2.291: Ὑμνεῖν σε, κόρη θεογεννήτρια, καὶ εὐφημεῖν ἀξίως ἀτονεῖ νοῦς ἀνθρώπινος). Таким образом, перед нами, скорее всего, окончание стихотворения. Учитывая первоначальный размер носителя (ручка кувшина), вряд ли оно состояло более чем из двух строк.

Сам же характер носителя и указание меры в три единицы говорят о том, что содержание стихотворения должно было быть связано с кувшином или его содержанием³. Глагол ἀτονέω не имеет ярко выраженной стилистической окраски, однако вполне может использоваться и в шутовском контексте. Так, в упомянутой выше эпитафии некто Семпроний Никократ говорит о себе так: «Был некогда я мужем

мусическим, поэтом и кифаристом, но особенно — компаньоном. Сильно устав от пучин и от путешествий обессилев, стал, друзья, я затем торговцем миловидными женщинами...». Поэтому и в нашей надписи на ручке кувшина, вероятно винного, также следует видеть, очевидно, шутовскую эпиграмму на распитие вина и его меры, что-то вроде [Ἦδη ἔπινον ἢ ἔπινας τοῦ] τοὺς τρεῖς ἀτονήσας⁴ «[Уже я (или: ты) выпил] три таких, лишившись сил»⁵. Такая остроумная эпиграмма, нанесенная на кувшин местным мастером, могла быть обращена и против неумеренного винопития, традиционно приписывавшегося греками варварам, которых было достаточно среди населения Матархи IX–XI вв. (аланы, болгары, касоги, русы и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данное научное исследование (№15-01-0011) выполнено при поддержке программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014–2015 гг. Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства РФ в рамках реализации «Дорожной карты» программы 5/100 Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

2. Авторы благодарны к.и.н. Т.А. Ильиной за возможность публикации надписи.

3. Сам объем таких кувшинов (6–8 л) примерно соответствует ἄνωικὸν μέτρον (6,833 л), известному вплоть до конца средневизантийского периода (Schilbach E., 1970, p.113–114).

4. Следует отметить, что в сохранившихся строках стоит по шесть букв в каждой — соответственно, реконструкция остальных строк должна исходить из такой предпосылки.

5. О выпивании неких трех мер вина ср.: Ion. Fragmenta 2 (πίνουσιν τρεῖς πρὸς ἓνα κύαθους); Athenaeus. Deipnosophistae 10, 4 (οἴνου τε τρεῖς χοῦς ἔπιεν); Galenus. In Hippocratis vel Polybi opus de salubri victus ratione privatorum commentarius (οἴνους **τρεῖς** πίνειν δίδοναι); Theodorus Studites. Μεγάλη κατήχησις 29 (ὁ δὲ καὶ τρεῖς πινέτω).

ЛИТЕРАТУРА

- Ильина Т.А., 2009.* Отчет об охранных раскопках на территории городища Гермонасса–Тмутаракань 2009 года (Краснодарский край, Темрюкский район, станица Тамань). — М. — Архив ИА РАН. Р-1.
- Медынцева А.А., 2000.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. — М.
- Медынцева А.А., Чхаидзе В.Н., 2008.* Новая древнерусская надпись из Тмутаракани // РА. — № 1. — М.
- Меч и златник, 2012.* К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки. — М.
- Чхаидзе В.Н., 2008.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. — М.

Чхаидзе В.Н., 2012. Фанагория в VI–X веках. — М.

Schilbach E., 1970. Byzantinische Metrologie. München.

ИСТОРИЯ И МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Ю.В. ЗЕЛЕНСКИЙ

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ ПОЛОВЦЕВ В ТМУТОРОКАНИ¹ И СВЯЗЯХ ПОЛОВЦЕВ С ТМУТОРОКАНЬЮ

Вопрос¹ о пребывании половцев в Тмуторокани и взаимодействии их с Тмутороканским «княжеством»² неоднократно рассматривался отечественными историками. Кочевникам приписывали захват города и пресечение торговых связей между Тмутороканью и Русью.

В 1055 г. после смерти Ярослава Мудрого половцы подходят к границам русских земель. С этого времени и до конца XI в. они постоянно совершают набеги на территорию Переяславской, Черниговской и Киевской земель.

Тмуторокань являлась вотчиной черниговских князей. По «завещанию» Ярослава Мудрого она отошла к его сыну Святославу, который посылал сюда княжить своих сыновей. Сначала в Тмуторокани находился Глеб Святославич. Но в 1064 г. сюда из Новгорода бежал внук Ярослава Ростислав Владимирович с двумя спутниками, Пореем и Вышатой, и прогнал Глеба из города. Святослав Ярославич вернул Глеба на тмутороканский «престол», но Ростислав выгнал его вторично. Лишь после того, как Ростислав Владимирович был отравлен херсонесским котопаном, Глеб окончательно закрепился в Тмуторокани.

Е.П. Алексеева придерживалась точки зрения, что тмутороканские князья, начиная именно с Ростислава, нанимали половцев и формировали из них свои дружины (Алексеева Е.П., 1992, с.68). Таким образом, кочевники должны были находиться в Тмуторокани или кочевать в окрестностях города. При этом она ссылалась на статью А.В. Гадло, который ни словом не упоминал о половцах в Тмуторокани в княжение Ростислава Владимировича. В летописи также ничего не говорится о привлечении Ростиславом половцев себе на помощь.

В 1068 г. Святослав Ярославич перевёл Глеба из Тмуторокани в Новгород, а на его место направил другого сына — Романа. В сентябре этого же года донские половцы во главе с ханом Шаруканом разгромили дружины трёх Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода в сражении на р. Альта, в Переяславской земле, но затем были разгромлены Святославом Ярославичем на р. Сновь, в Черниговской земле. А.В. Гадло преувеличивал последствия этой победы, уверяя, что она спасла южнорусские земли, в том числе и Тмуторокань, от разорения (Гадло А.В., 2004, с.279). Но набег половцев вряд ли мог иметь подобные последствия.

В 1070-х гг. Тмуторокань становится прибежищем так называемых князей-изгоев. В 1077 г. сюда бежал Борис Вячеславич (его отец Вячеслав Ярославич княжил в Смоленске и умер в 1057 г.). В апреле 1078 г. в Тмуторокань бежал ещё один сын Святослава — Олег (Мавродин В.В., 2002, с.230). В том же 1078 г. Борис и Олег собрали дружину, наняли половцев, вторглись в пределы Черниговской земли, захватили Чернигов, но были разбиты в сражении на Нежатиной ниве близ Чернигова.

В летописи не было определённо написано, что мятежные князья нанимали половцев в Тмуторокани. С.А. Плетнёва утверждала, что в событиях 1078 г. участвовали так называемые шары-кипчаки, которые кочевали на берегах Северского Донца или в Приазовье. Именно через их кочевья проезжал из Чернигова в Тмуторокань и обратно Олег Святославич (Плетнёва С.А., 1990, с.43). Есть также мнение, что союзниками Бориса Вячеславича и Олега Святославича были донские половцы (Михайлова И.Б., 2006, с.96). Я.В. Пилипчук

полагает, что это были половцы из племени кай (каепичи русских летописей), которые также кочевали в донецких степях (Пилипчук Я.В., 2013, с.87). В любом случае тмутороканские князья находились в мирных отношениях с половцами. Они могли беспрепятственно проезжать через их кочевья.

В 1079 г. брат Олега Святославича Роман, который также находился в Тмуторокани, вновь наняв половцев, попытался захватить Чернигов. Скорее всего, он пригласил тех же донских половцев. Однако Великий князь Всеволод Ярославич сумел договориться с кочевниками, и те не только повернули назад, но и убили Романа. С.Э. Цветков обвиняет половцев и в высылке из Тмуторокани в Византию Олега Святославича (Цветков С.Э., 2009, с.93), но летопись чётко называет инициатором высылки «козар» (Ипатьевская летопись, с.196). И, когда в 1083 г. Олег вернулся из Византии в Тмуторокань, он «иссече козар», но не половцев. Летопись никак не упоминает половцев при описании событий тмутороканской истории.

В 1094 г. Олег Святославич в последний раз попытался захватить Чернигов. На этот раз летопись более конкретно сообщила, что он «приведе половцев из Тмутороканя» (Ипатьевская летопись, с.216). Но летописец мог так писать, зная, что Олег княжил в этом городе. Интересно, что во время войны Олега Святославича против сыновей Владимира Мономаха в 1096 г., сначала Изяслава Владимировича, а потом Мстислава Владимировича, половцы не упоминаются как союзники Олега.

Арабский географ XII в. Абу Абдаллах Мухаммад ал-Идриси в географическом трактате «Развлечение страстно желающего странствовать по землям» упоминает город Матлуку, или Белая Кумания (Куманийя ал-Байда), а чуть ниже в тексте упоминается город Матрика (Матраха). Исследователи полагают, что Матрика (Матраха) — это Тмуторокань русских летописей. Сходство названий Матрика и Матлука заставляет предположить, что ал-Идриси свёл воедино сведения разных информаторов об одном и

том же городе (Бейлис В.М., 1984, с.211). Историки отрицают деление куманов (половцев) на «белых» и «чёрных» и наличие половецких городов на Северном Кавказе.

Как утверждал автор «Слова о полку Игореве», во время похода 1185 г. против половцев Игорь Святославич и другие князья хотели «поискати града Тмутороканя». Но это просто красивый поэтический образ. Подобную цель похода просто невозможно было ставить всерьёз. Пройти от Путивля из Новгород-Северской земли до Тмуторокани через всю «Половецкую землю» было нереально. Б.А. Рыбаков утверждал, что в разгроме дружины Игоря участвовали половцы, которые кочевали у Куль-Обы (Керчи) и Тмуторокани (Рыбаков Б.А., 1991, с.77). Однако локализация колобичей у Куль-Обы (то есть близ Керчи) неправомерна. Их размещают в Поднепровье. Ещё одним пунктом, связывающим Тмуторокань и половцев, историки и археологи склонны считать упоминание в границах «земли незнаемой» Тмутороканского «блвана» («болвана») (Слово о полку Игореве, 1971, с.21). Считается, что он является одним из определителей границ «поля половецкого». Однако ещё в XIX в. появилась другая точка зрения. Д.И. Иловайский утверждал, что слово «балван» в древнерусском языке означало волну (в переносном смысле — пролив) (Иловайский Д.И., 1997, с.390). Б.А. Рыбаков полагал, что в данном случае может подразумеваться античная статуя — так называемый памятник «царицы» Комозарии» (Рыбаков Б.А., 1991, с.45). На Таманском полуострове половецких каменных изваяний не найдено (Плетнёва С.А., 1974, с.23). Здесь же зафиксировано всего одно половецкое погребение, при этом оно датируется второй половиной XII — началом XIII в., а может быть, даже и золотоордынским временем (Десятчиков Ю.М., Мирошина Т.В., 1988, с.123; Паромов Я.М., 2003, с.170). А.В. Гадло отождествлял половецкий город Сунджа или Свендж, в котором жил русский князь Юрий Андреевич, с Тмутороканью (Гадло А.В., 1996, с.137). Однако это остаётся только версией.

Таким образом, мы видим, что вопрос о пребывании половцев в Тмуторокани далёк от разрешения. Но скорее всего кочевники не присутствовали как в Тмуторокани, так и на территории Тмутороканского «княжества».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Я придерживаюсь именно такого написания названия этого города.

2. Термин «княжество» употреблён в кавычках, так как я считаю неправомерным его использование применительно к этому времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.П., 1992.* Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X–XV вв. в отечественной исторической науке. — Черкесск.
- Бейлис В.М., 1984.* Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 год. — М.
- Гадло А.В., 1996.* К истории отношений Руси и Грузии второй половины XII в. (Тмутороканские этюды. VIII) // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. — Вып.3.
- Гадло А.В., 2004.* Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе // Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. — СПб.
- Десятчиков Ю.М., Мирошина Т.В., 1988.* Работы Таманской экспедиции // АО за 1986 г. — М.
- Иловайский Д.И., 1997.* Несколько соображений о памятниках тмутраканской Руси и тмутраканском балване // Рязанское княжество. — М.
- Мавродин В.В., 2002.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века). — СПб.
- Михайлова И.Б., 2006.* Древняя Русь и степь // Россия и степной мир Евразии: Очерки / под ред. Ю.В. Кривошеева. — СПб.
- Паромов Я.М., 2003.* Тмутараканский период (X — начало XIII вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. — М.
- Плетнёва С.А., 1974.* Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4–2.
- Плетнёва С.А. 1990.* Половцы. — М.
- Рыбаков Б.А. 1991.* Пётр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». — М.
- Цветков С.Э., 2009.* Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054–1212. — М.
- Пилипчук Я.В., 2013.* Етнополітичний розвиток Дашті Кипчак в X–XIII ст. — К.

КРЕПОСТЬ ПРОЧНЫЙ ОКОП И ЕЁ РОЛЬ В ОСВОЕНИИ И ИНТЕГРАЦИИ КУБАНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В конце XVIII — первой половине XIX в. на Северном Кавказе совместными усилиями российских военных и местного населения был устроен целый ряд фортификационных сооружений (крепости, укрепления, редуты и т.д.), служивших опорными военными пунктами, а также выполнявших целый ряд других функций (коммуникационная, экономическая, культурная и т.д.).

Возведение первых российских крепостей в регионе было сопряжено с расширением территории Российского государства в XVIII в., после ряда войн, в результате которых возникала необходимость обороны вновь установленных южных рубежей. Прочноокопская крепость наравне с другими российскими крепостями (Кизляр, Моздок, Ставрополь, Георгиевск, Владикавказ и др.), возводимыми в крае силами солдат, казаков и местного населения, являлась «главной опорой в освоении региона, в деле включения его в российскую имперскую государственную систему» (Гарунова Н.Н., 2007, с.58).

Предпосылкой для возникновения Прочного Окопа во второй половине XVIII в. явились победоносное для России окончание войны с Османской империей и подписание Кючук-Кайнарджийского мирного договора (10 июля 1774 г.). Согласно ему большая часть Предкавказья входила в состав Российской империи. Для укрепления южнорусской границы от набегов горцев, а также предотвращения дальнейшего влияния Турции на крымских татар и ногайцев в январе–апреле 1778 г. под руководством генерала А.В. Суворова, на правом берегу р. Кубани была устроена (менее чем за 100 дней) укрепленная пограничная линия из 10 крепостей, 26 фельдшанцев и редутов. Её протяженность составила 540 верст от Тамани до верховьев р. Кубани.

Из-за предвоенной ситуации укрепления строились «скоро и без необходимого инженерного обеспечения их долговечности» (Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., Алешин Н.Е., 2004, с.112).

Самой восточной из воздвигнутых в 1778 г. А.В. Суворовым крепостей была крепость Царицынская (с одноименным названием в 1787–1788 гг. на левой стороне Горькой балки на речке Горькой генерал-аншефом П.А. Текелли были воздвигнуты редут и коммуникационный пост, ныне хутор Северокавказский Новокубанского района Краснодарского края), перекрывавшая традиционные броды и переправы, ведущие из Закубанья в границы обустроенных владений России в предкавказских степях. Гарнизон крепости состоял из гренадерской роты Нижегородского полка, мушкетерской роты и двух драгунских эскадронов Астраханского полка. Каждая рота и эскадрон имели по два орудия. В 1779 г. крепость в силу внешнеполитических обстоятельств (подписанная 10 марта 1779 г. Айналы-Кавакская конвенция с Турцией предусматривала вывод русских войск с территории Прикубанья) была покинута российским гарнизоном, но в отличие от других не срыта полностью.

После окончательного признания правобережья р. Кубани границей русских владений (28 декабря 1783 г.) началось активное заселение Средней Кубани. Для защиты присоединенных территорий по поручению императрицы Екатерины II генерал-поручик Г.А. Потемкин начал строительство новой линии пограничных укреплений (от ст. Екатеринодарской по р. Малке до р. Лабы). В результате на р. Малке, против Большой Кабарды, были возведены три казачьи станицы и два форпоста, а между Малкой и Кубанью, против Малой Абадзы, — Константиногорская

крепость, четыре форпоста и один штерншанец (сомкнутое звездообразное укрепление полевого или временного характера. — *О.П.*). А на правом берегу р. Кубани, по приказу генерал-губернатора П.С. Потемкина были построены три «крепостицы» (Прочный Окоп, Преградный стан и Григориополисская), девять редутов и одна казачья станица, ставшие первыми постоянными опорными пунктами для защиты этой части русской границы (Шишов А.В., 2009, с.112).

Предназначенная для охраны границы и связи по Кубани крепость Прочный Окоп, названная в честь сохранившихся прочных суворовских окопов, земляных сооружений 1778 г., была возведена в 1784 г. по плану генерал-майора И.И. Германа фон Ферзена на высоком кубанском правобережье вблизи устья р. Уруп. Она имела форму неправильного многоугольника с треугольными выступами-бастионами, полубастионами и была окружена глубоким наружным рвом. Её бастионы были полыми и имели амбразуры — сквозные вырезы в брустверах — для стрельбы из орудий, стоящих за прикрытиями. Также имелись бойницы для ружейной стрельбы. К бойницам на линию огня солдаты поднимались по земляным ступеням, которые назывались банкетом (Виноградов В.Б., 1994, с.4–7; Навротский Н.И., 1994, с.9).

Возобновление Прочноокопской крепости было продиктовано единством «военных и политических составляющих» (Лалин В.В., 2005, с.11). Вплоть до своего упразднения в 1860 г. (на ее месте были основаны государственная почтовая станция и карантинная застава. — *О.П.*) фортификационное сооружение имело важное стратегическое и коммуникационное значение. В районе расположения Прочного Окопа издавна пролегали важные военно-торговые дороги, использовавшие стабильные броды через Кубань. Крепостные укрепления, расположенные на высоком правом берегу Кубани, господствовали над окрестностями. В военном отношении крепость была рассчитана на противостояние силам

регулярной армии Османской империи (Немирович-Данченко В.И., 1998, с.351).

Заявить о себе как о грозной крепости Прочному Окопу удалось во время событий российско-османской войны 1787–1791 гг., связанных с разгромом полчищ шейха Мансура и турецких войск Батал-Паши в районе нынешнего Черкесска, а также походами царских войск 1788 и 1790 гг. на турецкую крепость Анапу (центр массового «пленопродавства», т.е. работорговли. — *О.П.*). В 1790 г. крепость являлась центром расквартирования одного из отрядов Кавказского корпуса (включал Кавказский и Воронежский пехотные полки, 4-й егерский батальон, Таганрогский драгунский полк, 4 эскадрона Нарвского карабинерного полка, 1-й казачий полк и часть полевых орудий) под командованием генерал-майора С.А. Булгакова (Приймак Ю.В., 2011, с.286). Так, 10 февраля 1790 г. переправившись через Кубань у Прочноокопской крепости, генерал-поручик Ю.Б. Бибииков, командовавший в то время Кавказским корпусом, победоносно прошел весь Закубанский край до Анапы. Через крепость пролегал боевой путь и корпуса генерал-аншефа В.А. Зубова, направленного в Персидский поход в 1796 г. В его составе был и молодой артиллерист А.П. Ермолов (Чирг А., 1995, с.55).

Первые два десятилетия XIX в. для «небольшого укрепления, лежащего против малосильных кубанских народов», не были особо кровопролитными. Это сказалось на фортификационном сооружении, пребывавшем, по словам инспектировавшего его в 1817 г. генерала А.П. Ермолова, в «худом весьма состоянии». В результате целенаправленных действий военачальника крепость приобрела былой грозный вид, а вокруг нее начал складываться «прочноокопский военно-стратегический комплекс», сыгравший «исключительную роль в «усмирении» и освоении Россией Восточного Закубанья» (Приймак Ю.В., 2011, с.13).

В это время крепость использовалась (например, генералом А.А. Вельяминовым

в 1824 г.) как опорный пункт в отражении нападений и предотвращении набегов черкесов на Кубанскую линию. Её гарнизон составляли один батальон Суздальского мушкетерского полка, две пушки, эскадрон драгун Таганрогского драгунского полка, а также линейные казаки, обеспечивавшие разведку и надзор за безопасностью границы-кордона. Поскольку Прочный Окоп соединяла со Ставропольской крепостью «прекрасная» по тем временам дорога, то в задачу военнослужащих входила и охрана этого транспортного пути, а также сопровождение передвигавшихся по ней кавказских «оказий» (Виноградов В.Б., 1994, с.9). По данной коммуникации, через крепость, двигались военные отряды, путешественники (например, герои Отечественной войны 1812 г. генералы Н.Н. Раевский и А.П. Ермолов; поэты А.С. Пушкин в августе 1820 г. и М.Ю. Лермонтов — дважды, в 1837 и 1840 гг.; адыгский общественный деятель С. Хан-Гирей, российский врач Н.И. Пирогов и др.), велась перевозка строительных материалов, продовольствия и разных товаров (Виноградов А.В., Виноградов В.Б., 2004, с. 8).

Солдаты и офицеры гарнизона также принимали участие в сооружении новых и ремонте старых дорог и мостов. Например, в 1839 г. при Прочном Окопе по проекту генерал-лейтенанта Андрея Ивановича Дельвига, силами военнослужащих был построен деревянный мост на турах (плетеные сапетки, заполненные булыжником. — **О.П.**) через р. Кубань. А в начале 1840-х гг. специальным отрядом под командой генерала Г.Х. Засса осуществлялась прокладка дорог к российским крепостям и станицам на реках Лаба и Уруп (например, «Дорога декабристов» от ст. Прочноокопской через армяно-черкесский аул Армавир к Чамлыкскому укреплению и далее к укреплению Махошевскому на р. Лабе). Декабрист А.П. Беляев оставил следующее описание этой дороги: «Крепость (Прочный Окоп. — **О.П.**) была расположена на высокой горе, и дорога близ к реке была высечена в скале, имея с одной стороны отвесную стену,

а с другой скат, поросший луговой зеленой травой... Вся эта дорога от Кубани до Лабы, где стоял наш отряд, простиралась на 50 или 60 верст, и вся эта сторона Кубани находилась во владении мирных черкесов, обитавших по берегу Кубани» (Выродов Б.Л., 1994, с.33).

Выгодное расположение крепости у традиционного брода и переправы, ведущих из Закубанья в границы обустройства владений России, давало возможность установить контроль правительства над определенной территорией Северного Кавказа. Этому способствовала также благоустроенность Прочноокопской крепости (множество строений внутри крепости: дома воинского начальника, инженерной команды, штаб— и обер-офицеров, маркизантский дом, 6 солдатских казарм, госпиталь, ротные цейхгаузы, конюшня и др.), что делало её «чуть ли не столицей всего северо-западного Кавказа» (Немирович-Данченко В.И., 1998, с.350). В 1820 г. Г. Герарков писал, что крепость «прекрасно содержится, имея удобные казармы», которые ранее были построены силами солдат «из остатков полковой суммы Нижегородского полка» (Яковенко А.М., 1994, с.8). Другие проверяющие, довольные порядком в крепости, отмечали, что военные её гарнизона были «учтивы и опрятны». За валами Прочного Окопа «случалось даже встречать дам... в свое время выучившихся болтать по-французски и танцевать мазурку в институте», что составляло в ту пору редкость (Немирович-Данченко В.И., 1998, с.350). Крепость выступала местом установления тесных межнациональных отношений, ведения переговоров и принесения присяги на верность России. Так, в 1824 г. в крепости ногайские султаны и мурзы, среди которых был и будущий просветитель Султан Казы-Гирей, здесь присягнули на верность российскому правительству.

В 1830–1840-е гг. крепость являлась военно-административным центром и местом сосредоточения войск, совершавших экспедиции в Закубанье. Например, здесь помещалась резиденция знаменитого глав-

нокомандующего правым флангом Кавказской линии генерала барона Григория Христофоровича фон Засса (черкесы называли его «шайтаном», т.е. чертом за стремительные и неожиданные походы конных летучих отрядов в горы, а также «шутки», которые Засс или «шайтан-паша» им показывал в крепости. — *О.П.*). Генерал жил внутри земляной крепости в юго-восточной ее части в одноэтажном домике с верандой (за домом было выращено несколько деревьев и росла сирень — «полковой сад»). В ней располагалась и «барантовая комиссия», распорядившаяся продажей отбитого у горцев скота (Шпаковский А.И., 1870, с.300). Из-за засилья немцев в окружении генерала недовольное этим линейное казачество даже переименовало крепость в «Немецкий Окоп» (Хамар-Дабанов Е., 1986, с.13).

В беспокойные и полные опасностей времена фортификационные сооружения и орудия крепости оставались надежным гарантом «постоянно крепнущих и разнообразных взаимоотношений обитателей кубанских берегов друг с другом» (Виноградов В.Б., 1994, с.4). Так, в конце XVIII — первой половине XIX в. под влиянием крепости формировался этнически пестрый «населенный узел». Уже в 1794 г. у подножия фортифицированных высот, на самом берегу Кубани, распоряжением властей поселилась станица донских казаков-староверов (150–200 семей), названная Прочноокопской. В 1817 г. из-за частых затоплений во время разливов Кубани станица была перемещена на 4 км вниз по течению реки на высокий правый берег (Фелицын Е.Д., 1883, с.260, 266). В начале XIX в. на противоположном от ст. Прочноокопской берегу прочно разместился ногайский аул Копланов-Нечев, под защитой крепостной артиллерии расположился форштадт (солдатский поселок в 1817 г.), а у самых переправ основанный в 1839 г. черкесо-гаями Армянский аул (будущий г. Армавир) и поблизости адыгский аул Щхашефиль (Вольный). Подобное соседство на укрепленной линии крепости, станиц и аулов повышало эффективность охраны южных рубежей

России и оказывало влияние на развитие края и его интеграцию в состав Российской империи (Виноградов В.Б., 1994, с.7).

Прочный Окоп выступал и своеобразным «культурным гнездом» правого фланга Кавказской линии, из которого благодаря русским офицерам и казакам русская культура и просвещение распространялись среди местного населения. Например, в крепости давались балы, постоянно «устраивались вечеринки... даже parties de plaisir в окрестности с музыкой и шампанским» (Немирович-Данченко В.И., 1998, с.350). История крепости неразрывно связана с деятельностью таких выдающихся людей, как гарнизонный лекарь Николай Васильевич Майер (прототип лермонтовского доктора Вернера в повести «Княжна Мери»), русский академический художник и рисовальщик «типов Кавказа» Лев Евграфович Дмитриев-Кавказский, известный путешественник по Африке Виктор Федорович Машков и др. Художник Григорий Григорьевич Гагарин рисовал здесь командира 2-го Кубанского полка знаменитого ногайского писателя и просветителя Султана Казы-Гирея. Службу в крепости в качестве штабного офицера у генерала Г.Х. Засса нес Лев Сергеевич Пушкин — родной брат поэта А.С. Пушкина. А великий русский хирург Николай Иванович Пирогов в ноябре 1847 г. посещал военный госпиталь в Прочном Окопе, где консультировал медицинский персонал и оставил несколько изобретенных им аппаратов для операционного применения наркоза («эфирования») (Пирогов Н.И., 1952, с.16).

Своеобразным прибежищем крепость являлась для многих ссыльных декабристов, отбывавших свое наказание на Северном Кавказе. Здесь проходили службу братья А.П. и П.П. Беляевы, М.М. Нарышкин, Н.А. Загорецкий, В.Н. Лихарев, М.А. Назимов и др. Так, вспоминая свою «зимовку» 1840/1841 г. в крепости, декабрист А.П. Беляев писал: «Общество наше... составляли товарищи наши: Назимов, Нарышкин, иногда Загорецкий и мы с братом» (Беляев А.П., 1985, с.300).

Гостеприимный дом декабриста М.М. Нарышкина и его жены Е.П. Нарышкиной в ст. Прочноокопской был центром культурного досуга офицеров крепости и жителей станицы. Во время собраний, на которых присутствовал командир Кубанского полка полковник И.А. Фитингоф, играла музыка, звучали песни и стихи, исполнялись романсы Алябьева, Варламова, Верстовского, Глинки и др. В личной библиотеке М.М. Нарышкина имелось «много хороших книг», иностранных и русских журналов, которыми пользовались не только сосланные декабристы, но и местное население (Немирович-Данченко В.И., 1998, с.353; Яковенко А.М., 1994, с.18).

Следствием присутствия крепости также являлось развитие на Средней Кубани меновой и ярмарочной торговли. Так, в 1811 г. за счет казны при Прочноокопской крепости (в северной части рядом с соляным складом) был организован меновой двор для торговли с закубанскими народами (бесленевцами, абазинами, ногайцами и др.). В дни перемирий здесь велась бойкая и весьма выгодная с обеих сторон меновая торговля. Так, черкесы обменивали на соль кожи, овчины, воск, мед, сушеные фрукты, орехи, сукно, бурки, лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. А с 1836 г., по приказу командующего правым флангом Кавказской линии генерала Г.Х. Засса, была учреждена ежегодная ярмарка при ст. Прочноокопской, куда съезжались купцы из разных уголков края и России (Виноградов В.Б., 2000, с.6). Открытие ярмарки, охраняемой войсками, сопровождалось большими торжествами и мелодичной игрой большого военного духового оркестра. Здесь многочисленные мирные, приязненные горцы приобщались к возможностям и нравам российского рынка. Кроме фабрично-заводских товаров неизменным спросом пользовалась соль — постоянный дефицит у скотоводов в Кавказских горах.

Таким образом, крепость Прочный Окоп сыграла важную роль в освоении и интеграции Средней Кубани в состав Российской империи. В конце XVIII — пер-

вой половине XIX в. крепость являлась не только стратегически важным военным пунктом, но и надежным гарантом русского присутствия и влияния в крае, центром экономического, инфраструктурного, культурного развития. Под защитой крепостных стен и при содействии её обитателей здесь складывались разнообразные и плодотворные формы взаимодействия и взаимовоздействия, партнерства и добрососедства жителей кубанских берегов.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев А.П., 1985.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Отрывки // Трудные годы. Декабристы на Кавказе. — Краснодар.
- Виноградов В.Б., 2000.* Генерал Г.Х. Засс: «Отступления со мною нет и не будет!» // Лики российской истории Северного Кавказа. Вып.1. — Армавир.
- Виноградов В.Б., 1994.* Из истории Старой Станицы — Прочноокопской // Краеведческие очерки. — Армавир.
- Виноградов А.В., Виноградов В.Б., 2004.* День лермонтовской судьбе (историко-литературоведческие этюды). — Армавир.
- Выродов Б.Л., 1994.* Декабристы и Средняя Кубань // Практический опыт краеведения. Вып. 1. — Армавир.
- Гарунова Н.Н., 2007.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. — Махачкала.
- Латин В.В., 2005.* «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв. — СПб.
- Навротский Н.И., 1994.* Памятник российской фортификации // Прочноокопский историко-государственный многоугольник. Материалы научно-практической конференции в честь

200-летия линейно-казачьей Старой Станицы — Прочноокопской (сентябрь 1994 г.). — Армавир.

Немирович-Данченко В.И., 1998. Рыцари гор // Избранные произведения в двух томах. Т.1. — Нальчик.

Пирогов Н.И., 1952. Отчет о путешествии по Кавказу. — М.

Приймак Ю.В., 2011. Северо-Восточное Причерноморье во внутри— и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть XIX в.). — Армавир.

Фелицын Е.Д., 1883. Краткий очерк заселения Кубанской области // Известия Кавказского отдела русского географического общества. Т.8. Кн. 2. — Тифлис.

Хамар-Дабанов Е., 1986. Прodelки на Кавказе. — Ставрополь.

Чирг А., 1995. Черкесы в русско-османских отношениях второй половины XVIII в. // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII—XIX вв.). — Майкоп.

Шеуджен А.Х., Галкин Г.А. Тхакушинов А.К., Алешин Н.Е., 2004. Земля адыгов. — Майкоп.

Шишов А.В., 2009. Двуглавый орел над Кавказом. 1804—2008 гг. — М.

Шпаковский А.И., 1870. Записки старого казака // Военный сборник. №7.

ДЕКАБРИСТ В.С. ТОЛСТОЙ НА КУБАНИ: НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ БИОГРАФИИ

В событиях на Черноморском побережье Кавказа первой половины XIX в. принимало участие много людей — известных и не очень. Об одних написаны целые тома исторических исследований, о других — несколько строк в энциклопедии. А некоторым повезло ещё меньше: их биографии писались на основе мемуаров пристрастных современников. Пристрастность биографии можно опровергнуть только на основе документов, а они, к большому сожалению, не всегда сохраняются. Вот и гуляют по научным и научно-популярным изданиям искажённые портреты достойных людей.

Одним из таких «обиженных» историей был Владимир Сергеевич Толстой. В 1886 г. в журнале «Русский архив» были напечатаны мемуары Г.И. Филиппсона. Там он упоминает о герое нашей статьи и, в частности, пишет: «...далее я должен сказать несколько слов о Т***. За 14-е декабря он был сослан в каторжную работу. Говорят, что он сам на себя наговорил, будто принимал участие в заговоре и бунте. Немудрено: он был тогда 18-летний гвардейский прапорщик. В Петербурге у него много родных между главными лицами служебной и родовой аристократии. Поэтому он не ожидал такой развязки своей выходки и видел в ней только средство сделаться интересным и получить известность. Впрочем, он раньше других был прислан рядовым на Кавказ, а в 1838 уже был прапорщиком. Ему было тогда за 30 лет; наружность его, голос и манеры были крайне несимпатичны; нравственные принципы его были более шатки. Генералу Головину он приходился как-то сродни и потому держался в Тифлисе без должности. Специальность его сказалась уже при графе Воронцове. Т*** сделался шпионом, сыщиком, доносчиком и всем, что нравилось его патрону: он был посылаем секретно в разные места, переодевался,

посещал кабаки и харчевни, где собирал разные сведения и где не раз был оскорбляем телесно. Окончательная судьба его мне неизвестна» (Филиппсон Г.И., 1883, с. 286).

Так, походя, поставлено клеймо на человеке, с которым у Филиппсона, видимо, не сложились приятельные отношения. Фамилия названа не была, но круг петербургского и московского дворянства был крайне узок, поэтому описываемого быстро узнали, тем более что он был ещё жив. Большинство последующих исследователей биографии и деятельности Владимира Сергеевича Толстого брали за основу именно эти высказывания Филиппсона.

По мере изучения биографии Толстого у исследователей стали возникать вопросы. Первый был поставлен ещё Филиппсоном: был ли Владимир декабристом? Если это действительно было так, то какому обществу он был близок — Северному или Южному? Член Следственного комитета А.Д. Боровков в своём «Алфавите членам бывших тайных злоумышленных обществ...» причислял Толстого к Северному обществу (Декабристы ..., 1988, с. 326). В XI томе многотомного издания «Восстание декабристов» Б. Модзелевский называл его членом Южного общества (там же, с. 173, 174). М.В. Нечкина в своей монографии «Движение декабристов» присоединяется к мнению Боровкова (Нечкина М.В., 1955, т. I, с. 46; т. II, с. 406). Однако споры продолжаются по сегодняшний день. На принадлежность Толстого к Южному обществу указывают в своих работах Б.А. Трёхбратов и М.И. Серова (Трёхбратов Б.А., 1997, с. 473, 474; Серова М.И., Трёхбратов Б.А., 2008, с. 28, 29). Следующие вопросы — о родственных связях и службе Толстого на Кавказе. До недавнего времени ответов на эти вопросы не было. Все сведения о В.С. Толстом в основном сводились к воспоминаниям современников.

Однако даже в XXI в. архивы могут преподнести сюрпризы. В Государственном архиве Краснодарского края в фонде 318, оп. 1 есть дело 298. Оно называется «Об определении на службу отставного поручика Толстого в Кавказское казачье войско». Определить, что это дело именно Владимира Сергеевича Толстого очень трудно. Ни в одном из официальных документов этого дела нет ни имени, ни инициалов Толстого. Только в личном письме некоему Павлу Ефимовичу стоит подпись — Владимир Толстой (ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 298. Л. 7). Вторая зацепка — упоминание о его службе в Черноморском линейном № 1 батальоне.

Наиболее интересным в этом деле является выписка из секретного дела о Толстом, являющаяся приложением к уведомлению военного министра Чернышёва главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом. В нём сказано: «Государь Император по докладу отношения Вашего Сиятельства № 515, Высочайшим приказом 8-го сего мая соизволил: уволенного из состоявших по кавалерии поручика Толстого определить по кавалерии же, с состоянием при Кавказском линейном казачьем войске»¹ (ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 298. Л. 3).

Это приложение поможет нам восстановить некоторые страницы биографии Владимира Сергеевича Толстого до 1845 года.

Владимир Сергеевич Толстой родился 10 мая 1806 г. в селе Курбатове Скопинского уезда Рязанской губернии. Его отец, гвардии капитан-поручик Сергей Васильевич Толстой (1771–1831) принадлежал к нетитулованной и обедневшей ветви Толстых. За ним в Рязанской и Тверской губерниях числилось 647 душ крестьян. Мать Елизавета Петровна Толстая, урождённая Долгокурова (1774–1813), находилась в родстве с представителями многих знатных дворянских родов России. Её братья Пётр и Михаил Долгогурские были генерал-адъютантами императора Александра I (Трёхбратов Б.А., 1997, с.473)

Большинство дворянских детей того времени получали домашнее образование.

Этим же путём пошли и родители Владимира. Сначала у него были два воспитателя: француз Куант-де-Лаво и англичанин Гарвей. Когда пришло время учения, для него учителями был взят московский священник Покровский, студент Брезгун и учитель гимназии Кудрявцев.

Видимо, ещё при рождении Владимир был записан в полк. Ему был предназначен путь, связанный с военной службой. В августе 1823 г. Владимир Толстой поступает на службу в Екатеринославский кирасирский полк, сразу получает чин унтер-офицера и идёт вверх по карьерной лестнице. Он 30 октября становится юнкером, затем подпрапорщиком и 10 мая следующего года уже переведён в Московский пехотный полк. 9 марта 1825 г. Толстой произведён в прапорщики.

Московский пехотный полк оказался местом, где служили члены как Южного, так и Северного обществ декабристов. Летом 1824 г. по рекомендации А.П. Барятинского Владимир Сергеевич Толстой стал членом тайной организации. Долгое время историки спорили о том, какому — Северному или Южному — обществу он принадлежал. Найденные в Государственном архиве Краснодарского края документы позволили уточнить этот вопрос. Но об этом ниже.

Наступил 1825 год. Имя декабриста Владимира Сергеевича Толстого стало известно властям из доноса провокатора В.Д. Шервуда. Приказ о его аресте был подписан 18 декабря 1825 года. В это время Владимир в отпуске и гостит в имении своего отца. Его арестовали, препроводили в Москву, а 4 января 1826 г. доставили в каземат № 4 Кронверкской куртины Петропавловской крепости с заметкой: «Содержать под строгим арестом». 30 января он был переведён в каземат № 5 (Декабристы..., 1988, с.175).

Толстой обвинялся в том, что «знал цель — введение конституции. Слышал, что общество, может быть, принуждено будет ускорить кончину некоторых священных особ царствующей фамилии... На совеща-

ниях нигде не был и о замыслах в возмущения 14-го декабря не знал». По некоторым показаниям, он принимал участие в организации типографии (Ильин П.В, 2004, с.433). Однако все эти обвинения в ходе следствия подтверждения не получили.

Его осудили по VII разряду и 10 июля 1826 г. по конфирмации приговорили «в каторжную работу на 2 года». В этот раз родственные связи сыграли свою роль. 22 августа 1826 г. срок был сокращён до одного года с последующим поселением в Сибири.

Владимир Сергеевич испытал все «прелести» осенней и зимней поездки по Заволжью и далее. Только 9 апреля 1827 г. он был доставлен в Читинский острог. Здесь его догоняет Высочайшее повеление. В.С. Толстой «обращён прямо на поселение в Тункинскую крепость Иркутской губернии». 15 мая начинается новый переезд. Но остаться на поселении в Сибири ему не суждено.

15 июня 1829 г. Владимир Сергеевич Толстой был отправлен в действующую армию — рядовым на Кавказ — с установлением надзора. Идёт очередная война с Турцией, и есть шанс заслужить первый офицерский чин, после чего уйти в отставку и вернуться в Европейскую Россию. На Кавказе он определён рядовым 7-го Кавказского линейного батальона 43-го Егерского полка. Об этом мы узнаём из доклада командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала от инфантерии И.Ф. Паскевича-Эриванского военному министру генерал-адъютанту А.И. Чернышёву об определении декабристов по войскам корпуса. Толстой принимает активное участие в военных действиях, за что награждён серебряной медалью.

Война завершена, но боевые действия продолжают продолжаться. Толстой принимает участие в экспедициях против горцев, был произведён в унтер-офицеры. В октябре 1832 г. он переведён в Линейный Кавказский батальон № 1.

И здесь начинается расхождение между официальными документами и воспоминаниями одного из современников Льва Сергеевича. Это воспоминания Г.И. Филиппсона,

в конце 30-х годов — начальника штаба Черноморской береговой линии. Он приписывает продвижение по службе Толстого родству последнего с командующим Отдельным Кавказским корпусом генералом Е.А. Головиным, который был женат на двоюродной сестре Владимира Сергеевича — Елизавете Павловне Фонвизиной. Но была ли протекция? (Филиппсон Г.И., 1883, с.286)

Начнём с дислокации Линейного Кавказского батальона № 1. Он располагался в Джеметейском укреплении близ крепости Анапа на узкой косе между Чёрным морем и Кизилташским лиманом. По косе проходила дорога, соединявшая крепость Анапу с Таманью. Укрепление состояло из плетня с тремя амбразурами на расстоянии около 500 метров одна от другой. Внутри было несколько строений из прутьев, обмазанных глиной. Укрепление со всех сторон продувалось ветрами, во время штормов вода подходила к брустверу и часто затапливала укрепление. Летом — жара, зимой — холод. В этих условиях и нес службу Владимир Сергеевич Толстой. Батальон, в котором он служил, охранял дорогу в Анапу, занимался заготовкой дров для Анапской крепости, сопровождал колонны транспортов, двигавшихся в Анапу и обратно на Тамань. Кроме того, он принимал участие в возведении укреплений на Западном Кавказе и экспедициях против горцев.

16 июля 1834 г. вышел Высочайший указ о переименовании 1-го и 2-го Кавказских линейных батальонов в Черноморские. Батальон, в котором служил Толстой, теперь получил название: 1-й Черноморский линейный батальон.

Послужной список Владимира Сергеевича противоречит мнению Г.И. Филиппсона о лёгкости продвижения Толстого по военной лестнице. В начале 1835 г. он участвовал в возведении Абинского и Николаевского укреплений на р. Атакуаф². За эту экспедицию его наградили орденом Св. Станислава 4-й степени. 19 июня этого же года Толстой был произведён в прапорщики. Позже награждается медалью за спасение погибавших. 13 ноября 1837 г.

он поставлен на вакансию в подпоручики (ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л.4 — 4 об.).

В фондах Государственного архива Краснодарского края сохранилось описание двух экспедиций, в которых участвовал Владимир Сергеевич. Именно после этих экспедиций он стал подпоручиком. Вот краткое описание этих походов (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Л. 15 — 16 об.; 30 — 32 об.).

На берегу реки Анапки, рядом с крепостью Анапа, располагался небольшой кожевенный заводик. В ночь на 6 января 1838 г. отряд горцев, оставив коней за рекой, скрытно переправился через неё и утащил 18 кож, сушившихся рядом с заводиком. Они провели это нападение и отступили затем в горы настолько скрытно, что караул поднял тревогу только спустя несколько часов.

На следующий день лазутчики сообщили, что нападение совершили горцы из ущелья Бид (ныне район ст. Раевской). Здесь же происходит сбор натухайцев и шапсугов для набега на правобережье Кубани. Опираясь на эти сообщения, комендант Анапской крепости генерал-майор граф Цукато решает совершить рейд в ущелье. Формируется отряд из четырёх рот Черноморских линейных батальонов № 1 и 2 при двух лёгких орудиях и отряда пеших и конных казаков 5-го пешего полка Черноморского казачьего войска. Комендант был болен, поэтому отряд возглавил командир казачьего полка подполковник Орёл.

В ночь на 7 января отряд двинулся в ущелье. Движение отряда было произведено так скрытно и неожиданно для горцев, что они обнаружили его уже на подходе к ущелью. Местное население отошло в горы и не оказало никакого сопротивления. В аулах были найдены 15 из 18 украденных шкур, захвачены коровы и овцы. В числе отличившихся был назван подпоручик Толстой. Судя по рапорту подполковника Орла, Владимир Сергеевич уже получил чин подпоручика. За эту экспедицию Толстому было объявлено монаршее благоволение.

Прошло несколько дней, и Анапский отряд вынужден был совершить новый поход.

На побережье Чёрного моря между адыгами и турками процветала торговля, которую русское командование считало контрабандной. Днём 16 января, получив известие о появлении в море у Сукковского ущелья двух турецких кораблей: кочермы и баркаса с контрабандным товаром, граф Цукато отдаёт приказ о выдвигении того же отряда в ущелье для уничтожения кораблей.

В 11 часов вечера отряд начал движение в сторону ущелья. Когда они поднялись на возвышенность Псехопсин, поднялся сильный ветер, дождь хлестал в лицо, и отряд был вынужден остановиться, пережидая шквал.

Переждав непогоду, отряд двинулся по Хендереиской гряде. Прямо в Сукковское ущелье отряду тихо пройти не удаётся, т.к. у входа стоял отряд горцев. Пришлось совершать обходной маневр, очень трудный для людей и артиллерии из-за крутых подъёмов и спусков, зарослей держидерева. В ущелье отряд вошёл уже утром, не замеченный горцами. Подполковник Орёл разбил отряд на несколько групп и поставил несколько задач. Главная — сжечь корабли, вытащенные на берег бухты. Для этого два отряда должны были скрытно обойти аул и не дать горцам возможности поднять шум и оказать помощь командам кораблей. Стрелки под командой подпоручика Толстого, 10 конных и 20 пеших казаков должны были занять окружавшие корабли высоты, захватить их или сжечь.

Первого сделать не удалось. С гор спустился отряд горцев, и началась перестрелка. Команда кочермы, стреляя, бросилась в горы. Удалось захватить двух матросов, один был убит. Было решено выстрелами и горючим веществом поджечь корабли, что и было сделано. На обратном пути отряд Толстого неоднократно вступал в перестрелку с горцами. За свои действия во время похода он был представлен к ордену Св. Анны 3 степени.

Единственная осуществившаяся протекция Е.А. Головина Толстому — это письмо от 16 августа 1838 г. к начальнику Черноморской береговой линии

Н.Н. Раевскому-младшему. Головин писал: «Отправляю к вам, дорогой Николай Николаевич, Меншова Толстого, поручая его вашему благосклонному и начальническому попечению. Употребите его в предстоящей вам еще высадке, если впоследствии на нее соизволение свыше. Ему надо выкарабкаться так, чтобы он мог располагать собою на просторе, не подвергаясь напоминаниям о давно прошедшем... Пожалуйста, поберегите моего Толстого и помогите ему выбраться на свежую воду» (Трёхбратов Б.А. 1997, с.473). Однако протекция относительная. Толстой должен был отправиться не в тыл, а в отряд Н.Н. Раевского, с боями строившего укрепления Черноморской береговой линии.

9 января 1839 г. Владимир Сергеевич был переведён в Навагинский пехотный полк. Вместе с полком он принимал участие во всех высадках десантов Н.Н. Раевского на Черноморское побережье. В августе 1839 г. Толстому присвоено воинское звание — поручик. Уже в этом звании в сентябре он принимал участие в строительстве Раевского укрепления.

В сентябре же судьба могла улыбнуться поручику. Откроем послужной список, хранящийся в Государственном архиве Краснодарского края: «...командовавший войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютант Граббе ходатайствовал о назначении поручика Толстого, как особенно отличающегося по службе и скромным поведением, в должность адъютанта к нему генерал-адъютанту Граббе; по всеподданнейшему докладу Государю Императору о таком ходатайстве, Его Величество не соизволил изъявить на сие соизволения» (ГАКК.Ф. 318. Оп.1. Д. 268. Л. 4 об.).

Продолжается служба в строю. 11 марта 1840 г. очередное перемещение Толстого. Он переведён в Кавказский линейный казачий полк, «с состоянием по кавалерии».

В 1842 г. — очередной поворот судьбы. 9 октября Владимир Сергеевич получает 4-месячный отпуск, а 17 января 1843 г. был уволен по болезни от службы. Свобо-

да!.. Но её не было. Император Николай I лично следил за перемещениями по службе своих бывших противников. Издевательством звучит разъяснение: «с дозволением жить где пожелает, исключая обеих столиц и г. Одессы». За ним продолжает осуществляться секретный надзор.

Всё средоточие культурной жизни в России осуществлялось в Москве и Санкт-Петербурге, кроме того, в них проживало большинство родственников Толстого. Он вынужден поселиться в имении сестры в Сычёмском уезде Смоленской губернии. Родственники хлопочут за него. Уже в феврале 1843 г. московская тётка Римская-Корсакова, урождённая княжна Долгорукова, обращается по инстанциям с просьбой разрешить Владимиру Сергеевичу приехать в Москву для встречи с ней, т.к. они не виделись более 17 лет. Но последовал высочайший отказ.

Родственники продолжают просить. В марте того же года они обращаются к, казалось бы, всесильному графу Бенкендорфу с просьбой о разрешении приехать на время в Москву для встреч с родственниками и затем переехать для службы в г. Одессу, где климат схож с кавказским. «На сие ответствовано графу Бенкендорфу, что как Государь Император, двукратно не изволил изъявить Монаршего соизволения на дозволение поручику Толстому жить в Одессе и приехать в Москву на свидание с родственниками; то за силою Высочайшего повеления, объявленного в приказе по военному ведомству, 14 июля № 87-й, невозможно войти с новым докладом Его Величеству». (ГАКК.Ф. 318. Оп. 1. Д. 268. Л. 5 — 5 об.).

Два года в деревне. После деятельности — бездействие. Остаётся одно — возвращаться в армию, на Кавказ. 8 мая 1845 г. ему разрешено вернуться на военную службу, на Кубань, в Кавказское линейное войско.

Для возвращение в строй требовалось высочайшее соизволение, а для него — формулярный список военной службы. Главнокомандующему Отдельным Кавказским

корпусом было послано уведомление о возвращении в строй поручика В.С. Толстого за подписью военного министра А.И. Чернышёва с приложением этого списка. Как было отмечено выше, его копия хранится в Государственном архиве Краснодарского края. И в списке есть фраза, проливающая свет на то, к какому обществу принадлежал В.С. Толстой: «...состоя прапорщиком в Московском пехотном полку, был членом Северного общества с 1824 г.» (ГАКК. Ф. 318. Оп.1. Д. 268. Л. 4).

Отношение к нему в Петербурге постепенно меняется в лучшую сторону. 12 октября 1845 г. Владимир Сергеевич был освобождён от секретного надзора. Но походы, сражения продолжаются ещё четыре года.

10 января 1849 г. в чине есаула он освобождается от воинской службы. Кстати сказать, чин есаула в казачьих частях соответствовал ротмистру в кавалерии и капитану в пехоте. Но что делать дальше? Высочайший запрет продолжает действовать. Остаётся два выхода: безделье в деревне или гражданская служба на Кавказе. Толстой выбирает второй путь, переезжает в Тифлис и становится чиновником Тифлисской губернской дорожной комиссии. В 1851 г. Кавказский наместник князь М.С. Воронцов назначает его чиновником по особым поручениям. Видимо, суть его службы — разведка и контрразведка. Армейские офицеры отрицательно относились к этой службе. С такой оценкой разведки мы встречаемся в воспоминаниях Г.В. Филиппсона. Ему не нравится разведчик — штаб-капитан Г.В. Новицкий. Он так же уничижительно пишет о Толстом: «...сделался шпионом, сыщиком, доносчиком и всем, что нравилось его патрону, он был посылаем секретно в разные места, переодевался, посещал кабаки и харчевни, где собирал сведения и где не раз был оскорбляем телесно». К огромному сожалению, подобные характеристики Филиппсона служивших с ним лиц становятся основой характеристик современных историков вопреки документальным материалам.

Ещё будучи на военной службе, в 1844 г., Толстой заканчивает работу «О Кавказе». В ней Владимир Сергеевич рассматривает военную политику России в этом регионе. Он критикует деятельность военной и гражданской администраций, выдвигает ряд предложений об укреплении гарнизонов и крепостей, о борьбе с болезнями на Кавказе, об оборудовании морских портов, об обеспечении войск продовольствием. В тех условиях подобный труд не имел шансов увидеть свет. К сожалению, и в наше время эта работа не опубликована.

В 1855 г. М.С. Воронцов на своём посту был заменён М.М. Муравёвым-Карским. Он также принадлежал к ранним декабристским организациям, но положения в обществе из-за этого не потерял. При новом наместнике Толстому пришлось служить мало. 25 августа 1856 г. была объявлена амнистия всем декабристам. Толстой уходит в отставку, селится в полученном им по наследству от тётки, княгини Елены Васильевны Хованской, имении Баранова Подольского уезда Московской губернии.

С 1864-го по 1884 г. в исторических журналах появилось несколько сочинений В.С. Толстого. Наиболее известным его произведением является сочинение «Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать», над которым он работает с 1881 г. и вплоть до смерти, последовавшей в 1888 г.

На этом произведении лежит печать не востребоваемости талантов автора обществом, определенная обида на людей, бывших в декабристских организациях, но не понесших никакого наказания со стороны государства. Более того, они успешно продолжили свою карьеру, достигли высот, которых мог бы вполне достичь автор, если бы не его участие в известных событиях.

Реалии Российской армии были таковы, что большинство высших должностей в тот период было занято лицами с «немецкими» фамилиями. Это также накладывало отпечаток негативной субъективности на некоторые характеристики, которые давал своим современникам В.С. Толстой.

27 февраля 1888 г. он скончался и был похоронен в с. Переделец.

С 1832-го по 1839 г. включительно Владимир Сергеевич Толстой нёс службу в крепости Анапа и окрестных закубанских укреплениях. Можно точно говорить о пребывании Толстого в Анапе, Джеметейском укреплении, станице Николаевской (ныне Анапской), его участии в строительстве Раевского укрепления. И, возможно, исследователей жизни и деятельности В.С. Толстого ждут новые открытия в фондах Государственного архива Краснодарского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полностью документ опубликован: Хмара Е.В., 2011, с.48–51.
2. Имеется в виду р. Абин (*от ред.*).

ЛИТЕРАТУРА

- Декабристы...*, 1988 — Декабристы. Биографический справочник / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. — М., 1988.
- Ильин П.В.*, 2004. Новое о декабристах. Прощённые, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. — СПб.
- Нечкина М.В.*, 1955. Движение декабристов: В 2 т. — М.
- Серова М.И., Трёхбратов Б.А.*, 2008. «Своей судьбой гордимся мы». — Краснодар.
- Трёхбратов Б.А.*, 1997. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года. — Краснодар.
- Филипсон Г.И.*, 1883. Воспоминания // Русский архив. — № 6.
- Хмара Е.В.*, 2011. Новое о Владимире Сергеевиче Толстом // «Фелицынские чтения» (XIII). Памяти Василия Петровича Бардадыма. Материалы межрегиональной научной конференции (Краснодар, 23 ноября 2011). — Краснодар.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ ПОКОРЕНИЯ ЗАКУБАНСКИХ ГОРЦЕВ И СОЗДАНИЕ ГЕЛЕНДЖИКСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНИИ В 30–40-е ГГ. XIX ВЕКА

Заключение в 1829 г. Адрианопольского мирного договора по окончании русско-турецкой кампании стало переломным моментом в ходе войны на Северо-Западном Кавказе. Внешнеполитические обстоятельства (изменение статуса Закубанья) и складывание благоприятной ситуации на Северо-Востоке (наступление в начале 1830-х гг. относительного спокойствия в Чечне и Дагестане) позволили почти на десятилетие обратить основные усилия на Северо-Западный Кавказ, который в 30-х гг. XIX в. становится основным театром Кавказской войны (Фадеев Р.А., 2003, с.123).

Все это потребовало разработки новой стратегии покорения горцев. Первые несколько лет после 1829 г. изобилуют проектами, в которых различные лица, нередко слабо знакомые с кавказскими реалиями, излагали свои предложения по данному вопросу. Но основная роль принадлежит ряду документов, авторами которых являлись виднейшие военные деятели Кавказа того времени, и первые шаги в этом направлении были сделаны задолго до Адрианопольского мира. Так, в 1828 г. А.А. Вельяминов, находившийся тогда еще в чине генерал-майора, представил меморию, в которой предложил занимать казачьими станицами все удобные пастбища горцев, а также предполагал вытеснение непокорных горцев за Лабу, но при этом в Закубанье не предусматривалось создания линии крепостей, а лишь хорошо укрепленных станиц (Н.Ш., 1883, с.67, 68).

Успешное окончание русско-турецкой войны и формальное присоединение Закубанья к России заставили всерьез заняться разработкой стратегии покорения черкесских племен. При этом стоит отметить, что в среде русского военного командования на Кавказе, а тем более в Петербурге, царило

непонимание истинного положения вещей и серьезности стоящей задачи. Так, в своем донесении от 8 мая 1830 г. фельдмаршал И.Ф. Паскевич в ответ на высочайшее повеление провести покорение горцев в течение лета приводит доводы о невозможности этого в силу изменившихся обстоятельств. Хотя проект блистательной кампании по подчинению черкесов в максимально короткие сроки принадлежал перу самого Паскевича и был заключительным актом общего плана одновременного и окончательного покорения Кавказа (Томкеев В., 1898, с.199).

Далее же фельдмаршал предлагал два новых плана. Первый — пройти горы во всех направлениях с несколькими сильными отрядами, но при этом главнокомандующий отмечал бесплодность подобных предприятий против горцев. Второй план предусматривал постепенное занятие выгоднейших мест укреплениями и создание надежных коммуникаций, причем определенно указывалось на значительную длительность реализации подобного проекта. В заключение фельдмаршал предлагал применять оба эти плана, в зависимости от ситуации (Н.Ш., 1883, с.16–18).

Таким образом, мы видим, что происходит постепенное изменение взглядов на стратегию войны в Закубанье в первую очередь среди командования на Кавказе, которое имело возможность непосредственно на месте оценивать реальную обстановку. Хорошим примером иллюзий, царивших в Петербурге, по поводу быстрого подчинения горцев Северо-Западного Кавказа, является деятельность Особого Комитета по устройству Закубанского края, созданного при Министерстве иностранных дел. В «Положении», изданном Комитетом в марте 1830 г., предлагалось разделить Закубанье на административные округа и

установить окружное управление, в состав которого входили бы и русские чиновники. Отметим также, что Комитетом в целях предотвращения сношений горцев с турками было предложено учредить крейсерство вдоль восточного берега, проложить береговое сообщение и занять основные места на Черноморском побережье, в числе коих был отмечен и Геленджик (АКАК, 1878, с.887).

Планирование серьезных действий за Кубанью затрудняла полная топографическая неизученность края, скудные сведения о местности добывались лишь в ходе военных экспедиций. Масштабных же предприятий подобного рода до 1829–1830 гг. практически не было по причине формальной принадлежности Закубанья Турции. С целью исправления ситуации весной 1830 г. поручик Г. Новицкий секретно обследовал склоны Кавказского хребта от Анапы до истоков Кубани. Несмотря на неоднозначную трактовку результатов этого предприятия даже современниками Новицкого, ему удалось в общих чертах обозреть 5 перевалов, через которые шли пути с северного склона хребта к берегу моря (Новицкий Г.В., 1878).

Важнейшим результатом этой экспедиции был проект Новицкого по покорению горцев, основными положениями которого стали прокладка операционных дорог и укрепленных линий от Кубани через хребет к Черному морю, движение этими линиями с запада на восток по крупным рекам — притокам Кубани, а также заселение пройденной территории станицами и очищение ее от горцев. Таким образом, проект содержал идеи, которые в 1834 г. были положены в основу плана окончательного покорения горцев. Автор предлагал организовать постепенно, одну за другой, три линии: по Абинку к Геленджику, по Афипсу и Убину до р. Чуэпсин и по р. Псекупсу до устья Джубги. Также им был осмотрен путь к Суджукской бухте по рекам Мескага и Цемес (Новицкий Г.В., 1871).

Верность топографических данных, полученных Новицким, и стратегическое

значение обозначенных им линий и пунктов на побережье подтвердило время. Так, впоследствии коммуникационная линия была проложена от форта Раевский к Новороссийску по р. Мескага и Цемес, недалеко от Чуэпсина были основаны укрепления Новотроицкое и Михайловское, а устье р. Джубги (важный торговый пункт горцев с турками) рассматривалось как место для одного из укреплений Черноморской береговой линии (ГАКК. Ф.260, Оп.1, Д.62. Лл. 29–30 об.). Здесь следует отметить, что фактически предложения поручика предусматривали неизбежное занятие побережья Черного моря, так как один из флангов предполагаемых операционных линий завершался укрепленным пунктом возле устья крупных рек на берегу.

1830 г. ознаменовался еще одним важным событием — масштабной экспедицией Паскевича в Закубанье. Следует учитывать, что, несмотря на появление новых данных по топографии черкесских земель и проектов по изменению стратегии покорения горцев, официально все действия в этом направлении продолжали зиждиться на принципах, утвержденных еще в период минувшей русско-турецкой войны, когда подчинение адыгских племен представлялось делом нескольких месяцев. Согласно плану экспедиции, представленному генералом Емануелем 26 декабря 1829 г., в 1830 г. предполагалось провести значительные действия против шапсугов, а также устроить два укрепления: одно на р. Белой, при урочище Длинный лес, с целью покорения абадзехов, а другое — недалеко от впадения Шеша в Афипс, для действий против шапсугов и натухайцев (Томкеев В., 1898, с.197).

Стоит отметить, что пункты, предложенные к занятию, стратегически были выбраны довольно удачно. Так, урочище Длинный лес, расположенное в 70 верстах от Усть-Лабинска, находилось на самой границе абадзехов и темиргоевцев, недалеко от урочища Майкоп, которое неоднократно упоминалось в различных военно-топографических обзорах Закубанья, в

частности, у самого Паскевича, как крайне выгодное в военном отношении (Короленко П., 2004, с.319). В ходе летней экспедиции 1830 г. со стороны Кубанской линии были заложены два укрепленных пункта, дополнивших линию ранее созданных там укреплений. Ключевая точка этой линии — Длиннолесское связывалось с Усть-Лабинском посредством коммуникационной линии из Псинафского и Гиагинского укреплений протяженностью 70 верст и, кроме того, с Прочноокопским и Баталпашинским участками Кубанской линии посредством Каладжинского, Георгиевского, Вознесенского и Эрсаконского укреплений. Хотя последний вариант был наименее жизнеспособным ввиду своей значительной протяженности и направленности поперек течения крупных рек — притоков Кубани. Кроме того, эти четыре укрепления со стороны Кубанской линии были созданы еще в 1820-х гг. почти наугад, без связи между собой и кордонной линией (Н.Ш., 1883, с.137).

Отрядом, действовавшим в Черномории под командованием генерал-майора А.Д. Безкровного, в ходе экспедиции также были заложены несколько укреплений: Алексеевское мостовое, Георгие-Афипское и Ивано-Шебское. Как известно, они не сыграли заметной роли в ходе дальнейших военных действий. Бессмысленными их считал и А.А. Вельяминов (Н.Ш., 1883, с.98, 99). Тем не менее они были возведены в стратегически важных местах, и с точки зрения необходимости занятия важнейших пунктов, где сосредотачивалось хозяйство горцев, эти укрепления были необходимы. Шебское располагалось при урочище Сатрук — границе абадзехских и шапсугских племен, Афипское — в узле закубанских долог, существовавших с давних времен.

Основание отрядом Безкровного этих трех укрепленных пунктов было вполне логичным, если учесть, что в 1830 г. предполагалось устроить укрепленную линию от р. Белой до крепости Анапа (Томкеев В., 1898, с.197). Таким образом, на ее левом фланге замыкающим становилось бы

Длиннолесское укрепление, а своеобразными промежуточными пунктами — Шебское и Афипское, а вся линия так или иначе привязывалась бы к важнейшей в то время закубанской коммуникации — «анапской дороге», пролегавшей по наиболее удобным местам предгорных равнин и нередко использовавшейся экспедиционными отрядами. Отметим также, что уже в 1830 г. предпринимались попытки сообщения Псинафского укрепления с Афипским по территории Закубанья (Томкеев В., 1898, с.213).

Но этим планам не суждено было сбыться. По словам самого Г.В. Новицкого, в ходе экспедиции 1830 г. Паскевич окончательно удостоверился в неверности выбранной стратегии покорения горцев, отказался от идеи войны за короткий срок и принял положения представленного им проекта по организации нового операционного базиса — не вдоль предгорий, как это предполагалось в ходе экспедиции, а поперек — от Кубани к берегу моря (Новицкий Г.В., 1878; Матвеев О.В. «Горский Ганнибал»).

Уже в ноябре 1830 г. в своем отношении в Морской штаб Его Императорского Величества Паскевич предлагает весной будущего года занять «соединяющую в себе весьма значительные выгоды по многим отношениям» Геленджикскую бухту, которая обладала удобным рейдом и находилась вблизи горских народов, что выгодно отличало ее от Анапы. Помимо устройства укрепления в Геленджике корпусный командир предложил связать его военной линией с Кубанью через земли шапсугов. При этом особо отмечалось, что длина коммуникации будет весьма незначительной и составит не более 75 верст. Отметим, что само береговое укрепление должно было стать мощным опорным пунктом на побережье и местом базирования небольших плоскодонных судов, в задачи которых входило бы крейсирование вдоль берега до Редут-кале (Кавказский сборник, 1912, с.91). Таким образом, в данном документе действительно нашли отражение предложения Новицкого по созданию операционного базиса по Аби-

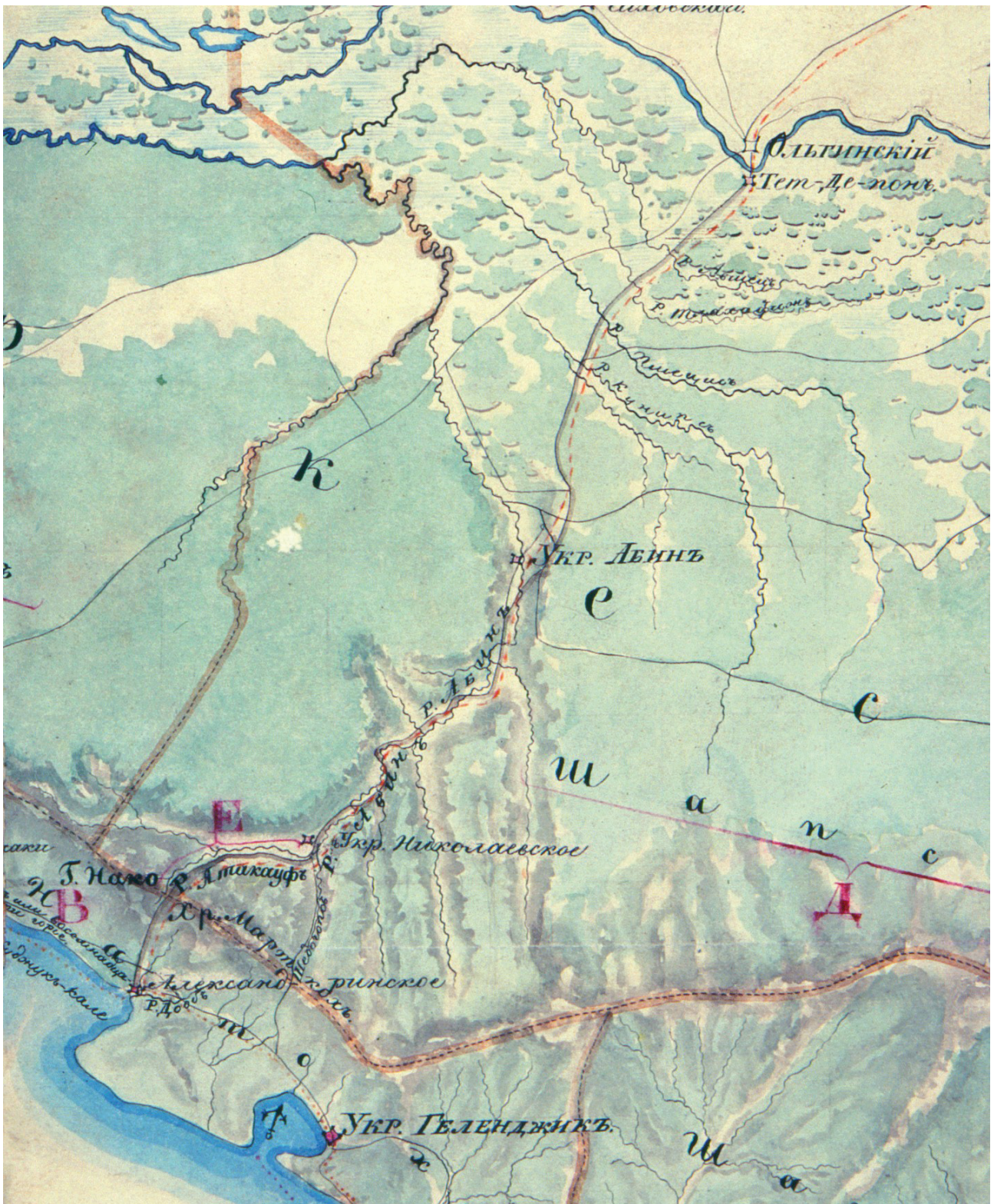

Рис. 1. Фрагмент объяснительной карты к предположениям о действиях на правом фланге Кавказской линии в будущем, 1837 году

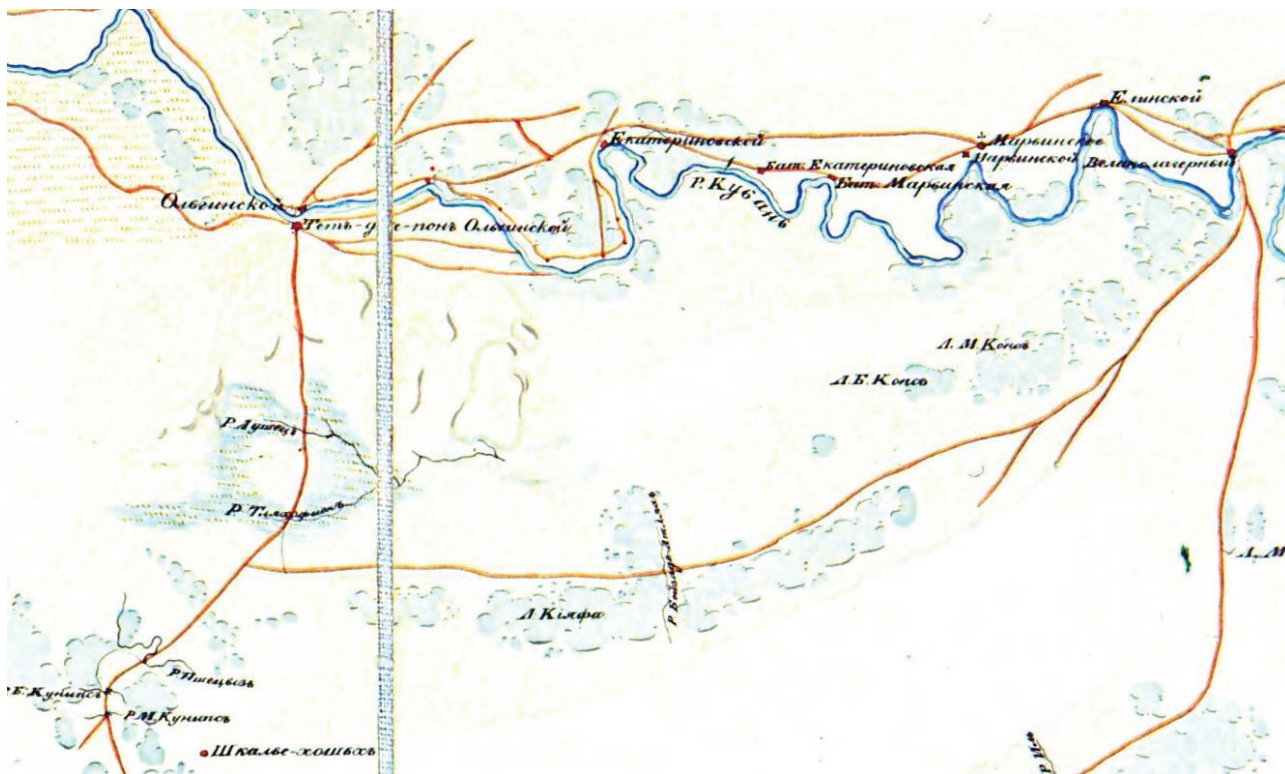

Рис. 2. Фрагмент карты следования войск действующего отряда за рекой Кубанью в 1834, 1835 и 1836 годах

ну к Геленджику. Необходимость же крейсерования военных судов вдоль восточного побережья Черного моря отмечалась еще в «Положении по устройству Закубанского края», однако немаловажен тот факт, что Паскевичем было приведено описание судов для патрулирования, схожее с характеристиками азовских лодок.

Несмотря на то, что создание кордонной линии предполагалось начать уже в 1831 г., ни количество укреплений, ни точное место их расположения известны не были, что свидетельствует о крайне поверхностном представлении о топографии закубанских территорий, которые предстояло занять. Так, в документах начала 1831 г. фигурируют шесть укрепленных пунктов, предположенных к устройству в составе коммуникационной линии между Кубанью и Геленджикской бухтой. Пять из них должны были вмещать по 500 человек, а одно — 1000 человек гарнизона, причем их возведение, по замыслу Паскевича, необходимо было завершить в течение двух лет. А само место для тет-де-пона на левом берегу Кубани, против Ольгинского редута,

было выбрано только в апреле 1831 г. в ходе рекогносцировки, проведенной капитаном Новицким (Кавказский сборник, 1912, с.94, 95). В том же году отрядом генерала Берхмана была заложена крепость в Геленджикской бухте (ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.310. Л.265).

В немалой степени благодаря отказу от ранее существовавшего плана покорения, а также явной нехватке сил для содержания закубанских укреплений и значительной смертности в них от болезней, в 1831–1833 гг., большая их часть была упразднена. Остались укрепления Алексеевское, что объясняется его значением как переправочного пункта через Кубань у Екатеринодара, а также Афипское, совершенно утратившее свое значение, особенно после уничтожения Шебшского, но продолжавшее оттягивать силы из Черномории (Филипсон Г.И., 1883, № 5).

Сам Новицкий по непонятным, на первый взгляд, причинам негативно отнесся к оставлению закубанских укреплений. Объяснить это можно тем, что в проекте последнего все же предусматривалось создание

укрепленной линии от Афиписа к побережью, а также тем, что сдача наших позиций в Закубанье могла негативным образом отразиться на настроениях горцев. Последнее, вероятно, является отчасти причиной того, что Георгие-Афипское укрепление просуществовало почти до конца Крымской войны (Новицкий Г.В., 1878).

В 1831 г. Паскевич был отозван для усмирения восстания в Польше, а на Кавказ пришли другие военачальники, с иными взглядами на покорение горцев. Корпусным командиром был назначен барон Г.В. Розен, а командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории — генерал А.А. Вельяминов. Несмотря на это, бывший главнокомандующий на Кавказе И.Ф. Паскевич продолжал оказывать существенное влияние на ход кавказских дел. Так, в июне 1831 г. он в письме министру иностранных дел К.В. Нессельроде изложил свои замечания на «Положение» Комитета 1830 г. В отличие от достаточно миролюбивых мер, содержащихся в упомянутом «Положении», Паскевич считал ключом покорения Кавказа одну военную силу. Причем стратегия войны должна строиться не на временных экспедициях, а на постоянном занятии русскими войсками важных пунктов. Отметим, что в числе этих самых пунктов князь называл урочище Каладж на Лабе (где располагалось уничтоженное укрепление), урочище Майкоп, равнины на Шебше, окрестности Анапы и Геленджика. При устроенных в тех местах укреплениях он полагал организовать военные поселения. Паскевич не считал нужным отменять карательные экспедиции и только после успешного проведения всех военных мероприятий планировал преобразование гражданского и административного характера покоренных горских обществ (Короленко П., 2004, с.319, 320).

В этой записке Паскевич изложил лишь самые общие моменты. Идея занимать стратегические пункты в Закубанье также была не нова, но он предложил совместить создание настоящих укреплений с военным поселением — казачьими стани-

цами, чего, например, не было в мемории Вельяминова 1828 г. Из записки князя не следовало какой-либо определенной логики создания укрепленных линий за Кубанью и связи этих крепостей между собой.

Подобные меры наступательного характера вовсе не разделялись новым военным руководством на Кавказе. Например, Розен в письме военному министру графу А.И. Чернышеву отмечал, что, атакуя горцев сразу в нескольких пунктах, мы не добьемся результата и только распылим и без того небольшие силы. Поэтому сначала он предлагал привести Кавказскую линию в прочное оборонительное положение, а также требовал подкрепления сил Кавказского корпуса (Короленко П., 2004, с.321).

В 1832 г. появился целый ряд важных документов, в которых развивались дальнейшие планы по подчинению Кавказа. Примечательна записка инженер-подполковника Бюрно под названием «Кавказская оборонительная линия». Автор записки критиковал положение на Северо-Западном Кавказе, находя, что кордонная линия занимает чисто оборонительное положение, а войска наши сильно раздроблены в слабых земляных укреплениях, ее составляющих. Видя возможность покорения горцев в наступательной стратегии, он предложил перенести укрепления за Кубань, но с целью не допустить распыления сил, занять тремя крепостями важнейшие пункты, а всю территорию Закубанья разделить соответственно на три операционные зоны. Этими узловыми точками Бюрно считал ущелья Урупа, Белой и Геленджик. Отметим, что зоной ответственности Геленджикской крепости стало бы пространство на запад от Афиписа (Н.Ш., 1883, с.52, 53). Центральные точки предполагалось занять каменными башнями, а для их связи устроить цепь промежуточных фортов. Таким образом, предложения Бюрно, в сути своей утопичные, отчасти были схожи с планом Емануеля на экспедицию 1830 г. по устройству линии от Длинного леса до Анапы.

Записка Бюрно вызвала бурную реакцию со стороны кавказских военачальников.

Так, Паскевич, в письме военному министру от 27 июля, делает крайне интересные замечания, свидетельствующие о кардинальном изменении его взглядов на стратегию Кавказской войны. Фельдмаршал, в отличие от предыдущего периода, развил идеи оборонительной войны. В своем письме он раскритиковал наступательную стратегию Бюрно, вынос в Закубанье укрепленной линии. При этом Паскевич справедливо отметил, что создание укреплений за Кубанью обязательно должно подкрепляться существованием сильной кордонной линии в тылу с постоянными резервами. Невозможность же наступательных мероприятий в 1832 г. автор записки видел в слабости кордонной линии, главные причины которой крылись в распыленности сил, раздробленности отдельных воинских подразделений и несистематичности расположения войск по линии. При этом автор записки считал необходимым учитывать сезонный характер набегов горцев в различных частях Кубанской и Черноморской кордонных линий. Отметим, что одной из мер по приведению Кавказской линии в прочное оборонительное положение фельдмаршал считал создание подвижных резервов и расположение их в стратегических пунктах кордонной линии в число которых на Кубани входили Екатеринодарская и Усть-Лабинская крепости (Н.Ш., 1883, с. 23).

Паскевич крайне неопределенно высказался и о дальнейших наступательных действиях после усиления обороны Кавказской линии, которое, по его замыслу, должно было продлиться 2–3 года. В ряду этих мер он предложил создавать военные поселения при Суджук-кале, Геленджике и Анапе, увеличить народонаселение Кавказской области, а в том же 1832 г. продолжить создание коммуникационной линии Ольгинский — Геленджик, что несколько противоречило его оборонительным планам, изложенным выше (Короленко П., 2004, с.325, 326).

В ответ на проекты Бюрно и Паскевича в 1832 г. А.А. Вельяминов подготовил две «записки», в которых подробно и обстоя-

тельно разбирал предложения указанных авторов. Целесообразно выделить лишь основные положения, содержащиеся в этих документах.

Несмотря на значительный объем и обстоятельность упомянутых «записок», они не дают четкого представления о стратегии ведения войны, которой придерживался сам автор, и мерах по ее осуществлению. Это можно объяснить тем, что «записки» построены как ответ на проекты Паскевича и Бюрно. В целом Вельяминов не разделял оборонительных взглядов Паскевича, хотя и признавал тот факт, что создание новых укреплений за Кубанью потребует увеличения числа войск. Он также считал нереальными предложения Бюрно, так как нескольких укреплений с малочисленными гарнизонами для покорения черкесских племен было явно недостаточно, но полагал, что при условии увеличения числа самих укреплений и гарнизонов, в них расположенных, подобная укрепленная линия могла бы быть полезной. Вельяминов считал абсолютно нецелесообразным занимать некие стратегические точки на самой кордонной линии по Кубани подвижными резервами, так как подобных мест для прорыва горцев там было очень много. По его мнению, лучше было бы вынести укрепленную линию к Кавказскому хребту, где значительно проще перекрыть главные выходы с гор на равнину, вынудив тем самым горцев, оставшихся в тылу, покориться. Закрытием выходов горцам на плоскость он хотел лишить их также возможности вести хозяйство на плодородных долинах. Таким образом, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории явно придерживался мысли о том, что главная укрепленная линия в Закубанье должна проходить параллельно горам, что объясняет и его негативное отношение к планам переноса линий по притокам Кубани, в частности, к строительству Геленджикской линии. Последнюю он вообще считал полезной только для торговли, да и то в отдаленном будущем. Но при этом Вельяминов являлся сторонником создания укреплен-

ной линии по Лабе, что нашло отражение еще в его мемории 1828 г., и не исключал возможности включения сохранившихся после 1830–1831 гг. закубанских укреплений в ее состав. В заключение автор, хорошо зная надежды Петербурга на быструю и легкую кампанию по подчинению горцев, еще раз выразил мысль, что лучший способ этого добиться — уничтожить посеы горцев, склоняя их к покорности с помощью голода (Короленко П., 2004, с.327–329).

Накопление значительного количества проектов и мнений относительно покорения черкесских племен потребовало их систематизации для выработки окончательного плана. В 1833 г. Розен поручил Вельяминову представить мнение об окончательном покорении горцев (Короленко П., 2004, с.330).

В своей записке от 20 мая командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории еще раз подтвердил положения мемории 1828 г., дополнив их некоторыми предложениями Паскевича и основными идеями «Положения об устройстве Закубанского края». Так, основным орудием покорения Вельяминов по-прежнему видел голод, для чего следовало систематически сильными отрядами истреблять посеы горцев. Также предполагалось занимать плодородные равнины казачьими станицами, а выходы из горных ущелий — укреплениями. Для предотвращения же получения помощи со стороны Турции Вельяминов считал необходимым занять устья рек на побережье Черного моря или же устроить крейсерство у его берегов. Отметим, что Геленджикскую линию он охарактеризовал как «способствующую покорению шапсугов и натухайцев» (Н.Ш., 1883, с.149), что, на наш взгляд, является скорее не выражением мнения автора, а своеобразным реверансом Паскевичу, предложения которого Вельяминов подвергал критике.

Итак, финальная записка А.А. Вельяминова, хоть и содержит сжатые, конкретизированные предложения к окончательному покорению Кавказа, тем не менее оставляет много неясного. Не совсем по-

нятна схема предлагаемых им укрепленных линий в Закубанье. Из записок следует, что он полагал протянуть ее вдоль Кавказского хребта, отрезав все выходы с гор, но указываемые в мемории 1828 г. точки для занятия располагаются только близ Лабы и Белой. Далее, в записке 1833 г. Вельяминов ясно указал на необходимость основания линии по Лабе, но при этом не был сторонником создания Геленджикской линии и, судя по всему, вообще идеи продвижения по притокам Кубани, так как это сулило долгую, лет на 30, войну. Тем не менее несомненной его заслугой является обстоятельная разработка проекта по поселению казачьих станиц в Закубанье, главным образом на территории между Кубанью и Лабой, а также созданию укреплений на Лабе и их значении для безопасности Кубанской линии.

На основе всех представленных за 4 года предложений к апрелю 1834 г. был составлен Высочайше предначертанный план общего усмирения кавказских горских племен. Относительно Северо-Западного Кавказа он предусматривал создание нескольких укрепленных линий от Кубани к Черному морю и продвижение их на восток, причем покорение было предполагено начать с натухайцев проложением Геленджикской линии. Помимо этого план предполагал основание укреплений и военных поселений на побережье и, что важно, не предусматривал определенных сроков (АКАК, 1881, с.632). Таким образом, в основу этого заключительного документа легли предложения И.Ф. Паскевича, сформулированные им после экспедиции 1830 г. и разведки Г.В. Новицкого. На наш взгляд, план Паскевича, предложенный им еще до принятия оборонительной стратегии и предполагавший движение укрепленными линиями на восток по притокам Кубани, содержал достаточно четкую и ясную последовательность действий в Закубанье, что давало ему значительное преимущество в сравнении с вельяминовским.

Положения, содержащиеся в плане усмирения горских племен 1834 г., на долгие годы определили стратегию действий

русских войск на Северо-Западном Кавказе. Первые шаги по его реализации также не были отложены в долгий ящик. Так, в отношении военного министра графа Чернышева командующему Отдельным Кавказским корпусом барону Розену от 21 апреля, подробно излагается план действий на правом фланге в том же 1834 г. Первоочередной задачей стояло обеспечение сообщения между Ольгинским редутом и Геленджиком, а также устройство укреплений на данной коммуникации. Необходимо отметить, что Высочайше утвержденный документ хоть и рисовал достаточно стройную, логически правильную систему действий по приведению к покорности закубанских горских племен, однако имел тот же существенный недостаток, который присутствовал практически во всех выше рассмотренных «записках» и мемориях периода 1830–1834 гг., легших в его основу: умозрительность. Даже проекты, которые предлагались людьми, непосредственно воевавшими на Кавказе (не говоря уже о «кабинетных» столичных стратегах), опирались на слишком узкую информационную базу о характере местности театра военных действий (Закубанья и восточного побережья Черного моря), населении данных территорий. Сведения добывались только в ходе экспедиций (а до 1829 г. серьезные вторжения на территорию Закубанья были крайне редки, ввиду того что граница с Оттоманской Портой проходила по р. Кубани) или же по донесениям лазутчиков, что не может быть признано удовлетворительным источником для формулировки глобальных стратегических планов. Даже результаты разведывательных экспедиций Новицкого, которые, как уже упоминалось выше, оказали определяющее влияние на выработку окончательной стратегии покорения черкесских племен, вызывали у ряда кавказских военных деятелей того времени неоднозначную реакцию. Так, Г. Филипсон назвал путешествия Новицкого «бесполезным подвигом» (Филипсон Г.И. 1883, № 5). Таким образом, была создана теоретическая схема действий, а вот конкретные вопро-

сы, связанные с ее воплощением в жизнь, предполагалось, судя по всему, решать уже непосредственно на месте. Даже документы, в которых расписываются действия на отдельных этапах приведения Высочайше утвержденного плана в исполнение, страдают размытостью деталей. В рассматриваемом нами отношении, в котором корпусному командиру Г.В. Розену ставились задачи на 1834 г. по началу покорения закубанских горцев, предлагалось, что отряд по устройению Геленджикской линии выступит «по пути, который признан будет удобнейшим», не содержится сведений о месте расположения и количестве предполагаемых укреплений. В задачи отряда кроме устройства самой линии входили и действия против натухайцев, расселявшихся между создаваемой линией и морем. Кроме того, предусматривалось создание экспедиционного отряда, который бы прошел по восточному берегу от Гагр до Геленджика с целью разведки местности, а также начать подготовку к устройству еще одной коммуникационной линии от Усть-Лабинска, через Длинный лес и далее к морю через хребет. Хотя, как мы помним, Высочайше утвержденный план и не содержал конкретных сроков покорения горцев, предполагалось, что виктория будет весьма скорой. Так, в отношении Чернышева Розену уже на следующий, 1835 г. планировалось подготовить охотников для переселения на земли покорившихся натухайцев (Кавказский сборник, 1912, с.155–159). Таким образом, этот интересный документ, который определял круг действий на правом фланге Кавказской линии в 1834 г., свидетельствует о тех иллюзиях, которые питало военное командование как на Кавказе, так и в далеком Петербурге относительно времени и сил, необходимых для подчинения черкесских племен.

Исполнение Высочайше предначертанного плана усмирения закубанских горцев было возложено на командующего войсками Кавказской линии генерала Вельяминова. Однако он, как уже отмечалось выше, не предвидел от создания Геленджикской

линии сколь-либо значимых результатов (Короленко П., 2004, с.334). 26 июля 1834 г. войска, предназначенные для действия в отряде, собрались при Ольгинском редуте на левом берегу Кубани. В состав отряда вошли 5 батальонов, 3 роты пехоты, 2 роты саперов, 20 полевых и 6 конных орудий, казаки и милиция. В поход выступили 4 августа, и первые четыре дня путь пролегал через болотистые, труднопроходимые, низменные участки прикубанской равнины (Ракович, 1900, с.130). Питались эти болота целым рядом рек — Тляхофиж, Пшец, Кунипс, Аушец, которые, не доходя до Кубани, разливались по обширной, плоской, глинистой равнине, образуя сплошь поросшие камышом топи, протянувшиеся на многие километры. Пути через эти болота были немногочисленны, и то главным образом устраивались искусственно (Венюков М.И., 2004, с.199). «Устройство» подобных сообщений ярко иллюстрируют занятия отряда Вельяминова с 4 по 8 августа 1834 г.: войска заваливали топкие места хворостом, камышом, сверху клали фашины и засыпали щебнем, который приходилось подвозить от самой Кубани (Ракович, 1900, с.130). Отметим, что такие сооружения вряд ли можно считать полноценными дорогами, скорее, временными инженерными мерами для обеспечения продвижения войск. Кроме того, недолговечные завалы из фашин и щебня ежегодно уничтожались разливами воды, дождями, а также горцами, каждое же движение отрядов по данной коммуникации можно было считать отдельной операцией, которой требовалась в том числе и инженерная поддержка. Впоследствии во многом именно отсутствие надежного сухого пути предопределило нежизнеспособность Геленджикской кордонной линии. Так, в качестве примера приведем цитату из рапорта командира 11-го конного полка, датированного 14 марта 1836 г.: «...от Ольгинского тет-де-пона в версте нет воды, а отсель до самого Тляхофижа большое наводнение, так что на ровном месте лошади по брюхо, почему и не смог доехать до Кунипса, плотины же на Аушеце и Тляхофиже

не существует» (ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.410. Л.128).

С 22 августа действующий отряд приступил к устройству укрепления на реке Абин, которое должно было стать промежуточным пунктом на коммуникации Ольгинский — Геленджик и в то же время отрезать у шапсугов часть плодородной равнины, расположенной между хребтом и Кубанью. Отметим, что каждое движение войск между возводимым укреплением и кордонной линией, фуражировки сопровождалось беспрестанными стычками с горцами. Как уже отмечалось, именно первая часть устраиваемой военной дороги к побережью пролегла по болотистым местам и представляла наибольшие затруднения: на сообщении Ольгинское — Абин плотины через топи были проложены на расстоянии 10 верст (ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.476, Л.11). Работы по строительству первой очереди Абинского укрепления заняли почти два месяца и были завершены к 10 октября. Участие в работах приняли 900 саперов и 8 тысяч солдат. 10 октября отряд Вельяминова, оставив во вновь устроенном укреплении гарнизон в составе 1-го батальона Тенгинского пехотного полка и пешего полка Черноморского войска при 8 орудиях и 4 мортирах, выступил дальше в горы по ущелью реки, прокладывая дорогу к Геленджикку, куда прибыл 23-го числа. Пробыв в береговом укреплении 4 дня, действующий отряд вернулся в Черноморию 2 ноября (Акимченков Г.Ф., 2002, с.159; Ракович, 1900, с.134).

Действия на правом фланге Кавказской линии в 1834 г. получили высокую оценку Николая I. Однако, говоря об итогах экспедиции, необходимо коснуться одного важного вопроса, нашедшего отражение в ряде документов конца 1834 г. — начала 1835 г. Выше мы уже неоднократно упоминали, что генерал-лейтенант Вельяминов не являлся сторонником строительства Геленджикской кордонной линии, и причины этого были главным образом не в выборе конкретного направления на местности, а в совершенно иных взглядах на си-

стему устройства военных коммуникаций на территории Закубанья. В рапорте на имя командующего Отдельным Кавказским корпусом барона Розена, в октябре 1834 г. Вельяминов писал, что вновь устраиваемая линия не сможет даже служить основанием для дальнейших военных действий против шапсугов и натухайцев, как предполагалось Высочайше предначертанным планом усмирения закубанских горцев. Причины этого он видел в том, что коммуникация пролегает перпендикулярно Кубани и параллельно всем рекам, впадающим в нее с левой стороны. Вельяминов полагал, что если основная масса горского народонаселения занимает исключительно долины крупных рек — левобережных притоков Кубани, то войскам должно действовать вдоль этих долин, к тому же такая система передвижения отрядов была бы несравненно удобнее, нежели вынужденное поперечное пересечение горных склонов при проведении кордонной линии по самим долинам. В связи с этим он предлагал устроить ряд укреплений почти параллельно Кубани, отнять у горцев равнины, а наступательными действиями по долинам лишить их убежища в горах и заставить покориться. Напомним, что подобные планы (например, проложить линию от Длинного леса через Афипское укрепление до Анапы, т. е. параллельно Кубани и горам) рассматривались в начале 1830-х гг. Тем не менее командующий войсками на Кавказской линии считал Абин важным пунктом ввиду его расположения при входе в гористую часть земли шапсугов. Однако предлагал направить новую линию на Абин не из мостового Ольгинского укрепления, а от поста Великолагерного, расположенного в 17 верстах на запад от Екатеринодара (западная окраина современной станицы Елизаветинской). На протяжении данной линии, идущей параллельно горным склонам, Вельяминов полагал устроить укрепления на реках Иль, Азипс и Антхирь, которые служили бы в качестве складочных пунктов и база для наступательных действий в горах (ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.293, Л.3–4).

Еще в ходе экспедиции 1834 г. Вельяминов предпринял разведку местности от Абина до Великолагерного. Устроив лагерь на месте заложения укрепления на реке Абин, 11 августа он с небольшим отрядом выступил в направлении Кубани. Путь, который занял три дня, был крайне нелегким: все время приходилось устраивать спуски и подъемы через речки, исправлять дорогу для прохождения воловьего транспорта, а также противостоять ожесточенному сопротивлению горцев. Прибыв к Великолагерному посту вечером 14 августа, отряд вынужден был простоять 4 дня в ожидании подвоза провианта, и только 21-го числа колонна Вельяминова возвратилась к лагерю на Абине. Причем обратный путь оказался более тяжелым: от прошедшего дождя дорога испортилась настолько, что движение колесного транспорта стало практически невозможным. За время рекогносцировки отряд понес довольно ощутимые потери: убитыми — два офицера, двенадцать нижних чинов, ранеными — один офицер и сорок девять рядовых (Ракович, 1900, с.130, 131; Бестужев-Марлинский А.А., 1877, с.106).

Однако решение вопроса о выборе дороги от Кубани до Абина в 1834 г. было отложено, и, судя по всему, должного внимания данной проблеме не было уделено и в дальнейшем. Так, оценивая положительно результаты экспедиции Вельяминова, император предложил повременить с окончательным выбором направления к Абину. Несмотря на то что путь от Ольгинского был короче, чем от Великолагерного, по мнению Николая I, следовало дожидаться результатов рекогносцировки на местности, которая проводилась по предписанию корпусного командира барона Розена с целью выяснить, возможно ли миновать находящиеся по пути от Ольгинского обширные Тляхофижские и Аушецкие болота (Кавказский сборник, 1912, с.176). К сожалению, нам не известны подробности и результаты данной экспедиции, однако Розен в целом скептически смотрел на возможность устройства дороги от Великола-

герного поста, а предложения Вельяминова по данному вопросу, изложенные в рапорте от 4 октября, отклонил, так как разработка новой дороги замедлила бы покорение горцев в следующем, 1835 г. (ГАКК. Ф.260. Оп.1, Д.293. Л.3 об.). Уже в феврале 1835 г. император, ознакомившись с предложениями Розена по действиям в Закубанье в ходе предстоящей экспедиции, предписал оставить дорогу от Ольгинского в качестве основной ввиду ее безопасности и меньшего количества охранения, необходимого для сопровождения транспортов, идущих в Абинское укрепление. Со временем, когда покорение горцев будет успешно завершено, Николай полагал, что предпочтение будет отдано пути от Великолагерного, а пока предполагалось было использовать сообщение Великолагерный — Абинск как вспомогательное, временное, без производства значительных работ и инженерных сооружений (АКАК, 1881, с.750).

Однако проблема оставалась актуальной еще многие годы, даже когда Геленджикская линия утратила свое прежнее значение. Спустя годы сообщение Ольгинское — Абин продолжало доставлять массу неудобств военному командованию своей непостоянностью, становясь практически недоступным в зимнее и весеннее время, а также затратностью на поддержание различных инженерных сооружений на болотах. Так, в 1839 г. в рапорте на имя Наказного атамана Черноморского войска Н.С. Завадовского начальник штаба войск Кавказской линии и Черномории полковник А.С. Траскин упоминает, что можно обойти Аушецкие и Тляхофижские болота, если от Ольгинского тет-де-пона направить дорогу влево и, пройдя 8 верст до реки Аушед, построить через нее мост и укрепление для его прикрытия, а далее провести дорогу к рекам Кунипс и Абин. Отметим, что в документе по какой-то причине не указана крупная река Пшец (Пшециз), которую пришлось бы пересекать войскам при движении. Однако данный план был отклонен в силу значительности средств, необходимых для его претворения в жизнь, которых

бы хватило для исправления старой дороги на срок 10–15 лет, а также ввиду того, что закубанские укрепления были лишь временными и вскоре могли вовсе потерять свое значение из-за изменения военно-политической обстановки (ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.476. Л.43; Сорокин, 1844, с.5).

Главкомандующий действующей армией генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич, следивший за событиями на Кавказе, осенью 1834 г. представил императору записку, в которой изложил свои соображения о пользе создания Геленджикской линии и стратегии движения кордонными линиями на территории Закубанья в целом. Любопытно отметить некоторые из них. Так, по мнению Паскевича, несколько укреплений, предположенных к учреждению в составе линии, позволят в кратчайшие сроки покорить натухайцев, а Таманский округ вплоть до реки Протоки делается совершенно безопасным от нападения горцев. В связи с этим можно будет употребить силы Черноморского войска, охраняющие кордонную линию вдоль Кубани от Ольгинского редута до Бугаза на расстоянии 150 верст, для усиления Геленджикской линии, имевшей протяжение в 75 верст, и на равнинах у Анапы разместить переселенцев из Малороссии. Кроме того, подобных же выгод фельдмаршал ожидал и от учреждения еще нескольких коммуникаций: от Усть-Лабы, через Длинный лес к побережью, от Константиновского поста по рекам Псекупс и Шапсухо к побережью или по речке Джубге также до берега Черного моря. Основанием для таких предложений Паскевича служили сведения, добытые во время закубанских разведок Новицким. Протяженность этих дорог составила бы около 100 верст (Кавказский сборник, 1912, с.165, 166).

По результатам экспедиции 1834 г. возникли спорные моменты и касательно второй части пути — от Абина к Геленджику. Большая часть дороги на данном отрезке пролегла по ущелью реки Абин, однако пересечь хребет Маркхот и выйти к крепости на берегу моря можно было двумя путями: по ущелью реки Шадогос или же сделав

крюк — по ущелью Атакуафа и горе Нако. Император после ознакомления с журналами действий отряда Вельяминова отдал предпочтение второму варианту как более удобному для разработки дороги, несмотря на его значительное протяжение (Кавказский сборник, 1912, с.175).

В 1835 г. предполагалось продолжить устройство Геленджикской кордонной линии, а для ускорения окончательного усмирения горских племен, отрезанных линией, полагалось полезным учредить сухопутное сообщение по берегу от Анапы до Геленджика. Однако для устройства данного сообщения дополнительных сил не было, и согласно предписанию императора осуществляться оно должно было силами Отдельного Кавказского корпуса. Главное начальство над действующим отрядом вновь поручалось Вельяминову (АКАК, 1881, с. 750, 751). Основной задачей отряда было возведение нескольких промежуточных укреплений на коммуникации Абин — Геленджик — при устье Атакуафа (будущее Николаевское, в документах часто фигурирует под названием Нижне-Атакуафского) и при устье реки Нако у впадения в Атакуаф (Верхне-Атакуафское) (ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.293. Л.3 об.).

Согласно предложениям командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории предстоящую экспедицию целесообразно было разделить на две части: перевозку строительных материалов в Абинск, и строительство укрепления на Атакуафе. Кроме того, Розен предписал Вельяминову заняться также улучшением дороги от Ольгинского до Абина. Улучшение это должно было заключаться в уничтожении камыша на болотах вдоль дороги, прорытии каналов для спуска воды, а в самых низменных местах — устройстве гатей или фашинной кладки для возвышения дороги. Корпусный командир полагал, что лучше было бы устроить долговечные каменные мосты, но для этого требовались значительные средства, в то время как император повелел, чтобы дорога была устроена в качестве временного сообщения, без

серьезных затрат (АКАК, 1881, с.753, 754). Таким образом, несмотря на то что сообщение через болота было определено как основной путь до Абина, проводить серьезные инженерные работы по его обустройству никто не намеревался. Это, на наш взгляд, является во многом следствием тех самых иллюзий, царивших в среде высшего военного командования как на Кавказе, так и в Петербурге, о крайне быстром приведении в покорность закубанских горцев.

Экспедиция 1835 г. началась 14 июля выступлением от Ольгинского тет-де-пона к Абинскому укреплению и далее к устью Атакуафа, где 22 августа, в день коронации императора, заложили укрепление во имя св. Николая. Еще в июне войска, предназначенные для действия в отряде, стоявшие у Ольгинского укрепления, занимались запланированным обустройством дороги через болота. Почти ежедневно посылались рабочие команды от пеших казачьих полков под прикрытием двух-трех батальонов с орудиями. Перестрелок, однако, за время этих работ практически не было (Федоров М.Ф., 1879, с.13, 21).

Как уже отмечалось выше, между Абинским укреплением и Геленджиком предполагалось устроить два промежуточных пункта, но еще до начала экспедиции Вельяминов доносил, что вряд ли успеет заложить более одного укрепления. К тому же летом действия отряда усложнило разлитие воды за Кубанью, что заставило устраивать дополнительные плотины и переправы (АКАК, 1881, с.753, 755).

Уже летом 1835 г. началось планирование дальнейших действий по устройству Геленджикской кордонной линии в следующем году. В июле корпусный командир барон Розен в своем отношении военному министру графу Чернышеву подробно написал все предполагаемые мероприятия, необходимые для окончательного завершения создания коммуникации от Кубани до побережья. Так, важнейшей задачей, стоявшей перед действующим отрядом в 1836 г., должно было стать устройство промежуточного пункта кордонной линии на Черно-

морском побережье. Как уже отмечалось выше, после первой экспедиции Вельяминова в 1834 г. от Абина до Геленджика был выбран длинный, но наиболее удобный для разработки дороги через перевал путь по долине Атакуафа, выходящий к побережью в восточной части Суджукской бухты у устья реки Дооб. Именно на этом месте было предположено устроить укрепление. Вельяминов полагал, что оно будет выполнять двойную роль: коммуникационного пункта и стоянки для судов. Кроме того, в связи с тем, что между Николаевским укреплением (устроено в 1835 г.) и предположенным у Дооба расстояние было равно 18 верстам, необходимость еще в одном пункте на Геленджикской линии — Верхне-Атакуафском, пропадала. Однако, как полагал Розен, при надобности его можно будет заложить, но после построения укрепления на побережье, так как подвозка строительных материалов со стороны моря будет значительно удобнее (АКАК, 1881, с.851). Отметим, что еще одно укрепление на Атакуафе так создано и не было, ввиду отсутствия выгод от его основания, а также, судя по всему, недостатка времени и средств (ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.293. Л.3 об.).

В отношении Розена уделялось особое внимание необходимости занятия еще одного важного пункта на Черноморском побережье: на сообщении между Анапой и предположенным укреплением на Дообе. Рассматривалось два варианта его месторасположения: бывшее турецкое укрепление Суджук-кале, находившееся на середине западного берега Суджукской бухты, и северо-западнее при устье реки Цемес, у которого также имелись следы оборонительных сооружений, вероятно принадлежавших генуэзцам (Степко Л.А., 2013, с.152). Но так как путь, по которому возможно было осуществлять движение отрядов между Анапой и Геленджиком, пролегал вдоль хребта по северной части бухты, то предпочтение отдавалось именно Цемесу как месту возможного устройства укрепления, потому что Суджук отстоял от дороги на несколько верст, что, естественно, сводило

на нет его выгоды как коммуникационного пункта. Розен не уточнял, когда возможно будет создание данного укрепления, однако в задачи действующего отряда на 1836 г. предложил внести помимо устройства Дооба, и разработку дороги от последнего к Геленджику и к Суджук-кале (АКАК, 1881, с.850, 851).

Мы не будем подробно останавливаться на изложении событий, связанных с деятельностью отряда Вельяминова в Закубанье в 1836 г., отметим только ключевые этапы экспедиции. Начать действия предположено было довольно рано, уже к 14 апреля все войска собрались у Ольгинского тет-де-пона, однако выступление отряда задержалось почти на месяц, до 9 мая. Причиной стал сильный разлив рек, которые вместе с болотами составили сплошное море, а плотины и гати на сообщении Ольгинский — Абин более чем на аршин покрылись водой, что потребовало исправления дороги. По прибытии к Абинскому укреплению отряд разделился на две части: одна осталась для ремонта оборонительных сооружений и дороги к перевалу, другая, под личным началом генерал-лейтенанта Вельяминова, отправилась к Суджукской бухте для устройства нового пункта при Дообе (Ракович, 1900, с.146, 147). Укрепление, рассчитанное на гарнизон в одну комплектную роту, получившее название Александрийского, было заложено 17 июля «при церковном параде и молебствии», впоследствии переименовано в Кабардинское (Воронцовский «перипл»..., 1894, с.220). Отметим, что разбивкой форта и его дефилировкой занимался сам Вельяминов, однако это военное сооружение, как писал Г.И. Филипсон, получило крайне неудобную форму стрелы с наконечником и перьями (Филипсон Г.И., 1883, № 6).

13 сентября после окончания устройства укрепления отряд выступил к Ольгинскому, а 24-го числа вновь отправился в Закубанье в направлении Анапы для действий против натухайцев в соответствии с предписаниями Розена на 1836 г. приступить к решительным мерам против горских

племен, проживающих между Геленджикской линией и Черноморским побережьем (Федоров М.Ф., 1879, с.44; Щербина Ф.А., 1913, с.311).

По существу, с основанием Александрийского (Кабардинского) укрепления, создание Геленджикской кордонной линии было завершено. Однако за время ее недолгого существования 1837 г. стал, во-первых, одним из наиболее насыщенных событиями, а во-вторых, решающим для дальнейшей судьбы этой закубанской коммуникации, даже идея создания которой, как писал Г.И. Филипсон, была просто нелепой (Филипсон Г.И., 1991, с.99). Действительно, в течение трех лет — с 1834 г. по 1836 г., многотысячный действующий отряд генерал-лейтенанта Вельяминова с трудом прокладывал дорогу через болота, леса, горы, возводил укрепления в земле непокорных горцев, но ожидаемого результата — изоляции натухайцев от шапсугов и их скорого покорения — так и не наступало. Линия, которая планировалась как надежное и быстрое сообщение Черномории с побережьем длиной всего 75 верст, а также базис для наступательных действий, сама с трудом существовала: ежегодно приходилось затрачивать усилия для восстановления пути через болота, поправки фортификационных сооружений и проч. Сообщение укреплений с кордонной линией проходило только под прикрытием сильного отряда, и то, лишь для смены гарнизона и доставки продовольствия, а значительную часть года они и вовсе находилось в изоляции. В таких условиях основой для наступательных действий в земли натухайцев они также стать не могли, причем данный факт констатировался и военным министром в ноябре 1836 г. (АКАК, 1881, с.647). Служба в гарнизонах укреплений была крайне тяжелой. Так, например, Абинское считалось ссылочным местом, пребывание в котором являлось наказанием более суровым, чем арестантские роты (Акимченков Г.Ф., 2002, с.161).

Некое осознание ситуации начало проявляться и в Петербурге. Так, военный ми-

нистр граф А.И. Чернышев спустя несколько лет после рассматриваемых событий, в 1840 г., писал, что само учреждение Геленджикской линии и действия против натухайцев не могли иметь ожидаемых последствий. Причину этого он видел в наличии свободного сообщения непокорных горцев на Черноморском побережье с турецкими торговцами и иностранными эмиссарами, которые снабжали черкесов свинцом, порохом и поддерживали надежду на успех в войне с русскими. В связи с этим с 1837 г. дальнейшие предприятия в пределах Геленджикской линии были приостановлены и силы брошены на занятие восточного побережья Черного моря. С целью пресечения торговли предполагалось на протяжении от Гагр к Анапе овладеть наиболее значимыми пунктами, служащими пристанями и складочными местами для турецких купцов, учредить постоянное крейсерство вдоль берега мелкими судами (ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.11. Л.22 об. — 23 об.).

Так, описание предположенных действий на правом фланге Кавказской линии приводится в отношении графа Чернышева барону Розену от 10 января 1837 г. Действительно, дальнейшая разработка дороги по Геленджикской линии откладывалась, основной задачей действующего отряда становилось занятие укреплениями основных пунктов на побережье к югу от Геленджика, коими считались устья Пшады, Вулана и Джубги. При этом военный министр отмечал, что топографических сведений о восточном побережье крайне мало, в связи с чем Вельяминову предоставлялось право принимать решения о строительстве береговых укреплений непосредственно на месте, а помимо трех вышеперечисленных пунктов, как указывалось в документе, желательным было бы занятие еще одного, удобного для закладки укрепления, но несколько южнее. Важно отметить, что в начале активного создания цепи фортификационных береговых сооружений (составивших впоследствии Черноморскую береговую линию) немалую роль отводили Геленджикской коммуникации — войска

должны были следовать сухопутно от Ольгинского тет-де-пона к Геленджику и далее на юг. Перевозку же тяжестей к местам, где будут заложены укрепления, планировалось осуществлять на судах вольнонаемных, так как военные корабли ввиду отсутствия удобных бухт не могли подойти близко к берегу (АКАК, 1881, с.862, 863).

Интересно, что из документов конца 1836 г. — начала 1837 г. ясно следует, что устье реки Цемес в Суджукской бухте решительно предполагалось занять укреплением, однако ему отводилась роль центра по торговле с натухайцами и коммуникационного пункта на сообщении Геленджик — Анапа. Для этой же цели предусматривалось создание еще одного промежуточного пункта между Цемесом и Анапой. Однако ввиду их второстепенного характера данные мероприятия предполагалось отложить до лучших времен, а для наблюдения и охраны побережья от турецких торговцев на протяжении от Анапы до Геленджика полагалось достаточным Александрийского укрепления и учреждения во всех прибрежных пунктах брандвахты из двух судов (АКАК, 1881, с.762, 862). Таким образом, подчеркнем, что вплоть до 1838 г. основное военное значение среди береговых укреплений, уже существовавших и планируемых на правом фланге, отводилось Геленджику. Укрепление, заложенное там в 1831 г., находилось в центре коммуникаций: связывало побережье с Черноморией посредством Геленджикской кордонной линии, а бухта считалась на тот момент наиболее удобной для базирования судов. Так, в 1836 г. разведку бухты провел Вельяминов, по результатам которой представил на имя императора записку с проектом устройства там обширной крепости протяженностью около версты со строениями из сырцового кирпича, судоремонтной базой и рядом вспомогательных оборонительных редутов в окрестностях (ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.15. Л.5–5 об.).

Останавливаться на описании экспедиции Вельяминова 1837 г., по нашему мнению, в рамках данной статьи неуместно. Оно приведено в ряде опубликованных ис-

точников (Федоров М.Ф., 1879; Н.М., 1847. Т.80, 81; Гордин Я.А., 2000). Отметим лишь ключевые моменты действий отряда и подробнее рассмотрим результаты и, главное, последствия этого знаменитого похода, который, по сути, поставил точку в истории Геленджикской кордонной линии. От Ольгинского тет-де-пона отряд выступил 8 мая, 24-го числа прибыл в Геленджик. В ходе дальнейшей экспедиции отрядом Вельяминова были заложены два укрепления: 6 июня — Ново-Троицкое при устье реки Пшады, а в конце августа были закончены фортификационные работы в укреплении при устье Вулана, названном Михайловским (Федоров М.Ф., 1879, с.80, 92).

20 сентября во время смотра войск в Геленджике императором Николаем I, прибывшим на пароходе «Язон», вторая часть экспедиции, предусматривавшая действия против натухайцев, была отменена, и отряд вернулся в Черноморию (АКАК, 1881, с.862; Гордин Я.А., 2000, с.424).

Таким образом, главным содержанием экспедиции действующего отряда на правом фланге Кавказской линии в 1837 г. стало создание двух береговых укреплений, через два года вошедших в состав Черноморской береговой линии. Однако в связи с выводами, которые были сделаны военным командованием по итогам года, а также стечением обстоятельств 1837 г. можно назвать в некотором смысле переломным для хода боевых действий на Северо-Западном Кавказе в 30–40-х гг. XIX в. Как уже говорилось выше, именно в этом году после завершения создания коммуникации Ольгинское — Геленджик было решено бросить основные силы на занятие Черноморского побережья для пресечения торговли с горцами. Все планы по проведению ремонтных работ в укреплениях линии, исправлению дороги через болота на сообщении с Абином и, тем более, возможному устройению иных коммуникаций к побережью восточнее Геленджикской, были заморожены. Не оправдались надежды на то, что взятая за основу при составлении плана покорения 1834 г. стратегия движения кордонными

линиями, предложенная Паскевичем, позволит в сжатые сроки привести горцев к покорности, да и само воплощение идеи в жизнь оказалось отнюдь не быстрым и не легким. К тому же уже в ходе активных действий по подчинению закубанских горцев, за период первой половины 30-х гг., выявились колоссальные пробелы в области сведений о топографии театра военных действий, а данный факт в том же 1837 г. признавался уже в официальной документации (АКАК, 1881, с.862).

Сухопутный поход Вельяминова к югу от Геленджика показал и крайнюю сложность подобных предприятий: мешали пересеченная, незнакомая местность, а также противодействие горцев. Однако местность, пройденная вдоль побережья в 1837 г., была относительно известна благодаря разведкам Тауша и Люлье. На юг от реки Вулан, где заложено Михайловское укрепление, территория была абсолютно не изучена, а высота хребта становилась выше, что свидетельствовало о больших трудностях для проложения сухопутного сообщения, а тем более колесной дороги, необходимой для движения транспортов. В связи с этим дальнейшее устройство береговых укреплений было решено осуществлять исключительно с помощью морских десантов, без изнурительных сухопутных переходов. Однако Г.И. Филипсон в своих «Воспоминаниях» довольно скептически отнесся к подобному решению, полагая, что дорога все же существовала, просто требовалась дополнительная разведка местности (Филипсон Г.И., 1883, № 6). Но с этим сложно согласиться, так как единственным сухопутным путем на побережье тогда являлась Геленджикская коммуникация, сложная для перемещения сама по себе, далее же на юг от Геленджика Вельяминов вообще не разрабатывал дороги в 1837 г., а ограничивался мерами, необходимыми только для обеспечения перехода его отряда. Те же прямые пути к побережью от Екатеринодара длиной 100–120 верст, о которых вспоминает Филипсон, были известны исключительно со слов Новицкого, чьи

экспедиции сам Григорий Иванович назвал «бесполезным подвигом» (Филипсон Г.И., 1883, № 5), о чем выше уже нами говорилось.

Таким образом, назревавшее понимание недееспособности Геленджикской кордонной линии, а также коррективы в стратегии и тактике покорения закубанских горцев были объективным следствием периода разработки планов по приведению горцев к покорности, устройству первой значительной закубанской коммуникации, а также, в частности, экспедиции 1837 г. Однако нельзя не отметить и роль человеческого фактора, ощутимо сказавшегося на дальнейшем ходе войны с черкесскими племенами. Так, в 1837–1838 гг. на Кавказе произошли заметные изменения в среде высшего военного командования, появился ряд новых лиц, имевших свои взгляды на сложившееся положение вещей. Уже осенью 1837 г. на должность командующего 1-м отделением Черноморской прибрежной линии был назначен генерал-лейтенант Н.Н. Раевский-младший, с чьим именем тесно связаны создание Черноморской береговой линии (с 1839 г. назначен ее командующим), а также множество проектов, касающихся не только военных вопросов, но и мирных сношений с горцами. В следующем, 1838 г. скончался командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, создатель и в то же время противник Геленджикской линии А.А. Вельяминов, на место которого был назначен опытный военный, участник наполеоновских войн и русско-турецкой 1828–1829 гг., генерал-лейтенант П.Х. Граббе, а барона Г.В. Розена на посту командующего Отдельным Кавказским корпусом сменил генерал-адъютант Е.А. Головин.

Непосредственно на судьбу первой закубанской кордонной линии решающее влияние оказал Раевский. Именно он в 1838 г. представил Николаю I проект, в котором доказывал неудобство Геленджикской бухты, сложность сухопутных коммуникаций в ее окрестностях, а также бессмысленность перестройки временного военного лагеря, который просуществовал практически

без изменений с 1831 г., но стал называться крепостью. Командующий 1-й частью прибрежной линии провел также сравнение Геленджикской и Суджукской бухт и пришел к заключению, что первая имеет второстепенное значение, в то время как Суджук наиболее выгоден в военном и торговом отношениях, чему в немалой степени способствовало и наличие хороших путей сообщения (ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.15. Лл.9–12 об.). Уже 20 августа 1838 г. проект Раевского получил Высочайшее утверждение, и в том же году действующий отряд занял устье Цемеса (ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.17. Л.15 об.).

Таким образом, с основанием Новороссийской крепости, ставшей важным военным и торговым пунктом, Геленджик как береговое укрепление утратил свое прежнее значение, но просуществовал в неизменном виде еще длительное время. Кроме того, Раевский был инициатором идеи создания новой коммуникации Кубани с побережьем — Новороссийской кордонной линии, которая должна была протянуться от Андреевского поста до нового опорного военного пункта: крепости при реке Цемес и представляла, по мнению командующего, значительные выгоды в сравнении с Геленджикской. Однако складывалась странная ситуация — укрепления, устраивавшиеся Вельяминовым в Закубанье, по сути, утратили какое-либо значение, однако продолжали существовать, оттягивая силы и средства на свое содержание. Уже в начале 1840 г. Раевский писал: в каком состоянии находится дорога из Абинского в Кабардинское укрепление неизвестно, так как по ней никто не ходит (ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.160. Л.2). Целостный вид Геленджикская линия сохраняла недолго: в том же 1840 г. под ударами горцев пало Николаевское укрепление на Атакуафе и более не восстанавливалось (Васильев Е., 1874, с.15). Таким образом, оставалось крупное Абинское укрепление, которое без цели существовало в центре Закубанского края и оттягивало из Черномории 2 пеших полка (ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.293. Л.4 об.).

Раевский, являвшийся ярким противником сообщения Черномории с побережьем от Ольгинского к Геленджику и указывавший на основную причину ошибочных действий по его созданию — незнание топографии края, все же предлагал видоизменить идею Геленджикской линии. В 1839 г. в своей записке о необходимости сохранения Абинского укрепления он вспомнил о планах Вельяминова по проложению пути к этой крепости от Великолагерного поста, в обход Тляхофижских и Аushedских болот. Раевский же развил идею и предложил протянуть данную коммуникацию вдоль предгорий до Новороссийска. Таким образом, Абинское укрепление находилось бы на половине пути между Екатеринодаром и крепостью на берегу моря, а также вошло бы в систему новых закубанских коммуникаций (ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.56. Лл.12–13).

В том же 1839 г. планировалось предпринять шаги по налаживанию сообщения Абинского укрепления с Черноморией от Андреевского поста и Вареникову пристань уже к весне следующего года. Данный вопрос фигурирует в документах, датированных сентябрем, т. е. незадолго до отправления осеннего транспорта в Абин, причем предполагалось, что это будет последний раз, когда снабжение крепости пройдет по Ольгинской коммуникации, в связи с чем в прочном исправлении дороги через болота не было необходимости (ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.476. Л.2 об., 8).

Как известно, многие проекты Н.Н. Раевского так и остались проектами, не сойдя со страниц официальной переписки. Так же случилось и с большинством его планов по созданию сети закубанских коммуникаций. Отметим, что во многом они отличались такой же наивностью и незнанием местности, как и теоретические построения по покорению горцев первой половины 30-х гг. Вопрос о дальнейшей судьбе останца Геленджикской линии — Абинского укрепления вновь встал в 1842 г. В рапорте генерал-майора Анрепа, сменившего Раевского на посту командующего Черноморской бе-

реговой линией, звучит знакомая уже нам риторика об окончательном покорении натухайцев в будущем году. Основанием для движения войск должны были стать пункты Новороссийской линии — на Гастогае и Варениковская пристань. В случае успешного распространения действий предполагалось создать временные укрепления в среднем течении рек Псебепс и Кудако, а для прочного покорения натухайцев необходимо было продолжить действия до реки Атакума (Адагума) и далее к Илю и Супу (Супсу). В этом случае, по мнению Анрепа, Абинское укрепление представляло значительные выгоды: препятствовало сообщению шапсугов и натухайцев и становилось важным опорным пунктом для отрядов войск. Упразднение же крепости кроме очевидных выгод могло принести и нежелательные последствия: уход войск и срытие валов произвели бы на горцев неблагоприятное впечатление, дав основания полагать, что данная акция основана на трусости (ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.293. Лл.4–5 об.).

В заключение отметим, что в дальнейшем вопрос судьбы пунктов, некогда составлявших Геленджикскую линию, более не поднимался. К середине 40-х гг. XIX в. началось постепенное замораживание всех проектов по активным наступательным действиям на территории Закубанья. По большому счету, надобность в глобальных планах по созданию новых кордонных линий, возведению укреплений пропала. Десятилетие, прошедшее с начала воплощения в жизнь Высочайше предначертанного плана покорения горских народов, отчетливо показало полную нежизнеспособность большинства из них. Накопленный опыт ведения войны с горцами, расширение знаний о топографии местности свидетельствовали о том, что привести к покорности горские племена в сжатые сроки с использованием выбранной стратегии имевшимися на тот момент силами и средствами было невозможно. Что касается первой части бывшей Геленджикской кордонной линии, то сообщение через Аушедские и Тляхофизские болота продолжало, к примеру, и

в 1849 г. доставлять все те же неудобства, что и генерал-лейтенанту Вельяминову (ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.1077. Лл.5–5 об.).

«Дорога» от Ольгинского тет-де-пона до Абина продолжала функционировать вплоть до 1854 г., когда в ходе Крымской кампании гарнизон Абинского укрепления был выведен, а фортификационные сооружения уничтожены. В следующем, 1855 г. та же участь постигла укрепления Черноморской береговой линии, за ненадобностью был упразднен и Ольгинский тет-де-пон (Энциклопедический ..., 1997, с.7; Васильев Е., 1874, с.26).

ЛИТЕРАТУРА

- Акимченков Г.Ф., 2002.* Геленджикская кордонная линия: к истории Абинского укрепления // Историко-археологический альманах. — Армавир, М.
- АКАК, 1878* — Акты Кавказской Археологической комиссии, 1878. Т. VII. — Тифлис.
- АКАК, 1881* — Акты Кавказской Археологической комиссии, 1881. Т. VIII. — Тифлис.
- Бестужев-Марлинский А.А., 1877.* К истории покорения Кавказа. Письмо из отряда, действующего за Кубанью // Русский архив. Т. III. — № 9. — М.
- Васильев Е., 1874.* Черноморская береговая линия. 1834–1855 гг. // Военный сборник. 1874. — № 9. — СПб.
- Венюков М.И., 2004.* Несколько данных для описания Северо-Западного Кавказа на западе от реки Белой // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX — начале XX века. — Нальчик.
- Воронцовский «перипл», 1894* — Воронцовский «перипл» Черного моря, 1894 // Русский архив. Т. II. — № 6 — М.
- Гордин Я.А., 2000.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. — СПб.
- Кавказский сборник, 1912* — Кавказский сборник, 1912. Т. XXXII. Ч. II. — Тифлис.
- Короленко П., 2004.* Закубанский край // Ландшафт, этнографические и истори-

- ческие процессы на Северном Кавказе в XIX — начале XX века. — Нальчик.
- Матвеев О.В., 01.09.10* — «Горский Ганнибал». Памяти Алексея Александровича Вельяминова. <http://www.slavakubani.ru>. [по сост. 01.09.10].
- Н.М., 1847.* Воспоминания о Кавказе // Библиотека для чтения. Т. 80, 81. — СПб.
- Н.Ш., 1883.* Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис.
- Новицкий Г.В., 1878.* Биографический очерк. 1800–1877 // Русская старина. № 6. СПб. <http://www.vostlit.info> [по сост. на 09.08.10].
- Новицкий Г.В., 1871.* Воспоминания воспитанника первого выпуска из артиллерийского училища // Военный сборник. Т.77. № 2. СПб. <http://www.vostlit.info> [по сост. на 09.08.10].
- Ракович, 1900.* Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. — Тифлис.
- Сорокин, 1844.* Руководство к расположению и построению временных укреплений на Кавказе. — СПб.
- Степко Л.А., 2013.* Генуэзские фактории XIII–XV вв. Поиски утраченного облика // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 8. — Новороссийск.
- Томкеев В., 1898.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Т. XIX. — Тифлис.
- Фадеев Р.А., 2003.* Кавказская война. — М.
- Федоров М.Ф., 1879.* Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Т. III. — Тифлис.
- Филипсон Г.И., 1883.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. № 5. М. <http://www.vostlit.info> [по сост. на 09.08.10].
- Филипсон Г.И., 1883.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. № 6. М. <http://www.vostlit.info> [по сост. на 09.08.10].
- Филипсон Г.И., 1991.* Кавказская война. — Ставрополь.
- Щербина Ф.А., 1913.* История Кубанского казачьего войска. Т. II. — Екатеринодар.
- Энциклопедический ..., 1997* — Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до 1917 года, 1997. — Краснодар.

Д.С. ДУДАРЕВ

ЖЕНЩИНА-КАЗАЧКА В ГОРСКОЙ НЕВОЛЕ: О ВОСПРИЯТИИ ИНОМИРА «КАВКАЗСКОЙ ПЛЕННИЦЕЙ»

Историческое взаимодействие русских и горцев имело разнообразные формы репрезентации. Это были дипломатические контакты, включая посольства в Москву и Петербург, принесение присяг лично и целыми аулами или обществами, аманатство, торговые отношения, обучение в российских учебных заведениях: военных и гражданских, и т.п. Одновременно имели место периоды вооруженных столкновений, как кратковременных, так и продолжительных, включая т.н. Кавказскую войну. Примечательно, что даже в случае силового противостояния обе стороны продолжали узнавать друг друга все ближе. Вот что пишет по этому поводу видный российский кавказовед, директор центра кавказских исследований при МГИМО (У) МИД России (г. Москва), доктор исторических наук, профессор В. В. Дегоев: «Русская колонизация Северного Кавказа осуществлялась в ходе Кавказской войны, которая... как ни парадоксально, снимала напряжение в отношениях между противоборствующими сторонами, развязывая сложные социально-политические узлы, упрощала запутанные ситуации. В этом смысле Кавказская война была больше, чем война (выделено нами. — **Авт.**). Бесспорная заслуга русских и иностранных авторов состоит в понимании того, что ее многоплановое содержание нельзя сводить только к вооруженным столкновениям... Даже в разгар Кавказской войны, на самых напряженных ее участках всегда находилось место для компромиссных настроений, джентльменских договоров, мирного общения между людьми. Сама жизнь с ее стихийным прагматизмом как бы восставала против идеи вечной вражды, раскрывая ее преходящий характер... Шел процесс взаимопознания, взаимовлияния и взаимотяготения народов, ослаблявший вражду и недоверие, способствовавший мирным тенденциям, общей стабилизации обстановки» (Дегоев В.В., 2003, с.228, 229).

Одной из своеобразных форм взаимодействия народов во время «Кавказской войны», позволявшей лучше узнавать друг друга, был плен. Разумеется, такое знакомство было, мягко говоря, экстремальным, поскольку пленным с обеих сторон приходилось переживать тяжелые испытания и страдания. Однако российский и горский социумы, находившиеся на пути интеграции, были, в силу временного нахождения ряда автохтонных обществ на пути противоборства с Россией, далеко недостаточно знакомы друг с другом, и пребывание в плену на протяжении ряда десятилетий было единственным шансом ближе узнать партнера по диалогу «изнутри». Тема «кавказских пленников» эпохи военных действий на Кавказе в первой половине — середине XIX в. постоянно находится в центре внимания историков. При этом интерес вызывают как те пленные и перебежчики, которые находились у горцев (офицеры и солдаты, казаки, простые обыватели) (Головлев А.А., 1990, с.38–42; Дударев С.Л., 1990, с.42–45; Дударев С.Л., 1994, с.13–15; Дударев С.Л., 2007, с.61–63; Сборник ... С.Л. Дударева, 2011, с.387–391; Судьбы ..., 1998; Нечитайлов М.В., 2005, с.179–183; Лапин В.В., 2008; В плену у горцев, 2011; Великая Н.Н., 2013, с.84–91), так и горцы, а также горянки, находившиеся в руках российских войск (Озова Ф.И., 2013, с.60–66). Сама тема «кавказских пленников» берет истоки в творчестве классиков отечественной литературы (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой) (Каганович С.Л., 2009). Таким образом, уже накоплен немалый пласт литературы, который требует своего осмысления. Одновременно хотелось бы подчеркнуть, что предметом внимания как наших великих поэтов и писателей, так и ученых-кавказоведов являются чаще всего пленные мужчины. Тем не менее сделаны уже первые шаги по выявлению особенностей женского взгляда на кавказские события первой половины XIX в., в частности, Фредерики Фрей-

ганг, которая описывала перипетии плена некоторых российских офицеров (Тахо-Годи М.А., 2001; Соснина Е.Л., 2007, с.199–209). Но голос самих «кавказских пленниц» звучит пока еще весьма робко. Им в «актив» можно записать, пожалуй, лишь мемуары госпожи Дрансе, гувернантки княжон Чавчавадзе, взятой в плен вместе со своими воспитанницами во время знаменитого набега Шамиля на Кахетию в 1854 г. (Дегоев В.В., 2001, с.216). На этом скромном фоне совсем не слышен голос простых крестьянок и казачек, которых регулярно уводили в плен горцы во время многочисленных набегов на Линию (Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А., 2011).

Счастливым исключением служат лишь воспоминания казачки Соломонида Капитоновны Гончаренко, записанные и опубликованные Е. Аничковым-Платоновым более ста лет назад и переизданные недавно (Аничков-Платонов Е., 2011, с.25–47; Аничков-Платонов, Интернет). Воспоминания С. Гончаренко интересны тем, что они, судя по всему, хорошо «отрефлексированы» через призму времени, поскольку записаны тогда, когда Соломонида была пожилым человеком (соседи, зная ее историю, звали женщину просто «пленная бабка», хотя плен та пережила в молодости). К тому же, если в начале пребывания в плену героиня Аничкова-Платонова не знала адыгского языка, то впоследствии, освоив его на бытовом уровне, припомнила ряд, по ее словам, разговоров, которые велись горцами в ее присутствии с момента пленения. Данное обстоятельство говорит о хорошей, цепкой памяти пленной казачки, что повышает акции достоверности ее свидетельств. Наша уверенность в этом проистекает и из манеры их подачи С. Гончаренко. Она нигде не говорит: «Как я слышала от того-то», «как мне рассказывал (рассказывали) такой-то (такие-то)» и т.п., донося до того, кто фиксировал ее воспоминания, только то, что видела сама.

С. Гончаренко, судя по ее же рассказам, была взята в плен «почти в один год, как брали Шамиля, и «воли» еще не было», т.е. в самом конце 1850-х гг. (1858-1859?),

хотя издатель ее воспоминаний датирует их почему-то 1860-ми годами. Похитители были одной из многочисленных мелких партий горцев, пресечь действия которых практически не было никакой возможности, поскольку они благодаря прекрасному знанию местности очень умело просачивались сквозь малейшие «прорехи» в системе российских постов, кордонов, караулов и т.п. Случилось это, по словам женщины, между станицами Титаровской (во времена пленения С. Гончаренко она уже называлась Старотитаровская) и Астагайской (Гостагаевской?) (гидроним Остыгъай по-адыгейски означает буквально «пихта») (Википедия, Интернет). Группа из трех человек, которых С. Гончаренко называет «кабардинцами» (дальнейшее знакомство с текстом записей воспоминаний показывает, что для женщины этот термин является синонимом горцев вообще), причем один из них был как будто беглым русским солдатом, не сумев захватить отца и брата тогда совсем еще молодой девушки (при этом отца предполагалось, как немолодого человека, убить, как менее ценного пленника; подобную практику фиксируют и иные мемуары пленных россиян), увезла пленницу в один из аулов восточнее места захвата.

Любители добычи двигались с пленницей весьма осторожно и в одном из случаев сочли за благо переждать рубку леса кем-то из горцев, так как боялись, «чтобы не доказали на них». Эта немаловажная деталь указывает на то, что в момент событий члены хищнической партии относились к той группе местного населения, которая хотя и занималась разбойным промыслом, но была в досягаемости российских властей. Пленница вопреки ее ожиданиям не была подвергнута насилию (хотя такие случаи имели место) (Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А., 2011, с.102) и с предосторожностями на случай побега (на шею ее была одета веревка) через полтора дня оказалась доставлена по месту назначения.

Примечательно, что пленница старается вникнуть в причины, по которым ее соплеменник и один из похитителей подался

к горцам, и дает им по-своему верные, хотя и наивные оценки («тогда в войсках служили по 25 лет, служба была трудная, и многие убегали из войск к кабардинцам в горы. Легче, им казалось, повиноваться кабардинцам, чем служить»; дезертиры «делали у кабарды (имя нарицательное в лексиконе пленницы. — *Авт.*) все, что заставляли: одни работали у хозяев дома, другие, как дураки, разбойничали вместе с хозяевами»).

Соломонида проявляет внимательность к деталям горского быта, обращая внимание как на внешний вид горских саклей (небеленых в отличие от малороссийских хат, как на родине пленницы, без стекол в окнах), так и на их своеобразный внутренний интерьер (например, отсутствие стола, стульев, лавок, кроватей), а также предметы обстановки (сундуки и т.п.). Особо отмечается, что для мужчин и женщин были отдельные сакли. Описание С. Гончаренко следует признать достоверным, так как оно в главном совпадает с иными описаниями, а также зарисовками Спенсера, Лонгворта, Ланкенау и др. (Едыдж Б., 2009, с.32, рис.39, 40; с.35, рис.47; с.39, рис.52, 53; Хлудова Л.Н., 2014, с.94, 192, рис.71, 72 и др.). Она внимательна и к предоставленной ей пище, поскольку молодой девушке часто хотелось есть, подчеркивая непривычность местных блюд вроде кислого молока с кукурузной мукой. Пленницу поразило отсутствие хлеба (на это путешественники, посещавшие Черкесию, указывали еще в XVI–XVII вв.) (Ктиторова О.В., 2012, с.22). Еда, которую давали два раза в день (а не три, как привыкла пленная казачка), выступает для Соломониды едва ли не самым наглядным средством инаковости и враждебности среды, в которую она попала («Господи, вот до какой пищи я дожила; небось так-то собак у нас кормят!»). Впрочем, пища постепенно стала немного лучше («но не дюже хорошая»): кукурузная каша (мамалыга), традиционная «паста», козий сыр и, о чем нельзя не сказать специально, продукт, именуемый пленницей «балык». Однако это не копченая рыба, как принято думать обычно, а ветчина, т.е. свинина (!), копченая в трубе сакли. Таким образом, хозяева

С. Гончаренко не были ревнителями «халляльной» пищи, что лишней раз указывает на недавнее мусульманское исповедание адыгов Кубани, ранее уже подчеркивавшееся исследователями, отмечавшими «синкретизм» верований местного населения (Н.Н. Великая, 2009, с.90–92 и др.), и прослеженное еще иностранцами и российскими авторами XVI — первой трети XIX в. (Эмиддио Дортелли д'Асколи, Джованни Лукка, Ксаверио Главани, Г.Ю. Клапрот, Г.Белл, Ф.Ф.Торнау и др.) (Ктиторова О.В., 2012, с.20–116; Торнау Ф.Ф., 2000, с.171; и др.).

Впрочем, это вовсе не означает, что семья, в которую попала Соломонида, пренебрегала исламом. Девушку неоднократно пытались обратить в мусульманство, запуская тем, что в противном случае она будет подобна бегавшей по двору собаке. Но она продолжала тайком исповедовать христианство.

Привезенную девушку быстро обобрали (как было принято в отношении русских пленных вообще), сняв и нательный крест, ставший игрушкой для детей (что вызвало сожаление пленницы; впрочем, в пользу горцев можно отнести то, что крест хотя бы не был подвергнут нарочитому и демонстративному надругательству), а также серьги, и деньги, спрятанные в поясе. Соломониде дали умыться и переодели в рубаху вместо одежды, изорванной по пути. Впрочем, регулярной гигиены у пленницы не было, и она быстро «обзавелась» многочисленными вшами. На ночь дверь в помещении, где спала пленница, блокировали клиньями или заколачивали, чтобы предотвратить попытки побега.

Немалый интерес представляет факт отождествления местными жителями противостоявшего им мира России, именуемого «Урусъ», с памятниками христианства (кавказского). Когда пленницу наконец повезли на продажу к новым хозяевам, для чего сшили девушке тесноватый кафтанчик (для придания, надо понимать, «товарного вида»), то объявили, что она едет «в Урусъ». Но отправились совсем в другую от России сторону. Доставив Соломону в местность на «реке

Зеленчуцкой»¹, всадники провезли девушку мимо архитектурных сооружений, описанных ею как «три маленькие (греческие) церковки с узенькими оконцами». Они, как выяснилось позднее, когда Соломонида уже была на свободе и путешествовала по местам, связанным с ее пребыванием в плену, находились в районе Нового Афона. Спутники девушки заявили ей: «Это твой Урусъ». Она стала, тем самым, хотя и неосознанно, одним из крайне немногих представителей славянского населения, видевших указанные памятники до прочного российского освоения территорий Восточного Причерноморья. После этой «экскурсии» Соломонида была продана в не известном ей ауле новым хозяевам. Это событие стало для девушки потрясением («меня, христианку, русскую, продали, как товар или вещь какую-нибудь. Вот до чего я дожила, никогда не зная, что христиан продавать можно...»). Пленнице, свободной казачке по рождению, было невдомек, что в России в это время все еще было немало христиан, которыми владели, продавали и т.п., считая это совершенно обычным делом.

Попав в другие руки, Соломонида стала холопкой и была принуждена выполнять нелегкую работу: молоть кукурузу на жерновах, а также помогать в доставке воды «для мытья и питья». Поскольку она не пыталась бежать, то пользовалась относительной свободой и могла проводить время в уединении в горах, где тайком молилась. Несмотря на тоску по дому и родным, девушка не утратила интереса к окружающей обстановке и продолжала наблюдать за бытом семьи новых хозяев и аула. Так, С. Гончаренко отмечает, что «у них работают все мужчины». Сам этот факт, вероятно, указывает, на то, что среди местных горцев не было дворян. Черкесские дворяне, как свидетельствует такой высококомпетентный «кавказский пленник», как Ф.Ф. Торнау, проводили время в набегах либо в безделии (Торнау Ф.Ф., 2000, с.218). Деталью, которая хорошо характеризует обычай гостеприимства у черкесов, является свидетельство Соломониды о том, что они «ездыт везде без харчей, а угощаются всегда по аулам, как в какой заедут».

При этом пища была несоленой. Но, видимо, это было не принятое правило, а зримое свидетельство того, что на завершающем этапе «Кавказской войны» на Северо-Западном Кавказе меновые дворы, откуда ранее шла соль, уже не действовали, а турецкая контрабанда блокировалась российскими войсками. Примечательной деталью повседневного быта является то, что аульчане не меняли белья, но мылись на ночь подогретой водой. Для пленницы держали отдельную посуду и запрещали пользоваться общим ковшом, и в этом можно видеть не только предубеждение против христианки, но и проявление общего пласта представлений, свойственных для сельского населения, в том числе христианского, и отражающих негативное отношение к «другому».

В самом конце своих злоключений С. Гончаренко была продана во второй раз за 700 рублей. Сын покупателя пытался еще по пути в свой аул, находившийся в окрестностях крепости Туапсе, овладеть пленницей, и только прохожий-адыг случайно помешал этому. Сестры молодого человека, узнав впоследствии от Соломониды об откровенных намерениях брата, выразили насмешливо-презрительное отношение к ним, поскольку тот «хотел опоганиться, связаться с русской девкой».

Она попала в большую семью, где кроме родителей было двое женатых сыновей, имевших по две жены, и две незамужние дочери. Эти последние вновь пытались склонить Соломониду к принятию ислама, но безрезультатно. При этом выясняется любопытная деталь. Совершали намаз только люди пожилого возраста, причем три раза вместо пяти, молодые же не молились никогда. Это еще одна черта реального «бытового ислама» у адыгов в середине XIX в., далекого от соблюдения строгих канонов.

Любопытно замечание пленницы о том, что дочери хозяев «были много более работающие, чем в первых аулах, и, видимо, были побогаче тех», изготавливая «сапоги, чизмы (теплые валенки), шапки, седла, и ткали или плели золотой шнур». Соломонида не изменяет достоверности в своих воспоминаниях,

отмечая характерные детали быта, например, свадьбы с присущими для них стрельбой и джигитовкой, доброту местных жителей по отношению к детям. Эта последняя черта является весьма примечательной по сей день. Один современный автор с трогательной теплотой пишет: «Вообще быть адыгейским ребёнком — одно удовольствие» (Юсупова Ж.А., 2014, с.175). Внимательна и точна С. Гончаренко и к мусульманскому ритуалу похорон, имея возможность наблюдать его после смерти одного из аульчан. Она последовательно описывает детали действия: подготовку покойного (омовение, пеленание и т.п.), молитву («стали молиться, разводя руками и обмахивая себе лицо»), обряд погребения («вырыли могилу ... с пещеркой в яме и там похоронили его полусидя-полулежа»). Все эти манипуляции осуществляли мужчины, причем, как известно, только они у мусульман занимаются непосредственно погребением тела на кладбище, без присутствия женщин, тем более иноверных. Значит, и в таком важном компоненте мусульманских ритуалов, как погребальный, местные жители, как мы полагаем, совершали показательные отступления, позволяя пленнице (и, видимо, женщинам вообще) наблюдать за помещением покойного в могилу. Описываемый Соломонидой случай вновь характеризует отсутствие жестких канонов в отпращивании исламских практик в адыгской среде в то время. Меню Соломониды на последнем этапе ее пребывания в плену изменилось в лучшую сторону: ее стали кормить копченой кониной, а иногда и буйволятиной. Девушка пользовалась полной свободой. Пастух из беглых солдат провоцировал ее и другого пленника, Ивана, закованного в кандалы, к бегству, но невольники не поддались на уговоры человека, который не внушал им доверия.

Вскоре в судьбе пленной казачки произошел благоприятный поворот: к аулу, в котором она находилась, вплотную приблизились российские войска. Его жители, в том числе и хозяйка девушки, покинули свое место жительства, забрав ее с собой. Но перебежчики из горцев донесли о том,

что среди жителей аула есть русская пленница. Хозяйка скрыли ее от пришедших солдат, но те забрали в Туапсе в качестве заложника главу семьи, и тогда Соломониду поневоле обменяли на ее бывшего владельца, снова объявив при этом, что девушка поедет «в Урусъ» (как видим, это понятие было для горцев наименованием не страны или конкретного места, но нарицательным названием, сродни соломонидовской «кабарде»).

Подводя итоги трехлетней эпопеи С. Гончаренко, следует сказать, что ее наблюдения при всей их бесхитростности и отсутствии в них в большинстве случаев указаний на принципиально новые черты культуры и быта адыгов или не известные ранее черты взаимодействия их с русскими имеют определенную ценность. Они отражают не «ученое», а народное восприятие иного мира, отличаясь непосредственностью, отсутствием заданностей и штампов, которые, например, могли бы исходить а priori из церковного отношения к «нехристям» (и это само по себе дает пищу для размышлений о роли православия в восприятии реалий кавказского мира пленными, и не только, россиянами).

Воспоминания пленницы казачки позволяют вполне отчетливо указать на то, что отношение к находившимся в неволе женщинам было более щадящим, чем к пленным мужчинам. Последние нередко содержались в мрачных и сырых «зинданах», заковывались в кандалы не только на ночь, но и днем, находились под постоянным надзором, использовались на тяжелых работах, подвергались унижениям, избиениям и пыткам, целью которых было сломить волю пленного, склонить невольника к написанию «жалобного» письма родственникам или командованию (если он был военным), жестоко наказывались за побег и т.п. Примечателен и внимательный к деталям повседневности женский взгляд Соломониды, который отражает гендерную специфику восприятия. Не все мужчины-пленники, оставившие воспоминания о пребывании у горцев, были столь же при-

стальны к окружающей обстановке, сосредотачиваясь прежде всего, на переносимых лишениях, переживаниях и мыслях о побеге. Более или менее пространное описание тех или иных деталей быта горцев, их обычаев, известных исторических персон из числа кавказских народов и т.д. присуще лишь тем пленникам из мужчин, которые достаточно долго пробыли в неволе, были наиболее образованными и имели литературные задатки, независимо от принадлежности к офицерам или солдатам (Екельн И., 2011; Клиндер Л., 2011; Загорский И., 2011; Беляев С., 2011, и др.). Некоторые авторы могли писать не от себя лично, а от имени вымышленного персонажа, причем выразительно сопровождали название своей работы очень показательным подзаголовком «Очерки политического и домашнего быта кавказских горцев» (Волконский Н., 2011). Иногда среди бывших пленных встречаются и люди, заинтересованно настроенные на восприятие горской среды (например, разведчик Ф.Ф. Торнау), отчего их записки наиболее информативны. Впрочем, в заключение нельзя не сказать, что среди авторов, с увлечением писавших о драматических перипетиях пленных воинов от их имени, есть и женщины (Новикова-Зарина Е., 2011, с.32–91). Но этот феномен достоин отдельного рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Именно в таком произношении название реки воспроизводится в издании указанной работы Е. Аничкова-Платонова в «Русской старине», размещенном в сети Интернет (см. выше). Оно кажется нам в данном случае фольклорно более точным, чем в нальчикском переиздании 2011 г.

ЛИТЕРАТУРА

Аничков-Платонов Е., 2011. Из кавказского прошлого. По воспоминаниям о трехгодичном плене казачки Соломонида Капитоновны Гончаренко, по отцу Ярошенко, по плену Чупахан-Муляхан-Перин (1860-е гг.) // В плену у горцев. Вып. 6. — Нальчик: Издательство М. и

В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»).

Беляев С. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев // В плену у горцев. Вып. 3. — Нальчик. Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис» и Т») (Народы Кавказа: страницы прошлого).

Великая Н.Н., 2009. Исламизация народов Северного Кавказа (VII–XIX вв.). — М.

Великая Н.Н., 2013. Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7. / Научн. ред, сост. О.В. Матвеев. — Краснодар: «Эдви».

Волконский Н., 2011. Семь лет в плену у горцев (1849-1856). Очерки политического и домашнего быта кавказских горцев // В плену у горцев. Вып. 4. — Нальчик. — Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис» и Т») (Народы Кавказа: страницы прошлого). — 68 с.

В плену у горцев, 2011 — В плену у горцев. Вып.1-6. — Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис» и Т»), 2011 (Народы Кавказа: страницы прошлого).

Головлев А.А., 1990. К вопросу о беглых и пленных русских у Шамиля // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. — Грозный (там же и библиография до 1915 г.).

Дегоев В.В., 2001. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. — М.: Русская панорама.

Дегоев В.В., 2003. Большая игра на Кавказе: история и современность. — М.: Русская панорама.

Дударев С.Л., 1990. О беглых и пленных российских солдатах и казаках у горцев в XIX в. // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. — Грозный.

Дударев С.Л., 1994. Эпизод у Прочнокопа: еще раз о беглых и пленных русских солдата и казаках у горцев в XIX в. // Прочнокопский историко-культурный многоугольник. Материа-

- лы конференции (сентябрь 1994 г.). Армавир.
- Дударев С.Л., 2007.* Об особенностях обращения северокавказских горцев с пленными и поведения пленников в неволе // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. Научно-методический журнал. — № 2. — 2007.
- Едыдж Б., 2009.* Черкесы-адыги в рисунках европейских авторов XVI–XIX вв. — Майкоп.
- Екельн Л., 2011.* Из записок русского, бывшего в плену у черкесов // В плену у горцев. Вып.1. — Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис» и Т») (Народы Кавказа: страницы прошлого).
- Загорский И., 2011.* Восемь месяцев в плену у горцев // В плену у горцев. Вып.6. — Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис» и Т») (Народы Кавказа: страницы прошлого).
- Каганович С.Л., 2009.* Кавказские пленники в русской литературе. — М.: Чистые пруды. — 76 с.
- Клинггер И., 2011.* Два с половиной года в плену у чеченцев (1847–1850) // В плену у горцев. Вып.1. — Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис» и Т»), (Народы Кавказа: страницы прошлого).
- Ктиторова О.В., 2012.* История, быт и культура народов Северо-Западного Кавказа: хрестоматия. Учебное пособие. — Армавир. — 128 с.
- Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А., 2011.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисл. Б.В. Виноградова. — Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах.
- Латин В.В., 2008.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. — Спб.: Издательство «Европейский дом». — 400 с.
- Нечитайлов М.В., 2005.* Кавказский «Багадеран»: русские дезертиры на службе у Шамиля // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VII «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов. — Ставрополь.
- Новикова-Зарина Е.* Одиннадцать месяцев в плену у черкесов // В плену у горцев. Вып. 5. — Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис» и Т»), (Народы Кавказа: страницы прошлого).
- Озова Ф.И., 2013.* Военнопленные в Кавказской войне // Архивы и общество. № 26. — Нальчик.
- Соснина Е.Л., 2007.* Кавказ: женский взгляд, взгляд на женщину. Эссенцуки.
- Сборник ... С.Л. Дударева, 2011* — Сборник научных работ С.Л. Дударева, 2011. — М.: Илекса.
- Судьбы ..., 1998* — Судьбы кавказских пленников (1817–1853 гг.) / Сост. Е.С. Тютюнина. Под ред. В.Б. Виноградова. — Армавир-Нальчик, 1998.
- Тахо-Годи М.А., 2001.* Кавказ и «кавказские пленники» глазами путешественников начала XIX в. (Ксавье де Местр и Фредерика Фрейганг) // http://www.darial-online.ru/2001_1/taxogo.shtml
- Торнау Ф.Ф., 2000.* Воспоминания кавказского офицера. — М.
- Хлудова Л.Н., 2014.* История Кубани в произведениях живописи и графики (XV — 60-е гг. XIX в.). Монография. — Армавир.
- Юсупова Ж.А., 2014.* Феномен детской культуры у адыгов в прошлом и настоящем // Археология, этнография и краеведение Северного Кавказа. Материалы XX Всероссийской научно-практической конференции. — Армавир.
- Википедия, интернет* — <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F>).
- Аничков-Платонов, интернет*, — http://a-l.narod.ru/Anichkov-Platonov_Iz_Kavkazskogo_proshlogo.html

ЦЕЛЕВАЯ ВИНТОВКА СИСТЕМЫ АЯДТ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АРМАВИРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В фондах Армавирского краеведческого музея хранится необычайно интересный экземпляр стрелкового оружия, датируемый концом XIX в. Это немецкая целевая винтовка системы Аядт (Aydtt). Она не была предназначена ни для войны, ни для охоты. Для вышеперечисленных целей это оружие было слишком тяжёлым. Вес данного экспоната со снятым диоптрическим прицелом достигает шести килограммов. «Целевые дальнобойные винтовки весили от 4,3 до 7,2 кг. Такой вес особенно не стеснял стрелка-спортсмена, так как носить подолгу подобное ружье не приходилось, а тяжёлый ствол обыкновенно улучшает кучность боя винтовки» (Маркевич В.Е. Ручное..., 2005, с.176). Данные образцы создавались специально для спортивных состязаний по стрельбе. Дело в том, что в конце XIX — начале XX в. винтовочные матчи Шутцен (нем. Schütze — стрелок, schützen — защищать, оберегать, сохранять) были наиболее популярными стрелковыми соревнованиями в Европе. В настоящее время они до сих пор находят своих приверженцев не только в некоторых странах Западной Европы, но и за океаном, в США.

В западноевропейских государствах стрелковые общества (братства) появились в городах в XIII в. Короли поощряли стрелковую подготовку горожан в противовес крупным феодалам, которые не всегда повиновались центральной власти. В тирах первоначально стреляли из луков и арбалетов, впоследствии — из огнестрельного оружия. Усовершенствование нарезов и пуль способствовало развитию специализированного спортивно-стрелкового нарезного оружия, предназначенного для наиболее меткой стрельбы по мишеням на стрельбище или в тире. Погоня за оружием с высокой кучностью стрельбы вызвала неизбежное изменение типа винтовки, получилось оружие с массивным стволом, усовершенствованными прицельными приспособлениями, улучшен-

ным спусковым механизмом. Всё это приводило к значительному увеличению веса. Оружие было малоприспособно для охоты, но для стрельбы по мишеням тяжёлый вес и большая длина не мешали. Такой тип винтовки получил название целевого. Спортивная стрельба из целевых винтовок способствовала развитию стрелкового искусства и неизбежному совершенствованию не только целевого, но и охотничьего, и военного оружия. Изобретатели, конструкторы, мастера-кустари старались выпустить оружие с наиболее высокой кучностью стрельбы, на которое заядлые спортсмены-целевики не жалели денег. Стрелковый спорт из нарезного оружия развивался все шире и существует по настоящее время (Маркевич В.Е. Ручное..., 2005, с.174).

В Армавирский музей экспонат попал в далёком 1953 году. К сожалению, до сих пор не удалось найти информацию о владельце винтовки. Вполне возможно, она принадлежала кому-то из немецких офицеров и попала в Армавир во время немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. Другая версия заключается в том, что винтовка была вывезена уже в послевоенное время. В 1950–1960-е годы много нарезного оружия было доставлено из Германии в нашу страну. На Кавказ, вероятно, винтовка попала потому, что её приняли за охотничье ружьё. Единственное, что могло бы пролить свет в данном вопросе, — это надпись «GIERKE» на бирке, прикреплённой к стволу, скорее всего, означающая имя владельца.

Обычно подобные винтовки делали кустарным способом, часто на заказ, учитывая требования и особенности будущего хозяина. Сейчас бы такой образец назвали оружием ручной сборки. Такие образцы были штучным товаром мастеров-надомников, славились высокой точностью и стоили довольно дорого. Отличие этого экспоната в том, что он был сделан на фабрике, о чём свидетельствует надпись в верхней части

Рис. 1. Целевая винтовка системы Аядт из коллекции Армавирского краеведческого музея, номер по книге поступлений 4736. Левая сторона

Рис. 2. Целевая винтовка системы Аядт. Правая сторона

ствола «С.Г. HAENEL. SUHL», т.е. местом производства винтовки является фабрика Хенель в немецком городе Зуле, который издавна славился своими оружейниками.

Винтовка однозарядная с неподвижным восьмигранным стволом и массивным прикладом с выступом. Ложа т.н. целевого образца. Винтовка оснащена блочным затвором системы Аядт (надпись наверху затворной коробки «ORIGINAL SYSTEM AYDT»). Затвор вертикально скользящий. Слева ствольной коробки имеются два хвоста осей, повернув и вынув которые, легко разбирают затвор. Однозарядные одностволки оснащают различными затворами, в том числе так называемым «болтовым», запирающим патронник боевой личиной при повороте рукоятки, а также разнообразными блочными. У зарубежных оружейников, в частности австрийских и германских, в большом почете блочный затвор системы Heeren, объединенный с ударным и спусковым механизмами. Популярен и блочный затвор системы Aydt. Обе конструкции известны более 100 лет и хорошо отработаны. Не менее знаменитый блочный затвор системы Henry, созданный еще в 1865 г., часто встречается и сейчас, особенно на нынешних репликах, есть одностволки и с затвором системы Martini (Копейко Е.Г.). «Система Аядт считается по настоящее время наиболее совершенной и пользуется большой популярностью как целевая винтовка» (Маркевич В.Е. Спортивное..., 2005, с.200). Калибр нашего образца 8,15x46R под патрон центрального

воспламенения наиболее распространенный у немецких целевых винтовок. Общая длина 122 см, длина ствола 72,2 см. Сохранность экспоната, к сожалению, неполная. Присутствуют незначительные царапины, сколы, следы окисления металла, ударно-спусковой механизм приведен в негодность, отсутствуют мушка и диоптрический прицел.

К сожалению, из-за нехватки площадей данный экспонат не может занять достойное место в постоянной экспозиции музея и лишь изредка демонстрируется во время тематических выставок.

Во время проведения Международной акции «Ночь музеев – 2013» в Армавирском краеведческом музее у армавирцев и гостей нашего города была возможность увидеть винтовку и прослушать о ней небольшой рассказ, что вызвало у посетителей неподдельный интерес к редкому экспонату. В 2014 г. винтовка экспонировалась на фондовой выставке «У музея есть начало», посвященной 110-летию юбилею музея.

ЛИТЕРАТУРА

- Копейко Е.Г.* Неподвижный ствол [Электронный ресурс] // URL: <http://expert.ohotnik.com/constructions/25>
- Маркевич В.Е., 2005.* Ручное огнестрельное оружие / Под ред. Н.Л. Волковского. — СПб.
- Маркевич В.Е., 2005.* Спортивное и охотничье стрелковое оружие / Под ред. Н.Л. Волковского. — СПб.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОТОГРАФИИ В АРХЕОЛОГИИ И КРАЕВЕДЕНИИ НА СТАВРОПОЛЬЕ И КУБАНИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Одним из основных направлений развития фотодела, характерных для конца XIX — начала XX в. является использование фотографии в научных археологических и этнографических изысканиях.

Во второй половине XIX в. достижения в области фотографии привели к возникновению новых приемов, характерных только для этого вида искусства. С 1860-х гг. распространилась техника натурной фотосъемки. Этнографическая фотография второй половины XIX в. ставила перед собой цель достоверной фиксации народной жизни. В этот период возникает и репортажная съемка. В начале XX в. в работах фотомастеров еще ощущается влияние различных направлений в живописи, но в то же время возникает интерес к интерпретации форм реального мира и формируются принципы художественных решений, основанных на документальной сущности фотографий (Дыко Л.П., 1983, с.13, 14; Волков-Ланнит Л.Ф., 1987, с.24).

Фотографию во второй половине XIX в. стремились привлечь к своим изысканиям географы, этнографы, археологи, историки искусств, исследователи архитектуры. Значительных успехов достигло видовое и «жанровое» (этнографическое) фотографирование (Прокопенко Ю.А., 2011, с.65 сл.). Произведения фотоискусства обычно «оценивали» в Русском географическом обществе и во время различных выставок. В 1867 г. в Москве состоялась Всероссийская этнографическая выставка. К Политехнической выставке (1872) в Москве был создан «Туркестанский альбом», который включал четыре части: 1) археологическую; 2) этнографическую, 3) промысловую и 4) историческую. Этот альбом, единственный в своем роде, наиболее полно представляет быт и занятия народов Туркестана (Длужневская Г.В., 2008, с.6–8).

В 1875 г. на Международной географической выставке в Париже наибольший успех имел русский отдел с множеством видовых и этнографических фотографий.

В конце XIX — начале XX в. тематика фотографий значительно расширилась — появляются исторические сюжеты: виды военных лагерей, портреты участников боевых операций («Хоперские казаки»). К сожалению, авторство большей части снимков установить практически невозможно, поскольку на них нет штампа фотографа с его именем.

В конце XIX в. особенно актуальной становится этнографическая съемка в связи с появившейся необходимостью сохранить в памяти приметы уходящей эпохи. Фотографии запечатлели процессы, происходившие в Предкавказье после Кавказской войны. Это, например, такие фото, как «Переселение казаков в Закубанье после окончания Кавказской войны». Здесь зафиксированы интересные этнографические сведения: транспорт казаков (перевозка скарба на волах, обыденные костюмы казаков и др.).

Большое значение придается фиксации эпизодов из обыденной жизни населения Предкавказья (например, «Подворье кубанского казака», конец XIX в.; «Обед зажиточной казачьей семьи, 1909 г.») и кавказских праздников (например, «Черкесская свадьба. Аул Тугургой, 1909 г.»). Такие фотографии являются важным источником по истории культуры местного населения: фиксируются обыденные и праздничные костюмы казаков и горцев (мужские, женские и детские), парадное оружие (шашки и кинжалы), особенности традиционной трапезы, внутреннее убранство комнат и др. Также фиксировалось и новое — необычное, не характерное для данного места. В качестве примера следует отметить фото-

графию «Первый мотоциклет ст. Васюринская, 1912 г.» (Прокопенко Ю.А., Захарова С.В., 2011, с.71, 72).

Каждый из фотографов обладал своими, только ему присущими приемами в работе. Новаторским для 1890-х гг. был метод съемки Д.И. Ермакова: полные жизни бытовые сцены, снятые в ремесленных мастерских, на базарах и улицах Кавказа, отражают редкий репортажный талант фотографа, объединенного с тонким художественным вкусом (Захарова С.В., 2012, с.89).

Сравнивая семейные фотографии различных слоев населения, можно увидеть различия во внешнем виде, одежде, материальном достатке, которые были присущи исключительно тому или иному сословию. Аналогичные фотографии городского и сельского слоев общества дают картину об эволюции института семьи. Как правило, фотография семьи сельского жителя демонстрирует сохранение семейных традиций, присутствие многих поколений родственников. Городские же семьи были малочисленны, но на семейных торжествах (на фотоснимках) присутствуют знакомые, сослуживцы, коллеги, друзья, ученики.

Фотография широко использовалась в археологии, о чем свидетельствуют фонды фотоархива Института истории материальной культуры РАН. В целом за время деятельности Императорской археологической комиссии в архиве отложилось более ста тысяч отпечатков и негативов (Длужневская Г.В., 2008, с.7, 8).

Использование фотографии привнесло новое, гораздо более высокое качество в изучение историко-археологического наследия. Со временем была признана ценность фотографии как источника информации. Основу творчества фотографов так или иначе составляли научные исследования, накопленная визуальная информация, их личные наблюдения.

С конца XIX в. археологи, работавшие на Северном Кавказе, включают в свою группу профессионального фотографа. Например, экспедиция В.М. Сысоева (1896 г. — раскопки Курджипского кур-

гана), Н.И. Веселовского (раскопки и разведки), И.А. Владимирова (1900 г. — раскопки кургана на горе Брык) и др. Следует отметить, что в этот период складывается традиция фотографирования не только непосредственно места раскопок, но и прилегающей местности, т.е. возникает прообраз фиксации археологических памятников во время разведок. Идея возникает, видимо, под влиянием пейзажного варианта живописи (Прокопенко Ю.А., 2011, с. 65–66).

В частности, в фотографическую документацию отчета о раскопках Курджипского кургана входят снимки видов станицы и «Раскопанной горы». В своей практике разведочных поездок фотографию использовал Н.И. Веселовский. Например, в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН хранится фото «гора Брык (вид с юга)», сделанное фотографом группы Н.И. Веселовского в 1899 г., во время посещения Султановского кургана (там же, с.66).

В число фотоматериалов, дополняющих отчеты конца XIX — начала XX в., кроме выше отмеченных следует выделить 4 основных варианта: 1) фото памятника; 2) изображение раскопа (как правило, в момент раскопок); 3) коллективный портрет участников экспедиций; 4) фото археологических находок.

Например, 1-й вариант (вид кургана) присутствует в отчете В.М. Сысоева о раскопках Курджипского кургана. Однако не всегда фотографии фиксировали все стадии раскопок. Чаще всего присутствуют снимки памятника перед раскопками (или в начальный период раскопок) и фазы расчистки выявленных конструкций (там же).

В отдельных случаях вместо фото использовались рисунки памятника в технике акварели. В данном случае рисунки дополняют фотоснимки. Таким образом документируются раскопки Владимирова Султановского кургана на горе Брык. При этом на рисунках сделаны уточняющие пометки. На акварели «Гора Брык — [вид] с дороги» с помощью стрелки указано месторасположение кургана. Здесь же отмечено

расстояние до Курсавки. На втором рисунке — «Гора Брык» зафиксирована траншея (пробитая в кургане), методом которой раскапывался памятник. Подпись, сделанная художником, фиксирует дату раскопок — 7–9 июля 1900 г.

Чаще всего в отчетах присутствуют фотоснимки варианта 2: изображение раскопа. Как правило, из-за громоздкости и примитивности аппаратуры фотограф выбирал место выше и несколько в стороне от места работы, для того чтобы как можно шире охватить участок раскопа. В результате на снимках были запечатлены ход работ (рабочие показаны в динамике) и фрагментарные участки памятника. К сожалению, при этом многие детали опускались. Это связано с объективными и субъективными причинами: ограниченные возможности аппаратуры, отсутствие археологических навыков у фотографа и одновременно неумение со стороны лиц, возглавлявших раскопки, должным образом фиксировать все стадии исследования памятника.

В отчете В.М. Сысоева о раскопках Курджипского кургана присутствуют фото двух участков раскопа. На снимке запечатлена работа нескольких рабочих на отвале. В центре композиции — в нижней части раскопа зафиксированы две фигуры, обступившие с двух сторон (справа налево) выложенные на белую ткань (или бумагу) находки. Судя по динамическим признакам, руководитель раскопок В.М. Сысоев дает указания сотруднику экспедиции. При этом не видны особенности конструкции памятника и сами артефакты.

Сходна по композиционному решению подобная фотография из отчета Владимиров о раскопках подкурганного склепа на г. Брык. Двое рабочих занимаются расчисткой верхней части пилонов входа в гробницу. Но в данном случае форма склепа также не прослеживается.

Более профессионально выполнен другой снимок, зафиксировавший следующую стадию раскопок — завершение очистки камеры гробницы. Видны часть конструкции, особенности кладки стен, орнаментирован-

ные пилоны ворот. Для уточнения высоты памятника используется обычный прием, характерный для фотоизображений архитектурных объектов: в центре композиции располагается статичная фигура человека. Его рост используется в качестве линейки.

Как уже отмечалось, еще одним обычным вариантом археологических фотоматериалов являются коллективные портреты — вариант 3. Основное их отличие от фото варианта 2 заключается в особенности композиционного решения. Фигуры статичны, располагаются сидя или стоя. Направление их взглядов совпадает с месторасположением фотоаппарата.

Типичным примером таких снимков является фотография группы Владимирова. Пять фигур размещены в три ряда. При этом наблюдается симметрия в размещении людей. Первый и второй ряды — стоячие фигуры. Второй ряд: центральная фигура — молодой рабочий зафиксирован в положении стоя; композицию дополняют две сидячие фигуры, развернутые по отношению к центру. Интересно, что все молодые работники стоят, а наиболее авторитетные представители экспедиции сфотографированы в сидячем положении. Справа налево сидят на плитах: руководитель раскопок Владимиров и наиболее пожилой (а значит, для молодежи авторитетный) крестьянин.

Фото вариантов 2 и 3 дают нам дополнительную этнографическую информацию об инвентаре, которым раскапывались памятники: заступы или лопаты, о рабочей форме (рабочая одежда участников раскопок — длинные темные или чаще светлые рубахи; штаны, заправленные в сапоги; на голове картузы или конические шапки у крестьян и фуражки у казаков; у руководителей — белые сюртуки или рубашки; темные или серые брюки; на ногах сапоги или туфли; в качестве головного убора использовались плоские белые шляпы с широкими полями). На снимке у руководителя экспедиции, исследовавшей склеп на г. Брык, И.А. Владимирова виден какой-то предмет, с помощью вытянутой петли (ремешок или веревка?) надетый на шею.

Предположительно это часы или компас, в любом случае, этот предмет использовался в процессе раскопок в качестве технического инвентаря.

Отдельно в фотодокументации выделяются снимки варианта 4: изображения находок. В отличие от всех выше отмеченных фотографий данные фото, как правило, создавались не во время раскопок, а уже после таковых — в профессиональных лабораториях. Поэтому такие снимки более качественные: более четкие изображения, даже с элементом художественности. Наиболее излюбленный прием, использовавшийся для показа артефактов, — планшетное размещение находок. Предметы располагались в прямоугольнике планшета двумя способами: 1) крепились к деревянной основе при помощи проволочных крепежей; 2) раскладывались перед съемкой на бумажной или матерчатой основе.

Характерными особенностями планшетного варианта являются симметрия в расположении предметов и максимальное насыщение артефактами прямоугольника планшета. В качестве примеров таких планшетов следует отметить изображения находок Казбекского клада, собрание И.А. Владимирова артефактов у сел. Сенты, клад золотых изделий из Хасав-Юрта, коллекция средневековых украшений и оружия Вырубова из Чегемского округа, клад золотых изделий из Кудинетова и др. (там же, с.66–67).

Таким же образом оформлялись археологические находки из памятников Ставрополя: собрание предметов из склепа на г. Брык, клад золотых и серебряных украшений из сел. Рогули и др.

В начале XX в. кроме археологии, фотография начинает применяться в краеведении. В частности, фотоизображения археологических находок появляются в региональных научных изданиях. Одним из первых стал использовать фотоснимки в своей научной деятельности Г.Н. Прозрителев. Например, фото двух боспорских монет и ряда пулов и дирхемов Золотой Орды, найденных на территории г. Мад-

жар (г. Буденновск), были опубликованы в сборнике сведений «Северный Кавказ» под редакцией А.С. Собриевского (Прозрителев Г.Н., 1908, с.11–14).

Ценнейшим источником, в том числе и при изучении исторического наследия Северного Кавказа второй половины XIX — начала XX в., являются фотооткрытки, по сути, те же фотографии, но выпущенные в свет массовым тиражом. Фотооткрытки становятся очень популярными в обществе. Это приводит к появлению в городах специальных магазинов по их продаже. В частности, такой павильон функционировал в парке курорта Железноводск. Видовые открытки, наиболее точно передающие изображение, отличаются особой информативностью. В начале XX в. на таких фото появляются памятники архитектуры. Особое внимание уделяется сооружениям церковной архитектуры.

В начале XX в. фотографии начинают использовать для реконструкции истории сооружения. В частности, в г. Ставрополе они привлекались для создания прообраза паспорта памятника и одновременно реставрационного отчета. В 1913 г. на Николаевском проспекте (проспект К. Маркса) начинаются работы по реконструкции церкви Спаса Нерукотворного. Согласно проекту от 19 ноября 1912 г. было принято решение сохранить неизменным фасад здания. В связи с этим была сделана серия фотоснимков, прослеживающих этот процесс. Для этого был сфотографирован план фасада церкви, утвержденный 21 июля 1838 г. Второй снимок документирует вид здания накануне ремонтных работ (снимок 8 мая 1913 г.). Третий снимок показывает результаты производимых работ (снимок 10 июня 1913 г.). Изображение доказывает, что фасад в ходе работ не был изменен (Прокопенко Ю.А., 2011, с. 67). Важно, что в настоящее время это здание перестроено и его первоначальный вид — фасад церкви сохранился только благодаря фотодокументам.

Опубликованные в начале XX в. фотографии памятников в отдельных случаях являются единственным свидетельством

их существования. В честь императора-освободителя Александра II в России, в том числе на Северном Кавказе, было сооружено огромное количество памятников. В годы Советской власти все они были уничтожены. Не сохранились такие памятники и в Ставрополе. Следует отметить единственное изображение обелиска с бюстом Александра II, возведенного в колонии Карасс (пос. Иноземцево), сохранившееся благодаря фото в курортном журнале (Прокопенко Ю.А., 1998, с.12).

Кроме исторических сооружений, связанных с историей императорской семьи и церквей, разрушались археологические памятники. Благодаря тому, что некоторые из них были запечатлены на фотографиях конца XIX — начала XX в., мы можем судить о времени их создания и культурной принадлежности. Например, целый ряд интересных памятников (в настоящее время не существующих) был сфотографирован известным кубанским ученым-краеведом Евгением Дмитриевичем Фелицыным на р. Уруп (в окрестностях современной ст. Преградной). К ним относятся: остатки древних христианских церквей, каменное антропоморфное изваяние, мусульманский мавзолей начала XIX в. (Ложкин М.Н., 1996, с.132 сл.).

ЛИТЕРАТУРА

- Волков-Ланит Л.Ф., 1987.* Искусство фотопортрета. — М.
- Длужневская Г.В., 2008.* Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX — первой половины XX в. (по фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук): Авт. дис. докт. ист. наук. — СПб.
- Дыко Л.П., 1983.* Основы композиции в фотографии. М.
- Захарова С.В., 2012.* Особенности развития фотодела на курортах Кавминвод во второй половине XIX — начале XX века // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сборник научных статей. — Ставрополь. — Вып. 4.
- Ложкин М.Н., 1996.* Фотографии утраченных памятников Кубанской старины // ИАА. — Вып.2. — Армавир; М.
- Прозрителев Г.Н., 1908.* Мажары — один из древнейших городов Северного Кавказа // Сборник сведений «Северный Кавказ» / под ред. А.С. Собривеского. Т. 1. — Ставрополь.
- Прокопенко Ю.А., 1998.* Железноводск: страницы истории. — Ставрополь.
- Прокопенко Ю.А., 2011.* Использование фотографии в археологии и краеведении на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX в. // Шестые Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции 25–26 ноября 2009 г. К 160-летию Григория Николаевича Прозрителева. — Ставрополь.
- Прокопенко Ю.А., Захарова С.В., 2011.* Развитие фотодела в конце XIX — начале XX в. в провинциальной части России на примере Ставрополя // Шестые Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции 25–26 ноября 2009 г. К 160-летию Григория Николаевича Прозрителева. — Ставрополь.

К ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НИЗОВОГО ЗВЕНА СЛУЖАЩИХ ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(по материалам из фондов Армавирского краеведческого музея)

Проведение в 1875 г. Владикавказской железной дороги оказало огромное влияние на развитие экономики и социальной сферы Кубанской области. Улучшение коммуникационных связей способствовало вовлечению местного населения в единое социокультурное пространство Империи (Озёрский И.В., 2013, с.151). Повсеместно, где появлялись участки дороги и железнодорожные станции, местные жители в поисках стабильного заработка поступали рабочими и служащими на железную дорогу. Как следствие, в городах и селах Кубанской области появляются представители таких профессий, как носильщики, станционные смотрители, проводники, кассиры и т. д. Внедряя в практику по тем временам передовые технологии, Общество Владикавказской железной дороги осуществляло подготовку обслуживающего персонала, организуя обучение специалистов среднего звена из числа местных жителей. Так, в Ростове (1879) и Владикавказе (1902) открылись технические училища по подготовке машинистов, контролеров, техников, чертежников и других работников станций (Вестник..., 1916, с.27).

Не было исключением и Армавир, где в 1911 году при станции Армавир Владикавказской железной дороги открылось филиальное отделение «Общества просвещения служащих ВЛК ж. д.». Для вступающих в это общество служащих членский взнос колебался от 1 до 3 руб. в год, для не служащих составлял 10 рублей (Отклики Кавказа [Армавир]. 1911. № 280, 17 декабря). В газете «Отклики Кавказа» за 23 декабря 1911 г. отмечалось, что 18 декабря 1911 г. в помещении товарной конторы станции Армавир состоялось организационное собрание членов Армавирского отделения данного общества. В присутствии 37 со-

бравшихся были выбраны должностные лица: председатель комитета — начальник 5-й дистанции инженер К.К. Салтыков, вице-председатель — начальник станции Армавир А.С. Кондрацкий, секретарь А.А. Дьяконов и казначей Б.Ю. Юдзентович..., (Отклики Кавказа [Армавир]. 1911. № 285, 23 декабря) которые контролировали работу местного отделения Общества.

Служащие Министерства путей сообщения в дореволюционной России подразделялись на 4 разряда: инженеры путей сообщения, чиновники центральных учреждений, чиновники местных учреждений, железнодорожные служащие. Наиболее стабильной частью железнодорожников являлись постоянные работники, которые по штатному расписанию имели определенный оклад содержания и считались железнодорожными служащими. Они подразделялись на две основные категории: а) младшие агенты железнодорожной службы (машинисты, кочегары, кондукторы, сторожа, стрелочники, составители поездов, мастеровые-столяры, кузнецы, токари, электрики, смазчики и т. п.); б) старшие агенты железнодорожной службы (сюда относились лица высшей и низшей администрации дорог, инженеры путей сообщения). В свою очередь, представители этих двух категорий делились согласно получаемому окладу содержания, на высших (более 1680 рублей в год), средних (от 600 до 1680 рублей в год) и низших (до 600 рублей в год). Кроме служащих на железной дороге трудились постоянные, временные и поденные рабочие, занятые в основном в службах ремонта путей и зданий, грузчики и др.

На железной дороге, в связи частыми переездами, постоянными сверхурочными работами, низким уровнем механизации,

среди рабочих и части средних служащих, имела место высокая травмоопасность. Наиболее частой причиной потери заработка являлась временная или полная нетрудоспособность вследствие увечья, полученного на производстве. Кроме того, работа на железной дороге вызывала ряд профессиональных заболеваний: простудных, органов пищеварения, зрения и др. В 80-е годы XIX века Министерство путей сообщения, осознавая необходимость сделать более привлекательной отрасль, связанную с тяжелым трудом и бытом работавших в ней людей, начинает формировать законодательную базу по социальной защищенности железнодорожников и предоставлению им дополнительных льгот. В 1884 году были утверждены «Правила о единовременной выдаче пособий служащим на казенных дорогах, их вдовам и семействам», впоследствии распространенные и на частные дороги. «Правила» предусматривали различные выплаты: а) по случаю рождения ребенка, б) на врачебную помощь за полученные увечья, в) на погребение, г) за безупречную службу, д) работникам, оставившим службу по возрасту и др. Таким образом, среди рабочих Северного Кавказа железнодорожники составляли ядро из числа высококвалифицированных специалистов. «В сложном железнодорожном хозяйстве насчитывалось около 600 различных специальностей, профессий, должностей. В процентном отношении к общей численности железнодорожников работники ведущих профессий составляли: паровозные машинисты, их помощники и кочегары — 4,6%, кузнецы, молотобойцы, слесари — 8%; кондукторский состав — 5,9%; стрелочники — 5%; составители поездов — 1,4%; ремонтные рабочие служб пути — 25%; путевые обходчики и местные сторожа — 7,7%; дорожные и мостовые мастера, инженерно-технический персонал — 4,2% (История..., 1994, с.305). Штатные железнодорожники пользовались рядом льгот: служебными квартирами, медицинским и пенсионным обслуживанием, бесплатным проездом по железным доро-

гам. Подтверждением вышесказанного служит удостоверение № 4821 Ломского Пахома Станиславовича, рассыльного ВЛКЖД, из фондов Армавирского краеведческого музея. Такие удостоверения получали все служащие дороги. В нём помимо фотографии и личных данных служащего содержалась выписка из правил, в которой оговаривались льготы на бесплатный проезд по железной дороге (АКМ. Ф.4. Оп.1. Д. 10. К/п. 8934, рис.1). Наличие этих льгот объяснялось стремлением руководства железной дороги привлечь граждан на эту тяжёлую, а временами и опасную работу.

Железнодорожники служили объектом пристального внимания со стороны государства, как труженики стратегически важной отрасли, поэтому устав Владикавказской дороги чётко регламентировал нормы поведения служащих, а зачастую и личную жизнь, что порой было необходимо для сохранения определённой секретности в своём ведомстве. В фондах Армавирского краеведческого музея имеются документы супругов Гончаровых — Василия и Татьяны. Татьяна Гончарова (до замужества Пичужкина), окончив курсы телеграфисток, была зачислена 1 сентября 1906 года на должность телеграфистки Владикавказской железной дороги, но с 31 января 1909 года была уволена с этой должности со следующей оговоркой: «Ввиду выхода её замуж за лицо, не состоящее на службе дороги». Супруг Татьяны Гончаровой — Василий Гончаров работал механиком Армавирской почтово-телеграфной конторы. Во избежание передачи секретных сведений из одного ведомства в другое супругам запрещалось работать в разных ведомствах (АКМ. Ф.4. Оп.1. Д. 11. К/п. 6272/5, рис. 2).

В целях улучшения организации труда и порядка на железнодорожных станциях на рубеже XIX—XX вв. в униформу рабочих и служащих вносятся детали, закрепляющие служебную иерархическую лестницу. Так, у служащих низшего звена: кондукторов, извозчиков, дворников, дорожных мастеров, истопников, переездных сторожей появляются нагрудные знаки.

Фото 1. Удостоверение № 4821 рассыльного Владикавказской железной дороги Ломского Пахома Станиславовича

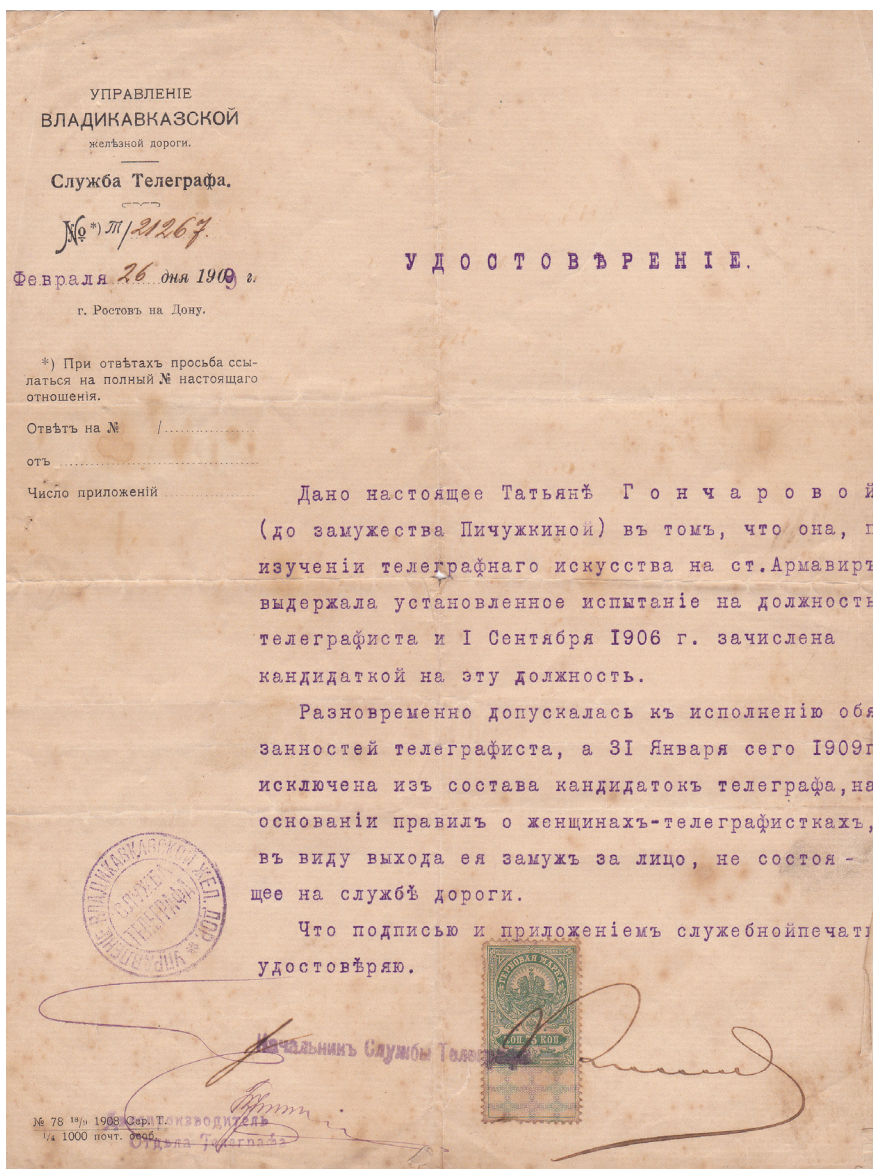

Фото 3. Знак нагрудный «Носильщик станции Армавир. № 59» (конец XIX — начало XX века)

Фото 2. Удостоверение службы телеграфа Владикавказской железной дороги, выданное Татьяне Гончаровой (до замужества Пичужкиной)

В фондах Армавирского краеведческого музея хранится знак носильщика станции Армавир под номером 59 (АКМ. Ф.4. К/п. 5768, рис. 3), датируемый концом XIX в. Знак овальной формы размером 7,8 x 6,1 см был изготовлен из жёлтого металла и представлял собой нагрудную пластину с порядковым номером работника и названием станции. Знак служил для вновь прибывших на станцию граждан определителем рода занятий служащего. На железной дороге работали не только мужчины, но и женщины, для каждого выпускались отдельные знаки. Так, на Владикавказской железной дороге выпускалось два схожих между собой знака: «Переездный сторож» и «Переездная сторожиха» (Можейко И., 1996, с.57). «Переездная сторожиха» и «Переездный сторож» охраняли переезд. Последний помимо прочего выполнял не только основную, но и подённую работу. Соответственно затраченному времени и труду они оплачивались по-разному. Так, если переездному сторожу платили 14 рублей в месяц, то переездной сторожихе всего 3 рубля (Перегон..., 1964, с.73).

Таким образом, проведение железнодорожных дорог на Северном Кавказе явилось существенным фактором формирования низшего звена рабочих и служащих. Численность их постоянно возрастала, что способствовало включению коренных сельских жителей Кубанской области в общероссийские процессы формирования рабочего класса.

ЛИТЕРАТУРА

- Вестник...*, 1916 — Вестник Владикавказской железной дороги. — 1916. — № 10.
- История...*, 1994 — История железнодорожного транспорта России. Т.1: 1836–1917 гг. — СПб.
- Можейко И., 1996. Переездная сторожиха // Родина. — № 4. — М.
- Озёрский И.В., 2013. Железнодорожное строительство на юге Российской империи в пореформенный период (70-е годы XIX века — октябрь 1917 г.) особенности и роль в модернизации со-

циокультурного пространства региона. Дисс. ... канд. ист. наук. — Майкоп.

Отклики Кавказа, 1911 — Отклики Кавказа [Армавир]. 1911. Газета.

Перегон..., 1964 — Перегон — в столетие. Очерки о революционной и трудовой героике коллектива Северо-Кавказской магистрали. — Ростов-на-Дону.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ У ИНОГОРОДНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

История иногороднего населения кубанских станиц является одним из приоритетных направлений современного казачеведения. Освещая прошлое Кубани, исследователи традиционно сосредотачивают своё внимание на казачестве, часто оставляя лиц невойскового сословия вне поля зрения. Однако их миграция сопровождалась весьма благотворными для края экономическими последствиями. Но, несмотря на это, взаимоотношения крестьян-переселенцев с казачьим населением были довольно сложными. Это касалось и такого важного вопроса, как медицинская помощь, которая зачастую была почти недоступна иногородним жителям.

На территории Кубани самих больниц насчитывалось малое количество. Например, в отчёте о ревизии Кубанской области, сделанной в 1891–1892 гг., военный министр отмечал, что станично-врачебной части в крае не было. В тот период на территории Кубанского войска действовало всего 9 больниц на 379 коек, которых приходилось по одному месту на 1700 казаков. А лечение в больницах лиц невойскового сословия было возможно только при наличии свободных коек и за определённую плату, которая являлась довольно высокой (ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 140. Л. 1–5.).

Со временем уровень медицинской помощи на Кубани в лучшую сторону так и не изменился. На 1900 год в области насчитывалось вольнопрактикующих, правительственных и общественных врачей 116 человек. Один врач приходился на 16 903 души населения края. Для сравнения отметим, что один врач в европейской России приходился на 10 000 человек ещё в 1889 году. С таким уровнем здравоохранения в кубанских станицах как казачье население, так и иногороднее почти не имело возможности лечиться в больницах, «настолько незна-

чительно в них число кроватей по сравнению с количеством больных, нуждавшихся в лечении, столь необходимым именно в сельском быту...» Переселенцы находились «в отношении пользования больничной помощью в ещё худших условиях, потому что принимались в них лишь за плату, в общем, довольно высокую» (Беликов А.В., 2002, с. 180).

О состоянии медицинской помощи в ст. Родниковской Лабинского отдела сообщал Л.К. Розенберг — учитель двухклассного училища данной станицы. По этому поводу он писал, что иногородние жители, проживавшие в ст. Родниковской «за право пользования медикаментами из станичной аптеки и медицинской помощью фельдшера вносили в общественную кассу по 60 коп. в год с каждой мужской души от 18 до 60-летнего возраста <...> и в общей сложности на эту потребность вносили ежегодно 1800 руб.». Из этой суммы станичный фельдшер получал 350 рублей в год, а остальные 1450 рублей шли на приобретение медикаментов. По словам Л.К. Розенберга, «вся тяжесть содержания аптеки и фельдшера ложилась исключительно на «иносословное» население». Однако, несмотря на такую уйму денег, тратившихся на аптеку, в ней не имелось ни дорогих лекарств, ни инструментов. Учитель двухклассного училища ст. Родниковской отмечал, что «два ланцета, старых и тупых, один катетер и десяток банок составляли весь медицинский фельдшерский набор». Такое крайне тяжёлое состояние станичной аптеки продолжалось до 1900 года, но с приходом в ст. Родниковскую нового фельдшера уровень развития медицины изменился в лучшую сторону. Как отмечал Л.К. Розенберг, «при новом фельдшере резко всё изменилось, <...> аптека пополнилась медикаментами, приобретены инструменты,

появились “сприцы” и пульверизаторы» (Розенберг Л.К., 1900, с. 2).

Интересным представляется описание станичной аптеки до прихода в неё нового фельдшера. По этому поводу Л.К. Розенберг сообщал, что «аптека перестала быть местом “вышивки”, куда до этого собирались обыватели из излюбленных людей, чтобы подкрепить силы несколькими бутылками очищенной, и любители “подкрепления” перешли в более приличное для них место...» (Розенберг Л.К., 1900, с. 2). Такое детальное описание станичной аптеки говорит о том, в каком запущенном состоянии находилось здравоохранение в области и какое отношение к медицине было у представителей местной администрации.

В дальнейшем на одном из станичных сходов было решено за пользование аптекой взимать с иногородних жителей, проживавших в станице, уже не по 60 копеек, а по 1 рублю с человека. Теперь за год на аптеку должно было тратиться по 3000 рублей. Данное постановление станичного схода категорически не устраивало переселенцев, и вносить повышенную плату они отказались. В связи с этим атаман ст. Родниковской издал специальный приговор, по которому все лица невоинского сословия лишались возможности пользоваться в станице медицинской помощью. Несмотря на то что этот приговор официально утверждён не был, больные из иногородних оставались без медицинской помощи. Как сообщал Л.К. Розенберг, каждому мигранту, проживавшему в станице, «ни лекарства не отпускали, ни фельдшера». Бывали случаи, когда «ученикам двухклассного училища, заболевшим лихорадкой в классе и посланным заведующим в аптеку к фельдшеру, отказывали дать хины потому только, что ученик был неказачьего сословия». Одной избитой женщине, пришедшей в станичную аптеку, медицинской помощи не оказали, так как она являлась иногородней, «...а, следовательно, на аптеку не платила». А к одному «труднобольному городовику» фельдшер отказался идти, потому что опасался неприятностей со стороны «запра-

вил». Переселенцы, лишённые медицинской помощи и не имевшие средств поехать в ст. Лабинскую к доктору, обращались «к бабкам и знахарям, хотя многие из них осознали беспомощность такого лечения и вред» (Розенберг Л.К., 1900, с. 2).

О бесправном положении иногородних в сфере здравоохранения сообщали такие исследователи, как И. Гольдентул и М. Лола. По их словам бесплатной лечебной помощью, получением лекарств из станичных аптек пользовалось только войсковое население (Гольдентул И., 1924, с. 26; Лола М., 1926, с. 55). И. Гольдентул отмечал: «...Если казака постигло несчастье, то его положение, хоть и тяжёлое, но всё же не крайнее. Другое дело — иногородние. В то время, как казачье население может рассчитывать на более или менее удовлетворительную и скорую помощь со стороны подлежащих властей, иногородние могут рассчитывать только на «благотворительность» (Гольдентул И., 1924, с. 26).

В начале XX века в г. Майкопе переселенцы также были лишены медицинской помощи. Так, городской голова Иванов, член управы Д.С. Иваненко, секретарь Домашевский, выйдя из управы, «заметили лежащего под забором больного, измождённого человека». Расспросив его, они выяснили, что это крестьянин Курской губернии Николай Пожидаев, который «работал 14 дней по 14 коп. в день в экономии Михайловского монастыря и заболел лихорадкой». Свободных коек в майкопской больнице для крестьянина не оказалось, и больного посоветовали устроить в военный госпиталь, но послушник монастырского подворья Иоанн объявил, что настоятель монастыря отец Мартирий, который в это время был в городе, приказал свезти больного к управе и там оставить его. По указу управы иногородний был помещён в военный лазарет, но в скором времени скончался от хронического воспаления лёгких (Беликов А.В., 2002, с. 182–183).

Таким образом, изложенные в работе факты позволяют сделать вывод о том, что в конце XIX — начале XX века уровень меди-

цинской помощи среди лиц невойскового сословия был значительно ниже, чем у казачьего населения Кубани. В большинстве станиц и хуторов крестьяне-переселенцы не получали бесплатных больничных коек и аптечных медикаментов. Только за высокую плату и при наличии в больницах свободных мест иногородним была доступна медицинская помощь. А в некоторых кубанских станицах здравоохранение находилось в таком запущенном состоянии, что местные жители приходили в станичную аптеку не за лекарствами, а чтобы распить несколько бутылок водки. Фельдшеры, работавшие в станичных и хуторских аптеках, зачастую отказывались предоставлять медицинскую помощь заболевшим лихорадкой детям и взрослым только потому, что больные являлись лицами невойскового сословия. Ввиду такого тяжёлого и несправедливого положения иногородние жители, в отличие от войскового населения Кубани, вынуждены были обращаться за оказанием медицинской помощи к знахарям или заниматься самолечением.

ЛИТЕРАТУРА

- Беликов А.В., 2002.* Иногороднее население Кубани во второй половине XIX века // Дис. канд. ист. наук. — Майкоп.
- Гольденгул И., 1924.* Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. — Ростов н/Д; Краснодар.
- Лола М., 1926.* О кубанском казачестве (казачество и сословная рознь на Кубани). — Ростов н/Д; Краснодар.
- Розенберг Л.К., 1900.* Ст. Родниковская (медицинская помощь иногородним) // Кубанские областные ведомости. Часть неофициальная. 1900. — № 146. — С. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБИЯЛИ	— Абхазский институт истории, языка и литературы. Сухуми
АН СССР	— Академия наук СССР
АО	— Археологические открытия
АОА	— Археологические открытия в Абхазии. Тбилиси
АСГЭ	— Археологический сборник государственного Эрмитажа
ВДИ	— Вестник древней истории
ВОКМ	— Волгоградский областной краеведческий музей
ВЯ	— Вопросы языкознания
ГАКК	— Государственный архив Краснодарского края
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДБ	— Древности Боспора
ИАА	— Историко-археологический альманах
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИКИАИ	— Известия Кавказского института археологии и истории
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МАД	— Материалы по археологии Дагестана
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России
МИАК	— Материалы и исследования по археологии Кубани
МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
МИСК	— Материалы по истории Северного Кавказа
МКА	— Материальная культура Азербайджана
МУК	— Муниципальное учреждение культуры
НМЦА РГПУ	— Научно-методический центр Ростовского государственного педагогического института
ОАК	— Отчеты археологической комиссии
РА	— Российская археология
РАН	— Российская Академия наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГУ	— Ставропольский государственный университет
СМАА	— Сборник материалов по археологии Адыгеи
СОГОМИАЛ	— Северо-Осетинский государственный объединенный музей истории, археологии и литературы
СЭ	— Советская этнография
ТАЭ	— Таганрогская археологическая экспедиция
ТГЛИАМЗ	— Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник,
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Албегова (Царикаева)
Зарина Хаджи-Муратовна** — к.и.н., н.с. отдела полевых исследований ИА РАН
- Вальчак Сергей Борисович** — к.и.н., н.с. отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН
- Виноградов А.Ю.** — к.и.н., доцент НИУ Высшая школа экономики, с.н.с. Института всеобщей истории РАН
- Водолажская Лариса Николаевна** — н.с. Южного Федерального Университета (г. Ростов-на-Дону)
- Гармашов Алексей Иванович** — специалист ГАУК РО «Донское наследие» (г. Ростов-на-Дону)
- Джопуа Аркадий Иванович** — к.и.н., директор Абхазского государственного музея, с.н.с. отдела археологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (г. Сухум)
- Долгополов Константин Владимирович** — н.с. дореволюционного отдела МБУК «Армавирский краеведческий музей»
- Дударев Дмитрий Сергеевич** — аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии
- Дударев Сергей Леонидович** — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирской государственной педагогической академии, Заслуженный деятель науки Кубани, академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа
- Жупанин Святослав Олегович** — н.с. литературного отдела КГИАМЗ (г. Краснодар).
- Засухин Роман Валерьевич** — к.и.н., зав. отделом новой и новейшей истории МБУК «Армавирский краеведческий музей»
- Зеленский Юрий Викторович** — с.н.с. отдела археологических фондов КГИАМЗ (г. Краснодар).
- Ковалевская Вера Борисовна** — д.и.н., в.н.с. отдела теории и методики ИА РАН
- Ларенок Вера Алексеевна** — научный сотрудник НП «ЮЖАРХЕОЛОГИЯ» (г. Ростов-на-Дону)
- Ларенок Павел Анатольевич** — н.с. НП «ЮЖАРХЕОЛОГИЯ» (г. Ростов-на-Дону)

- Мунчаев Рауф Магомедович** — чл.-кор. РАН
- Невский Михаил Юрьевич** — н.с. Южного Федерального Университета (г. Ростов-на-Дону)
- Новичихин Андрей Михайлович** — к.и.н., заместитель заведующего Анапским археологическим музеем по научной работе
- Нюшков Валентин Александрович** — к.и.н., с.н.с. Отдела археологии Абхазского государственного музея, н.с. Отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (г. Сухум)
- Осипова Нана Абеловна** — н.с. МБУК «Армавирский краеведческий музей»
- Прокопенко Юрий Анатольевич** — д.и.н., профессор кафедры культурологии и искусств ФГАОУ ВПО «Северокавказский федеральный университет» (г. Ставрополь)
- Пьянков Алексей Васильевич** — в.н.с. ООО «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция» (г. Краснодар)
- Пылков Олег Сергеевич** — к.и.н., старший преподаватель филологического факультета, кафедры философии, права и социально-гуманитарных дисциплин Армавирской государственной педагогической академии
- Туаллагов Алан Ахсарович** — д.и.н. зав. отделом археологии УРАН СОИГСИ им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и правительства РСО-Алания
- Хачатурова Евангелина Анатольевна** — зав. отделом археологических фондов КГИАМЗ (г. Краснодар)
- Хмара Евгений Владимирович** — историк, краевед, свободный исследователь
- Чхаидзе Виктор Николаевич** — к.и.н., н.с. группы средневековой археологии евразийских степей ИА РАН

СОДЕРЖАНИЕ

От ответственного редактора..... 3

АРХЕОЛОГИЯ

- Водолажская Л.Н., Ларенок П.А., Невский М.Ю.* Солнечные часы эпохи бронзы из срубного погребения могильника Таврия-1 4
- Джопуа А.И., Ньюшков В.А.* Бронзолитейные печи на рубеже поздней бронзы и раннего железного века в Абхазии 15
- Дударев С.Л.* О культе железа у народов Центрального Предкавказья и бассейна р.Терека в эпоху бронзы – раннего железа в свете данных кавказской и переднеазиатской археологии и этнографии 23
- Вальчак С.Б., Хачатурова Е.А.* Коллекция предметов раннего железного века, поступившая в Краснодарский музей-заповедник..... 32
- Гармашов А.И., Ларенок В.А.* Несколько заметок о раскопках участков некрополей двух меотских городищ на территории Ростова-на-Дону
- Ковалевская В.Б., Албегова З.Х.* Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой как исторический источник (таксоны 9-17) 40
- Пьянков А.В.* Керамический сосуд с антропоморфными деталями из фондов Краснодарского музея-заповедника..... 66
- Новичихин А.М.* Детские погребения средневекового могильника Андреевская Щель 71
- Туаллагов А.А.* Аланские замки 90
- Виноградов А.Ю., Чхаидзе В.Н.* «Шутливая» греческая надпись из византийской Матархи 91

ИСТОРИЯ И МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

- Зеленский Ю.В.* К вопросу о пребывании половцев в Тмуторокани и связях половцев с Тмутороканью 123
- Пылков О.С.* Крепость Прочный Окоп и её роль в освоении и интеграции Кубанских земель в состав Российской Империи 126
- Хмара Е.В.* Декабрист В.С.Толстой на Кубани: некоторые уточнения биографии 132
- Жупанин О.С.* Стратегические планы покорения закубанских горцев и создание Геленджикской кордонной линии в 30-40 гг. XIX века 139
- Дударев Д.С.* Женщина-казачка в горской неволе: о восприятии иномира «кавказской пленницей» 159
- Засухин Р.В.* Целевая винтовка системы Аядт из коллекции Армавирского краеведческого музея..... 166
- Прокопенко Ю.А.* Особенности использования фотографии в археологии и краеведении на Ставрополье и Кубани в конце XIX – начале XX в. 168
- Осипова Н.А.* К истории социального положения низового звена служащих Владикавказской железной дороги в конце XIX – начале XX века (по материалам из фондов Армавирского краеведческого музея) 173
- Долгополов К.В.* К вопросу о состоянии медицинской помощи у иногороднего населения Кубани в конце XIX – начале XX в. 177

Историко-археологический альманах Выпуск 13

Научное издание

Тех. редактор Алексей Пьянков
Корректор Марина Скорик
Компьютерное макетирование Надежда Вольная

Подписано к печати 00.00.2015 г.
Формат 60 x 90 (1/8).
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 00. Уч.-изд. л. 00,0. Тираж 300 экз.